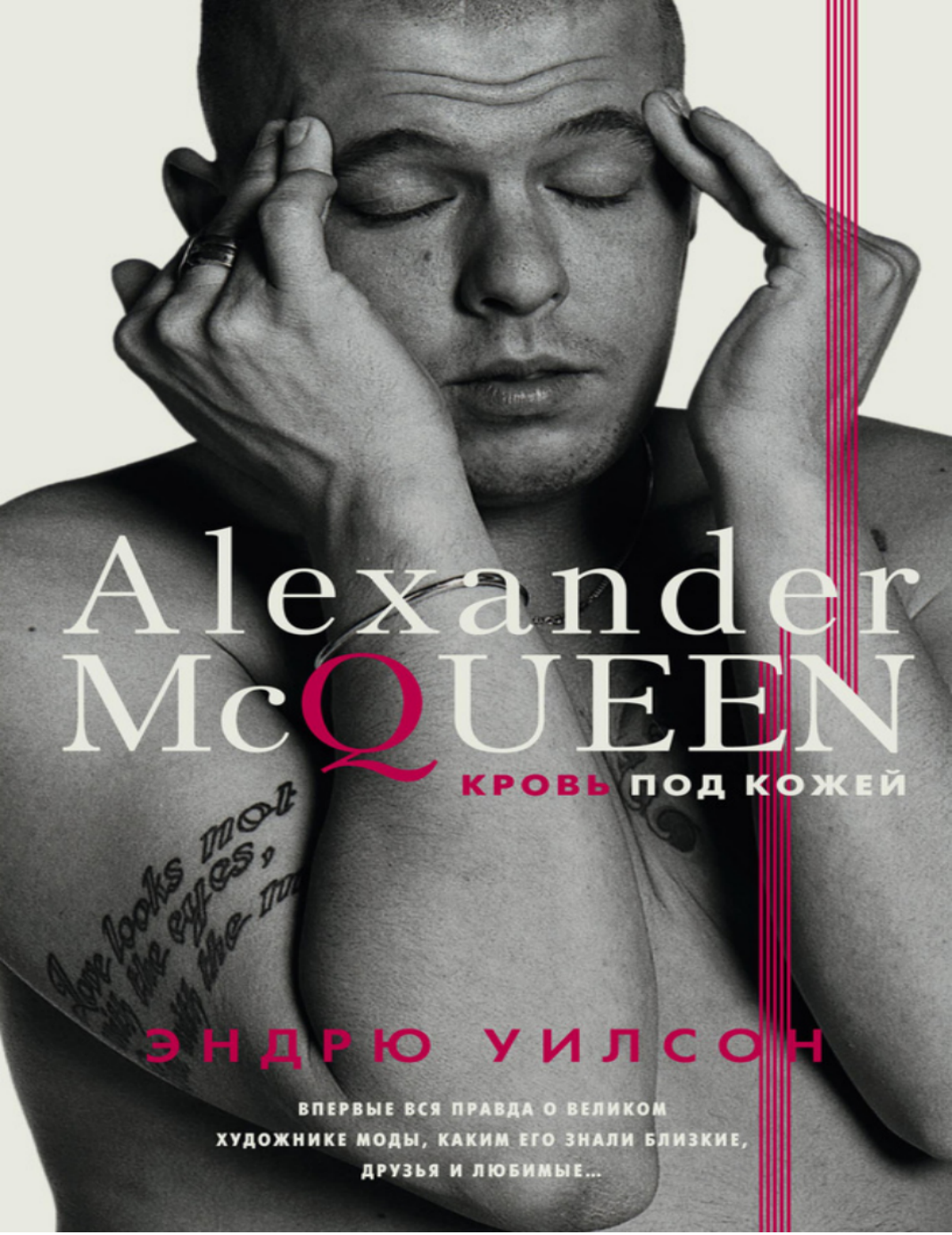

Alexander McQUEEN

КРОВЬ ПОД КОЖЕЙ

ЭНДРЮ УИЛСОН

ВПЕРВЫЕ ВСЯ ПРАВДА О ВЕЛИКОМ
ХУДОЖНИКЕ МОДЫ, КАКИМ ЕГО ЗНАЛИ БЛИЗКИЕ,
ДРУЗЬЯ И ЛЮБИМЫЕ...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александр Маккуин – прославленный модельер, который четыре раза, с 1996 по 2003 год, удостоился звания лучшего дизайнера Великобритании, а в 2003 году – лучшего дизайнера мира и в этом же году стал командором ордена Британской империи. Его называют человеком-легендой, человеком-загадкой, enfant terrible мира моды. Он не просто незаурядная личность, но ниспровергатель традиций и образец гения, выходящего за все дозволенные рамки. И это касается не только его шокирующего творчества, но и личной жизни, скандальной и драматичной, как страшная сказка.

- Эндрю Норман Уилсон
  -
  - Вступление
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Послесловие
  - Благодарность
  - Женская одежда марки Alexander McQueen
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142

- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186

- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230

- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274

- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318

- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362

- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406

- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450

- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494

- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538

- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582

- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626

- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670

- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714

- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758

- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802

- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846

- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883
- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890

- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927
- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934

- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971
- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978

- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012

Эндрю Норман Уилсон
Александр Маккуин. Кровь под кожей

«Хотите знать, кто я, – смотрите мои работы», – сказал как-то Александр Маккуин – художник, одержимый смертью и зрелищем. И часто критики воспринимали его жесткие, даже безжалостные показы как демонстрацию насилия и женоненавистничества. Но Э. Уилсон расценил его наиболее вызывающие наряды как «броню» женщины, ее потенциальную силу, продемонстрированную на «портняжном поле битвы».

The New Yorker

ANDREW WILSON
Alexander McQueen
BLOOD BENEATH THE SKIN

Иллюстрация на обложке: Michael Birt / Contour by Getty Images / Gettyimages.ru

Copyright © 2015 by Andrew Wilson
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

Вступление

Утром в понедельник 20 сентября 2010 года ступени собора Святого Павла в Лондоне превратились в модный подиум. К собору подкатывали блестящие черные машины, из них выходили красавицы, «почти все в траурных туалетах в дань уважения».[1] Кейт Мосс приехала в черном кожаном платье и куртке-смокинге с большим вырезом, обнажающим полоску загорелой кожи (одна журналистка назвала его «вопиюще неуместным декольте»[2]). Наоми Кэмпбелл вышла из машины в жакете из черных перьев и сапогах с «витыми» позолоченными каблуками. Из-под черного пальто Сары Джессики Паркер виднелось сказочно красивое платье кремового цвета. Дафни Гиннесс демонстрировала черные сапоги на тридцатисантиметровой платформе; она шла с трудом и один раз чуть не упала. Знаменитости присоединились к полутора с лишним тысячам собравшихся в прославленном соборе работы Кристофера Рена, чтобы почтить память одного из самых известных и скандальных британских модельеров. Друзья и родные называли его Ли, все остальные – Александром Маккуином. Его считали «хулиганом» и enfant terrible мира моды.[3]

После того как собравшиеся заняли свои места, органист исполнил «Нимрода» из Вариаций на собственную тему «Загадка» Эдварда Элгара. Одна из четырнадцати вариаций на загадочную тему пришлась вполне к месту. «Загадочный» мотив Элгара, то, что сам композитор называл «зашифрованной темой», потому что «главный персонаж так и не появляется на сцене», вполне соответствовал личности того, чье незримое присутствие ощущалось в соборе на протяжении всей церемонии.

Маккуина часто называли человеком-загадкой. «L'enfant terrible. Хулиган. Гений. Жизнь Александра Маккуина представляла собой увлекательную историю, – написал после его смерти один из комментаторов. – Немногие понимали самого выдающегося модельера Великобритании, впечатлительного мечтателя, который во многом переосмыслил само понятие моды».[4]

Стилист Кэти Ингланд, много лет проработавшая с Маккуином (она пришла на поминальную службу вместе с мужем, поп-звездой Бобби Гиллеспи), назвала Маккуина «весьма закрытым человеком… который сам изолировал себя, отстранялся от других»,[5] а Трино Веркаде, давняя сотрудница компании McQueen, сказала, что «Ли определенно все больше делался интровертом и в последнее время мог терпеть рядом с

собой совсем немногих».[6] Хотя, по мнению одной колумнистки, Маккуину «понравилась бы поминальная служба… обладавшая всеми признаками театрализованного шоу и своей прочувствованностью, церковной пышностью и красотой напоминавшая его модные показы»,[7] сам дизайнер вряд ли с удовольствием слушал бы многочисленные панегирики в свой адрес. Хотя он называл себя «треплом из Ист-Энда»[8] и не сомневался в своих способностях, он был таким застенчивым, что в конце каждого своего показа выходил на подиум совсем ненадолго, а потом сразу уезжал домой или на ужин с друзьями. «Он бы изумился, узнав, как высоко его ценят, – заметила его сестра Джеки. – А в конце подумал: «Да ведь я просто Ли».[9]

Служба началась ровно в одиннадцать часов – в отличие от многих показов Маккуина, славившегося вечными задержками и опозданиями. Проповедь прочел канцлер-каноник собора, преподобный Джайлс Фрейзер. «Его жизнь проходила на виду, но его можно назвать не столько броским, сколько беззащитным и скромным», – сказал он. Фрейзер в золотой с белым ризе, инкрустированной стразами Сваровски – такие ризы были заказаны к трехсотлетию собора, – напомнил собравшимся о достижениях Маккуина: четыре раза, с 1996 по 2003 год, его называли лучшим дизайнером Великобритании. В 2003 году его назвали лучшим дизайнером мира; в том же году он стал командором ордена Британской империи. «Воздадим хвалу его творческому уму, его таланту организатора и способности шокировать». Далее Фрейзер упомянул преданность Маккуина друзьям, его любовь к животным (особенно к трем собакам, пережившим его) и его «трудный характер» – должно быть, в зале невольно улыбнулись те, кому довелось испытать на себе выпады его острого языка. «Когда ему требовались поддержка и уединение, он находил их в кругу своей семьи, – продолжал Фрейзер. – Вот почему, несмотря на блеск окружавшего его мира, он никогда не забывал о том, что родился в лондонском Ист-Энде, и о том, сколь многим он обязан своим близким».[10]

Представители семьи Маккуин сидели в соборе отдельно от знаменитостей и моделей. Эндрю Гроувз, один из бывших возлюбленных Маккуина, заметил, что таксисту Роналду, отцу дизайнера, и его братьям и сестрам явно не по себе. «На службе они чувствовали себя не в своей тарелке, – заметил Гроувз, который в 1990-х годах работал художником-модельером под псевдонимом Джимми Джамбл, а позже стал преподавателем моды и дизайна. – Мне показалось, что они не в полной мере осознали, кем был Ли. Они как будто все время удивлялись, из-за чего, собственно, такой шум».[11] Элис Смит, консультант

модельного агентства, которая дружила с Маккуином с 1992 года, обратила внимание на то, как по-разному обуты собравшиеся. «Поминальная служба произвела на меня очень странное впечатление; его родственники совсем не сочетались с представителями модной тусовски. Я все время поглядывала на их ноги. Родные Ли пришли в практичной уличной обуви. А по другую сторону прохода сидели люди в фантастически дорогих сапогах и туфлях, надетых словно напоказ, для хвастовства».

Замеченный контраст символизирует один из парадоксов, какими отмечена жизнь Маккуина, одно из противоречий, которые модельер так до конца и не разрешил. «В этом была его трудность, – заметила Элис Смит. – Его родные были порядочными, славными людьми, которые старались жить достойно. С другой стороны его окружал совершенно безумный мир».[12] В тот день обстановка была довольно неловкой, так как почтить память Маккуина собрались представители различных клик и группировок – супермодели, актрисы, знаменитые модельеры, семья из лондонского Ист-Энда, друзья-геи с Олд-Комптон-стрит, – которые раньше не пересекались. «Там было странное смешение людей, и никто из них друг с другом не общался, – вспоминает Эндрю Гроувз. – На модном показе все знают, где чье место. Когда я иду на показ, я знаю, что, поскольку работаю в сфере образования, мое место – справа в заднем ряду, а, например, место Анны [Винтур. – *Э. У.*] – в первом ряду. Какое-то время мы с ней находимся в одном и том же мире, хотя в действительности этого нет».[13]

После молитвы «Отче наш» собравшиеся встали и спели гимн «Я обещаю тебе, моя страна». Две строки гимна Маккуин наверняка счел бы особенно трогательными: «И есть страна другая, я слышал о ней давно / Самая дорогая для тех, кто любят ее, самая великая для тех, кто знают ее». Всю жизнь дизайнер искал свою «другую страну». Маккуин мечтал о таком месте, надеялся, что другая страна, замысел, человек, платье, сон или наркотик изменят, преобразят его. В конечном счете больше всего – хотя он не скрывал растущей зависимости от кокаина – он зависел от полета фантазии. Ему хотелось когда-нибудь освободиться от своего тела, от воспоминаний, от горестей и обид, от своего прошлого.

Маккуин считал, что любовь наделена силой преображения. «Конечно, у него есть и темная сторона, – говорила Кэти Ингланд за три года до смерти своего друга. – Но он – настоящий романтик. Ли мечтает. Он все время находится в поисках любви, понимаете? Он ищет любовь, и его представления о любви и любовных отношениях… простираются гораздо выше и дальше

нашей действительности».[14]

На правом предплечье у Маккуина была татуировка – слова Елены из шекспировского «Сна в летнюю ночь»: «Разум – вот глаза любви». Эта цитата служит ключом к пониманию как человека Ли Маккуина, так и «звездного» модельера Александра Маккуина. По словам Эндрю Болтона, куратора выставки Savage Beauty («Дикая красота»), которая проводилась в Метрополитен-музее в 2011 году, и консультанта одноименной выставки в Музее Виктории и Альберта, «Елена считает, что любовь обладает властью преображать нечто уродливое в нечто красивое, потому что любовь движима субъективными ощущениями личности, а не объективными оценками внешности. Маккуин не только разделял это мнение; оно занимает центральное место в его творчестве».[15]

Необычайному таланту Маккуина-модельера посвятила свою речь Анна Винтур, главный редактор американского Vogue. Она пришла на прощание в черном пальто с золотой вышивкой, созданном Маккуином.[16] «Он был сложным и одаренным молодым человеком, который в детстве больше всего на свете любил наблюдать за птицами с крыши многоквартирного дома на востоке Лондона… Он оставил нам особое наследство, талант, который парит над нами подобно птицам из его детства». На протяжении всей жизни, начиная с выпускной коллекции в Центральном колледже искусств и дизайна Святого Мартина и заканчивая смертью в феврале 2010 года, Маккуин обуздывал «свои мечты и своих демонов». Поэтому нет ничего удивительного в том, что последняя коллекция Маккуина, над которой дизайнер работал перед смертью и которую Винтур описала как битву между «тьмой и светом», получила неофициальное название Angels and Demons («Ангелы и демоны»).[17] За три года до смерти Маккуин говорил в интервью французскому журналу Numero: «Я качаюсь между жизнью и смертью, радостью и грустью, добром и злом».[18] «Ли сочетал в себе… поверхностность моды и возвышенную красоту смерти, – сказал его друг художник Джейк Чепмен. – Его творчество получило такой резонанс именно из-за саморазрушения. Мы наблюдали за тем, как он гибнет».[19] Несмотря на черный призрак депрессии, затемнивший его последние годы, Маккуин обладал неукротимой энергией и жаждой жизни. Он был бесстыдным гедонистом; одинаково любил и дорогую икру, и тосты с консервированной фасолью, которые поглощал дома, сидя на диване, во время сериала «Улица Коронации». Он любил и виски «Мейкерс Марк», и диетическую колу, и сомнительное гей-порно, и анонимный секс. Поэтому показалось вполне

уместным, что на поминальной службе после Анны Винтур композитор Майкл Найман исполнил свою музыкальную тему The Heart Asks Pleasure First к фильму Джейн Кэмпион «Пианино» 1993 года. Героиня фильма Ада Макграт, которую сыграла Холли Хантер, – немая, которая не говорила с шести лет и выражала свои чувства посредством игры на пианино. Красноречие не принадлежало к числу достоинств Маккуина. «Я видела его совершенно пьяным на вечеринках… когда он нес какую-то чушь, не понимал, что говорит, – вспоминает диктор и литератор Джанет Стрит-Портер,[20] – но свои мысли и чувства он выражал посредством созданных им замечательных вещей и великолепных театрализованных представлений». «В работе видишь самого автора, – сказал однажды Маккуин. – А в моей работе – мое сердце».[21]

Ювелир Шон Лин, работавший с Ли на нескольких коллекциях, сказал: «Я видел, как ты рос, как переходил границы и добивался успеха». Он рассказал, что, во время недавней поездки в Африку, он посмотрел на небо и спросил: «Где ты, Ли?» «Как только эти слова слетели с моих губ, с неба упала звезда. Ты мне ответил. Ты тронул даже звезды, как нашу жизнь».[22] Кроме того, Лин вспоминал «заразительный смех, храброе сердце, память как у слона и ярко-голубые глаза» своего друга.[23]

После речи Лина начался сбор средств в пользу Фонда Терренса Хиггинса, Баттерсийского приюта для собак и кошек и фонда «Голубой крест». Все эти благотворительные учреждения были хорошо знакомы Маккуину. Зазвучали берущие за душу голоса участников Лондонского евангельского хора: «О, благодать, спасен тобой / Я из пучины бед; / Был мертв и чудом стал живой, / Был слеп и вижу свет». Благодатью Маккуина, тем, что дарило ему надежду – по крайней мере, в ранние годы, – стала мода.

Элис Смит вспоминает Ли молодым выпускником, у которого было много свободного времени, когда он осаждал ее контору на Сент-Мартинс-Лейн и «брал довольно серьезный [специализированный. – *Э. У.*] журнал «Дрейперз рекорд»… листал страницы, пока не доходил до раздела «Мода! Мода! Мода!». Мы тогда говорили, что это «не итальянский Vogue».[24]

После того как хор допел «О, благодать», слово взяла Сьюзи Менкес, тогдашний фешен-редактор International Gerald Tribune. Она говорила о даре предвидения Маккуина. «Вспоминая Маккуина, я думаю о его храбрости, безрассудстве и полете фантазии, – сказала она. – Но все время возвращаюсь к красоте, обтекаемому изяществу его вещей, к невесомости набивного шифона, причудливым животным и растительным орнаментам,

доказывавшим, что дизайнеру небезразлична судьба всей планеты, а не только планеты моды». Она вспоминала первую встречу с Ли, тогда сердитым и довольно полным молодым человеком. Он стоял в своей ист-эндской студии «по колено в лоскутах материи и дико кромсал ткань». Позже Маккуин похудел и «обтесался». Сьюзи вспоминала, как он «радостно кудахтал», когда редакторы модных журналов ринулись за кулисы, чтобы поздравить его после поистине исключительного показа. «Воображение и талант организатора шоу никогда не заглушали ни его безупречного кроя, ни тонкой грации, которой он научился во время парижского периода, – сказала она. – Я, как и он сам, не сомневалась в том, что он художник, который лишь волей случая работает с одеждой. Его коллекции были ярчайшими явлениями… И тем не менее его творчество было глубоко личным».

Менкес, побывавшая на показах всех коллекций Маккуина, вспомнила свой последний разговор с дизайнером, который состоялся в Милане в январе 2010 года. «Но ведь кости прекрасны, если их художественно расположить!» – воскликнул он, стараясь объяснить, почему «сшитые на заказ костюмы… сделанные на заказ обои и полы как будто взяты из склепа». По словам Менкес, не следовало и удивляться его позднейшим увлечениям смертью, так как «предвестники смерти и разрушения появляются во всех его выдающихся коллекциях». Перед тем как уйти, Менкес процитировала слова Маккуина, которые он когда-то сказал ей о себе; как ни странно, дизайнер говорил о себе в прошедшем времени, как будто уже умер: «Гнев в моем творчестве отражал страх, беспокойство и тревогу в личной жизни. Со стороны кажется, будто я стараюсь примириться с тем, кем я был в жизни. Речь всегда шла о душе… Мое творчество отражает мою биографию как человека». Хотя Менкес призвала собравшихся поминать Маккуина словами из стихотворения Китса «Ода к греческой вазе»: «Красота есть правда, правда – красота – смертным одно лишь это надо знать», – друзьям и родственникам трудно было забыть, как умер сорокалетний дизайнер.[25]11 февраля 2010 года, накануне похорон матери, он покончил с собой в своей квартире в лондонском квартале Мейфэр.

Меррей Артур, бойфренд Ли в 1996–1998 годах, был подавлен горем и когда узнал о смерти Маккуина, и во время заупокойной службы. «Помню, я не мог опустить голову… Я должен был все время смотреть перед собой, потому что знал: если я опущу голову, хлынут слезы, и я задохнусь».[26] Как и многие присутствующие, он признался, что особенно тяжело ему

было слушать Бьорк, которая вживую исполнила Gloomy Sunday: «Мрачное воскресенье я провожу с тенями. / Мое сердце и я решили со всем этим покончить».

Бьорк, в «легкой серо-коричневой юбке, с парчовыми крыльями»,[27] напоминала одно из тех гибридных созданий, которых так любил Маккуин: полуженщина-полуптица, раненый Ариэль, который поет где-то в темных глубинах фантазии.

Стихи к песне написал венгр Ласло Явор; одно время Gloomy Sunday (Szomorú vasárnap) называли «Венгерской песней самоубийц». Стихи, видимо, отражали и ту внутреннюю пытку, которая мучила Маккуина, и отчаяние, которое испытывают «те, кого он оставил»; многие близкие друзья и родственники Маккуина признавались, что после его смерти также испытывали склонность свести счеты с жизнью. «Мрачное воскресенье» можно считать посмертной данью дизайнера его подруге и наставнице Изабелле Блоу, которая страдала депрессией и покончила с собой в мае 2007 года, выпив гербицид. После смерти Изабеллы Маккуину все время хотелось связаться с ней в ином мире. Он тратил сотни фунтов на медиумов и экстрасенсов в попытке поговорить с ней. «Ли был одержим мыслью о жизни после смерти, – сказал Арчи Рид, который познакомился с Ли в 1989 году и через десять лет стал его бойфрендом. – У меня сложилось впечатление, что они с Иззи буквально рвались к смерти».[28]

Изабеллу и Ли, аристократку с лицом средневековой святой и сына таксиста из Ист-Энда, полного, с зубами, похожими, по словам Блоу, «на Стоунхендж», связывали сложные отношения.[29] Их дружба была основана на любви к преобразующей силе моды, ее способности изменять внешность и привычный образ мыслей тех, кто кажется себе уродом, не таким, как все, – и для тех, кто не в ладах с миром. Они оба понимали, что мода – не только поверхностное явление. «Для меня метаморфоза немного похожа на пластическую операцию, только не такая радикальная, – говорил Маккуин в 2007 году. – Я пытаюсь добиться того же результата с помощью моих вещей. Но в конечном счете я работаю для того, чтобы преобразить не столько тело, сколько склад ума».[30] В конечном счете мода не спасла ни Изабеллу, ни Ли; более того, многие считают, что именно фешен-индустрия внесла свой вклад в их гибель. По словам Маккуина, Изабелла «неоднократно говорила, что мода ее убивает». Правда, затем он добавлял: «Она еще допускала, что убить можно по-разному».[31] То же самое можно сказать и о самом Маккуине.

После молитв, прочитанных Филипом Трейси, преподобным Джейсоном Ренделлом, племянником дизайнера Гэри Джеймсом Маккуином и Джонатаном Аккеройдом, исполнительным

директором компании Alexander McQueen, Лондонский евангельский хор исполнил гимн «Может быть, Бог пытается что-то тебе сказать». Друзья и родственники встали для благословения. «Идите с миром, – напутствовал их каноник, – хорошего держитесь; никому не воздавайте злом за зло». Затем по проходу прошел одинокий волынщик Доналд Линдсей в сшитом Маккуином килте. Он повел процессию к выходу под звуки мелодии из фильма «Храброе сердце». После того как все вышли, к нему присоединились еще двадцать волынщиков в килтах. «Все напоминало какой-нибудь его показ, – вспоминает Эндрю Гроувз. – Мы ругались – надо же было подобрать музыку, которая нажимала на все кнопки и дергала за все струны!»[32]

Маккуина нельзя было назвать интеллектуалом; его официальное образование, мягко говоря, грешило пробелами. Однако он обладал врожденной способностью пробуждать нужные эмоции и манипулировать ими. «Не хочу великосветского приема с коктейлями; предпочитаю, чтобы на выходе с моих показов зрителей рвало, – сказал он однажды. – Люблю крайности!»[33] Его взгляды отличались оригинальностью. «Он был единственным в своем роде, и прощание стало идеальным – оно пробуждало радость и горечь», – сказала Сара Джессика Паркер после церемонии.[34] Кейт Мосс сказала просто: «Я любила его». По словам Шона Лина, Маккуин «понятия не имел, сколько народу его любит».[35] Однако нашлись и такие, кто испытывал разочарование. Некоторые чувствовали себя преданными и сердились на него. Иногда такие эмоции захлестывали именно тех, кто любил его всем сердцем. «Он – тот, кому я бы, наверное, простила все, – призналась Аннабелл Нейлсон, которая вместе с некоторыми его друзьями участвовала в организации церемонии. – Наверное, людям непростым больше прощается».[36] По его же собственному признанию, Маккуин был «романтиком-шизофреником», который часто сражался с самим собой.[37]

Творчество никогда не было для Маккуина трудным делом – он говорил, что может придумать коллекцию всего за два дня, – потому что темой всегда служила его душа, ранимая и не стесненная условностями. «Мои коллекции всегда автобиографичны, – говорил он в 2002 году, – они тесно связаны с моей сексуальной ориентацией и мирят меня с тем, какой я. Своими коллекциями я как будто изгоняю дьявола. Они связаны с моим детством, с тем, что я думаю о жизни, и с тем, как меня научили думать о жизни».[38] Его творчество, по словам Джудит Терман из «Нью-йоркера», можно рассматривать как «своего рода исповедальную лирику». «Психотерапевты, которые имеют дело с

детьми, часто пользуются игрой в куклы как средством для того, чтобы добиться от них рассказов об их жизни и о чувствах, – пишет Терман. – Создается впечатление, что своеобразная игра в куклы с переодеванием была таким средством для Маккуина».[39]

Его жизнь обладает многими чертами страшной сказки или мифа. Это история о застенчивом, необычном мальчике из бедной рабочей семьи, который с помощью своего готического воображения превратился в яркую звезду на небосклоне моды – ко времени смерти, в сорокалетнем возрасте, он был обладателем 20 миллионов фунтов. Но на пути к славе и успеху он отчасти растерял свою невинность. По словам одного современника, жизнь Маккуина можно сравнить с «современной сказкой с примесью мрачной древнегреческой трагедии».[40] Нет ничего удивительного в том, что один из экспонатов его посмертной коллекции «Ангелы и демоны», изящное пальто, «сшитое из лакированных золотых перьев»,[41] намекает одновременно и на выдающегося английского резчика-декоратора Гринлинга Гиббонса, который творил свои волшебные скульптуры в соборе Святого Павла, и на миф об Икаре, которого отчаянная мечта толкнула слишком близко к Солнцу. Птицы проходят через всю недолгую жизнь Маккуина: от хищных птиц, за которыми он наблюдал в детстве с крыши многоэтажки за родительским домом, до красивых принтов ласточек, придуманных для коллекции The Birds («Птицы») (весна/лето 1995 года) под влиянием иллюстраций М. К. Эшера и одноименного фильма Хичкока. В глостерширском поместье «Хиллз» («Холмы») Изабеллы Блоу и ее мужа Детмара он учился обращаться с ястребами, пустельгами и соколами. «Он дикая птица; по-моему, он заставляет одежду летать», – говорила о своем друге Изабелла.[42]

Другие развили метафору. «Он ведет себя как птица: дерганый, нервный и редко смотрит в глаза», – написала о дизайнере журналист Васси Чемберлен.[43] Довольно часто Маккуин, которому все быстро надоедало, вел себя как человек с синдромом дефицита внимания. Так, он почти всегда раньше времени возвращался из отпуска, который проводил на экзотических курортах. Подобно птице или дикому зверю, он терпеть не мог мысли о том, чтобы его сдерживали или запирали. В самых дерзких своих творениях он играл с гибридами и мутантами; он считал, что в ДНК современного человека сохранилось многое от первобытного дикаря. Его любимыми книгами были «120 дней Содома» маркиза де Сада и «Парфюмер» Патрика Зюскинда, книги, в которых речь идет о пограничных состояниях и темных сторонах человеческой сущности. Маккуин

обогатил на первый взгляд поверхностный мир моды классическими фрейдистскими понятиями сновидений и бреда, тотема и табу, эго и подсознания, цивилизации и ее противоречий. «Я думаю не так, как средний человек на улице, – говорил он. – Иногда у меня довольно извращенные мысли».[44] Он отчетливо представлял в реальности извращения и пороки, но свои мрачные мысли закутывал в дорогие ткани и маскировал великолепно скроенными костюмами. Его вещи были необычайно красивы и, вопреки частым обвинениям в женоненавистничестве, невероятно вдохновляющими для женщин. «Когда вы видите женщину в костюме от Маккуина, вы чувствуете исходящую от нее силу… – говорил он. – Такой костюм как будто говорит: «Держитесь от меня подальше».[45]

В книге вы прочтете страшную сказку, какой была жизнь Маккуина, – от трудного детства, проведенного в лондонском Ист-Энде, до гедонистического мира моды. Ближайшие к Маккуину люди – его родственники, друзья и любовники – впервые рассказали о том, которого они знали, о надломленном, не уверенном в себе человеке, о потерянном мальчике, который дорого заплатил за то, чтобы получить право войти в мир, который в конечном счете его погубил.

«Под каждым слоем кожи есть кровь», – сказал однажды Маккуин.[46] Цель данной биографии – проникнуть под кожу и обнажить истоки его гения, а также показать связь между его мрачным творчеством и еще более мрачной жизнью. «Маккуин совершенно не похож на то, чего от него ожидаешь, – предупреждала одна комментатор за шесть лет до его смерти. – Он похож на созданное им самим ущербное произведение искусства».[47]

Глава 1

В истории острова Скай много жестокости и злодеяний.

Джойс Маккуин

17 марта 1969 года, когда Ли Александр Маккуин появился на свет в больнице Льюишам на юго-востоке Лондона, он весил всего пять фунтов десять унций (около 2,5 кг). Врачи предупредили его мать Джойс: из-за того что ребенок такой маленький, его, возможно, следует поместить в инкубатор. Но скоро он взял грудь, и мать с младенцем вернулись в тесный семейный дом по адресу 43 Шиффорд-Пат, Уайнелл-Роуд, Форест-Хилл. Хотя Джойс и Рон, по словам их сына Тони, «всегда говорили, что он [Ли. – *Э. У.*] был единственным, к кому они стремились», рождение младшего из шестерых детей не сгладило напряженной атмосферы в доме Маккуинов.

«В 1969 году, сразу после того, как мама родила, у отца случился нервный срыв, – вспоминал брат Ли, Майкл Маккуин. – Он слишком много работал, брал сверхурочные. Шестеро детей для водителя грузовика – пожалуй, это слишком».[48] Его брат Тони, которому в то время исполнилось четырнадцать, помнит, как однажды отец стал неестественно тихим. «Он работал семь дней в неделю, он и дома-то почти не бывал, – сказал Тони. – Мама вызвала скорую, и его положили в больницу». Хотя в неопубликованной рукописи, составленной для детей, Джойс утверждает, что ее муж провел в лечебнице Кейн-Хилл в Кулсдоне всего три дня, по словам Тони, «с папой случился нервный срыв, и он на два года угодил в психиатрическую лечебницу».[49]

Лечебница Кейн-Хилл известна с викторианских времен; раньше она была огромным сумасшедшим домом, страшной психушкой, как ее представляют простые люди. Построенная Чарлзом Генри Хауэллом, изначально она называлась Третьей лечебницей для неимущих душевнобольных графства Суррей, потому что другие два лечебных учреждения графства, Спрингфилд и Бруквуд, были переполнены. «Кейн-Хилл была типичной лечебницей для своего времени; разных пациентов там содержали в разных отделениях. На первом этаже находились комнаты отдыха и общие спальни; на третьем и четвертом этажах в основном помещались отдельные палаты… Буйных запирали в палатах, а более разумные могли выходить на прогулку в парк… К 60-м годам XX века больница мало изменилась».[50] В Кейн-

Хилл лечились Ханна, мать Чарли Чаплина, а также сводные братья Майкла Кейна и Дэвида Боуи. Последний поместил изображение административного корпуса лечебницы на обложку своего американского альбома 1970 года «Человек, который продал мир».

Ли Маккуина образ сумасшедшего дома очень привлекал; мотивы психиатрической лечебницы отчетливо прослеживаются в ряде его коллекций, особенно Voss («Восс») (весна/ лето 2001). Кроме того, его чрезвычайно занимали легенды о подземной сети туннелей рядом с больницей Кейн-Хилл. Много лет предполагалось, что в замурованных туннелях находятся морг, тайная медицинская лаборатория для опытов и бомбоубежище на случай атомной войны. Правда оказалась куда более приземленной – туннели выкопали во время Второй мировой войны под бомбоубежища, а затем их перекупила компания по производству телескопов – сеть подземных камер «каким-то образом была связана с лечебницей, и загадочное ржавеющее оборудование подкрепляло страшные догадки и питало суеверия, окружавшие больницу».[51]

Через много лет после того, как лечебницу Кейн-Хилл закрыли, одна пара гуляла в бывшем больничном парке и вдруг увидела кипу выцветших желтых листков, остатков своего рода анкеты, которую наверняка заполнял Роналд Маккуин, когда был пациентом этого заведения. Многие из 51 утверждения, на которые пациенты должны были отвечать «да» или «нет», наверняка вызвали бы особый интерес у Ли: «Я не жил праведной жизнью», «Иногда мне кажется, что я должен ранить себя или других», «Иногда я злюсь», «Мне часто кажется, что я не понимаю, почему так зол и ворчлив», «Иногда я чувствую, что трудности накапливаются, и их столько, что я не могу их преодолеть», «У кого-то на меня зуб», «Надежнее никому не доверять», «Временами я испытываю сильное желание причинить кому-нибудь вред или шокировать».[52] Трудно понять, как повлиял нервный срыв Роналда на его младшего сына. Возможно, психотерапевт и сумел бы обнаружить связь между позднейшими проблемами с психикой у Ли и болезнью его отца. Стал ли Ли отождествлять свое рождение и само свое существование с безумием? Чувствовал ли мальчик своего рода подсознательную вину за то, что довел отца до психиатрической больницы? Несомненно одно: в попытке утешить и своего новорожденного сына, и себя Джойс изливала на Ли потоки любви. В результате связь между матерью и сыном окрепла. В детстве у Ли были красивые светлые кудряшки; на фотографиях того времени он выглядит настоящим ангелочком. «Он был любимчиком у мамы,

но не у отца, он немного смахивал на неандертальца из-за трудного детства», – сказал Майкл Маккуин.[53]

Когда Ли не исполнилось и года, семья переехала с юга Лондона на северо-восток, в район Стратфорда вблизи доков, в муниципальный дом. «Уроженцам Ист-Энда бывает трудно привыкнуть к южной стороне, – считает сестра Ли, Джанет Маккуин. – Говорят, старое дерево нельзя пересадить; так же было и с нами. Наверное, родители согласились только потому, что подвернулась возможность поселиться в доме, в новом доме».[54] Муниципальный дом номер 11 по Биггерстафф-Роуд был трехэтажной кирпичной секцией в ряду ленточной застройки; несмотря на четыре спальни, для большой семьи дом оказался маловат. «Мы, мальчики, спали там по трое в кровати, – вспоминает Тони Маккуин. – Мама, бывало, говорила: «Ты с какого краю хочешь спать?» – а я отвечал: «На мелководье, а то Ли все время писается».[55] Судя по снимкам из семейного архива, их жилье было типичным для того времени и для рабочего класса: узорчатое ковровое покрытие, обои на стенах, репродукции Констебла в рамках. За домом имелся небольшой мощеный садик с декоративным прудом и белой калиткой; выйдя за калитку, можно было попасть в общественный сквер, на другом краю которого стоял многоквартирный высотный дом.

Рон не мог работать в силу своего состояния, и денег в семье не хватало. Чтобы помочь родным, Джанет в пятнадцать лет бросила школу и устроилась на работу в фирму по импорту яичного порошка, в районе Лондонского моста. Тони вспоминает, как трудно им тогда жилось: «Мама давала мне деньги на автобус до работы Джанет; та отдавала мне свою зарплату, я вез ее домой, и мы с мамой отправлялись за покупками… Мама тоже работала: убиралась в домах по утрам и вечерам».[56] Когда Рона выписали из лечебницы Кейн-Хилл и он приехал в Стратфорд, он выучился на таксиста, чтобы можно было работать в удобное для него время. По словам Джойс, Рон отличался «замечательной силой воли, которая помогла ему выздороветь».[57] Он увлекся рыбалкой, снукером; спустя какое-то время начал немного больше зарабатывать. В 1970-х годах жизнь в Великобритании для многих простых семей, вроде Маккуинов, была довольно мрачной. В 1974 году два раза проводились общие выборы; страну сотрясали экономические и политические беспорядки. Обычным делом было отключение электричества (для коммерческого потребления ввели трехдневный лимит в неделю). Мусор не убирали неделями; количество безработных перевалило отметку в миллион человек (к 1978 году безработица выросла до полутора миллионов человек).

Маккуины привыкли много трудиться. В 1982 году Рон наконец выкупил дом у муниципалитета; он рассчитывал, что сыновья пойдут по его стопам, освоят надежные рабочие профессии и станут сантехниками, электриками, каменщиками или таксистами. Детей воспитывали строго, почти в викторианском духе. Если Рон видел, что дети «стремятся прыгнуть выше головы или выше своего положения», он старался спустить их с небес на землю, попутно подавляя их уверенность в себе. «Нас видели, но не слышали», – вспоминает Джеки, сестра Ли.[58] Когда Тони исполнилось четырнадцать, он объездил всю страну в грузовике с Роном. «Долго учиться мне не пришлось, – вспоминает он. – У нас с Майклом детство было коротким».[59] Бросив школу, Тони пошел работать каменщиком, а Майкл стал таксистом, как отец. Они родились в рабочей семье, и их отец считал, что стремление «прыгнуть выше головы» станет не только причиной внутреннего разлада, но и своего рода предательством по отношению к своим корням. Творчество в любом виде не поощрялось и считалось напрасной тратой времени: витать в облаках, конечно, не вредно, но мечты на хлеб не намажешь.

В такой семье родился Ли, чувствительный, умный ребенок, наделенный богатой фантазией. С самого начала мальчик-ангелочек стремился к чему-то большему; он лелеял желание, которое, как оказалось, он способен выразить через одежду. Когда ему было три года, он взял косметический карандаш в комнате сестер и нарисовал на голой стене Золушку «с тонкой талией и в пышном платье».[60] «Он рассказал о том, как нарисовал на стене Золушку, и я подумала, что это какое-то волшебство, – говорит друг Ли Элис Смит, которая несколько раз бывала в доме на Биггерстафф-Роуд. – Помню, он рассказывал, как мать в детстве наряжала его перед тем, как они собирались пойти в парк. Он посмотрел на брюки и куртку и сказал: «Мама, я это не надену». Джойс спросила почему, и он ответил: «Мне не идет».[61] Позже сестры начали советоваться с ним, что им надеть на работу. Постепенно младший брат превратился в их «ежедневного консультанта по стилю». «Меня с детства завораживал стиль, то, как люди самовыражаются через одежду», – говорил он.[62]

Когда Ли было три или четыре года, он играл один на верхнем этаже дома в спальне. Из окна открывался вид на «Луна-Пойнт», 23-этажное высотное здание на той стороне сквера. Он забрался на диванчик у окна и распахнул рамы настежь. В комнату вошла его сестра Джанет и увидела, как братишка высунулся в окно. «Под окном не было страховочной сетки, а он так высунулся, что едва не падал, – вспоминает она. – Я еще подумала: «Нет, ничего не говори». Я подошла сзади и схватила

его. Наверное, отругала его, ведь он мог выпасть из окна».[63] Судя по всему, Ли был озорным, энергичным мальчиком. Он брал у матери искусственную челюсть и в шутку вставлял себе в рот; то же самое он проделывал с куском апельсиновой кожуры, на котором предварительно вырезал зазубрины, похожие на зубы. Натягивал на голову чулки матери и пугал соседей. Бывало, он приходил с сестрами в местный плавательный бассейн, где участвовал в соревнованиях по синхронному плаванию. «Слышали бы вы, как наш тренер Сид кричал: «Ли… Ли Маккуин!» Он сидел под водой и смотрел на нас, – вспоминает Джеки. – А иногда натягивал гавайскую юбочку и в таком виде прыгал в воду. Он был такой забавный!»[64] Однажды Ли делал заднее сальто с бортика и ударился скулой; после происшествия у него осталась небольшая шишка.

После смерти Ли и Джойс альбомы с фотографиями, которые мать семейства хранила как сокровище, поделили оставшиеся пятеро детей. Маккуинам было особенно тяжело смотреть на детские фотографии ясноглазого, веселого Ли. Вот он обмотал голову белой тканью, правая нога забинтована, под левым глазом тени, изображающие синяк. В одной руке у него трость, а в другой – коробка шоколадных конфет. На шее висит табличка со словами из рекламы шоколадных конфет «Кэдбери»: «Все потому, что дама любит конфеты «Милк Трей». Много снимков сделано на состязаниях в воскресном лагере – на одном Ли держит приз, а на другом, где ему около трех лет, он танцует с девочкой, своей ровесницей. Светлые волосы падают на лицо; он радостно смеется. Еще на одной фотографии его держит на руках мужчина в костюме панды. Позже он начал стесняться. Так, на снимке, сделанном, видимо, в начальной школе, Ли улыбается, растягивая губы. Ему не хочется показывать выступающие и неровные передние зубы. Как-то в детстве Ли споткнулся о невысокую стенку на заднем дворе дома на Биггерстафф-Роуд и упал лицом вниз. «После этого он всегда стеснялся своих зубов», – вспоминает его брат Тони.[65] «Помню, когда он был маленький, он упал и ударился, выбил молочные зубы, а постоянные выросли искривленными, – говорит Питер Боуз, школьный друг, который знал Ли с пяти лет. – Передние зубы у него торчали, и он очень стеснялся их, потому что другие мальчишки издевались над ним, дразнили «тупицей» и так далее».[66]

Ли с детства знал, что не похож на других мальчиков, но суть и источник такой разницы были для него неясны. Мать вспомнила, что в ее младшем сыне странным образом сочетались поверхностная жесткость и необычная ранимость; она как могла старалась защитить его. «Он был маленьким толстячком из Ист-

Энда с кривыми зубами; на первый взгляд, никакими особенными достоинствами он не обладал, но все же у него был талант, и Джойс в него верила, – сказала Элис Смит. – Однажды он вспомнил слова Джойс. Она говорила младшему сыну: «Если тебе хочется что-то сделать, – вперед». Его обожали; у них с матерью были особые отношения – взаимное обожание».[67]

В детстве Ли как зачарованный наблюдал за тем, как мать разворачивает длинный свиток, украшенный вычурными гербами. Она показывала ему родословное древо, называла имена давно умерших предков и рассказывала о прошлом. Джойс очень увлекалась генеалогией; какое-то время она даже вела курсы генеалогии в Каннинге, в образовательном центре для взрослых. Она считала, что предки семьи по линии Маккуинов жили на острове Скай.

Ли все больше интересовала древняя история острова и роль, какую сыграли в ней его предки. В 2007 году они с Джанет поехали туда и посетили маленькое Килмурское кладбище – место упокоения героини Шотландии Флоры Макдональд, которая спасла от преследователей принца Чарлза Стюарта. Там же находилась могила некоего Александра Маккуина… В мае 2010 года на том же кладбище похоронили прах самого дизайнера.

Джойс много лет занималась семейной историей. Ей так и не удалось со всей определенностью доказать, что по линии мужа семья происходит с острова Скай. Но для ее младшего сына мечта оказалась лучше реальности – как и многое в его жизни. Слушая рассказы матери о жестокой истории Шотландии и о страданиях, причиненных его предкам английскими землевладельцами, Ли придумывал свою родословную. Один из бойфрендов, Меррей Артур, привлек его, в числе прочего, тем, что родился к северу от англо-шотландской границы.

«Он был одержим Шотландией, и ему нравилось, что я шотландец», – сказал Артур.[68] Связь Ли с «исторической родиной» с годами все больше крепла. Шотландия вдохновила его на такие коллекции, как «Изнасилованная Шотландия» (1995) и «Каллоденские вдовы» (2006). В 2004 году, когда мать спросила, что значат для него его шотландские корни, Маккуин ответил: «Все».[69]

Путешествие Джойс Маккуин в прошлое началось с того, что муж попросил ее выяснить, откуда родом его предки: «Мы шотландцы или ирландцы?» В 1992 году Джойс записала все, что ей удалось собрать. Так в семье появилась рукописная история семьи Маккуин. «Изучение семейной истории часто забавно, но, что гораздо важнее, оно дарит чувство сопричастности и

осознание своих корней», – написала Джойс.[70] Для Ли это было особенно важным, так как укрепляло его связь с историей и способствовало взлету его фантазии.

Джойс выяснила, что самое раннее упоминание фамилии Маккуин на острове Скай относится к XIV веку, к годам правления Джона Маклауда, лорда замка Данвеган (позже Ли побывал в тех краях). По сведениям Джойс, Маклауд «отличался дьявольской жестокостью; узнав, что две его дочери хотят выйти замуж за двух братьев из клана Маккуин из Рога, он приказал похоронить дочерей заживо. Двух братьев Маккуин запороли до смерти и бросили в пропасть».[71] Еще одна история, обнаруженная Джойс Маккуин, связана с другим предполагаемым предком, Данкеном Маккуином. В 1742 году они с другом Ангусом Бьюкененом подстерегли в Ригге одного купца, ограбили и убили его. Преступников схватили и, после того как они сознались в содеянном, приговорили к казни через повешение. «В истории острова Скай много жестокости и злодеяний», – написала Джойс.[72]

В своей рукописи, посвященной истории семьи Маккуин, Джойс зарисовала и двух «крестьян-горцев» в «подлинной одежде, которая была обнаружена на скелетах людей, живших в начале XVIII века». В рукописи часто попадаются подробные описания исторических костюмов. Возможно, мать разделяла увлечение младшего сына модой. Например, в разделе об ирландском септе или шотландском клане Галлоглассов, потомков норвежцев и пиктов, которые вторглись в Ирландию в середине XIII века, Джойс Маккуин пишет, что эти «молодые иностранные воины», которые отличались «отменной выправкой, храбростью и неутомимостью в бою», одевались «в кольчуги до колен, а вооружались боевыми топорами». Джойс, а вслед за ней и Ли узнали, что, по некоторым сведениям, предками Маккуинов также были норвежцы, которые вторглись в Ирландию и на западные острова Шотландии.

«Имена Суин или Суэйн, а также Реван, которые проскакивают среди Маккуинов в начале истории, – определенно норвежского происхождения, – пишет Джойс. – «Реван» или «рефан» по-норвежски значит «ворон», черная птица, эмблема датчан»[73] (позже вороны появятся в коллекциях Маккуина Eclect Dissect и «Рог изобилия»). Считается, что некоторые из первых Маккуинов были подданными лорда, который обосновался в районе Снизорта на острове Скай; в тех краях находится одно из первых изображений члена клана.

Наверное, Ли испытывал определенное сочувствие к безымянным рыцарям, о чьих могилах в Скибосте писала его

мать. Она даже описала одно изображение, которое находится на заброшенном кладбище. На наполовину ушедшей в землю надгробной плите «голубоватого сланца» можно различить фигуру вооруженного человека в стальном шлеме, бармице или кольчуге и стеганой куртке до колен; он держит длинный палаш.

Два события в истории Шотландии особенно интересовали и вдохновляли Маккуина: якобитское восстание и сражение при Каллодене 1746 года. Он считал, что в обоих этих событиях принимали участие его предки. По словам Джойс, Маккуины объединились с другими мелкими кланами и образовали союз или конфедерацию, названную кланом Хаттан. Под руководством вождя Макинтоша они помогали защищать свои семьи на острове Скай. Но позже, в 1528 году, «Иаков V приказал своему сводному брату Джеймсу Стюарту, 1-му графу Морей, жестоко наказать огнем и мечом непокорный клан Хаттан… Началось «полное истребление и уничтожение» клана и его сторонников; в живых не оставляли никого, кроме священников, женщин и малолетних детей. Последних отправляли по морю в Нидерланды, Бельгию, Люксембург или Норвегию». Хотя истребление клана не было доведено до конца, потомки оказались рассеяны по свету. После сражения при Каллодене предки семьи на острове Скай понесли еще большие потери. «Те, кого не убили в боях, взяли в плен, и они переносили великие тяготы, – писала Джойс. – Их сажали на корабли и переправляли к югу от границы, где сажали в тюрьму или посылали в другие страны. Многие умирали от болезней или от ран до того, как прибывали к месту назначения. Одних отправили из Ливерпуля в Америку, в Виргинию; других сажали в лондонский Тауэр, Ньюгейтскую тюрьму или форт Тилбери в Эссексе». Впрочем, кому-то удалось вымолить прощение; тех, кто принесли присягу на верность королю, освобождали. Джойс так и не сумела найти звено, которое связывало бы Маккуинов с острова Скай и предков ее мужа. Ясно было одно: его предки переживали тяготы, нужду и рассеяние. Три эти черты продолжали определять судьбу семьи в ходе следующих двух столетий. Чем больше Джойс рассказывала Ли о его предках, тем больше он отождествлял себя с ними, считая их храбрыми аутсайдерами, которые боролись с существовавшим строем. Особенно ему нравилось то, что его среднее имя, Александр, передавалось из поколения в поколение в семье его предков на протяжении всего XIX века. В начале века три брата – Александр, Джон и Уильям Маккуины, каменщики, – обосновались на востоке Лондона, в районе Сент-Джордж. В 1806 году Александр, старший из трех братьев, женился на Саре Валлас из семьи гугенотов. Мать рассказала Ли, что «гугеноты – это французские протестанты,

которые покинули Францию после Нантского эдикта, дабы избежать гонений. Чаще всего они селились в районе Спиталфилдз, где занимались шелкоткачеством. Они жили в мансардах и работали у больших окон, где на их ткацкие станки падал солнечный свет». У Александра и Сары было пятеро сыновей. Один из них, также Александр, особенно интересовал Джойс и Ли. В переписи 1851 года Александр назвался «ковроделом». Он проживал совместно с женой Энн и дочерью Эллен. «Но это было не совсем правдой, – пишет Джойс. – Александр не женился на своей жене Энн Сеймур до тех пор, пока их дочери Эллен не исполнилось восемнадцать лет». Через десять лет пара приобрела меблированные комнаты по адресу 28–29 Дорсет-стрит, по словам Джойс, «одной из самых печально известных улиц в округе, куда отваживались заходить немногие, боясь, что их ограбят или изобьют». Скопище сырых, тесных ночлежек, так называемая «худшая улица в Лондоне», в общественном сознании чаще всего ассоциируется с Джеком-потрошителем, неопознанным серийным убийцей, который в 1888 году убил по меньшей мере пять женщин в лондонском Ист-Энде. «Именно там жили наши предки; можно только представить себе, как они боялись в то время, когда совершались эти ужасные убийства», – пишет Джойс.[74]

9 ноября 1888 года был обнаружен труп 25-летней Мэри Джейн Келли, которую считают последней жертвой Джека-потрошителя. Тело нашли в комнате номер 13 по Миллерс-Корт, по соседству с домом 26 на Дорсет-стрит. В своем отчете доктор Томас Бонд, врач, который производил вскрытие и позже покончил с собой, выбросившись из окна, описал ужасные многочисленные травмы несчастной жертвы. «С живота и бедер содрана кожа; из полости живота извлечены внутренности, – пишет он. – Груди отрезаны, руки искромсаны – на них наблюдаются зазубренные раны… Внутренности обнаружены в нескольких местах… мочевой пузырь, почки и одна грудь лежат под головой, вторая грудь у правой ноги, печень между ногами, кишки справа, а селезенка слева от тела. Кожные лоскуты с живота и бедер лежат на столе».[75] Ли завораживали подобные ужасные подробности. Имя серийного убийцы появится в его выпускной коллекции в колледже Святого Мартина.

Трагедии и ужас, похоже, постоянно сопутствовали Маккуинам. В 1841 году, когда одна ветвь семьи поселилась в районе Сан-Корт на Леденхолл-стрит, произошел несчастный случай: двухлетняя Сара Маккуин так сильно ошпарилась, что умерла от полученных травм. Через сорок лет, в 1880 году, снова произошла трагедия. Эллен, дочь Александра Маккуина,

выросшая на Дорсет-стрит, проживала с троюродным братом Уильямом Маккуином и своей двухлетней дочерью Кларой в Хокстоне на востоке Лондона. Однажды Эллен стирала; дочь находилась рядом с ней. «Ей понадобилось ненадолго отойти. Вернувшись через несколько секунд, она обнаружила, что Клара упала в кадку с мыльной пеной и утонула», – пишет Джойс. Они жили так бедно, что трудно представить, как выживали. Согласно архивным данным, в XIX веке семейство Маккуин, состоявшее из двенадцати человек, проживало по адресу Бейкерс-Корт, 6, Бишопсгейт. Тот квартал позже снесли при строительстве железнодорожного вокзала Ливерпуль-стрит. «Условия жизни этих людей, наверное, были невыносимыми; известно, что всей семье приходилось обитать всего в одной комнате – а если везло, то в двух», – пишет Джойс. Конечно, добавляет она, такой роскоши, как горячая вода из-под крана, у них не было. «В очаге разводили огонь, на котором грели воду и готовили еду. Комнату освещали свечами или керосиновыми лампами… В те дни беднякам приходилось лечиться в богадельнях».

Свои изыскания Джойс Маккуин проводила в разных местах, в том числе в Государственном архиве на Ченсери-Лейн, в Клеркенуэлле и Кью, а также в Генеалогическом обществе и библиотеке Гилдхолл. Каждый день после своих трудов она возвращалась домой, на Биггерстафф-Роуд, и рассказывала родным о том, что ей удалось узнать. Джойс оживляла прошлое, и оно в чем-то становилось таким реальным для Ли, что ему казалось, будто он почти способен его осязать. Кем были его давно умершие тезки? Один Александр Маккуин, родившийся в 1847 году, был каменщиком. Он женился на девушке-ирландке по имени Джейн Литтл. Джейн была уроженкой округа Корк в Ирландии; ее отец перевез семью в Англию после «Великого картофельного голода». У Александра и Джейн родилось шестеро детей, в том числе три дочери: Роуз, Джейн и еще одна Джейн; все они умерли молодыми. Александр, судя по всем отзывам, человек довольно крупный, зарабатывал тем, что собирал плату с лоточников на Петтикоут-Лейн. Его жена брала на дом стирку. Ближе к концу жизни Александр зарабатывал мощением улиц. Он умер в 1920 году; в то время жил по адресу Уильям-стрит, дом 5, в приходе Сент-Джордж на востоке Лондона. «Наверное, следует заметить: не выживи его единственный сын Александр, нас бы сейчас не было», – пишет Джойс.[76]

Этот человек, прадед Ли, родился 19 марта 1875 года в Спиталфилдз; хотя он посещал благотворительную или воскресную школу, писать он так и не научился. В двадцать лет он работал каменщиком; по словам Джойс, его считали в семье

«паршивой овцой». В 1897 году Александр обвенчался с Энни Грей в церкви Святого Иоанна Евангелиста на Голдинг-стрит в Степни – «оба поставили крестики, потому что не умели ни читать, ни писать», – пишет Джойс. В 1907 году Александру пришлось оставить работу каменщика после того, как он упал с высокой лестницы и сломал ногу. После несчастного случая он устроился возчиком в порту. «Энни, как тысячи женщин в ее время, брала на дом стирку, вещи развешивала для просушки во всех комнатах и в коридоре», – пишет Джойс. От родственников она узнала, что Энни была довольно крупной, высокого роста и отлично танцевала сельскую чечетку. У Энни и Александра, низкорослого брюнета, родилось не менее двенадцати детей, но их брак трудно назвать счастливым. «Известно, что муж бил ее, в основном когда напивался – тогда это было обычным делом, – пишет Джойс. – Кроме того, она стала свидетельницей убийства на Кейбл-стрит, когда у нее на глазах зарезали матроса».[77] Трое детей умерли в младенчестве, сына Уолтера Семьюэла ранили при Дюнкерке; он умер вскоре после возвращения домой. Еще один сын, Генри, скончался в 28 лет от заражения крови; он занозил палец, играя в снукер.

Второй по старшинству сын Александра и Энни, Семьюэл Фредерик, дед Ли, родился 24 декабря 1907 года в Сент-Джордже на востоке Лондона. Он был портовым рабочим. Кроме того, он работал гладильщиком – гладил женские платья, эту профессию он передал по наследству и дочери Айрин, которую близкие называли Рене, и внуку Ли. В ноябре 1926 года дед Ли, живший тогда на Креллин-стрит, женился на девятнадцатилетней Грейс Элизабет Смит, трудное детство которой стало причиной ее тяжелого характера. Грейс, бабушка Ли по отцовской линии, была незаконнорожденной дочерью Элизабет Мэри Смит и Эрнеста Эдмунда Дженкинса, работавшего в газетном киоске в лондонском Сити. «Грейс была суровой матерью; она не любила отчима. Возможно, тяготы, которые она перенесла в детстве, укрепили ее склонность выживать во что бы то ни стало», – пишет Джойс.[78]

В мае 1940 года Семьюэл записался добровольцем в саперные войска; позже его направили обезвреживать неразорвавшиеся бомбы. «По-моему, он просто сбежал из дому и пошел в армию без ее [Грейс. – *Э. У.*] ведома», – считает Майкл Маккуин, брат Ли.[79] С июля 1941 по сентябрь 1942 года Семьюэл работал в Исландии, «ремонтируя корабли, пока туда не пришли американцы», – пишет Джойс.[80] Пока муж воевал, Грейс одна растила детей – «они еле выжили», – как сказал позже Ли.[81] «Грейс безупречно содержала дом и воспитывала детей, но у нее

почти не оставалось времени, чтобы продемонстрировать свою любовь к детям», – пишет Джойс.[82]

Однажды в дом Грейс в Ист-Энде попала бомба; ее с дочерью-подростком, которую тоже звали Грейс, похоронило под завалами. Когда Грейс, наконец, освободили, она сказала, что «у нее оторвался кусок уха и его нужно пришить», – пишет Джойс.[83] Семьюэл вернулся с войны в 1944 году, после того как его комиссовали. Отношения супругов не наладились. Восемь их детей выросли в обстановке взаимной вражды и домашнего насилия. «Мать рассказывала, что он был очень тяжелым человеком, пьяницей», – так отзывается Джеки Маккуин о деде по отцовской линии.[84] Майкл называет Грейс, которую он знал как «бабушка Маккуин», «безумной, как Мартовский заяц».[85] Когда в одном интервью Ли задали вопрос о предках отца, он признался: «У него были не самые лучшие в мире мать и отец. Его отец был алкоголиком, да и мать немногим лучше».[86] Когда Грейс было около шестидесяти лет, их брак, наконец, распался. Получив законное право проживать отдельно, она сняла квартиру в Эбби-Вуд.

Старший сын Грейс и Семьюэла, Роналд Семьюэл – отец Ли, – родился 19 апреля 1933 года в доме номер 3 по Рейн-стрит; позже семье не раз приходилось менять адреса в Уопинге, Сент-Джонс-Хилл и Артишок-Хилл. Роналд ходил в школу на Крисчен-стрит в Степни; он учился на той же улице, где работал гладильщиком его отец. Роналд и его братья и сестры были воспитаны в католической вере; они ходили в церковь Святого Патрика в районе Тауэр-Хилл. Некоторое время Рон даже прислуживал там. В годы Второй мировой войны мальчика эвакуировали в Ньютон-Эббот. Его взяла к себе семья Истербрук; у Роналда сохранились теплые воспоминания о времени, проведенном в Девоне. Позже он с любовью вспоминал миссис Истербрук, «к которой он очень привязался».[87] Несомненно, он мечтал о такой матери, как она: доброй, заботливой и любящей. Наверное, возвращение к настоящим родителям, Семьюэлу и Грейс, далось ему нелегко. «Бабушка [Грейс. – *Э. У.*] была очень жесткой, – сказал Тони Маккуин. – По-моему, она была сурова со всеми детьми; ходили слухи, что один раз она ударила моего отца молочной бутылкой по голове. Так что детство у него было трудным. Именно воспитание сделало его таким, каким он стал».[88] По словам Джеки, Рону «пришлось стать кормильцем семьи. Он работал на трех работах, а деньги у него забирали. А потом еще мать вымещала на нем зло».[89]

Бросив школу, Роналд пошел работать в парк дорожной службы в Олдгейте, где он присматривал за двумя лошадьми,

Биллом и Дейзи. Он должен был готовить их к работе – «лошади еще использовались после войны как транспортное средство, на них возили уголь и молоко», – писала Джойс.[90] Лошади так привыкли к Роналду, что ржали, заслышав его шаги. Когда Роналду исполнилось двадцать, сестра Джин познакомила его со своей подругой Джойс Барбарой Дин, на которой он впоследствии женился. «Не могу выразить словами ту любовь, какую мы с вашим отцом испытывали друг к другу, – писала Джойс детям перед смертью. – Он боготворил землю, по которой я ходила».[91]

Позже Джойс говорила, что изучила историю собственной семьи, Динов, до Норманнского завоевания, но, когда она рассказала об этом Ли, тот ответил: «Я чувствую себя больше шотландцем, чем норманном».[92] В рукописи, составленной Джойс и посвященной своей ветви семьи, она задокументировала истоки фамилии Дин – «саксонское слово, которое обозначает «поляна в лесу или долина, где пасутся свиньи». Когда такие поляны заселялись людьми, они, в свою очередь, называли себя «из Дина».[93]

В той же работе, выполненной на миллиметровой бумаге, Джойс нарисовала акварелью несколько геральдических щитов, имеющих отношение к ее семье: белый крест на красном фоне принадлежал Дру Дину, рыцарю времен Эдуарда I; пять черных звезд в форме перевернутой V на ярко-зеленом фоне служили гербом сэру Генри де Дену, лорду Дину, умершему в 1292 году в Глостере; и черный лев с поднятой в воздухе лапой в вызывающем жесте служил гербом на щите сэра Джона де Дина, скончавшегося в первой половине XIV века. Загадочное обаяние, окружавшее эти давно умершие исторические фигуры, было очень далеко от реальности жизни на Биггер-стафф-Роуд. Для Джойс и Ли прошлое стало способом убежать от бедности повседневной жизни.

Отец Джойс, Джордж Стенли, служил управляющим складом бакалейных товаров, а ее мать, Джейн Оливия Четленд, выросла в очень бедной семье. Отец Джейн, Джон Арчибальд Четленд, не мог работать, так как у него была только одна нога. С юных лет Джейн недоедала; в год ее вынуждены были отдать в лазарет Бетнал-Грин. «В возрасте пяти или шести лет монахини отправили ее в Кент, потому что она была очень худенькая и недокормленная», – вспоминала Джойс. По словам ее матери, ей часто приходилось бегать в школу босиком. «Ее отец был тираном и причинял домашним много страданий», – писала Джойс.[94] Джейн познакомилась со своим мужем Джорджем, когда ей было тринадцать лет; они обвенчались в августе 1933 года в церкви Христа в Хакни. Через полгода, 15 февраля 1934 года, родилась

их старшая дочь Джойс Барбара. Джойс ходила в Тиздейлскую школу в Бетнал-Грин; в пять лет ее эвакуировали в Норфолк, в Кингс-Линн, где ей приходилось жить в одном помещении с выходцами еще из шести семей. Судя по всему, скученность и теснота очень подавляли ее. К тому же она еще разбила нос, упав с велосипеда, на котором доставляла продукты. В 1945 году, в конце войны, Джойс вернулась в Лондон и поселилась с родителями в новой квартире в Степни, в доме 148 по Скидмор-стрит. Сначала она посещала школу, которую вели монахини на Кембридж-Хит-Роуд, а затем перешла в школу на Холли-стрит. По вечерам она подрабатывала в универсальном магазине «Вулвортс». Окончив школу, она получила работу в адвокатской конторе в Мургейте. В свободное время она любила ходить в кино, а вечерами охотно посещала дансинг в «Поплар-Сивик». По воспоминаниям ее современников, «Поплар-Сивик» был «большим танцевальным залом и, хотя входной билет стоил дорого, там играл по-настоящему хороший оркестр. Туда приходили девушки со всего Ист-Энда, а не обычная публика, которую можно было встретить каждый вечер».[95]

В 1953 году Джин познакомила Джойс со своим братом Роном, который тогда был водителем грузовика. Молодые люди сразу понравились друг другу. 10 октября 1953 года они обвенчались в римско-католической церкви Ангелов-Хранителей на Майл-Энд-Роуд. На снимке, сделанном в день их свадьбы, нарядные, красивые молодожены готовятся резать свадебный торт. На женихе темный костюм, белая рубашка и галстук, а на невесте – простое, сшитое на заказ белое платье и красивая кружевная вуаль. На столе с их стороны – букет гвоздик и подкова на счастье.

Их первый ребенок, Джанет Барбара, родилась 9 мая 1954 года. За ней последовали Энтони Роналд (1955), Майкл Роберт (1960), Трейси Джейн (1962) и Жаклин Мэри (1963). В 1969 году, после промежутка в шесть лет, родился Ли Александр. Домашние прозвали его «синеглазкой», не только из-за цвета глаз, но и из-за того, что он был младшим в семье и всеобщим любимчиком.

В пять лет Ли пошел в начальную школу на Карпентер-Роуд. Новое одноэтажное здание школы находилось в паре минут ходьбы от дома. В той же школе учился Питер Боуз; они с Ли оставались близкими друзьями и в младшей, и в средней школе. Питер тепло вспоминает Ли. «Уже тогда он любил рисовать; он предпочитал рисование чтению и письму, – вспоминает Питер. – В начальной школе он играл в футбольной команде; хотя он хорошо ладил со всеми, даже тогда, в совсем юном возрасте, в нем угадывалось нечто, выделявшее его, отличавшее от всех нас.

Нельзя сказать, что речь шла о сексуальной ориентации, просто он был другим. Он был очень артистичным, ярким, любил все делать напоказ, но в то же время был довольно застенчив – странное сочетание. Он не был ни женственным, ни изнеженным; наоборот, сразу чувствовалось, что он способен за себя постоять». [96]

Позже Ли будет утверждать: он понял, что он гей, или «голубой», как называли его другие мальчишки, – когда был еще ребенком. Он рассказал журналистке Линн Барбер, что ему было шесть лет, когда он впервые осознал, что он гей. На семейном празднике в парке Понтен он выиграл конкурс «Принц Понтена», но «я хотел, чтобы победил мальчик, который занял второе место, потому что он мне понравился!».[97] Он утверждал, что определился со своей сексуальной ориентацией в раннем возрасте – «я был уверен в себе, в своей сексуальности, и мне нечего было скрывать… Из утробы матери я отправился прямиком на гей-парад».[98] В многочисленных интервью он любил называть себя «розовой овцой семьи», но такие слова, по мнению бывшего бойфренда Эндрю Гроувза, можно считать мягким преуменьшением: он стремился прекратить дальнейшие разговоры на эту тему. Истина гораздо сложнее и неприятнее. В девять или десять лет с Ли произошло событие, оказавшее большое влияние на всю его дальнейшую жизнь. Над ним надругался его зять, Теренс Энтони Халлер, муж его сестры Джанет. Джанет вышла замуж в 1975 году. Она ничего не знала о произошедшем; Ли рассказал ей обо всем за четыре года до своей смерти. Ужасная новость настолько потрясла ее, что Джанет не знала, что сказать. Она просто спросила, не держит ли брат на нее зла, и тот ответил, что нет. И все же Джанет переполняли сознание своей вины, стыд и отчаяние. Она все время спрашивала себя, почему не сумела защитить младшего брата. После одного короткого разговора Ли больше ни разу не упоминал при Джанет о насилии, а ей не хотелось расспрашивать его, так как она испытывала отвращение при мысли о том, что сделал ее первый муж.[99]

В течение жизни Ли часто упоминал, прямо или косвенно, о сексуальном насилии; он намекал на это близким друзьям и бойфрендам, но редко вдавался в подробности того, что с ним случилось и сколько времени он вынужден был терпеть домогательства. «Ли говорил, что подвергался сексуальному насилию и что пережитое сильно повлияло на него», – вспоминает Ребекка Бертон, которая дружила с Ли, когда он учился в Колледже Святого Мартина.[100] «Однажды мы были у меня дома, в Грин-Лейнс, и он вдруг признался, что стал жертвой

насилия», – вспоминает Эндрю Гроувз. По его мнению, перенесенное в детстве насилие повлияло на психику Маккуина. С тех пор он всю жизнь подозревал, «что кто-то непременно его поимеет». Поэтому он никому не доверял, даже своим близким.[101] Однажды, когда настроение у Ли было особенно скверным, у него состоялся «по-настоящему откровенный разговор» с бойфрендом Ричардом Бреттом «о том, почему ему так тяжело», и он рассказал о перенесенном насилии, впрочем, снова утаив подробности. «У меня сложилось впечатление, что с ним случилось нечто мерзкое, когда он был мальчиком», – говорит Ричард.[102] Кроме того, Ли кое в чем признавался Изабелле Блоу и ее мужу Детмару. «У него сохранились обида и злость; он говорил, что пережитое лишило его невинности, – вспоминает Детмар. – По-моему, это бросило зловещую тень на его душу».[103]

Друг Ли, БиллиБой*, с которым он познакомился в 1989 году, считает, что сексуальное насилие сформировало характер Маккуина на весь остаток жизни. «У меня сложилось впечатление, что он терпел домогательства довольно долго, – сказал БиллиБой*. – Он не умел приспосабливаться, легко срывался и ни с кем не мог сохранить сколько-нибудь прочных отношений. Иногда он снимал мужчин прямо на улице. Я не доверял им; они казались мне ворами. Я не хотел допускать их к себе, потому что они стремились к наживе. Один из его бывших раньше был мужчиной по вызову. Но Ли влекло к таким типам. Он страдал мазохизмом и неуверенностью, был несчастен. У него была очень низкая самооценка, что странно, потому что он обладал огромным талантом, о чем все ему постоянно твердили. Анна Винтур и остальные без конца повторяли, как они восхищаются его творчеством, и очень жаль, что их похвалы так и не победили его неуверенность в себе».[104]

Еще до замужества Джанет знала, что Теренс Халлер часто срывается и впадает в ярость, но ей был всего 21 год, и ей очень хотелось уйти из дому. За годы совместной жизни ей самой пришлось многое вытерпеть – однажды муж избил ее за то, что она в кафе сама заказала чай и помешала ему флиртовать с официанткой. «Из-за побоев у меня случилось два выкидыша», – призналась Джанет, которая позже родила от мужа двух сыновей, Гэри и Пола.[105] Но хотя Джанет знала о вспыльчивом нраве мужа, она не подозревала, что он способен обидеть мальчика, тем более ее младшего брата. Ли не только стал жертвой сексуальных домогательств Халлера; тот часто до полусмерти избивал его старшую сестру у него на глазах. «В детстве я видел, как этот человек душил сестру, – сказал он в интервью Сюзанне Френкел в 1999 году. – А я стоял и смотрел, и рядом со мной были два

маленьких племянника».[106] В подсознании Ли перенесенное им самим соединилось со страданиями сестры Джанет. Они оба пострадали от рук одного и того же человека, и он испытывал потребность как-то преобразить растущий в нем сплав гнева, желания мести, отчаяния, сознания своей порочности, чувства вины и расщепления личности. Сестра представлялась женщиной беззащитной и вместе с тем сильной, которая стремится выжить любой ценой. Именно Джанет послужила первым прототипом для его творчества. В ее лице он стремился защитить всех женщин, помочь им. Созданная им одежда призвана была служить своего рода защитной броней, способной уберечь от опасности. «Я видел, как муж избивал жену до полусмерти, – сказал он позже. – Я знаю, что такое женоненавистничество! Терпеть не могу разговоры о хрупкости женщин и о желании сделать их наивными… Я хочу, чтобы люди боялись тех женщин, которых я одеваю».[107]

Модели в восхитительных нарядах – и с синяками, кровоподтеками, следами побоев, которых он выпускал на подиум, отражают воспоминания и о сестре, и о себе самом. Посредством своего творчества он уравнивал себя с сестрой. В каждой новой коллекции он заново переживал насилие, которому подвергались они оба. Ему удалось, с помощью своей гениальной фантазии, преобразить мерзость жизни в нечто прекрасное. «В юности я часто зависел от взрослых, и некоторые из них обижали меня, – сказал он однажды. – Зато я многому научился… Я, так сказать, превращал негатив в позитив».[108] В результате получился поразительный гибрид-мутант, продукт странной метаморфозы.

Осенью 1980 года Ли перешел из школы на Карпентер-Роуд в «Рокби-скул», среднюю школу для мальчиков в районе Стратфорд-Хай-стрит. В первый день учебы Ли в форме (черные брюки, черный блейзер, белая рубашка) зашел за своим другом Джейсоном Микином, который также жил на Карпентер-Роуд. Потом они вдвоем зашли за своими одноклассниками Питером Боузом и Расселом Аткинсом и все вместе отправились в школу. По пути мальчики смеялись и шутили, но напускная веселость прикрывала тревогу: им предстояло пойти в новую большую школу для мальчиков, обладавшую не самой лучшей репутацией. Как только они вошли в здание, им велели идти в главный зал, где новичков выстроили в алфавитном порядке «и сделали строгое предупреждение».[109] Мальчиков распределяли по классам по «системе Рокби», от названия школы. Самые хорошие ученики попадали в класс «Р», далее шли те, кто учился в «О» и так далее, до «И». В первый год Ли попал в класс «К», но во

второй год спустился в «Б».

С самого начала учеба не слишком интересовала Маккуина, и в конце первой четверти директор написал родителям: «Я совершенно уверен, что, если Ли наладит отношения с «Рокби», он не только почувствует себя лучше, улучшится и его работа. Однако без желания с его стороны он будет все более несчастен». [110] По прилежанию он получил «плохо» – в первой четверти пропустил шесть дней занятий. Кроме того, его сочли болтливым; учителя жаловались, что на уроках он отвлекает других учеников. Классный руководитель считал, что мальчику «трудно справляться в большой общеобразовательной школе».[111] По английскому он набрал 58 %, с тройкой по прилежанию, на экзамене по географии получил 38 % с замечанием от учителя, который призывал его успокоиться и «начать вести себя как положено ученику общеобразовательной школы, а не дурачиться все время». По математике он набрал всего 23 % с замечанием, что он «плохо ведет себя в классе». 15 декабря 1980 года отец Маккуина Роналд, прочитав табель, написал классному руководителю Ли: «Ли всегда больше интересовался другими, чем собственной работой. Я провел с ним беседу и надеюсь, что он ко мне прислушается. Кроме того, он выходит из дома в школу в 8:30, но говорит, что опаздывает, потому что ждет друга, что чрезвычайно раздражает меня. Во всем остальном я уверен, что школу он любит и постепенно успокоится, когда повзрослеет». [112]

Следующий сохранившийся табель, который Ли принес домой родителям в марте 1982 года, показывает некоторый прогресс. По математике он набрал 49 % и получил «хорошо» за прилежание. Учитель английского языка и литературы поставил ему по результатам экзамена 54 % и «очень хорошо» за прилежание, по истории он стал восьмым в классе, получив 63 % и «отлично» за прилежание. Однако некоторые учителя отмечали проблемы в его поведении во время уроков. По мнению учителя французского, Ли нуждается в «постоянном понукании, чтобы он не отвлекался во время урока. Он часто витает в облаках и любит поболтать». Преподаватель религиоведения написал, что Ли «учится очень неровно. Иногда он внимателен и активен, а иногда почти ничего не делает». Завуч в конце табеля также назвал достижения Ли «неровными – у него есть способности, но он, похоже, сам решает, когда их применять».[113]

Однако был один предмет, который с самого начала захватил его воображение: искусство. На экзамене за первый год он набрал по нему 73 %, получив «хорошо» по прилежанию. Учитель написал: «В этой четверти Ли хорошо потрудился». Спустя

полтора года учитель поставил ему «отлично». «Превосходно, – написал он. – У Ли художественные способности, и он всегда усердно трудится».[114] С двенадцати лет Ли начал читать книги о моде. «Я читал биографии дизайнеров, – сказал он позже. – Узнал, что Джорджо Армани работал оформителем витрин, Унгаро – портным… Я рано решил связать свое будущее с миром моды. Я понятия не имел, на какую высоту поднимусь, но всегда знал, что чего-то добьюсь».[115]

Друзья заметили любовь Ли к рисованию. «Он все время что-то черкал, делал наброски, – вспоминает Джейсон Микин. – Я не думал, что он прославится, но помню, как он всегда рисовал платья».[116] По словам Питера Боуза, в школе Ли постоянно таскал с собой блокнот или альбом. Вместо того чтобы слушать учителя или делать классную работу, Ли доставал альбом, коробку карандашей и рисовал. «Там было полно ненормальных, – сказал позже Маккуин о «Рокби». – Ничему я там не научился, а на занятиях рисовал платья».[117] Однажды Ли показал Питеру свои наброски, зарисовки женской фигуры. «Он рисовал одежду, людей, фигуры, умел рисовать женщин, но никогда не изображал непристойностей, – вспоминает Питер. – Он жил в мире искусства, и его творчество всегда было превосходным».[118]

Проведя утро в школе, Ли и его друзья шли в ближайшую закусочную, где продавали пироги и картофельное пюре – в то время кусок пирога и пюре можно было купить за десять пенсов. Кроме того, мальчики питались «хлебом с вареньем, шоколадом и картошкой фри».[119]

Вне школы Ли любил наблюдать за птицами, кружившими над местными высотками; он вступил в Общество юных орнитологов. Он сравнивал себя с героем «Кеса», фильма 1969 года о дружбе мальчика с пустельгой.[120] В одном интервью он рассказал, что завидовал птицам, потому что они свободны. Свободны от чего? «От насилия… психического, физического», – ответил он, но в подробности вдаваться не стал.[121] Кроме того, он любил играть с домашним любимцем, черным чау-чау, которого официально звали Черным Магом Чен-Ли, а неофициально Шейном. По словам Джойс, пес был «кротким, как ягненок».[122] В 1983 году Шейн умер, прожив пятнадцать лет. Ли был безутешен, но вскоре полюбил собаку, которую взяли взамен Шейна, рыжего чау-чау Бена с синим языком. По словам Питера Боуза, Ли внес свой вклад в покупку собаки; деньги он зарабатывал после школы, собирая стаканы в пабе «Отражения», который находился недалеко от школы. Однажды Ли и его школьный друг Рассел Аткинс после уроков проходили мимо

паба; бармен спросил, не хотят ли они немного заработать. Мальчики тут же согласились работать в обеденное время и утром по субботам и воскресеньям. Плата, 30 фунтов в неделю, показалась им огромной. Кроме того, им очень понравилось внутреннее оформление – все стены были завешены огромными зеркалами, откуда и название паба – и блестящая барная стойка. «Не скажу, что там собирались одни преступники, но нравы там были суровыми», – вспоминает Рассел. Через несколько месяцев управляющий Кенни предложил мальчикам подрабатывать и по ночам – собирать со столов стаканы. Рассел отказался, а Ли согласился. По словам Рассела, «там случались драки, но тогда дрались повсюду». Мальчики работали в пабе до тех пор, пока «Отражения» не закрыли – тогда им исполнилось шестнадцать лет. «Однажды мы пришли туда за зарплатой, но полицейские нас не пустили, – сказал Рассел. – Что-то случилось, точно не знаю что, но нам запретили заходить внутрь».[123]

Ли не очень любил делать уроки и помогать по хозяйству; в свободное время он предпочитал слоняться по кварталу с друзьями. Они с Джейсоном шли в ближайшую промзону и швырялись камнями в автоприцепы, где жили цыгане, а потом быстро убегали. Они любили залезать в брошенные магазинные тележки и катались в них по улицам. Иногда раскачивались на веревке, которую привязывали к перилам моста. Однажды, когда на веревке качался еще один их приятель, Реймонд, Ли и Джейсон перерезали веревку, и мальчик грохнулся о землю. Тот же трюк они повторили позже, когда кто-то раскачивался под железнодорожным мостом; но в тот раз «мальчик упал в реку – мы до смерти перепугались», – вспоминает Джейсон.

Раньше на углу Джапп-Роуд-Уэст и Карпентерс-Роуд стояла бензоколонка. Мальчишки привязывали старый бумажник или кошелек к куску рыболовной лески, бросали бумажник перед бензоколонкой и прятались в кустах. Они хохотали, когда прохожие нагибались за кошельком, который «убегал» от них. Жертвы их розыгрышей гонялись за кошельком по всему двору. «Мы были настоящими сорванцами, превращали жизнь людей в ад», – вспоминает Джейсон. Готовясь к ночи Гая Фокса, Ли, Джейсон и их маленькая банда старались сложить костры больше, чем у конкурирующих банд из соседних кварталов; они часами мерзли, охраняя огромные груды сломанных деревянных ящиков и подобранных поленьев.[124]

Однажды в 1983 году грубые шутки едва не довели их до колонии. «Лет в четырнадцать я утащил с лимонадного завода несколько бутылок», – вспоминал Маккуин позже, когда его спросили, нарушал ли он закон.[125] Джейсон хорошо помнит то

происшествие; их любимая игра заключалась в том, чтобы проникнуть на территорию завода «Швепс», расположенного через дорогу, возле Эбби-Лейн. Мальчишки перелезали через забор, забирались в кузовы грузовиков, развозивших готовую продукцию, и пили тоник или имбирное пиво. «Помню, однажды мы услышали, как мимо проходят полицейские, и мы спрятались, но они нас нашли», – сказал Джейсон.[126]

Питер Боуз называет Ли «крутым», потому что «он никого не боялся»,[127] и, несмотря на то что в школе Ли дразнили «девчонкой» или «голубеньким», Джейсон «не верил в то, что он гей».[128] После школы и по выходным Ли и Джейсон ходили на местную стройплощадку на берегу реки Ли. Там Ли часто целовался с местными девочками – среди них были Шерон, Мэрайя и Трейси, которая была карлицей. «Не хочу вдаваться в подробности, но я знаю трех девочек, с которыми целовался и обнимался Ли, – сказал Джейсон. – Одна из них согласилась зайти немного дальше, хотя они и не занимались сексом в полном смысле слова. Они просто дурачились. Ну а насчет того, что он гей, – нет, что вы… я очень удивился, когда узнал».[129] Питер, правда, заметил одну подробность, о которой не задумывался раньше: Ли часто надевал в школу девчачьи белые носки. Он так и не понял, было ли это потому, что Ли вынужден был брать носки у сестер из-за бедности в семье, или таким образом его друг выражал свою ориентацию. «Будь он сегодня жив, я бы у него спросил», – сказал Питер.[130]

Черно-белая фотография, снятая на третьем году обучения Ли в школе, показывает, что стиль и мода не играли большой роли в жизни мальчишек из «Рокби». В конце четверти им позволили снять форму и прийти в школу в своей одежде. Почти на всех мальчиках нейлоновые куртки – скорее всего, они надевали их и поверх школьной формы – неброские рубашки, свитера и брюки. Ничто не указывает на то, что кто-то из них был панком или «новым романтиком» – даже в джинсах далеко не все. В целом мальчики выглядят уменьшенными копиями своих отцов, выходцев из рабочего класса. И во внешности Ли нет ничего примечательного. Одетый в практичную однотонную куртку, он смотрит прямо в объектив и улыбается. Может быть, он улыбается, потому что знает: его ждет блестящее будущее?

Иногда Питер и Ли поднимались на лифте на верхний этаж соседней высотки «Джеймс-Рили-Пойнт». Друзья курили сигареты «Эмбасси № 1», сидя на черной лестнице и глядя на Эссекс. Они болтали о школе, о своем квартале и своем будущем. Ли испытывал какое-то томление, желание чего-то достичь, но ему хватало здравого смысла понять, что он, по крайней мере в глазах

учителей, «всего лишь очередной хулиган из Ист-Энда, который ничего толком не добьется».[131] «Не думаю, что он понимал, кем станет, но он хотел заняться искусством, творчеством, – вспоминает Питер Боуз. – Правда, не забывайте, что мы были мальчишками из рабочего района Лондона. У нас по-настоящему не было никаких возможностей. Школа напоминала фабрику – мы приходили туда, учились под присмотром, в конце нас выпихивали, и, что бы кто ни получал, желали удачи».[132] Питер вспоминает один разговор с Ли о его среднем имени. «Ему очень нравился Александр Македонский; он уверял, что его семья происходит из его рода». Прошлое влекло Ли; ему казалось, что там интереснее и безопаснее. Наверное, там он находил убежище от суровой реальности и боли настоящей жизни.

Под конец своего пребывания в «Рокби» Ли начал страдать от внезапных приступов разочарования и гнева. «Не скажу, что он страдал биполярным расстройством, но у него все время чередовались взлеты и падения, – говорит Питер. – Был он и довольно вспыльчивым. Помню, на одних уроках он болтал, и ему делали выговор. Он взрывался, уходил, и его выгоняли из класса или сажали в карцер».[133]

Никто из школьных друзей не знал того, что приходилось переживать Ли. Позже он признался, что именно тогда снова стал жертвой сексуального насилия, на сей раз со стороны учителя. Ли снова никому ничего не рассказывал; позже он признался лишь сестрам. Спустя много лет, когда Джеки узнала о том, что пришлось пережить брату, она поняла причину его внезапных вспышек ярости. Позже Ли выразил в своем творчестве то, о чем сказал Эндрю Болтон, куратор выставки «Дикая красота» в Метрополитен-музее: «Маккуин вшивал гнев в свои костюмы».[134]

27 мая 1985 года, когда Ли готовился к сдаче экзаменов на свидетельство о среднем образовании, его зять Теренс Халлер, живший с женой Джанет и двумя детьми на Марлборо-Роуд, поехал за утренней газетой. По дороге у 35-летнего рабочего случился обширный инфаркт, он потерял управление, и его машина врезалась в стену дома. Его отвезли в Ромфорд, в больницу Олдчерч, где позже он умер. Халлер страдал диабетом с 18 лет; в те дни, по словам Джанет, больным «вводили свиной инсулин, который закупоривал сосуды».[135] Наверное, Ли испытал облегчение после смерти одного из своих обидчиков, но, возможно, к облегчению примешивалось чувство вины; наверняка он не один раз желал смерти своему зятю.

Переходный период и сексуальное пробуждение Маккуина в 1980-х годах совпали с распространением вируса, который в СМИ

называли «чумой гомосексуалистов». В результате Ли, по словам сотрудницы «Нью-йоркера» Джудит Терман, «был вынужден читать о страшных сценах, которые преследовали молодежь его поколения: секс и смерть в одной и той же постели».[136] Для молодого впечатлительного юноши-гея вроде Ли призрак СПИДа был более чем реален. Образы, которые ассоциировались с болезнью, – от телерекламы, в которой показывали смерть в виде старухи с косой и айсберги, до первых полос газет, где помещали фотографии скелетоподобных людей, – содержали неизбежный намек на то, что, если ты гей, высока вероятность умереть молодым. Вдобавок к списку известных персон – Рок Хадсон (умер в октябре 1985 года, в возрасте 59 лет), дизайнер Перри Эллис (1986, в 46 лет), Либерейс (1987, 67 лет), Роберт Мапплторп (1989, 42 года), актер Иен Чарлсон (1990, 40 лет), художник Кит Хэринг (1990, 31 год), Фредди Меркьюри (1991, 45 лет), Энтони Перкинс (1992, 60 лет), Рудольф Нуреев (1993, 54 года), Ли Боуэри (1994, 33 года), Дерек Джермен (1994, 52 года) и Кенни Эверетт (1995, 50 лет) – болезнь только в Великобритании оборвала жизни многих тысяч в основном молодых геев.

«В конце восьмидесятых – начале девяностых мы наблюдали настоящее цунами смертей. От СПИДа умерли многие близкие друзья, – вспоминает художник и режиссер Джон Мейбери, который позже стал сотрудником и другом Маккуина. – Я потерял двадцать близких друзей за два или три года. Ровесники Ли наблюдали за тем, как уходило другое поколение. Это было невообразимо ужасно, но общество в целом предпочитало закрывать на происходящее глаза. Молодые люди вроде Ли начинали сознавать свою сексуальную идентичность в то время, когда эта тень, этот призрак нависал над ними».[137]

Несмотря на большую, шумную семью на Биггерстафф-Роуд и компанию школьных друзей-натуралов, большую часть своего отрочества Маккуин чувствовал себя ужасно обособленным и одиноким. «Рядом со мной не было геев, которых я мог бы уважать, – скажет он позже. – Не было друзей-геев».[138] Кроме того, Ли приходилось терпеть отцовскую гомофобию. Возвращаясь домой после смены, Рон любил пошутить: «Представляете, вчера ночью в Сохо я едва не задавил проклятого голубого».[139]

Ли очень хотелось бежать. В июне 1985 года он бросил учебу. Он успешно сдал всего один экзамен, по искусству. «Мне пришлось рисовать дурацкую вазу с фруктами», – вспоминал он. Ему хотелось как-то изменить свою жизнь. Он понимал, что его возможности ограниченны, и все же решил, что попробовать стоит. «Неслыханное дело, чтобы в рабочей семье из Ист-Энда

родился художник, – сказал он. – Но мне всегда казалось, что жизнь у меня одна и надо делать то, что хочется».[140]

Глава 2

Я хотел научиться всему, всему,
дайте мне все.

Ли Маккуин

Маккуина окружает множество легенд. По одной из них, он был вундеркиндом, своего рода Эдвардом Руки-Ножницы, который мог взять кусок ткани и, несколько раз щелкнув ножницами, превратить его в сказочное пальто, куртку или платье. Он обходился без обязательного для других процесса вычерчивания лекал или создания выкройки на бумаге или картоне. Вместо этого, по словам Марка Ли, бывшего президента Yves Saint Laurent и Gucci, Маккуин обладал способностью «взять штуку ткани и на [ваших. – *Э. У.*] глазах раскроить костюм».[141] В подобном восприятии отчасти повинен сам Маккуин. «Не думаю, что можно стать хорошим дизайнером, великим дизайнером, каким хотите, – говорил он. – Вы либо дизайнер, либо нет. По-моему, умение разбираться в цвете, пропорциях, покрое, сбалансированности – врожденное».[142]

На самом деле превращение Маккуина из восторженного поклонника в гения моды заняло почти семь лет. В сентябре 1985 года он поступил в учреждение, которое тогда называлось Уэстхемским техническим колледжем в Стратфорде, на вечернее отделение искусства. Позже он вспоминал, что очутился «на одной скамье с домохозяйками и теми, кому просто нечего было делать. Я понял, что попал не совсем туда, куда мне хотелось».[143] По словам сестры Джанет, в программу обучения входило несколько часов, посвященных дамскому платью. К концу года Ли сшил несколько вполне пригодных для ношения нарядов. Некоторые из них он подарил Джанет. Одна юбка, простая черная и узкая, была «такой тесной, что врезалась в меня; я не могла поднять ногу, чтобы шагнуть, – вспоминает она. – Вторая порвалась по шву – он огорчился, когда я сказала ему об этом, так как всегда был перфекционистом».[144]

Примерно в то же время Ли начал читать «Справочник Макдауэлла по моде XX века», книгу, которую он позже считал чем-то вроде библии по стилю. Руководство, впервые увидевшее свет в 1984 году, можно назвать азбукой международной моды. В ней даются краткие биографии величайших дизайнеров XX века. В первой главе, названной «Одежда как оружие», автор, известный журналист Колин Макдауэлл, писал о роли моды и ее месте в

истории. Книга затронула важные струны в душе молодого Маккуина. «Чем больше отдаляются от остальных поклонники моды, тем более влиятельными и вдохновляющими они кажутся немодному большинству, – писал автор. – В прошлом это означало, что одежда становилась не только внешним атрибутом власти, но и отчасти олицетворением самой власти».[145] Ли прочел о связи между модой и изобразительными искусствами, о том, как Диор, Шанель и Скьяпарелли «дружили с художниками, писателями и интеллигенцией». Далее Макдауэлл объяснял, почему моду часто неверно воспринимают как что-то несерьезное. Первая причина чисто зрительная – в отличие от предметов, создаваемых дизайнерами мебели или интерьера, куртка или платье «много теряют, когда висят в гардеробе. Они становятся законченными и убедительными, только когда сидят на фигуре». Другая причина пренебрежения заключается в том, что моду долгое время считали «женской вотчиной… по мнению феминисток, мужчины манипулировали женщинами и обращались с ними как с вещами, а платья часто служили наживкой или наградой. Интерес к одежде стал символом подавления. «Маленькую женщину» покупали дорогим платьем; красуясь в нем, она подпитывала мужское самолюбие. Она словно говорила окружающим: мой мужчина настолько богат и влиятелен, что может себе позволить содержать, одевать и украшать такую дорогую вещь».[146] Маккуин видел свою задачу в том, чтобы ниспровергнуть подобное отношение: женщины, которые покупали его платья, не только самостоятельно зарабатывали себе на жизнь. Те, кто носили вещи Маккуина, недвусмысленно давали понять, что они – не жертвы, но активные и потенциально опасные личности.

Кроме того, Ли начал экспериментировать с фотографией, видом искусства, который всегда привлекал его. На одном снимке, который теперь находится в собственности Джанет, запечатлен его племянник Гэри в пальто, которое ему велико. Он стоит у стены, на которой мальчики Маккуины намалевали свои имена белой краской.

Когда Джанет – которая стала водителем такси, как ее отец, – приходилось работать ночами, Ли часто сидел с ее сыновьями, Полом и Гэри. «После того как умер отец, он часто приходил к нам и приносил с собой фильмы ужасов, которые мы смотрели вместе, – вспоминает Гэри, который позже работал в отделе мужской одежды компании McQueen дизайнером по ткани. – По-моему, фильмы ужасов оказали сильное влияние на его творчество. Бывало, он гонялся за нами по дому и старался поймать нас; еще он уверял, что под нашей кроватью живет

старуха. Он часто громко, истерически хохотал. Еще он делал много набросков. Помню, он рисовал капусту, разных чудовищ и наряды – много нарядов. Он рисовал голых мужчин и женщин, а еще птичьи перья и птиц. Он любил и нас наряжать; обычно возился с моими волосами, которые в то время напоминали воронье гнездо. Он мне нравился, у нас с ним много общего. Я, как и он, любил рисовать; это нас объединяло. У меня был более мрачный склад характера, чем у брата, – по-моему, он слегка пугал Пола, – но мне пришлось по душе его чувство юмора». Однажды Гэри превратил изголовье своей кровати в надгробную плиту, дополненную буквами RIP («покойся с миром»), и терпеливо ждал, растянувшись на ней и закрыв глаза, когда в комнату войдет бабушка Джойс. Испытав вначале потрясение, Джойс задала внуку «хорошую порку».[147]

Пол вспоминает, как дядя поднимался по лестнице и кричал: «Я иду за вами!» Ли любил, когда ему потакали; он платил племяннику пятьдесят пенсов, чтобы тот массировал ему стопы. Душистые лосьоны ему не нравились – «от ног должно пахнуть только потом», – говорил он. В тот период, по словам Пола, друзей у Ли было немного – «ровесники шарахались от него из-за его ориентации».[148]

В годы учебы в Уэстхемском техническом колледже Маккуин выбрал несколько своих вещей для участия в показе мод. Сегодня Джанет жалеет о том, что не посетила это событие, но «положа руку на сердце, тогда никто из нас не думал, что Ли станет одним из величайших дизайнеров всех времен».[149] Помимо учебы, он подрабатывал тогда в закусочной, где готовили пироги с картофельным пюре.

По словам Маккуина, однажды в 1986 году он был дома на Биггерстафф-Роуд, когда увидел по телевизору передачу о том, что портновское искусство находится на грани вымирания. По словам репортера, никто не хочет идти в ученики закройщика на Савил-Роу, где находятся ателье дорогих мужских портных. И мать сказала ему: «Почему бы тебе не пойти туда и не попробовать?»[150] В 1997 году Джойс вспоминала: «Он всегда хотел стать дизайнером… но после того, как бросил школу, не знал, чем заняться. В нашей семье кое-кто занимался портняжным делом, поэтому я просто сказала ему: «Знаешь, пойди и попробуй».[151] Вдохновленный матерью, Ли сел в поезд метро, доехал до остановки «Бонд-стрит» и прошелся по красивым улицам Мейфэра до дома 30 на Савил-Роу, где находилось ателье Anderson & Sheppard («Андерсон и Шепард»). «После школы я почти ничего не умел, поэтому и решил, что лучше всего будет научиться кройке и с этого начинать», – сказал он.[152] Фирма

Anderson & Sheppard была основана в 1906 году Питером (или Пером) Густавом Андерсоном, протеже Фредерика Шолте, портного Эдуарда VIII, который прославился так называемым «драпированным кроем» мужских пиджаков, и закройщиком брюк Хорейшо Шепардом. «Пиджак Шолте свободно сидел на груди и в плечах, что бросалось в глаза, однако отличалось изяществом, – писал один историк моды, – область груди стала расширенной до такой степени, что в районе проймы образовывалась небольшая вертикальная складка. Верхняя часть рукавов также была расширена, благодаря чему они не сковывали движения, но проймы оставались небольшими, удерживая пиджак на месте и не давая воротнику отделиться от шеи владельца, когда тот поднимал руки. Плечи не были подбиты и повторяли естественные очертания фигуры владельца». Anderson & Sheppard приписывали свой успех нежеланию Шолте угождать знаменитым клиентам, «так как он считал их нежелательным сбродом». Скоро клиентами ателье стали Ноэл Кауард, Айвор Новелло, Коул Портер, Гэри Купер, Дуглас Фербэнкс-младший и Фред Астер, который, как говорят, просил, чтобы в примерочной скатывали старинный ковер: надев новый костюм, он проверял, удобно ли в нем танцевать. Еще одной знаменитой клиенткой фирмы стала Марлен Дитрих – «шили и на дам, если они носили мужские костюмы».[153]

В тот день в 1986 году Ли, в джинсах, мешковатой майке, с нечесаными волосами, вошел в массивные двойные двери и по полу, выложенному «елочкой», прошагал в комнату, обитую красным деревом. Контраст между квартирой на Биггерстафф-Роуд и интерьером здания в стиле неоклассицизма не мог быть более разительным, но бьющее в нос богатство не запугало его. «Он был не робкого десятка», – сказал Джон Хичкок, работавший в ателье с 1963 года. Ли сказал облаченному в костюм человеку, стоящему у длинного стола, заваленного дорогими твидовыми тканями, что хочет поступить в ученики. Вскоре для беседы с новичком спустился Норман Халси, старший продавец, позже ставший коммерческим директором. Красивый пожилой мужчина с орлиным носом и серебристыми волосами отличался проницательностью; после беседы с семнадцатилетним парнем он принял его на работу. Ученикам платили не очень щедро; Маккуину предложили несколько тысяч фунтов в год – примерно столько стоили три костюма, пошитые в ателье Anderson & Sheppard. «Когда он пришел, было очевидно, что он ничего не знает, он был чистым холстом», – сказал Хичкок, нынешний директор-распорядитель ателье, который в середине – конце 1980-х годов работал закройщиком.[154] К Ли приставили

мастера-наставника – Корнелиуса О'Каллагана. Маккуин называл его «мастером-портным».[155] Строгий ирландец, которого служащие звали «Кон», считался одним из лучших закройщиков «верха» (так на Савил-Роу называют пиджаки). Часы работы были фиксированными. Ли должен был приходить к 8:30 утра и работать до 5 вечера. В первый день ему дали наперсток, который он надел на средний палец правой руки, лоскут материи и нитку и показали основы стежки. «Новым ученикам нужно было тренироваться [в стежке. – *Э. У.*], и им приходилось делать это постоянно, – говорит Джон Хичкок. – Ученик делал тысячи и тысячи стежков, и, хотя это занятие быстро приедалось, им нужно было учиться. Проведя за таким занятием неделю, ученик вскоре переходил к внутренней стежке, учился пришивать подкладку, обрабатывать карманы и лацканы. Обычно на изучение простых операций уходит около двух лет».[156]

Время, проведенное в ателье Anderson & Sheppard, Маккуин позже вспоминал как романтическую интерлюдию. «Как у Диккенса, сидеть по-турецки на скамье, обрабатывать лацканы и целый день шить – это было здорово», – сказал он. Правда, он и там чувствовал себя изолированным из-за своей ориентации. «Для меня то время было непростым. В шестнадцать, семнадцать, восемнадцать лет я понемногу привыкал к своей ориентации, а окружали меня гетеросексуалы, среди которых было довольно много гомофобов, и каждый день кто-нибудь отпускал обидные замечания, – вспоминал он. – Внизу, в ателье, работало довольно много геев, но наверху было полно народа из Саутенда и Южного Лондона; как и в любой мастерской, там были парни, которые любили грубые шутки. Поэтому я почти все время старался держать язык за зубами, хотя поболтать и любил».[157]

По словам Джона Хичкока, о том, что Маккуин – гей, знали все, но над ним не издевались. «Геев в нашей области довольно много, – сказал он. – Но меня это никогда особенно не беспокоило. СПИД вселял страх, многие боялись заболеть, но это было по-настоящему глупо, потому что геи не интересовались гетеросексуалами. Самое смешное, что геи всегда отлично ладят с девушками. И девушки ничего не имеют против. У них сходный образ мыслей. У геев женственные манеры, но это не важно».

Хичкок вспоминает, как Ли каждый день приходил на работу в мешковатых джинсах, толстой черной или серой водолазке, клетчатой куртке и ботинках «Док Мартенс». На фотографии, сделанной в ателье в то время, можно видеть неуклюжего Ли в красной рубашке, застегнутой на все пуговицы, и выбеленных джинсах, туго подпоясанных ремнем. По всем отзывам, сотрудники его не особенно любили. «Мне он казался слишком

назойливым, – говорит Деррик Томлинсон, который был учеником одновременно с Ли. – Вечно приставал с разговорами на темы, которые меня не интересовали. И две девушки, которые работали в одной комнате с нами, тоже не ладили с ним – как говорится, не сошлись характерами». Был ли он непопулярен из-за своей ориентации? «Я не знал, что он гей, он никогда об этом не говорил, – отвечает Деррик. – Да, он действительно вел себя немного странно, но я не связывал его поведение с тем, что он – гей».

За работой портные и ученики слушали легкую музыку по «Радио-2», тогда как Ли предпочитал музыку хаус. «Я ничего не знал о музыке хаус до тех пор, пока Ли не познакомил меня с ней, – говорит Деррик. – В то время она была на пике моды: эйсид-хаус, рейв».[158]

В конце курса каждый ученик должен был уметь сшить пиджак, почти готовый к первой примерке клиентом. Обычно на овладение всеми необходимыми навыками у новичка уходило от четырех до пяти лет. Маккуин уложился в два года. «Кон хорошо его подготовил, – говорит Хичкок. – Ли хватал на лету, а способности у него были врожденные».[159]

Розмэри Болджер, которая в то время работала закройщицей, вспоминает, что Ли был тихим, неприметным парнем, всецело поглощенным работой. «На самом деле никакого Александра Маккуина я не знала. Я знала парня по имени Ли, – говорит она. – Он был всего лишь одним из длинной вереницы парней, которые так и не стали у нас закройщиками. У одних ничего не получается, потому что они не умеют шить, у других – потому что им недостает дисциплины. Ли относился к тем, кто не хотел становиться закройщиком; он собирался применить полученные навыки для другого. Но в то время я не видела разницы между ним и другими учениками».[160]

Сам Маккуин уверял, что, работая в ателье Anderson & Sheppard, он по-своему там «отметился». «Вначале учеников на целых три месяца сажают обрабатывать лацканы, – вспоминал он позже. – Скоро это занятие надоедает, и ученики потихоньку царапают что-то под подкладкой пиджака. Многие царапают непристойности – чего и ждать от скучающих шестнадцатилетних парней? Но тот этап был преходящим. Если бы я тогда знал, что о нем будут столько говорить, вряд ли я бы вообще упомянул о нем».[161] Во время телеинтервью, данного Фрэнку Скиннеру, он поделился пикантными подробностями: «Я работал на Савил-Роу, сидел на верхнем этаже старого здания, с множеством старых портных, мне было очень скучно, и надо же такому случиться, что мне поручили обрабатывать пиджак для принца Чарлза… И вот,

хотите верьте, хотите нет, я взял и нарисовал на подкладке большой член».[162] По другой версии той же истории, он написал на подкладке шариковой ручкой «Я мохнатка» (смягченный вариант).

Правду ли он говорил? Джон Хичкок уверен, что нет. Наставник Маккуина, Кон, «был убежденным католиком, ходил в церковь, и, если бы он увидел что-нибудь такое, он бы непременно поменял подкладку. Это неправда». По словам Хичкока, когда камердинер принца Чарлза прочел новость о непристойности, якобы написанной Маккуином, он обратился с жалобой в ателье Anderson & Sheppard. Хичкок вспомнил, как пресловутый пиджак осторожно распороли… и ничего не обнаружили. «Маккуин добивался одного: он хотел, чтобы все считали, будто он шил пиджаки для принца Чарлза. Цели он достиг, но за наш счет, – сказал Хичкок. – Он поступил некрасиво».[163] Розмэри Болджер согласна со своим начальником. «Он бы ни за что так не поступил, потому что Кон из него все кишки бы вытянул».[164]

Но многие, в том числе Сара Бертон, ставшая после смерти дизайнера креативным директором компании Alexander McQueen, верят в версию событий, изложенную Ли.[165] «Конечно, он так и сделал, – считает его сестра Джеки. – Если нужно было плавать в воде, он прятался под водой. Он бы сделал что угодно, чтобы прослыть бунтовщиком. Он ни на кого не пытался произвести впечатление, ему не на кого было производить впечатление, кроме самого себя».[166] Эндрю Гроувз, бойфренд Ли, также подозревает, что Маккуин вполне мог испытывать удовольствие оттого, что оставляет свой след на материи, греховную эмблему, служившую Маккуину своего рода гербом. «Чем бы он ни занимался, он не мог этого не ниспровергать, – говорит Гроувз. – Ему всегда хотелось подорвать саму идею власти и истеблишмента».[167]

Проработав в ателье Anderson & Sheppard около двух лет, Ли начал опаздывать или вообще не являться на работу.

Непунктуальность Маккуина начала вредить общему ходу дел. Если он не завершал определенную операцию к сроку, это означало, что и другие сотрудники не могли вовремя выполнить свою работу. «У нас бесполезно было ссылаться на опоздавший автобус; значит, надо было выйти раньше, – говорит Хичкок. – Кон попросил меня переговорить с ним, так как поведение Ли очень удручало его. Я сказал ему, что он подводит других, а он вспылил и хлопнул дверью. Мы его не увольняли, он ушел сам. Позже мы узнали, что тогда у него заболела мать, но, если бы он сказал об этом, ему бы дали неделю отпуска».[168] Когда

журналист Линн Барбер связалась с ателье Anderson & Sheppard, чтобы включить их отзыв о Маккуине в свою статью в газете «Обсервер» в 1996 году, она поняла, что там Маккуин оставил по себе не слишком хорошие воспоминания. Норман Халси заметил: «Жаль, что нас поминают по поводу и без повода, но у нас его никто не помнит. Возможно, он проработал здесь всего несколько недель. Есть армейское выражение, которое я бы употребил, не будь вы дамой, – не нужно зас… мозги. Не знали такого?»[169]

Из ателье Anderson & Sheppard Маккуин перешел дальше по Савил-Роу, в Gieves & Hawkes, где стал учеником закройщика. Он начал работать 11 января 1988 года и провел в ателье чуть больше года. «Конечно, я помню, как он у нас работал, – говорил в 1997 году Роберт Гив. – К сожалению, мы не заметили в нем ничего выдающегося; мы не собирались оставлять его у себя. Но он отличался необычайной пытливостью, все время забрасывал нас вопросами. Почему это, почему то, зачем делать вырез здесь, а не там, что лучше – подчеркнуть грудь или талию? Его характер проявлялся в том, как он работал и как говорил».[170]

Маккуин уверял, что в ателье Gieves & Hawkes царила атмосфера гомофобии, и в конце концов именно поэтому он в марте 1989 года вынужден был уйти оттуда. «Я пошел к главе фирмы и пожаловался на недопустимость сложившегося положения, – говорил он. – Так как ничего не изменилось, я ушел».[171] Он устроился вне штата в компанию Berman & Nathan, которая занималась изготовлением театральных костюмов. Ему довелось поработать над такими постановками, как «Отверженные» и «Мисс Сайгон». «Ли работал над костюмами для «Мисс Сайгон», а я занимался реквизитом, – вспоминает Эндрю Гроувз. – Мы даже не понимали этого, пока не познакомились».[172] Хотя позже Ли уверял, что тамошняя обстановка вызывала у него отвращение – «Меня окружали женоподобные геи, да и вообще я терпеть не могу театр»,[173] – Гроувз считает, что короткий период работы над крупными театральными постановками оказал влияние на его показы. «Его мышление было сходным с моим – если хочешь сделать шоу, оно должно быть зрелищным. Надо, чтобы зрители расходились, восклицая: «Ух ты!» – или испытывали ужас, или отвращение, или восхищение, а не просто: «Ах, какая красивая юбка!»[174]

Для пополнения скудного дохода Маккуин подрабатывал и в «Отражениях», пабе напротив своей старой школы в Стратфорде. К тому времени паб сменил хозяев, и, по словам Арчи Рида, человека, который позже станет близким другом Маккуина, «это был самый крутой паб в Ист-Энде». Там, например, регулярно собирались члены «Интер сити фирм» (ICF), хулиганской

футбольной группировки, основанной болельщиками клуба «Вест Хэм юнайтед». Какое-то время владельцами паба были близнецы Крэй, контролировавшие большую часть организованной преступной деятельности в Ист-Энде на рубеже 1950–1960-х годов. Позже в паб стали допускать смешанную публику, в том числе геев. «Когда там закрывали двери, становилось страшно, – вспоминает Арчи. – Там случались драки, секс и все на свете». Арчи помнит, как Ли ходил по залу и собирал стаканы, опустив глаза в пол. «Мне стало интересно, почему он не смотрит в глаза, – вспоминает он. – Позже я спросил его, почему так, и он ответил, что даже не глядя видит все, что происходит. Еще я спросил, почему он там работает, и он ответил: «Мне нравится все, что там происходит. Только что два парня целуются, рядом целуются две девицы, рядом – парень и девица». Там случалось много преступлений и много драк».[175] После того как Ли увидел в одном журнале статью о дизайнере Кодзи Тацуно, родившемся в Токио и обосновавшемся в Лондоне, он решил попасть к нему в ателье. На собеседование он явился в суженных брюках, кожаной куртке, с куском атласа на шее. «Я выглядел полным психом», – вспоминал он позже.[176] Хотя Тацуно нанял Маккуина лишь стажером на срок меньше года, он оказал огромное влияние на двадцатилетнего Ли. Тацуно, которого тогда поддерживал Ёдзи Ямамото, славился своей любовью к экспериментам. Он стремился вывести ткань из состояния двухмерной безжизненности, превратить ее в трехмерную скульптуру. В 14 лет он убежал из дома, а через пять лет приехал в Лондон как закупщик антикварной фирмы. В 1982 году он запустил линию одежды под собственным брендом Culture Shock («Культурный шок»). Это название также обладало особой притягательностью для Маккуина. А то, что Тацуно не получил официального образования, позволило ему стать творцом уникальной эстетики. «Я люблю творить спонтанно, – говорил он в 1993 году. – По традиции начинают с раскроя ткани на плоскости, но этот процесс, по-моему, никак не связан с фигурой». Вместо обычных операций он приучался так соединять материю и фигуру, на которой она сидела, чтобы получался определенный образ; позже его примеру последует Маккуин.[177] «Его творчество было основано на британском искусстве кроя с примесью авангарда, и мне казалось, что в Лондоне ничего подобного больше нет», – говорил Ли.[178] Маккуин работал в студии Кодзи в Мейфэре, на Маунт-стрит, и именно там он научился кроить без выкройки. «Мы никогда не говорили о трендах или модных течениях, – сказал Кодзи. – Меня, как и его, привлекало портновское искусство Савил-Роу, но хотелось не просто творить в

традиционном русле, а сотворить что-то новое. Мое первое впечатление о нем – он казался немного странным. Я сразу понял, что его привлекает обратная, так сказать, темная сторона красоты, которая влекла и меня».[179]

Работая у Тацуно, Маккуин познакомился с человеком, который станет его наставником в мире моды и гомосексуальности. Он введет его в мир богатства, привилегий и культуры.

БиллиБоя* можно назвать эстетом чистой воды; иногда кажется, что он сошел со страниц какого-нибудь декадентского романа. Он родился в Вене, а вырос в Нью-Йорке. С юных лет его привлекал стиль. В двенадцать лет он начал коллекционировать винтажные вещи Эльзы Скьяпарелли после того, как нашел на парижском «блошином рынке» одно ее творение – шляпу, похожую на «смятый клоунский колпак с пришитым к нему жуком».[180] БиллиБой* рос в окружении художников, писателей и кинозвезд. В детстве он позировал Сальвадору Дали; в пять или шесть лет побывал на студии Уорхола; к нему благоволили и влиятельная франко-американская обозревательница Диана Вриланд, и Джеки Онассис. Его опекун и близкий друг Беттина Бержери, урожденная Элизабет Шоу Джонс, разработала дизайн витрин парижского ателье Эльзы Скьяпарелли в Париже. В одной из них стоит портновский манекен с букетом цветов вместо головы, который, по словам одного комментатора, возможно, навеян одним случаем в юности дизайнера: «Мать Скьяпарелли, которую считали настоящей красавицей, часто критиковала внешность Эльзы, когда та была маленькой. Желая как-то исправить положение, Скьяпарелли посадила у себя во рту, в носу и ушах семена цветов, чтобы сделать свое лицо, которое она считала уродливым, красивым и уникальным. Как и следовало ожидать, последствия ее поступка оказались катастрофическими».[181] В своей автобиографии Скьяпарелли написала о том, как ей хотелось, «чтобы ее лицо было покрыто цветами, как райский сад».[182] Созданный ею образ так понравился Маккуину, молодому человеку, который всегда стеснялся своей внешности, что позже он возьмет слова Скьяпарелли на вооружение и воплотит в жизнь, покрывая лица моделей, которых он выпускал на подиум, цветами или бабочками. «Скьяпарелли привлекала его как анархистка, бунтовщица, – говорит БиллиБой*. – Я рассказал ему о контркультуре и о том, что она делала, – например, платье с узором «рыбий хребет» в виде омаров – что ему очень понравилось».[183]

Они познакомились в 1989 году через общих друзей. Можно сказать, что они родились на двух полюсах общества: Ли в

рабочей семье, в бедном районе в Стратфорде, а БиллиБой* вырос среди интеллектуальной элиты Нью-Йорка, у него был частный наставник, он посещал школу Монтессори. «Однажды Ли повез меня посмотреть, где он жил в детстве, и я пришел в ужас, я в жизни ничего подобного не видел, – признался БиллиБой*. – Конечно, я старался помалкивать, но понял, где истоки его гнева. Возможно, я испытывал такое же нездоровое любопытство к его прошлому, как он – к моему».[184] Ли до двадцати лет ни разу не был за границей, а БиллиБой* уже в восемь лет отправился в свое первое из трех кругосветных путешествий. Маккуин догадывался, что близкие, особенно отец, не могут смириться с его нетрадиционной сексуальной ориентацией. Когда БиллиБой* был подростком, мать спросила его, не гей ли он; после того как он ответил утвердительно, она обняла его и «чуть не плача воскликнула: «Ах, слава Богу, слава Богу, я боялась, что ты им не станешь; у тебя была бы такая скучная жизнь натурала, а теперь натуралы НИ ЗА ЧТО тебя не получат!»[185]

Приезжая в Лондон, БиллиБой* обычно останавливался в гранд-отелях, вроде «Савоя» или «Ритца», «мы отправлялись в загул по пабам, и Ли приходил в «Ритц». С одной стороны, обстановка производила на него впечатление, но, с другой стороны, он отпускал ехидные замечания об отеле, – вспоминает БиллиБой*. – Он как будто все время нарывался на ссору. Ему хотелось добиться успеха, получить привилегии, деньги и славу, которыми обладали другие, те, кого он презирал за то, что у них все есть. Не думаю, что ему удалось справиться со своими внутренними противоречиями. Мы с ним были как ночь и день и в обычных условиях не стали бы друзьями. Не думаю, что ему нравилось свое прошлое; его он тоже презирал. У меня сложилось впечатление, что он завидует мне, хотя мои ранние годы тоже счастливыми не назовешь. Нас сроднили боль и тоска, испытанные в детстве».[186]

БиллиБой* родился у двух несовершеннолетних родителей. Его матери-католичке было всего четырнадцать, а отцу-иудею – пятнадцать. В обеих семьях его рождение сочли постыдным; в результате ребенка отдали в приют. «Туда сдавали незаконнорожденных детей из очень богатых, очень аристократических семей», – вспоминает он. В четыре года его усыновила семья русских аристократов, которая жила на Манхэттене. Позже он узнал, что его настоящие родители покончили с собой, когда им было 18 и 19 лет соответственно. «Я стал их единственным наследником; в завещании они пожелали, чтобы я носил их имена, их обоих… Приемные родители непонятно почему решили назвать меня БиллиБой* в честь

одного английского графа… которого звали Бой, и Билли – от Вильгельма (то есть Вильяма). У меня есть и другие имена – Зеф Шмуэль Роберто Атлантида. Атлантида – потому что я с обеих сторон Рыбы. Ну а звездочку я добавил уже от себя».[187]

История БиллиБоя* заворожила Ли – сама мысль о брошенном ребенке, мрачная обстановка в сиротском приюте, куда богачи отдавали своих незаконнорожденных детей, двойное самоубийство биологических родителей, чрезмерно роскошный образ жизни сначала в Нью-Йорке, а потом в Париже, куда он переехал в конце 1970-х годов. В столице Франции он общался «со всеми и каждым, кто достоин упоминания в искусстве и моде», в том числе с Марлен Дитрих, Лин Вотрен, Диего Джакометти, Бернаром Бюффе, Юбером де Живанши, Марком Боаном из дома Dior, Андре Курреже, Ивом Сен-Лораном и Александром де Пари, который стриг его. Когда БиллиБой* вспоминал события своей жизни – которые позже он назвал «немного похожими на «Ромео и Джульетту» с элементами поп-арта», – Ли был поражен. Даже в молодом возрасте Маккуина привлекала идея обновления, способность некоторых воссоздавать себя заново. БиллиБой* рассказал ему, что образование сыграло главную роль в спасении его жизни. «Образование – лучшее, что я вынес из детства. То есть я ведь мог попасть в любую семью… Моим родителям хватило ума дать мне очень хорошее образование вместо того, чтобы превращать меня в одного из них… Я многим обязан приемным родителям – и, как ни странно, родным тоже, ведь они в буквальном смысле умерли, чтобы помочь мне… Я чувствую свою близость с ними… так что, между их душами, умами и деньгами и состоянием моих приемных родителей, которые дали мне необычное образование, я стал таким, какой я есть, точнее, мне легче было превратиться в самого себя».[188]

Их объединяла и любовь к моде. БиллиБой*, который стал художником, вспоминает, какие изящные костюмы создавал Ли, работая на Кодзи Тацуно. Он до сих пор носит пару роскошных вещей, сшитых Маккуином в то время: пиджак, расшитый павлиньими перьями, и еще один, созданный «по мотивам» костюма для верховой езды XVIII века, который, по его словам, является «шедевром дизайна, который я буду носить до конца жизни».[189]

Однажды, когда БиллиБой* пришел в студию Тацуно в Мейфэре, чтобы купить несколько вещей из коллекции, он заметил, что Ли с интересом наблюдал за тем, как он примеряет узкое «шелковое платье со смелым вырезом». «Тебе нужно это носить, только ты можешь это носить», – сказал ему Ли. «Тебе не

кажется, что в нем я смахиваю на шлюху, на шлюху-транссексуала?» – спросил БиллиБой*. «Нет, сразу видно, что у тебя есть яйца», – ответил Ли. «Хочешь сказать – сила духа?» – «Ага, и это тоже», – смеясь, ответил Маккуин».[190]

Маккуин также с интересом следил за тем, как его новый друг меняет внешность: то БиллиБой* носил элегантный, традиционный костюм, сшитый в ателье Anderson & Sheppard, а на следующий день облачался в сюрреалистический авангардистский наряд, созданный для того, чтобы бросать окружающим вызов и вселять в них неуверенность. Ли «по-моему, вначале был впечатлен тем, что я – странный гибрид интеллектуала и примитива, и тем, что я могу носить традиционные костюмы и галстуки и одновременно первые вещи Джона Гальяно или странные постпанковские вещи BodyMap».[191]

Хотя БиллиБой* не считает Ли талантливым рисовальщиком – «обычно он набрасывал свои миниатюрные эскизы на углах бумажных тарелок и салфеток», – он обладал врожденным чувством кроя. «Он мастерски кроил, драпировал ткань и оборачивал ею манекены. Его способности просто поражали».[192]

Когда в 1989 году компания Кодзи Тацуно обанкротилась, Маккуин начал искать новое место работы. Он спросил одну сотрудницу компании, не знает ли та, кому нужны лекальщики; та познакомила его с Джоном Маккиттериком, главным модельером Red or Dead, дома «уличной моды», созданного Уэйном и Джерардин Хемингуэй. «Ли был весьма непритязателен; создавалось впечатление, что мода его вообще не волнует, – вспоминает Маккиттерик. – Он был не от мира сего, выглядел неопрятным, но, когда пришел работать в студию, которая тогда находилась в районе Уэмбли, стало очевидно, что он разбирается в том, что делает. Он очень хорошо умел шить и кроить, что было удивительно для такого молодого человека; кроме того, он отличался организованностью и всегда все делал вовремя. Мы с ним очень сблизились, хотя нас нельзя было назвать друзьями. Я не виделся с ним за пределами студии, а он не был завсегдатаем в тех местах, барах или на тех приемах, куда ходил я. Он мне нравился, он был очень славным, только не умел поддерживать разговор. Целыми днями трудился как пчелка, и работа у него спорилась. Но я не сознавал, насколько он интересен; это пришло позже».

В то время Ли совместно с Маккиттериком работал над рядом коллекций для Red or Dead, в том числе Charlie Spirograph (осень/зима 1989), Spacebaby (весна/лето 1990) и We Love Animals (осень/зима 1990). Чем больше Ли узнавал о сложностях дизайна, тем больше интересовался ими. Во время работы он забрасывал

Джона специфическими вопросами о технических аспектах процесса создания моды. «Он понял, что больше всего на свете хочет трудиться в области моды, – говорит Маккиттерик. – Вряд ли он ставил себе задачу взлететь на самый верх. Из нашего тогдашнего разговора он вынес один замысел – я предложил ему съездить в Италию. Мне довелось работать в Италии; тогда, в конце восьмидесятых, там было замечательное место для тех, кто стремился сделать себе имя в моде. Там развивали множество новых направлений, например спортивную одежду, мужскую одежду, которую в то время нельзя было достать ни в Париже, ни в Штатах».

Ли, как всегда, порывистый и непосредственный, пожелал немедленно отправиться в Италию, но Джон посоветовал ему подождать – лучшее время для того, чтобы получить работу, наступало сразу после модных показов, когда дизайнеры стремились обновить свои студии. Кроме того, Джон воспользовался своими связями и составил для Ли список «нужных людей» – редакторов, агентов по найму, дизайнеров. Вооруженный этими сведениями, Ли попросил свою сестру Трейси, которая тогда работала в бюро путешествий, забронировать ему билет в один конец – в Милан. «Я решил, что он слегка двинулся, – вспоминает Джон Маккиттерик. – Он тогда ходил в мешковатых джинсах с дырой на колене, в широкой рубашке; у него была ужасная стрижка и так далее. Я еще подумал: «Что он делает?!»[193]

Маккуин, которому в то время не исполнилось и двадцати одного, приехал в модную столицу Италии в марте 1990 года. У него была мечта. Хотя он готов был работать у любого дизайнера, на вершине его списка предпочтений находилось одно имя: Ромео Джильи. «В Лондоне ничего не происходило, а величайшей фигурой того времени считался Ромео Джильи, он был повсюду», – говорил Ли.[194] В «Справочнике Макдауэлла по моде XX века» о Джильи написано так: «Его бесформенные одеяния, подчеркивающие удлиненный силуэт, вскоре выделили его из общего потока итальянской моды… показы Джильи стали культовыми событиями, а его костюмы охотно покупали молодые богатые женщины по всему миру. Его композиции – синтез лондонской постпанковской уличной моды и японского авангарда, помноженный на итальянскую изысканность и игру цвета. В результате возникают вещи крайне изящные и элегантные… Многие специалисты в мире моды считают его самым важным дизайнером восьмидесятых».[195] Маккуина в работах Джильи привлекали романтизм, намеки на византийские мозаики и средневековые рельефы, а также его способность

устраивать показы, которые никого не оставляли равнодушными. После его парижского дебюта 1989 года редакторы модных журналов «вскакивали с мест, роняя свои тюрбаны и огромные темные очки».[196] Бьянка Джаггер в 1989 году назвала Джильи неотразимым; по ее мнению, он был «самым интересным дизайнером, каких я уже много лет не видела; он одевает женщин в мужские вещи, и они выглядят в них необычайно женственными».[197]

Прилетев в Милан, Маккуин, одетый в лоскутные брюки клеш в стиле семидесятых и скромную рубашку, прошел от остановки метро «Ворота Гарибальди» по Корсо-Комо к студии Джильи. Он не договаривался о приеме заранее, но надеялся, что его «альбом с набросками костюмов», который он позже назовет «худшим портфолио всех времен»,[198] позволит ему претендовать на место лекальщика. Администратор позвонил Лизе Стратди. Уроженка Новой Зеландии, Стратди изучала моду и дизайн текстиля в Институте Марангони, а затем стала правой рукой Ромео. Она побеседовала с Маккуином. «Не помню, какие эскизы были в его альбоме. Меня заинтриговал его опыт работы… необычное сочетание, которое, как я решила, будет представлять интерес для Ромео, – вспоминает она. – В то утро Ромео встречался с Карлой [Соццани, его компаньоном и сестрой Франки Соццани, редактора итальянского Vogue. – *Э. У.*], и, хотя мы работали в открытой студии, деловые встречи прерывать было нельзя». Лизе вспоминает, что Ли «говорил довольно тихо и, наверное, сильно нервничал. Мы сели, я пролистала его портфолио и стала с ним разговаривать, расспрашивать его… У меня сложилось впечатление, что ему просто хотелось выбраться из Лондона, поэтому он решил попытать счастья в Милане».

Посмотрев портфолио, Лизе записала контактные данные молодого человека и поблагодарила его за то, что он пришел. Она поняла, что результат беседы разочаровал Ли. Вернувшись к себе, Лизе увидела, что Ромео уже освободился. Она рассказала ему о странном молодом человеке, работавшем на Савил-Роу. «У Ромео оставалось несколько минут до следующей встречи, и он сказал, что встретится с ним, – вспоминает Лизе. – Я выбежала из здания, повернула направо, на Корсо-Комо, и зашагала по направлению к станции «Ворота Гарибальди» в поисках его».[199] Заметив Ли, спускающегося в метро, Лизе окликнула его. Позже Маккуин вспоминал тот миг, когда «помощница Джильи ринулась за мной как сумасшедшая и крикнула, что Ромео хочет меня видеть».[200] Когда Лизе сказала Ли, что ее босс примет его, но у него немного времени и им нужно спешить, «лицо его осветилось, как будто взошло солнце, стало теплым и счастливым; он сделался

словоохотливым, то и дело смеялся… Так мы наполовину дошли, наполовину добежали назад, взволнованно переговариваясь и хохоча. Я отвела его к Ромео и представила… Не помню, как происходило знакомство; во всяком случае, его тут же взяли на работу».[201] Жалованье было маленьким – около 1,2 миллиона лир в месяц (примерно столько же стоила одна простая рубашка в магазине), но Ли был совершенно счастлив. Он позвонил Джону Маккиттерику; тот «удивился и одновременно порадовался» за него.[202]

Маккуин разрывался между фабрикой Дзамаспорт в Новаре, в 30 милях от Милана, и студией, просторным, оштукатуренным залом в мансарде над авторемонтной мастерской. Студия Джильи находилась на улице Корсо-Комо, которую в то время называли «откровенно убогой».[203] Ли начал работать над костюмами для линии Callaghan, в создании которой принимал участие Джильи. Вначале ему поручали не слишком творческие задания – например, воспроизвести рубаху со складками, которую Ромео разглядел на одной фотографии. На снимке, сделанном фотографом агентства «Магнум фото» Джозефом Куделкой, был изображен молодой цыган, которого другой парень дергал за рубашку. «Ли работал над этой рубашкой неделю, но так не окончил ее, – вспоминает Кармен Артигас, уроженка Мексики, которая в то время работала ассистентом Джильи по дизайну. – Пришел Ромео и презрительно бросил: «Нет, не так», – и Ли обиделся. Помню, Ли потел и нервничал, когда Ромео в тот день говорил с ним». Шесть лет спустя, когда Кармен навестила Маккуина в Лондоне, Ли достал пластиковую папку, в которой находилась копия той самой фотографии цыганского юноши. «Помнишь? – спросил он. – Мне показалось, что в тот день меня уволят».

Они подружились после того, как Кармен однажды заметила, что Ли держится за щеку, как будто у него болит зуб, и предложила ему таблетку аспирина. Потом они пошли вместе обедать, и Ли рассказал ей о своем детстве в Стратфорде. «У него были пронзительные синие глаза, – вспоминает Кармен. – Он был застенчив, и у него было доброе сердце. Он был хорошим человеком. У меня не сложилось впечатления, что он гомосексуалист. Он носил мешковатые джинсы, свободные рубашки, любил цепи… Внешне он походил на хулигана. И очень стеснялся своих плохих зубов». Кроме того, он страдал гингивитом – Кармен заметила, что десны у него распухли и ярко-розовые. «У него не хватало одного зуба – во время разговора это было незаметно, но, если он запрокидывал голову и смеялся, было видно, что одного зуба нет».

В числе прочих задач Ли и Кармен приходилось рисовать небольшие эскизы будущей коллекции на рулонах веленевой бумаги, в которые потом заворачивали костюмы Джильи. Желая позабавить – а может, и шокировать – новую подругу, Маккуин показывал ей наброски своих будущих коллекций. На одном рисунке он изобразил полуженщину-полурусалку, с закутанной вуалью головой, точнее, тем, что от нее осталось. Груди русалки прикрывали металлические конусы, а из живота торчала стрела. На другом эскизе агрессивного вида собака стояла рядом с вымышленной экзотической птицей. Маккуин подписывал свои эскизы: «Кармен – с любовью, Ли». Кармен его фантазии озадачивали. «В то время коллекции были очень прерафаэлитскими; они предназначались для красавиц, а он рисовал чудовищ, – вспоминает она. – Он казался мне немного чокнутым».[204]

Ли переехал в комнату в четырехкомнатной квартире Лизе на Виа Ариберто, 1, возле станции метро «Сант-Агостино». Квартира находилась в «богатом дворце», «огромном здании с плиточным полом, паркетными полами и высокими потолками» в «тихом, довольно величественном квартале». Когда Ли выходил из дома или возвращался, он часто видел пожилую пару, которая сидела в каморке консьержа; муж задыхался и время от времени подключался к дыхательному аппарату. По мнению Лизе, именно этот мужчина вдохновил Маккуина на образ голой толстухи в маске, которая появляется в его коллекции Voss (весна/лето 2001). «Возвращаясь домой, вы шли к лифту мимо застекленной каморки в рамке из черного дерева и видели двух стариков. Они сидели по обе стороны небольшого столика, – вспоминает Лизе. – На мужчине белая фуфайка, у него волосатые руки, а лица почти не видно из-за того, что он подключен к дыхательному аппарату. Оба просто смотрят перед собой из застекленной каморки, мимо и сквозь тебя. Едкий запах серы исходит от стекла, а их пустые лица находятся в полумраке. Картина нагоняла жуть».

Помимо Лизе, в одной квартире с Маккуином жили коллеги Джильи Карен Бреннан и Франс Анконе. «Ли познакомил меня с хип-хоп-трио De La Soul; их музыка вечно гремела из двухкассетника в его комнате, – вспоминает Лизе. – Он заражал своей «лондонской» энергией, и, когда он находился дома, я тоже некоторым образом попадала в Лондон. Правда, дома мы оказывались одновременно нечасто. Мы работали по десять – двенадцать часов в день, иногда ходили куда-то ужинать, танцевать, а на следующее утро сталкивались в дверях туалета – санузел был один на четыре комнаты, так что мы вечно стояли в очереди. [Помню, как мы. – *Э. У.*] время от времени колотили в

дверь ванной: «Выходи, мне нужно в туалет!» Кроме того, Лизе помнит, как ужасали ее кулинарные пристрастия Маккуина. «Похоже, он тогда совершенно не умел готовить, – говорит она. – Потом я несколько раз угощала его; чаще всего просто варила пасту, но вечно твердила, чтобы он хорошо питался». Через много лет, когда они снова встретились в Лондоне, Ли назвал ее своей «итальянской мамой», «что он, наверное, считал комплиментом».

Как-то вечером, во время ужина Ли отпустил «странное» замечание о гомосексуалистах. Лизе, Карен и Франс даже показалось, что он гомофоб. «Я списала все на его бестактность, невоспитанность или невежество». Никто не ответил ему, и разговор продолжался. Франс завела речь о новых миланских клубах, «и Ли тут же перечислил все местные гей-клубы» и осыпал их подробностями, «которые можно было знать, только если ты завсегдатай таких клубов или давно живешь в Милане… он говорил тоном знатока». Лизе вспоминает, что наступила неловкая пауза, а затем они сменили тему, но после она подумала: «Надо же! Значит, тебе тоже кое-что известно». Ли сидел, слегка склонив голову, «и ни на кого не смотрел». Тогда она поняла, «что в Ли скрыто больше, чем он притворяется».[205] Позже Ли будет развлекать Саймона Англесса, своего друга по колледжу Святого Мартина, рассказами о своих бурных итальянских похождениях; Англесс счел их все выдумками. «Он рассказывал о штуках, которые казались совершенно невозможными в физическом смысле, – говорит Саймон. – Представьте, например, по его словам, он ездил в каком-то лифте или подъемнике, где занимался любовью с несколькими мужчинами сразу».[206] Других также удивляло поведение Маккуина. Однажды в выходные Ли пригласил Кармен и ее сестру, которая приехала в Милан в гости, на вечеринку. Они договорились встретиться на углу у ресторана. Шел дождь; Ли пришел с красивым винтажным японским зонтиком из бамбука и вощеной бумаги. «Он, конечно, погубил зонтик, который принадлежал его другу-японцу, потому что такой зонтик не был предназначен для защиты от дождя», – вспоминает Кармен. Когда она указала ему на это, Ли просто расхохотался, и они пошли на вечеринку. Там ее предвзятое мнение о Ли снова подверглось испытанию. «Хозяином был настоящий красавец, работавший у Версаче; там вообще полно было красивых парней, – вспоминает она. – Я гадала, где он с ними со всеми познакомился?»[207]

Исполненный решимости наблюдать и узнать как можно больше от тех, кто его окружал, Маккуин присматривался к харизматичному Ромео Джильи, которого Кармен назвала «похожим на голограмму… он не был красавцем, но в нем было

нечто особенное, загадочное, романтическое».[208] Ли с интересом слушал рассказы Джильи о себе: он родился в богатой семье и рано лишился обоих родителей. На полученное наследство он объездил весь мир. «Я жил как принц по крайней мере десять лет», – говорил Джильи. Его мать всегда носила наряды от-кутюр (особенно любила Dior и Balenciaga), и Джильи буквально завораживала изысканность этих вещей. Некоторые из них казались движущимися частями скульптуры. «Я обращал внимание на то, как они были сделаны… Что бы я ни делал, я должен знать, как это работает».

В основе его творческого процесса лежит эклектика. Он черпал вдохновение из книг, картин, иностранных традиций, путешествий. «Моя коллекция вызвана к жизни библиотекой моего отца, – сказал он, – в ней никогда не прослеживается какой-то один тренд, но вся это смесь – сборник моих познаний».[209]

Кроме того, у Джильи Маккуин научился создавать свой публичный имидж. «Джильи привлекал к себе всеобщее внимание, и мне хотелось понять, в чем тут дело, – говорил позже Ли. – Его вещи были почти ни при чем; интерес вызывал он сам как личность. И это, по существу, справедливо для всех. Любой интерес к одежде вторичен по сравнению с интересом к дизайнеру. Но нужно быть уверенным в том, что ты тоже хороший дизайнер. Без уверенности убеждать других невозможно. Если ты не умеешь создавать хорошие вещи, какой смысл пускать всем пыль в глаза?»[210]

В конце своей «миланской стажировки» Ли рассорился с соседями по квартире на Виа Ариберто. Как-то ночью, вернувшись, Лизе увидела, что в квартире темно и тихо. В своей комнате она обнаружила Ли; он лежал в ее постели ногами на подушке. Ли был «очень огорчен» и рассказывал ей о случившемся, «то и дело рыдая». Она вспоминает: «Было поздно. Я устала. Постаралась как могла утешить его, выпроводила из моей постели и проводила в его комнату. Вскоре после того он собрал вещи и съехал». У Лизе сложилось впечатление, что «он гулко захлопнул за собой парадную дверь».[211]

В компании Джильи, которая скоро распалась из-за разрыва между Джильи и Карлой Соццани, Маккуин провел совсем немного времени. Летом 1990 года он уехал. Ли уверял Кармен, что не знает, чем займется дальше, но сказал, что возвратится в Лондон, где надеется получить работу; он дал ей адрес и телефон своей матери на тот случай, если она захочет с ним связаться. У нее остались странные и красивые эскизы, подаренные Ли, и пара фотографий. Один полароидный снимок представляет собой сделанный крупным планом портрет, на котором Ли выглядит

обезображенным, как будто он царапал снимок скальпелем, чтобы стереть свои черты.

Со стороны казалось, что жизнь Маккуина катится в никуда. Он вернулся в Лондон, снова поселился у родителей на Биггерстафф-Роуд и начал работать на Джона Маккиттерика. Маккиттерик к тому времени ушел из компании Red or Dead и запустил линию одежды под своим именем. В то время Маккиттерика вдохновляли фетиши, и Маккуин работал над рядом моделей из кожи и ПВХ, с множеством молний и заклепок. «На том этапе он снова начал выносить мне мозги в связи с дизайном, – вспоминает Маккиттерик. – У него был опыт работы на Савил-Роу, но в качестве ученика закройщика, а потом он подрабатывал лекальщиком и «швеей», что не было поводом похвастать в резюме и не добавляло ему уверенности в себе. Он говорил, что твердо решил стать дизайнером, а я убеждал его, что вначале нужно изучить весь процесс. Я сказал, что всему можно научиться, работая на других, но лучше всего пойти в школу».

Маккиттерик рассказал Ли о Центральном колледже искусств и дизайна Святого Мартина, который тогда находился на Чаринг-Кросс-Роуд на окраине Сохо. Он сам окончил там сначала бакалавриат, а потом и магистратуру. «Я сказал, что для него еще не поздно сделать то же самое, а его работу по профессии наверняка зачтут как эквивалент степени бакалавра». Маккиттерик, который тогда преподавал для магистрантов, продиктовал Ли фамилию и телефон Бобби Хиллсон, основательницы и директора магистратуры. Ли понимал, что, если он попадет в колледж Святого Мартина, его жизнь изменится. «Я хотел научиться всему, всему, дайте мне все», – говорил он.[212]

Глава 3

Если ты неудачник и ни к чему не пригоден, школа искусств – то место, где тебе будет хорошо.

Профессор Луиза Уилсон

Прижимая к груди охапку вещей, Ли шагал по длинному, довольно обшарпанному коридору. Подойдя к кабинету Бобби Хиллсон, он постучал в дверь и стал ждать. Бобби, которую один историк моды называет «патрицианкой» и «представителем старой школы», открыла дверь и увидела молодого человека, которого приняла за курьера.[213] «Вы к кому?» – спросила она. «К вам», – ответил Ли. «Но я ни с кем не договаривалась о встрече».

Ли рассказал Хиллсон о том, что к ней его направил Джон Маккиттерик. Бобби тогда спешила; она пригласила его войти, но предупредила, что может уделить ему всего пять минут. Ли сбросил пиджаки на диван и сказал Хиллсон: «Эти пиджаки сшил я. Поскольку я служил лекальщиком у Ромео Джильи, решил, что имею право работать у вас». Бобби отказала ему в работе; она считала, что Ли слишком молод для того, чтобы быть лекальщиком, и студенты не воспримут его всерьез. Однако ее заинтересовал опыт парня, полученный не только у Джильи, но и на Савил-Роу.

«Вы когда-нибудь что-нибудь создавали или рисовали?» – спросила она. «Я всю жизнь рисую», – ответил Ли.[214]

Бобби назначила Маккуину встречу через несколько дней и велела захватить портфолио с рисунками. Увидев его наброски, которые позже назвала «потрясающими»,[215] Хиллсон сразу же предложила ему поступить в магистратуру, несмотря на то что у него не было диплома бакалавра по специальности «дизайн одежды и текстиля». «Он был потрясен, совершенно потрясен», – вспоминала Бобби. Она предупредила, что стипендии он не получит, так как все гранты уже распределены, но, если найдет деньги на оплату обучения, она с радостью примет его. «Я сразу поняла, что у него несомненный талант, – говорит она. – Он был относительно некрасив, не слишком понравился мне внешне, но я решила: раз он так упорен, нужно дать ему шанс». Хиллсон отправила его к Джейн Рэпли, тогда декану отделения моды и тканей, и сказала ей: «Джейн, я приняла одного парня; у него нет соответствующих дипломов, возможно, он бросит учебу на середине курса, и все-таки я его беру».[216]

Позже Маккуин написал, что Бобби Хиллсон была ему «как мать», «ворчливая, но очень заботливая», а один модный критик написал, что Бобби и Ли составляли «такую же невероятную пару, как великая герцогиня и футбольный фанат-хулиган».

После учебы в колледже Святого Мартина у легендарной Мюриэль Пембертон Хиллсон работала иллюстратором в Vogue. Она присутствовала на показе-«возвращении» Шанель в 1950-х годах. «Интересно вспомнить историю… Тогда на показах можно было увидеть всех, от Марлен Дитрих до Барбры Стрейзанд», – говорит она.[217] За годы работы в колледже Хиллсон была наставницей лучших и ярчайших будущих дизайнеров – Стивена Джонса, Джона Гальяно, Рифата Эзбека, Джона Флетта и Сони Наттол. «Магистратура в корне отличается от любого другого курса, – говорила Бобби. – Ее цель – научить студентов работать вместе, в команде, как в настоящем доме моды. Так что они изучают не только дизайн одежды, но и дизайн тканей, полиграфический дизайн. Мне не хотелось, чтобы курс был сухим и чисто теоретическим; наша главная цель – повысить профессионализм студентов».[218]

Ли вернулся домой взволнованный, предвкушая, как будет учиться в колледже. В то же время он понимал, что родным не по силам внести деньги за его обучение. Тогда плата за магистратуру составляла 1985 фунтов в год. Помогла тетка, Рене Холланд, которая в 1986 году получила небольшое наследство после смерти отца, Семьюэла Маккуина. «Рене имела какое-то отношение к профессии, потому что раньше работала швеей в Ист-Энде, – вспоминает Джанет, сестра Ли. – Она с самого начала увидела в Ли способности, поверила в его талант. Ли, в свою очередь, сшил для Рене пару платьев, и она была безмерно счастлива. Она хвалила крой, была довольна тем, как платья сидят, как они льстят ее фигуре… Так что в колледж Ли поступил с помощью Рене».[219]

В октябре 1990 года Ли приступил к занятиям в колледже Святого Мартина. Наверное, впервые в жизни он понял, что очутился на своем месте. «По-настоящему мне нравилась свобода самовыражения; меня окружали сходно мыслившие люди, – вспоминал он позже. – Для меня наступил волнующий период, потому что я понял, что на свете есть и другие такие же, как я».[220] Луиза Уилсон, которая сменила Бобби Хиллсон на посту директора магистратуры по курсу моды, говорила: «Вот что самое прекрасное в школе искусств. Если ты неудачник и ни к чему не пригоден, школа искусств – то место, где тебе будет хорошо». Уилсон тепло вспоминала старое здание колледжа Святого Мартина на Чаринг-Кросс-Роуд. «Попробуйте представить, что вы

приехали в старую больницу в России… Или на заброшенный склад, который так и не отремонтировали. Окна там не открывались, полы были покрыты потрескавшимся красным линолеумом, а вместо столов для раскроя ткани в студии стояли старые комоды, на которые положили листы фанеры; они были слишком низкими; во время работы приходилось гнуть спину. И все же там было сказочно».[221]

Центральный колледж искусств и дизайна Святого Мартина, образованный в 1989 году после слияния Центральной школы искусств и дизайна, основанной в 1896 году, и школы искусств Святого Мартина, основанной в 1854 году, – заслужил репутацию заведения, где царил дух культурного радикализма. Среди выпускников колледжа – Люсьен Фрейд, Джон Херт, сэр Питер Блейк, Джералд Скарф, Энтони Гормли, Майк Ли, Джарвис Кокер, П. Дж. Харви и члены группы «Клэш». В ноябре 1975 года «Секс Пистолз» отыграли один концерт в тамошнем баре (тогдашний басист Глен Мэтлок учился в колледже на факультете искусства). Эксперименты не только поощрялись; от студентов их ждали. «То, что вы можете нарисовать, вы можете сделать, – говорила Мюриэль Пембертон. – Нет ничего невозможного, надо только придумать, как воплотить ваши планы в жизнь».[222]

Джон Гальяно, который окончил колледж Святого Мартина в 1984 году, рассказывал в интервью Хэмишу Боулзу: «Там я находился среди скульпторов, художников, графиков и киношников».[223] Студенты собирались в «кофейне Дейва», мрачной комнатке на первом этаже, заставленной грязными пластиковыми столами и продавленными диванами. На седьмом этаже, где помещался факультет изобразительного искусства, находилась душевая, пользовавшаяся дурной славой – там собирались представители нетрадиционной ориентации. «Некоторые студенты с моего курса занимались проституцией в Сохо, – говорит Луиза Уилсон, – и они приводили своих клиентов в душевую».[224] В первый свой день в колледже Ли подружился с однокурсником Саймоном Англессом. Молодые люди, вместе с другими студентами-магистрантами, принимали участие в групповом обсуждении, которое проходило в студии на третьем этаже. Каждый участник представлял «домашнюю работу» и, в присутствии сокурсников и наставников, объяснял свой замысел и обрисовывал целевую аудиторию. Саймон подготовил несколько видов «шотландки», а Ли, которому, очевидно, пришлась по душе мысль воспроизвести клетку разных шотландских кланов, спросил его, как тот достиг результата. «Я подумал, что он совсем маленький, что ему лет четырнадцать – пятнадцать и что он – сын одного из преподавателей, –

вспоминает Саймон. – На нем были огромные, отвратительно грязные джинсы клеш и грязноватая винтажная футболка с головой индейца на груди. Он совсем не был похож на других; многие однокурсники из кожи вон лезли, чтобы по ним сразу можно было сказать, что они изучают моду в колледже Святого Мартина. Должен признать, я довольно резко отреагировал на вопрос парня о том, как я готовил свою работу. Как бы там ни было, после меня он вдруг достал свои эскизы, похожие на кукол Барби. Они классно выглядели! Бобби спросила, кого он считает своей идеальной клиенткой, и он ответил: «Кайли Миноуг». Дело было еще до того, как Кайли стала знаменита, и мы с Ли оба расхохотались. Потом Ли представил свою работу, и тогда до меня дошло: «Да ведь он тоже студент!» Помню его рисунки: как курица лапой… Я видел лысых остроносых девушек в водолазках с высокими воротниками, которые закрывали лица… и я подумал: «Ух ты, а ведь любопытно!» С того дня между нами установился тесный контакт».[225]

Чем больше Ли и Саймон говорили, тем больше понимали, что у них много общего. Подобно Ли, Саймон был выходцем из рабочего класса и геем; он тоже хотел добиться чего-то в области моды и усердно учился. По словам Англесса, многие их однокурсники отличались поразительной неискушенностью. В то время как они с Маккуином способны были перебрасываться через всю комнату такими именами, как Мартин Маргиела и Хельмут Ланг, словно шариками пинг-понга, некоторые студенты казались полными невеждами в азах моды. Ли и Саймон посмеивались над одним студентом, который упорно называл Версаче «Версайз».

«С первого дня Ли либо любили, либо ненавидели», – утверждает Ребекка Бертон, еще одна однокурсница Маккуина. Она вспоминает день в начале учебного года, когда студенты должны были представить своей группе коллекцию. Ли встал и объявил, что черпал вдохновение у эскимосов – он нарисовал объемные пальто с большими капюшонами из белой кожи. «Работы остальных он критиковал нещадно, говоря: «Фигня получилась, надо было так-то и так-то». Его высокомерие стало поводом для обид; многие считали, что с ним невозможно общаться. А мне он показался милым. Мы поладили, наверное, потому, что оба отличались язвительностью».[226]

Ребекка вспоминает, как Ли передразнивал одного однокурсника, который расхаживал по длинному коридору, как по подиуму. Ли «ходил за ним, жеманно виляя задом в своих мешковатых брюках, и хохоча».[227] Бартон говорит, что одна из самых характерных черт Маккуина, которая приходит в голову,

когда вспоминаешь о нем, – его смех. «Он часто громко смеялся, повизгивая».[228] Хотя Ли отталкивал многих студентов магистратуры своей, как им казалось, агрессивностью, сам он весьма болезненно относился к критике в свой адрес. Его однокурсница Адель Клаф вспоминает случай, когда она бездумно раскритиковала плакат, который он нарисовал для рекламы какого-то студенческого мероприятия. «Он нарисовал плакат кое-как, а в подписи допустил ошибки, – вспоминает она. – Я сказала ему: «Своим трудом надо гордиться, иначе из тебя ничего никогда не выйдет». Он промолчал, и я поняла, что зашла слишком далеко. Знаете – то чувство, когда кто-то смотрит на тебя, и ты понимаешь, что нечто подобное ему уже много раз говорили».[229] Тони Маккуин вспоминает, как усердно учился его брат. Однажды Ли должен был выполнить какое-то задание, где требовалась вышивка бисером. Маккуин попросил братьев и сестер о помощи: они должны были нанизывать разноцветные бисерины в определенном порядке. Тони ошибся, и Ли сказал, что ему придется начать все сначала. «Ли, да какая разница? – спросил Тони. – Ведь это никому не нужно!» – «Заткнись и делай», – ответил Ли».[230]

Кроме того, Ли подружился с Ревой Мивасагаром, молодым геем, наполовину индийцем, наполовину китайцем. Рева пришел в колледж Святого Мартина на две недели позже остальных, и Маккуин ему вначале не понравился, показался грубияном. Как-то Ли сидел в студии и смотрел слайды с эскизами. Рева подошел к нему. Ли спросил, откуда он приехал; Рева ответил, что вырос в Сиднее. Тогда Ли стал «задавать совершенно идиотские вопросы об Австралии; его голова была набита стереотипами вроде того, что все австралийцы обожают мясо. Потом он заявил: «Не мешай мне, потому что я делаю эскизы». Их дружба расцвела на почве любви к моде. «Большинство дизайнеров ему не нравились, но он любил Хельмута Ланга, Рей Кавакубо и Мартина Маргиелу». Рева вспоминает, как Ли покупал дешевые вещи в магазинах распродаж армейского обмундирования, пришивал на спину газовый лоскут, а спереди добавлял четыре белых стежка и дурачил окружающих, уверяя, что он носит настоящего Маргиелу.[231] Реве нравилась «творческая энергия Ли, его вдохновение и то, как он представлял себе красоту». Ли, бывало, говорил ему, что они оба «никуда не годятся» – «по правде говоря, я думаю, это больше было связано с тем, что у нас было так мало общего с другими нашими однокурсниками, и нас свел вместе естественный отбор… И у Ли, и у меня была потребность исследовать Лондон, как через выставки, кино, театры, музеи, библиотеки и ночные прогулки, так и через альтернативный

образ жизни. Так как мы оба учились на отделении дизайна, нас объединяло то, что мы всегда искали новые формы визуальной стимуляции, так сказать, приманку, конфетку для глаз, чтобы достичь высот творчества».[232] Луиза Уилсон, которая во время учебы Ли вначале была приходящим преподавателем, а затем стала директором магистратуры, помнит ненасытное любопытство Маккуина. Однажды в колледж со своими работами – вышитыми шарфами – пришла Джеральдин Ларкин, бывшая студентка, и «Ли подошел взглянуть и буквально забросал ее подробными вопросами о вышивке бисером, – вспоминает Луиза. – Он был очень дотошным и впитывал информацию как губка». Луиза, славившаяся своей несгибаемостью и прямотой, признавала, что Ли – талантливый закройщик. Однако она утверждала, что больше в нем не было ничего примечательного. «Зато, насколько я помню, он пропадал в колледже с утра до ночи; как ни войдешь в мастерскую, он стоит у стола для раскроя ткани и что-то делает».[233]

Иногда на лекции Ли перебивал приходящих преподавателей или дизайнеров и начинал оспаривать их точку зрения. Некоторым студентам его поведение казалось настолько неприемлемым, что они пожаловались на него Бобби Хиллсон. «Ко мне пришли три или четыре человека; они пожаловались на Ли и спросили, зачем я вообще приняла его на курс. Я ответила, что считаю его невероятно талантливым. Заверила их, что со временем он успокоится. Он был по-настоящему умным мальчиком, только необразованным и не умел себя вести… Любопытное сочетание».[234] Впрочем, иногда уличная смекалка Маккуина оказывалась кстати. Ребекка Бартон вспоминает, как к ним в колледж пришел один дизайнер и предложил студентам поработать над одним проектом. «Ли отказался; он уверял, что этому пройдохе хочется стащить наши идеи… Он рассуждал цинично, но знаете, что получилось? Я придумала футболку с красным крестом, а тот дизайнер в самом деле присвоил ее и стал продавать под своим именем. «Я же тебя предупреждал, – сказал Ли. – Ну, ты и лохушка!»

Чем дальше, тем больше времени Ребекка и Ли проводили вместе, в основном в ее квартирке в Вестминстере, а позже – в другой квартире на севере Лондона. Друзья разработали взаимовыгодный план: Ли готовил (особенно удачной у него выходила макаронная запеканка, которую он, видимо, научился делать в Италии), а Ребекка в обмен, когда ложилась спать, разрешала ему смотреть порнофильмы по своему видеомагнитофону. Маккуин по-прежнему страдал от воспаления десен; проснувшись, Ребекка часто видела, что Ли, который спал

в одной с ней постели, запачкал кровью всю подушку. «Когда он говорил, то иногда плевался кровью, – вспоминает она. – В то время он был не очень привлекателен: толстый, прыщавый… Он постоянно менял сексуальных партнеров. Иногда он пропадал на всю ночь, а когда возвращался, делился со мной неаппетитными подробностями. Он находил партнеров на рынке Камден-Лок, и они занимались сексом где-то в переулках. Он ни в чем не знал удержу». Однажды они вместе выбрались в ночной клуб, но Ли сказал Ребекке, что она плохо двигается и он не может находиться с ней на одном танцполе. «У Ли было неплохое чувство ритма, но он слишком усердствовал», – вспоминает Ребекка.[235]

Саймон вспоминает первый совместный вечер с Ли. Перед тем он провел несколько недель на греческих островах со своим бойфрендом, а вернувшись, понял, как скучал по Маккуину. Саймон позвонил ему, и они пошли на вечеринку, которую устраивали по средам в гей-клубе «Рай», расположенном под железнодорожным вокзалом «Чаринг-Кросс». «Тогда мы впервые были вместе; нам очень понравилось, – говорит Саймон. – Мы оба любили танцевать и развлекались вовсю: шутили, озорничали, снимали мальчиков и, в общем, наслаждались жизнью». По словам Саймона, какой-то красавчик весь вечер крутился вокруг Ли; он подошел к его другу и заговорил с ним, а потом быстро скрылся. Саймон спросил Ли, что произошло, и тот ответил: «Я спросил, большой ли у него член». Саймон заметил: «Ли, нельзя сразу спрашивать о размере члена». Но он истерически расхохотался.[236]

С Ревой Ли ходил в паб «Ученик», славившийся суровыми нравами, в окрестностях Олд-стрит, или в разные «гей-клубы Ист-Энда».[237] По словам Ревы, там было «слишком, слишком много развлечений… ничто не казалось нам слишком рискованным или пикантным… Он стремился побывать там, где было весело. Клубов было столько, что сейчас я с трудом их вспоминаю. Но больше всего нам нравилось милое, нормальное диско».[238]

Кроме того, Ли и Рева стали завсегдатаями в магазине Ad Hoc («Эд Хок», буквально: «Специальный») на углу Мур-стрит и Олд-Комптон-стрит. Там одевались люди с нетрадиционной ориентацией. В магазине можно было подобрать костюм, подходящий для любых фантазий, – в Ad Hoc продавались брюки для садомазо, жилетки из ПВХ, женские туфли больших размеров. Покупатели представляли собой пеструю смесь: тусовщики, проститутки, геи-качки, трансвеститы, а также стилисты и дизайнеры. «Однажды я работал там, как вдруг вошли Анна Суи, Марк Джейкобс, Стивен Мейзел и Анита Палленберг и накупили

много всего, – вспоминает Фрэнк Франка, ставший фотографом в Нью-Йорке. – В другой раз пожилой мужчина захотел купить женские туфли. Он вошел и ползал по залу на четвереньках». Владельцы клубов приносили в магазин свои рекламные листовки; в результате Ad Hoc стал настоящим центром сведений о лондонской ночной жизни. «Тогда движение панков переживало возрождение, и Ad Hoc стал его эпицентром, – вспоминает Фрэнк, который в ту пору познакомился с Ли.[239] Управляющий магазином Эрик Роуз, выросший в Ванкувере, но переехавший в Лондон в конце 1980-х годов, вспоминает, что Маккуин часто заходил в магазин и перебирал костюмы. Ли нравилась живость канадца, его специфический юмор и умение общаться с представителями самых разных кругов. В свою очередь, Эрика в Маккуине привлекало стремление того к анархии. Эрик вспоминает, как однажды отправился с Ли и Дэвидом Каппо, который торговал париками в подвальном этаже Ad Hoc, на домашнюю вечеринку в Мейфэре в честь Кайли Миноуг. «Мы выпили все, что там было, и решили уйти, – говорит он. – Ли сказал: «Тоска тут, нам пора». Когда мы вышли на лестницу, Маккуин включил пожарную тревогу. Я спросил: «Ты что творишь?» – а он ответил: «Там можно от скуки подохнуть, если мы их не расшевелим, они не пошевелятся». Мне тогда показалось, что он поступил эгоистично. Ему хотелось веселиться, а на остальных плевать».[240]

Часто по пятницам Ли встречался с Ребеккой Бартон в пиццерии возле колледжа в Сохо. Друзья часто вырезали купоны из газеты «Ивнинг стандард», по которым можно было купить две пиццы по цене одной. «Чаще всего за еду платила я, а он добавлял пенни», – вспоминает Ребекка. Именно там однажды ночью Ли рассказал ей о сексуальных домогательствах, которым он подвергался в детстве. «В подробности он не вдавался, но, насколько я поняла, речь шла не об одном разе». Ребекка вспоминает: во время учебы в колледже Святого Мартина Ли устроил для нее в одном пабе в Сохо вечеринку с сюрпризом по случаю ее дня рождения. В другой раз он подарил ей цепочку, изготовленную им самим, и свой странный черно-белый портрет, где он обнажен выше талии и завернут в нечто похожее на пищевую пленку. На обороте снимка он нацарапал: «Моей милой Бекке. С любовью *Ли*». «Он был настоящим лапочкой, – говорит Ребекка. – Милым, смешным и озорным».[241] Кроме того, Ли проводил много времени с другой своей подругой, Таней Уэйд, с которой познакомился как-то ночью в клубе SubStation («СабСтейшн»). Таня жила недалеко от клуба, на Шефтсбери-авеню, и под утро приглашала всю компанию к себе переночевать.

«Мальчики спали рядами на полу, – вспоминает она. – Кто-то укрывался наволочкой, а кто-то фланелевым или посудным полотенцем. Среди них был и Ли… Его невозможно было не обожать, он был такой веселый». Таня познакомила его с Maison Bertaux («Мэзон Берто»), кондитерской, принадлежавшей ее сестре Мишель; он заказывал чизкейк с фруктами или открытый пирог с яблоками и чай «Эрл Грей» и занимал место наверху на длинной банкетке. «Он часто предлагал что-нибудь сшить мне; никогда не забуду, как он сидел за швейной машинкой, – говорит Таня. – Он был всецело поглощен своей работой, как маньяк, как безумец. Я говорила ему, что никак не смогу влезть в некоторые платья, сшитые им для меня: чтобы одеть меня, нужно человек пять. А некоторые вещи, на мой взгляд, вообще невозможно носить. А он в ответ называл меня глупой коровой». Однажды, когда Таня была у него, он попросил передать ему материю, из которой он собирался сшить ей платье. Она огляделась по сторонам, но не заметила ничего подходящего. «Оказалось, что он собирался раскроить махровое покрывало «фитильки».[242]

В октябре 1991 года несколько студентов факультета моды, в том числе Ли, Адель и Ребекка, поехали в Париж; им очень хотелось побывать на модных показах. «Для лондонских студентов, изучающих моду, проникнуть на показы – своего рода ритуал посвящения, – говорит обозреватель моды Мэрион Хьюм. – Студенты из Центрального колледжа Святого Мартина… в этом мастера».[243] Они ехали на поезде и на пароме и остановились в дешевом отеле, где со стен отваливалась штукатурка. Ребекка заранее забронировала билеты на показ коллекции Givenchy, которая ей не понравилась. Она вспоминает «массу жутких платьев в цветочек». На Ли коллекция тоже не произвела впечатления. «Зачем ты притащила меня сюда? – возмущался он. – Дрянь какая-то… Ни за что не стал бы здесь работать». Пять лет спустя, узнав, что Маккуин стал главным кутюрье дома Givenchy, Ребекка с улыбкой вспоминала его слова.[244]

В Париже Ли уговорил свою сокурсницу Адель Клаф попробовать проникнуть на показ Гельмута Ланга, притворившись моделью. Уловка сработала – несколько моделей, отобранных для показа, заболели, и помощникам Ланга пришлось срочно искать им замену. В последний момент Адель в костюме от Джильи испугалась и спряталась в туалете, где и стала обдумывать все за и против. «Потом я вышла в зал и увидела, что на многих местах лежат лишние билеты. Я взяла их, вышла на улицу и отдала Ли и остальным нашим», – вспоминает она. Воодушевленный ее успехом, Ли уговорил Адель повторить тот же трюк на следующем показе, которым руководила Линн

Франкс, консультант по связям с общественностью. Но охрана второго показа оказалась строже: у организаторов имелись фотографии всех моделей-участниц. Ли, однако, не сдавался: он посоветовал Адель притвориться помощницей стилиста Эдварда Эннинфула. «Ли вкратце рассказал мне об Эннинфуле все, что ему было о нем известно, и я послушно повторила его слова Линн Франкс, а та вдруг велела мне описать его внешность, – говорит Адель. – А потом Линн посмотрела на меня и спросила: «А тебе известно, что он чернокожий?» Я поняла, что Ли все выдумал». [245]

Когда студенты вернулись в Лондон, Бобби Хиллсон спросила, какие парижские музеи они посетили. «Мы не были ни на одной выставке, не видели ни одного рисунка, просто отлично провели время», – ответила Ребекка. Эта новость не обрадовала Бобби, и она высказала студентам все, что о них думала. Но ее выговор был ерундой по сравнению с нагоняем, который им устроила Луиза Уилсон. Ее речь была густо наперчена непечатными выражениями, и она, по воспоминаниям одного очевидца, «роняла манекен на студентов, которые плохо делали стежки». [246]

С первого дня учебы Луиза Уилсон недолюбливала Маккуина. Ли соглашался с критикой, когда считал, что она обоснованна, как, например, в случае, когда он украсил органзу вышивкой бисером, а Уилсон сказала, что он позаимствовал этот прием в коллекции Callaghan. [247] Чем дальше, тем больше портились их отношения. «У него часто случались стычки с Луизой, потому что они, в сущности, были очень похожи, оба стремились всеми руководить и все контролировать», – сказал Рева. [248]

Однажды студентам поручили разработать костюм для кавалерственной дамы Ширли Портер, лорд-мэра Вестминстера, но Ли отказался участвовать в проекте; по его словам, он «не собирался обшивать привилегированную особу, которая к тому же еще и не заплатит». Хотя впоследствии Луиза призналась, что она могла быть откровенной до жестокости, Маккуину казалось, что иногда она его просто травит. «Если бы она могла избавиться от Ли, она бы от него избавилась, – считает Адель. – Задания он выполнял за две минуты. Он рисовал выкройку на глаз. А на занятиях по крою преподаватель утверждал, что он плохо рисует. Но Ли переносил выкройку на материю, и его вещи, как оказывалось, идеально садились на фигуру. И все равно многие преподаватели твердили, что он все делает неправильно. По-моему, они просто завидовали его таланту. Но Ли всегда знал, что добьется успеха – он ни секунды в этом не сомневался». Однажды, получив очередной выговор от Луизы Уилсон, Ли в

присутствии группы однокурсников огрызнулся: «Откуда вам знать, что хотят носить женщины? Ведь вы такая толстуха!» С того дня он стал личным врагом Луизы. «Ли только и думал о том, как бы низвергнуть Луизу», – говорит Адель. Однажды он принес подушку-пердушку и подложил ей на стул.[249] Ли по-прежнему хранил верность Бобби, которая приняла его на курс, потому что она признала в нем неограненный талант; ее он старался защищать. «Ли в самом деле нелегко пришлось под началом Луизы Уилсон, – сказала Бобби, – но тогда я ничего не знала. Все выплыло позже, когда я услышала слова Ли: «Луиза ничего для меня не сделала, это все Бобби».[250]

Во время учебы Ли все чаще черпал вдохновение в темной стороне жизни. По словам Ребекки Бартон, он был одержим Бёрком и Хэром, ирландскими иммигрантами, которые в начале XIX века совершили ряд убийств в Эдинбурге и продали 16 трупов врачу в качестве материала для препарирования. В то же время он прочел «Парфюмера» Патрика Зюскинда об ученике парфюмера во Франции XVIII века, который убивает девственниц в поисках «идеального аромата». «Персонаж этой книги – он сам, – уверяет Ребекка, – у него все на интуиции и все чувства обострены. Ему нравилось отвратительное несовершенство, но, конечно, он уравновешивал его полной красотой».[251]

Ли говорил друзьям, что его семья доводится родней Джеку-потрошителю. Его интерес к серийному убийце Викторианской эпохи усилился после того, как в 1991 году он посмотрел фильм «Молчание ягнят» с Джоди Фостер и Энтони Хопкинсом. Маккуин зациклился на персонаже Буффало Билле, портном-психопате, который убивает женщин, чтобы сшить костюм из их кожи. «Мысль о том, чтобы сшить из женщин костюм, стала для него источником вдохновения, – считает Рева, посмотревший «Молчание ягнят» вместе с Ли. – Кроме того, образ бабочек или мотыльков, заключенных в ткань, потом можно было увидеть в одной из его коллекций».

Когда студенты приступили к изготовлению выпускных коллекций, Рева работал рядом с Маккуином. Ли рисовал эскизы, но впоследствии, в ходе работы, не раз менял замыслы. «Он начинал сверху и выкраивал очень сложный воротник… Потом делал очень узкие рукава. Если вы посмотрите на каталоги старых викторианских костюмов, там есть много женских платьев на корсетах. Книга, посвященная костюмам Викторианской эпохи, была у него настольной. Она стала для него настоящим кладезем. Он часто листал ее и показывал накидки с капюшонами – они уже тогда ему нравились».[252]

Ли попросил Саймона Англесса о помощи в подготовке своей

выпускной коллекции. На втором году обучения Маккуин проводил с Саймоном все больше времени в студии дизайна текстиля. Он изучал такие техники, как барочное крашение и узелковый батик.

Для одного из своих творений, сюртука, Ли придумал узор из колючей проволоки, который Саймон перевел на розовый шелк. «Я работал с Ли над некоторыми его вещами, – вспоминает Саймон. – Помню тот день, в студии были только мы вдвоем; он шил подкладку для пиджака с баской, которая выворачивалась под углом 90 градусов, а я вертел в руках кусочки прорезиненной материи, соображая, как их сшить. Никто из нас не знал, что получится. В студию вошел Айк Раст, который тогда был приходящим лектором, и спросил: «Что это будет?» Мы с Ли посмотрели на него и ответили: «Да мы сами не знаем». Айк назвал нас придурками и вышел».[253]

При подготовке к показу Ли написал письмо Саймону Костину, чьи украшения и живые статуи он видел на страницах журналов The Face и i-D, и попросил несколько его вещей для своей коллекции. Они встретились, и Костин, который впоследствии будет участвовать в подготовке нескольких коллекций Маккуина в качестве декоратора и художника-постановщика, дал ему семь предметов, в том числе две большие цепочки, изготовленные из птичьих черепов. «Его всегда привлекала иконография смерти, – сказал Костин. – Меня смерть тоже завораживала; общий интерес нас объединил. Однако во время первой встречи он показался мне похожим на Билли Бантера – Жиртреста из юмористических повестей Фрэнка Ричардса. Ли был большим озорником, много ругался, но к своей работе относился с настоящей страстью».[254]

Когда Маккуин закончил платья, которые назвал «дневной одеждой, которая может служить и вечерней», и присовокупил, что образами послужили «проститутки XIX века»,[255] в колледж пришел Джон Маккиттерик, желавший увидеть готовую коллекцию. Его изумило то, что он увидел. «Отчетливо помню: если смотреть на платья сбоку, а не спереди, вы видели необычайный птицеподобный силуэт, – говорит он. – Маккуин всю жизнь любил птиц, но в его коллекции угадывалось и нечто другое. Сама мысль о том, чтобы сгладить талию и укоротить ноги, намекала в некотором смысле на гомоэротику». Маккиттерику коллекция напомнила подчеркнуто сексуальные образы Тоуко Лааксонена (Том оф Финланд), рисовальщика, который изображал мужчин «с короткими и толстыми ногами и удлиненными торсами». Маккуин «применил к девушкам эти маскулинные элементы, и результат получился поразительный;

его вещи выглядели очень сексуально». Кроме того, Маккиттерик понял, что колледж Святого Мартина укрепил уверенность Ли в своих силах. «Колледж его сильно изменил, – говорит он. – Он стал более осведомленным и более уверенным в том, о чем говорил. Он понял, что гораздо талантливее, чем большинство студентов и преподавателей. Уже мог со знанием дела рассуждать о мире, о моде и о текущих событиях. Он стал другим. Колледж Святого Мартина дал ему то, что он искал».[256]

В день показа, в марте 1992 года, Ли и Саймон Англесс вышли из дома Саймона в Тутинге и поехали в Челси. Показы проходили в бывших казармах на Кингс-Роуд. Перед началом все были в напряжении; царила суматоха – многое предстояло доделать. Закончив подготовку за кулисами, друзья пошли искать Луизу Уилсон, так как Ли хотел кое-что уточнить. «А она достала из сумки духи, брызнула ему в лицо и заорала: «Мать твою, от тебя воняет!» – вспоминает Саймон. – Ли упал на пол и сказал: «Ну ты и сука!»[257] Зрители начали занимать места; они понятия не имели о том, что произошло. Пригасили свет, и начался показ. Джойс, мать Ли, и ее невестка Рене, которые сидели в зале, с удовольствием смотрели на платья и красивых моделей, но, когда на заднике зажглись слова «Ли Маккуин», они целиком погрузились в происходящее. В конце концов, они обе знали, какой путь проделал Ли. «Для меня в то время это стало кульминацией – видеть его на выпускном показе», – сказала Джойс в 1997 году.[258] Модели выходили на подиум под барабанный бой из динамиков. Ли представил всего десять костюмов, в том числе черный шелковый пиджак с баской в комплекте с узкой красной юбкой, жакет из розового шелка с узором из колючей проволоки с черными брюками и черным бюстье и юбку из набивного ситца, покрытую журнальными вырезками из папье-маше и прожженными пятнами, которую дополнял черный жакет с фантастически длинными и заостренными лацканами. Маккуин вплел в узоры на ткани и вложил в прикрепленные плексигласовые кармашки пряди своих волос – и иногда лобковые волосы. Первая страница его обоснования – документа, в котором он должен был изложить подробный анализ своей коллекции, – была посвящена «генеалогическим изысканиям его матери и Джеку-потрошителю… а к обложке он тоже приклеил лобковые волосы».[259] Позже Маккуин попытался объяснить свое решение вплести волосы в свои вещи: «Мысль о волосах пришла из Викторианской эпохи. Тогда проститутки продавали свои волосы, и покупатели дарили их на память своим возлюбленным, – сказал он. – Для меня волосы в плексигласовых кармашках стали своего рода

подписью, фирменным знаком. В первых коллекциях я использовал собственные волосы; я как будто отдавал с коллекциями часть самого себя».[260]

Маккуин назвал коллекцию Jack the Ripper Stalks His Victims («Джек-потрошитель подстерегает жертв»). В каком-то смысле он считал себя своего рода серийным убийцей-стилистом, который кромсает и режет ткань, чтобы преобразить женский силуэт в более приятную с эстетической точки зрения форму. Но включение в костюмы собственных волос еще и символизировало его идентификацию с жертвами на эмоциональном уровне. В его жесте прослеживалось и нечто удивительно романтичное. Как утверждал Маккуин, в Викторианскую эпоху проститутки продавали свои волосы из экономических соображений; затем покупатели дарили сделанные из их волос локоны возлюбленным в знак привязанности. Маккуин питал надежду, что та же романтика будет пронизывать его жизнь и что он сумеет отойти от уродливой действительности, в которой были эксплуатация и сексуальные домогательства, и стать лучше, мягче, ровнее. Для него талисман в виде локона, вшитого в одежду, означал: он верил в то, что однажды сила любви его преобразит.

Маккуин вложил в свою первую коллекцию столько сил – как физических, так и эмоциональных, – что надеялся занять первое место и получить в награду возможность демонстрировать свою коллекцию не только однокурсникам и преподавателям. Но первое место досталось студенту по имени Кеи Кагами. В то время Луиза Уилсон любила японские мотивы. Позже она призналась Реве, что благоволила к дизайнеру, родившемуся в Токио, еще и потому, что «он был гораздо организованнее большинства из нас, все его вещи казались законченными и совершенными… Но Ли был очень огорчен, что не выиграл конкурс, потому что считал, что заслужил награды».[261] Так казалось не только ему одному. «Он был выдающимся студентом, с самого начала было ясно, что он – просто чудо», – говорил Лесли Горинг, продюсировавший показ.[262] Бобби Хиллсон, правда, призналась, что выпускная коллекция Маккуина ее слегка разочаровала, «но теперь, оглядываясь назад, я думаю, что была не права».[263] Ли окончил колледж Святого Мартина не с отличием, а с обычным дипломом, «как все остальные».[264]

На следующий день Ли и Ребекка пришли в колледж; они сидели в коридоре напротив кабинета Бобби Хиллсон, когда той неожиданно позвонила Изабелла Блоу. Влиятельная стилистка, которая тогда работала в британском издании Vogue, была на выпускном показе, и коллекция Маккуина так ей понравилась, что она захотела приехать в колледж и еще раз взглянуть на его

вещи. «Я сидела на полу, даже мне не удалось достать билет с местом на выпускной показ в колледже Святого Мартина, и вдруг я увидела нечто выдающееся, и мне захотелось купить всю коллекцию, – признавалась она позже. – Меня поразили яркие цвета. Он сшил черное пальто, но подбил его человеческими волосами, а подкладку сделал кроваво-красной, так что оно стало похожим на человеческое тело – плоть и кровь. Мне показалось, что ничего красивее я в жизни не видела. Я сразу поняла, что он особенный, очень современный, ниспровергатель традиций».[265] Когда Ребекка узнала, что коллекцией Ли заинтересовалась Блоу, она повернулась к другу и сказала: «Ты станешь по-настоящему знаменитым». В ответ Ли только расхохотался. «Но по его лицу я поняла, что он очень взволнован, – вспоминает Ребекка. – И за одну ночь все переменилось».[266]

Глава 4

Мы пустились в это приключение, как будто взошли на колесницу Боудикки.

Детмар Блоу

Изабелла Блоу в черных с бахромой брюках от Готье вошла в обветшалое здание колледжа Святого Мартина и принялась громко расспрашивать, как ей найти студента, который, как она сказала позже, обладал «огромным талантом: у него одежда умела летать».[267] Она поднялась на третий этаж и представилась довольно смущенному Ли. Его реакцию трудно назвать необычной; одна современница назвала Изабеллу «произведением публичного искусства»,[268] а другая сравнила ее с «эму Рода Халла, нарисованным Сальвадором Дали».[269] «Он не знал, кто она такая, и в начале знакомства не склонен был особенно доверять ей, – вспоминает Рева Мивасагар, бывший свидетелем их первой встречи. – Изабелла все повторяла, что хочет купить его коллекцию, но он отнесся к ее словам скептически, так как не верил, что она в самом деле купит его вещи. Изабелла сыпала именами знаменитостей, с которыми была знакома, хвасталась своими связями, и Ли решил, что она чокнутая».[270]

Однако Блоу не сдавалась и продолжала донимать и самого Ли, и его мать – Ли дал ей номер своего домашнего телефона, и она постоянно названивала Джойс. «Кто эта ненормальная?» – спрашивала Джойс у сына, который по-прежнему жил с родителями.[271] Наконец, после долгих уговоров, Ли согласился продать коллекцию и назначил цену – около 200 фунтов за костюм. Хотя Изабелла призналась, что не в состоянии заплатить всю сумму сразу – «деньги утекали у нее между пальцев, как песок»[272] – договорились, что она будет платить частями. В ходе следующих нескольких месяцев Ли будет сопровождать ее к банкоматам в разных частях Лондона; она будет снимать деньги из банка, а он – передавать ей одежду, которая хранилась в черных пакетах для мусора. Хотя Ли вначале настороженно отнесся к новой знакомой, чем больше он о ней узнавал, тем больше понимал, насколько она может быть ему полезна. Изабелла рассказывала ему о своей работе в американском издании Vogue с Анной Винтур, в Tatler, где она сотрудничала с гуру стиля Майклом Робертсом, и в британской версии Vogue – с

Лиз Тилбериз. Она дружила с Энди Уорхолом; на похороны художника она надела черный костюм от Билла Бласса, а на последовавшей за поминальной службой вечеринке исполняла стриптиз. В Нью-Йорке она жила с актрисой из сериала «Династия» Кэтрин Оксенберг и много лет была знакома с Рупертом Эвереттом. Но отношения Маккуина и Блоу были гораздо глубже, чем просто отношения меценатки и художника. Больше узнав о ее прошлом – она рассказывала обо всем, что пережила, так же спокойно, как обнажала грудь, – Ли понял, что, несмотря на ее великосветское происхождение, она такая же «порченая», как и он.

Муж Изабеллы, Детмар Блоу, назвал ранние годы ее жизни «страшной сказкой».[273] В 1964 году, когда Иззи было пять лет, она жила в Чешире, где у ее родителей было поместье Доддингтон-Парк. Как-то она играла в парке с братом Джонни, которому тогда было два с половиной года. Мать, Хелен, велела дочери присмотреть за братом, а сама зачем-то ушла в дом, но девочка отвлеклась, и за эти несколько секунд Джонни, наследник титула баронета, восходящего к 1660 году, подавился куском печенья, упал лицом вниз в прудик и умер. Позже Изабелла будет утверждать, что мать зашла в дом, чтобы накрасить губы. «Вот почему я так люблю помаду», – говорила она.[274] Маккуин с огромным интересом слушал и рассказы о деде Изабеллы, сэре Джоке Делвз Бротоне, которого судили в Кении, в Хэппи-Вэлли, за убийство любовника второй жены, Джосслина Хея, 22-го графа Эрролла. Суд оправдал его. Подробности скандала можно найти в книге Джеймса Фокса «Белый озорник». В 1942 году Джок покончил с собой в ливерпульском отеле, сделав укол морфина.

Ли, падкого на все мрачное и страшное, странности Изабеллы только привлекали. Некоторые анекдоты, например рассказ о ее бабке Вере, которая, сама того не подозревая, ела человечину во время путешествия в Новую Гвинею, – были, несомненно, занимательными. Однако другие истории вполне могли сниться в страшных снах.

Отец Детмара, Джонатан Блоу, покончил с собой в 1977 году, выпив бутылку гербицида. Двенадцатилетний сын Джонатана, Амори, был свидетелем его смерти. «Он сказал, что папа ни разу не вскрикнул, но сжал кулаки от боли», – вспоминает Детмар.[275] В мае 2007 года Изабелла выберет тот же способ свести счеты с жизнью.

Кроме того, Изабелла рассказала новому другу о своем стремлении к красоте, о желании маскироваться и сдерживать свои порывы при помощи преобразующей силы моды. Подобно

Маккуину, она себе не нравилась. Свое лицо она называла «уродливым» и стеснялась «слишком крупных передних зубов», которые она называла «молотилками».[276] В 1980-х годах она записалась на прием к знаменитому нью-йоркскому дантисту и спросила, нельзя ли что-нибудь сделать с ее зубами, но дантист отказал ей: она обратилась к нему слишком поздно. «Ее привычка мазать губы и зубы помадой отчасти имела отношение к этому воображаемому уродству, – считает Детмар. – Нелюбовь к своему лицу была еще одним демоном, которого Иззи пронесла с собой по жизни».[277]

Детмар помнит, когда его жена впервые заговорила о Маккуине. Сразу после дипломного показа в колледже Святого Мартина она ворвалась домой и рассказала мужу о мальчике, «который кроит как Бог».[278] Несмотря на то что Иззи время от времени подбрасывала Маккуину по паре сотен фунтов и он получал пособие по безработице, денег на то, чтобы снять квартиру, ему не хватало. Ему очень хотелось уйти из родительского дома. Узнав об этом, Изабелла предложила ему поселиться в доме, принадлежавшем Хельге, матери Детмара. Высокий викторианский дом под номером 33 находился на Олдерни-стрит, в Пимлико, на улице с ленточной застройкой. Вскоре после выпуска Ли переехал туда с Ревой Мивасагаром. «Изабелла хотела, чтобы у него был свой дом, где он мог бы работать над ее внешностью, шить ей одежду, – говорит Рева. – Она восхищалась его работой, считала, что он просто не может ни в чем ошибаться. Он страшно радовался самостоятельной жизни и переживал творческий взлет».[279] С самого начала Изабелла называла Маккуина средним именем – Александр, – потому что ей казалось, что оно звучит величественнее и больше подходит для подающего надежды художника-модельера, который мечтает о собственной линии одежды. Позже Ли будет уверять, что вовсе не потому изменил имя, что «Александр», по мнению Блоу, звучало «шикарнее». «Я отказался от первого имени, когда начал работать на себя, потому что в то время был зарегистрирован на бирже труда», – говорил он.[280] Кроме того, Маккуин начал ассистировать Изабелле на фотосессиях. Однажды летом он пришел в ателье Джона Маккиттерика и попросил взаймы несколько костюмов, две кожаные куртки на молниях с заклепками. «Он взял их во вторник, а в пятницу вечером мы с другом зашли в один гей-бар на юге Лондона и наткнулись на Ли, одетого в мой костюм! Представьте мое удивление, – вспоминает Джон. – Волосы он пригладил гелем и сделал маленький кожаный галстук-бабочку. Я чуть не умер со смеху, когда увидел Ли в таком наряде – раньше он не одевался в таком стиле… Увидев

меня, Ли смутился и покраснел, но в конце концов мы вместе посмеялись».[281]

Вместе с Ревой Ли продолжал изучать ночную лондонскую жизнь. В то время одним из его любимых клубов был «Кинки Герлинки», созданный Герлинде и Майклом Костифф; тогда он находился в помещении театра «Эмпайр» на Лестер-сквер. Клуб, распахнувший свои двери в середине восьмидесятых, после закрытия легендарного «Табу», получил репутацию «полиморфной извращенности». Этот термин, введенный Фрейдом, означал способность получать эротическое удовольствие от любой части тела, но в начале девяностых это понятие включало в себя и свободу сексуального самовыражения. В «Кинки Герлинки» стекались те, кого в других местах считали аутсайдерами; они демонстрировали там свое отличие от других. «Это гей-клуб, и это огромный гей-клуб, он вмещает около 3 тысяч человек, – говорил распорядитель «Кинки». – Там с распростертыми объятиями встречают не только геев, но и всех остальных… У нас на самом деле нет никаких ограничений… можете делать, что хотите, говорить, что хотите, откалывать какие угодно номера».[282]

На вечерах в «Кинки Герлинки» принято было наряжаться чем страннее, тем лучше. Порнозвезда Эйден Шоу, который одно время состоял в близких отношениях с Маккуином, однажды явился в костюме мышки Минни. Модный обозреватель Хэмиш Боулз, который теперь сотрудничает с американским изданием Vogue, нарядился в стиле голливудской красотки 1940-х годов. «Мне всегда хотелось превратиться в кумира, то есть буквально, до мелочей», – сказал он.[283] «Вечера в «Кинки Герлинки» много значили для Ли, – вспоминает Рева. – Однажды, помню, он пришел в шляпе от… Филипа Трейси, похожей на два бараньих рога, но сделанной из органзы. Кроме того, он взял взаймы серебристый парчовый сюртук – кажется, от Джона Гальяно. Брюки он сшил сам из остатков материи от студенческой коллекции; туфли дала Изабелла. Выглядел он как псевдотрансвестит».[284]

Позже Маккуин и Трейси станут друзьями и творческими партнерами, но при первой встрече в 1992 году они друг другу решительно не понравились. И Александр, и Филип считали себя единственными новыми протеже Изабеллы – она неоднократно повторяла обоим, что они несравненны, – и вдруг оказалось, что им придется состязаться за ее внимание.

В июле 1992 года Ли пригласили в «Хиллз» («Холмы»), загородное поместье супругов Блоу в Глостершире. Британское издание Vogue откомандировало туда Оберто Гили, чтобы тот

написал репортаж о супругах Блоу и их доме, где находили приют художники и скульпторы. Изабелла попросила Маккуина сшить несколько костюмов. Когда Ли прибыл в «Хиллз» и увидел дом, построенный в 1913 году по проекту деда Детмара, архитектора, которого тоже звали Детмаром, он был совершенно очарован. В 1940 году журнал «Кантри лайф» отзывался о поместье так: «О таком местоположении можно только мечтать, но немногие отважились бы построить дом в таком месте. Он стоит на узкой «полочке» котсуолдского холма к западу от Пейнсуика, откуда открывается вид на всю долину Северна от Малвернс до Чепстоу, а на западе видна большая часть Валлийской марки».[285] Маккуина поместили в лучшую комнату для гостей, в которой стояла большая кровать под балдахином. Куда бы Ли ни шел, он видел нечто достойное восхищения: пол в гостиной был из необработанного вяза; после пожара 1951 года стены в спальнях обили досками от гробов; на стене в так называемом «большом зале», который до пожара соединял в себе холл и столовую, висел в качестве гобелена вышитый ковер эпохи королевы Анны. Он видел герб Иакова I с изображением льва и единорога и словами Beati Pacifici («Блаженны миротворцы»), а также портрет архитектора «Хиллз» Детмара Блоу работы Огастеса Джона. «Там мало мягкой мебели, – писал один очевидец, – и во всем доме царит довольно мрачная, средневековая и слегка холодная атмосфера. Это огромная театральная декорация».[286]

Хотя дом передавался из поколения в поколение, по своей сути он был весьма современным. Его можно назвать памятником усердной работе и постепенному продвижению наверх. «Помню, Иззи рассказывала Александру о моем деде, о том, какой он был творец, но мы не были элитой. Наши предки жили в Кройдоне, – сказал Детмар. – Он знал, что дом принадлежит моей матери, мы же совсем не богаты. Я получал скромные гонорары как барристер, у Иззи был свой доход [от журналов. – *Э. У.*], что тоже составляло совсем немного». У них в семье, по словам Детмара, царил «утопический, эгалитарный дух», благодаря чему Ли и многие другие гости чувствовали себя как дома.[287] В течение следующих двух десятков лет «магнетизм» Изабеллы и Детмара «привлекал в «Хиллз» самых поразительных представителей мира моды и искусства».[288] Детмар Блоу вспоминает, как он радовался, когда познакомился с Маккуином. «Он был так взволнован, исполнен счастьем и радостью… Он был очень весел, умен и честолюбив. Мы пустились в это приключение, как будто взошли на колесницу Боудикки».[289]

Изабелла была в восторге от костюмов, которые Маккуин подготовил к фотосессии для Vogue: черной шерстяной

охотничьей куртки, изящного белого платья, сшитого из нескольких слоев прозрачной органзы с красными цветочными лепестками между слоями, которые издали казались пятнами крови, и красивого розового шелкового сюртука с узором из колючей проволоки, который Блоу купила после его выпускной коллекции. На Детмаре был розовый прозрачный жилет в стиле Регентства, «украшенный лепестками цветов», и рубашка с белым жабо и снова «розовыми лепестками на прозрачном газе». Для одного снимка Изабелла и Детмар позировали под аркой; у них над головами парил букет цветов, который держал «Александр, стоящий вверх ногами».[290]

Иззи начала называть Ли «Александром Великим»: она осыпала его комплиментами и не уставала повторять, что он гений. «Иззи была знакома с Баския и Уорхолом, и они оба высоко ценили ее, – говорит Детмар. – Поэтому для двадцатитрехлетнего Маккуина ее поддержка была чрезвычайно важна».[291] Костюмы работы Маккуина появились на шести полосах ноябрьского номера Vogue 1992 года в репортаже, озаглавленном «Далеко за «Холмами» (по строке из баллады Гэри Мура); по словам одного комментатора, любому другому пришлось бы заплатить за публикацию несколько десятков тысяч фунтов, «но молодой Александр Маккуин получил известность бесплатно».[292]

Между Ли и Изабеллой, которую он любил называть помесью торговки рыбой с рынка Биллингсгейт и Лукреции Борджиа, установилась тесная связь. Они говорили по телефону не меньше четырех раз в день, а когда оказывались вместе, окружающие тут же слышали их смех, гнусное, непристойное кудахтанье. Изабелла приглашала его на ужины с Хуссейном Чалаяном, Рифатом Эзбеком, Филипом Трейси, Маноло Блаником и им подобными. Сама она часто наведывалась в Стратфорд и пила чай с Джойс Маккуин, с которой подружилась. «У нее отличное чувство юмора и типично маккуиновские голубые глаза, – говорила Изабелла о Джойс. – Она очень миловидна и не лезет за словом в карман. По-моему, Александр очень похож на мать». В том же интервью, взятом в 2005 году, Изабелла описывает характер своего друга. «В те дни он был совершенно таким же, как сейчас, очень забавным, очень остроумным, одновременно грубым и мягким – он до сих пор сохранил это замечательное сочетание хрупкости и силы».[293]

Примерно в то же время Изабелле захотелось купить несколько нижних юбок работы Ревы Мивасагара, но Маккуин, узнав об этом, пришел в дурное настроение: он ревновал. Летом 1992 года отношения между двумя молодыми людьми, жившими

на Олдерни-стрит, начали портиться. Рева узнал, что Ли не только регулярно читал его органайзер, но и стал носить, а потом воровать его нижнее белье. Вполне понятно, такие поступки «бесили» Реву.[294] «Из-за чего-то он ужасно злился, и у нас происходили частые ссоры, которые заканчивались примирениями, – вспоминает Рева. – Так, он не убирался на кухне; однажды я обмолвился о том, что он не выполняет свою часть работы по дому, сказал, что мать его, наверное, баловала, и он сказал: «Не смей ничего вякать о моей матери!» – а я ответил: «Ты просто не хочешь за собой убираться». Тогда он схватил портновские ножницы и ткнул ими в меня. Я побежал наверх, он погнался за мной; мне пришлось запереться у себя в спальне. Он то и дело пытался кольнуть меня ножницами. Тогда я понял, что пора убираться оттуда».[295]

В попытке как-то успокоиться, прийти в себя Рева написал одному другу в Париж и рассказал об отвратительной атмосфере, сложившейся дома. Французский друг в ответ кое-что посоветовал; прочитав письмо, Рева старательно порвал его на мелкие клочки и бросил в корзину для мусора в своей комнате. Однажды, когда Ревы не было дома, Ли зашел в его комнату, достал клочки из корзины и соединил их. Маккуин прочел, что «с ним очень трудно ужиться» и что Рева «хочет уйти».[296] В доме воцарилось молчание, похожее на ядовитый газ; встречаясь в коридоре или на лестнице, они не смотрели друг другу в глаза. «Наконец он вызвал Изабеллу и попросил ее выгнать меня», – вспоминает Рева.[297]

Через несколько месяцев, когда Рева вернулся в Центральный колледж Святого Мартина, он увидел там Ли с каким-то знакомым и поздоровался. «Но Ли задрал нос и прошел мимо, – рассказывал он. – И больше мы ни разу друг с другом не разговаривали. По-моему, Ли прекрасно знал, чего хочет, чего добивается в будущем».[298]

Из Пимлико Маккуин переехал южнее, в Тутинг, в двухэтажный дом на Лессингэм-авеню, 169, который снимал Саймон Англесс. Саймон жил наверху, а Ли он отдал первый этаж. Там у него были спальня и студия-мастерская, где стояла его швейная машина. Чаще всего его можно было найти в мастерской; он работал среди рулонов ткани. Изабелла звонила довольно часто; если к телефону подходил Саймон, она произносила всего одно слово: «Александр». Саймон отвечал: «Нет, это Саймон», – но Изабелла упорно повторяла, произнося среднее имя Маккуина по слогам. «Я говорил: «Ну, ты и грубиянка!» – а Ли, смеясь, высовывал голову из комнаты», – вспоминает Саймон.[299]

Тем летом Саймон и Ли, которые всегда были добрыми друзьями, проводили вместе много времени; плавали в открытом бассейне, потом сидели у воды и пили пиво и снова прыгали в воду, изображая синхронное плавание под водой. Кроме того, оба любили природу; Ли нравилось, когда Саймон возвращался от родителей, живших на границе Уилтшира и Беркшира, со связкой фазанов или куропаток. Птиц они ощипывали и съедали. Фазаньими перьями отделывали платья, а из вороньих перьев и фазаньих лапок делали серьги. Саймон познакомил Ли со своим другом Шоном Лином, который с пятнадцати лет учился на ювелира в квартале Хаттон-Гарден; он изучал традиционное английское ювелирное дело. Их первая встреча произошла в пабе «Три гончих» на Грик-стрит, где в те времена часто собирались студенты и выпускники колледжа Святого Мартина. Шон заметил, что Ли довольно застенчив; он попытался растормошить его. Однако вскоре Ли понял, что в обществе Шона можно чувствовать себя совершенно свободно. Они втроем развлекались в «Воксхолл Таверн», пабе для геев на юге Лондона, где Ли выпивал бутылочку-другую сидра «Дятел», ходили в «Белый лебедь» на Майл-Энд-Роуд или в такие гей-клубы, как «Рай» или «Холодильник» в Брикстоне. Шон вспоминает, как в Тутинге Ли работал на заднем дворе до тех пор, пока дворик не стал напоминать место катастрофы: земля была покрыта силиконом, гипсом, растения замазаны красной краской. Именно в Тутинге Ли впервые прочел Саймону Англессу «Сто двадцать дней Содома» маркиза де Сада. «Ему нравилось, как сюжет в книге разворачивается постепенно, как увеличивается накал страстей», – вспоминает Саймон.[300] Маккуина привлекало перечисление сексуальных извращений и пыток, которые де Сад написал за тридцать семь дней 1785 года, пока сидел в Бастилии. Читая книгу, которую автор назвал «самым непристойным рассказом с Сотворения мира»,[301] он наслаждался описаниям «простых страстей» (не включающих в себя проникновения, например, мастурбацию в присутствии семилетних девочек, питье мочи, поедание фекалий); «сложных страстей» (изнасилование детей, инцест, флагелляция); «преступных страстей» (увечья, насилие над трехлетними девочками) и «кровавых страстей» (сдирание с детей заживо кожи, потрошение беременных женщин, мастурбация при виде пыток над подростками). «Маркиз де Сад оказал на меня большое влияние… по-моему, он великий философ и великий представитель своего времени, тогда как многие считали его всего лишь извращенцем, – говорил Маккуин Дэвиду Боуи. – Под его влиянием я имею в виду то, что он заставляет мыслить… Меня это немного пугает. Так же думаю и

я…»[302]

Крис Берд, друг Ли, с которым он познакомился в 1993 году через иллюстратора Ричарда Грея, часто проводит параллели между творчеством Маккуина и де Сада, особенно его романами «Жюстина, или Несчастья добродетели» и «Жюльетта, или Успехи порока». «Такой подход – описание бесчеловечности по отношению к другим – не потворство, но показ, – сказал он. – В одной коллекции Ли даже нашил на один костюм слова «Жизнь есть боль». В его творчестве присутствовала не только романтика, но и жестокость. Он был склонен к садомазо и вместе с тем стремился раскрепостить, освободить женщин и позволить им быть на подиуме агрессивными».[303]

Кэролайн Эванс, профессор истории и теории моды в Центральном колледже Святого Мартина, отметила связь между де Садом и Маккуином в своей книге «Мода на грани: зрелищность, современность и смерть»: «И жестокостью своего кроя, и театральностью своих показов Маккуин напоминает великих развратниц маркиза де Сада, которые стремились доминировать и властвовать, – пишет она. – Опасные женщины Сада были суперженщинами настолько исключительными, что находились почти вне пола… Маккуина, как и Сада, завораживала диалектическая связь между жертвой и агрессором, и вереница женщин, которую он выпускал на подиум, напоминала скорее не жертв Сада, а его агрессоров… В его воображении разворачивалась картина, напоминающая двойную бухгалтерию: каждый пример доброты уравновешивался примером жестокости, каждый жест доминирования намекал и на подчинение. По ходу показа виктимизированные модели уступали место более сильному образу, так как они превращались в хищниц».[304]

Кроме того, де Сад намекал, что мораль – искусственное сооружение, матрица правил и ограничений, предназначенных для того, чтобы сдерживать «естественные» порывы человека и управлять ими. Читая «120 дней Содома», молодой дизайнер думал, что ему, наконец, позволили выразить свою сексуальность, которую некоторые, возможно, считали избыточной, аморальной, грязной или низменной, – так, как ему нравилось. На его взгляд, ничто не могло считаться «за гранью» или слишком шокирующим. «Ли отличался ненасытностью, он любил, когда его трахали», – говорит его друг Крис Берд. Однажды утром Крис Берд ночевал в Тутинге, он вышел из душа и вытирался в спальне, когда в комнату ворвался Ли и попытался его соблазнить. «Он был не в моем вкусе, все напоминало пьесу «Слишком женатый таксист», – вспоминает Крис, имея в виду пьесу Рэя Куни. – Позже я напомнил ему о том происшествии, и он стал с жаром все

отрицать. Наверное, ему неприятно было вспоминать о том, как его отвергли».

Вот как Ли любил приветствовать друзей-геев, кому «повезло» знать его в тот период, например, Криса Берда: он засовывал палец в задний проход, и, входя в паб, неожиданно подсовывал палец под нос приятеля со словами: «Познакомься с Ли!», а затем громко, вульгарно гоготал.

Маккуин с удовольствием вспоминал, как пришел однажды в Музей Виктории и Альберта, и его сумку проверял охранник. «У него в спортивной сумке лежал грязный искусственный член. Увидев смущение охранника, он страшно развеселился, – вспоминает Крис. – Они с Изабеллой так хорошо ладили именно потому, что оба любили говорить о сексе, о больших членах и о трахе».[305]

Ли часто радовал друзей и сотрудников рассказами о своих сексуальных подвигах. Элис Смит, с которой Ли познакомился осенью 1992 года, когда она работала в модельном агентстве «Денза», сравнивала его со скабрезным придворным шутом. Он угощал ее и ее партнершу по бизнесу Крессиду Пай подробными рассказами о своих похождениях в парке Хэмпстед-Хит. «Секс всегда привлекал его; ему не терпелось во всех подробностях рассказать нам, чем он занимался и с кем, – вспоминает Элис. – Как-то он хвастал, как ездил в парк Клапам-Коммон и там познакомился с каким-то типом, который привязал его к дереву и сбежал. Ли простоял там до утра. Смех у него был замечательный, он кудахтал, как старая карга. Мы обычно говорили: «Ли, нельзя ли потише», – потому что разговаривали по телефону с важными клиентами. Тогда он разваливался в кресле и принимался рассказывать грязные истории».

Вскоре после выпуска из колледжа Ли встал на учет в «Дензе». Как-то он, в костюме-тройке, «похожий на хомячка», отправился на собеседование с Альбертой Ферретти. «Мне казалось, что в таком виде, похожий на банковского клерка, он ни за что не получит работу, – вспоминает Элис. – Его действительно не взяли». Когда Смит и Пай ушли из «Дензы» и основали собственное кадровое агентство, расположенное на Сент-Мартин-Лейн, Маккуин зарегистрировался у них в надежде, что они найдут ему работу. «Он очень радовался тому, что мы ушли из крупного агентства и основали свое, – говорит Элис. – Между нами прослеживалось определенное родство, потому что, по-моему, он казался себе слегка чокнутым, немного одиночкой. Ему нравилось, что мы с Крессидой – кто-то вроде пиратов». Подруги с самого начала признали в Маккуине талант: на анкете, которую Ли заполнил для агентства «Смит и Пай», они написали: «Это

звезда». Его эскизы, нарисованные твердым простым карандашом – бледные, четкие, сдержанные и точные, – были прекрасны и нисколько не напыщенны.

Позже Элис пригласит Ли в свою квартиру на Примроуз-Хилл, чтобы тот сшил ей брюки; ткань она купит на рынке Бервик-стрит, и он за 50 фунтов быстро соорудит ей широкие брюки-палаццо, которые расширяются от талии. «Я пыталась указывать, что мне хочется, но он всегда отвечал: «Такое я делать не стану», – вспоминает Элис. – Он раскладывал ткань на полу в моей крошечной квартирке на Примроуз-Хилл и кроил без эскиза и выкройки. Я не верила своим глазам. Помню, он всюду ходил с большими портновскими ножницами – кажется, ему их купила тетка. С деньгами было очень туго, и мы обычно брали для него деньги взаймы у компании – я говорю «взаймы», но он никогда не возвращал их. Хотя мы и сами сидели на мели, мы понимали, что он великолепен. Мы верили в него и поддерживали его. Мы радовались, что можем помочь гению».[306]

Для того чтобы заработать немного наличных – в то время Маккуин официально по-прежнему считался безработным, – Ли начал шить жилеты на продажу. Несколько штук он принес в редакцию Vogue. Анна Харви, работавшая тогда фешен-редактором, вспоминает, что жилеты показались ей «совершенно чудесными». Она подумывала купить один из них для сына, старосты класса, но так и не решилась, о чем сейчас жалеет. «Общаться с Ли было трудновато, потому что он отличался мучительной застенчивостью; в редакции Vogue, в окружении восторженных девиц он чувствовал себя не на месте… Помню его бледное, напряженное лицо. И все же его отличала глубокая внутренняя уверенность; увидев эти полдюжины жилетов, я подумала: этот парень знает, чего хочет».[307]

Конец 1992 и весну 1993 года Маккуин работал над своей первой коллекцией, которую он назвал Taxi Driver («Таксист»). «Смит и Пай» добровольно помогли ему в рекламной кампании. Элис позвонила своей подруге Кейти Уэбб, которая тогда работала в журнале «Скай», и так Маккуин получил первый отзыв в прессе. Правда, и тут не обошлось без трудностей. Ли понимал, что ему нужна реклама, но не хотел фотографироваться, чтобы не привлекать к себе внимание министерства социального обеспечения, которое могло лишить его пособия. Маккуин вместе с фотографом Ричардом Барбриджем придумали обмотать ему лицо клейкой лентой на тканевой основе, не оставляющей следов. «По-моему, в этом угадывалось и влияние Мартина Маргиелы, – говорит Крис Берд, вспоминая бельгийского дизайнера, который отказывался сниматься. – Это делало его более загадочным».[308]

Такой образ, позаимствованный из садомазо и фетишизма, очевидно, нравился Ли; примерно в то же время он подарил Саймону Костину свою фотографию, где его лицо обмотано пленкой, а на голой груди – цепочка работы Костина с птичьими черепами. Маккуин говорил Уэбб: «Некоторые из нас родились не в той форме, слишком низкорослыми или слишком толстыми, и я стараюсь придумать такие узоры, которые помогают людям выглядеть лучше, поднять свою самооценку по приемлемой цене. Я хочу привлекать к показам своих коллекций самых обычных людей – в конце концов, не всем же быть такими, как Ивана Трамп».[309]

Идеи для коллекции «Таксист» Маккуин черпал в кино, особенно в фильмах, которые он недавно видел в «Скала» на Кингс-Кросс. «Я люблю Пазолини и Стэнли Кубрика, – говорил он. – Это моя дань кино и фотографии».[310] Конечно, центральная роль в коллекции принадлежала одноименному фильму Мартина Скорсезе 1976 года с Робертом де Ниро в главной роли – неуравновешенного водителя такси Тревиса Бикла – и молодой Джоди Фостер в роли девочки-проститутки Айрис Стинсма. Маккуин попросил Саймона Англесса помочь ему распечатать фотографию Де Ниро в роли, которую он затем нанес на жакет из тафты. Нетрудно понять, почему фильм «Таксист» так понравился Маккуину. Наверное, он отождествлял себя как с «санитаром общества» Биклом, так и с униженной и оскорбленной Айрис, которую тот пытается спасти.

Маккуин старательно работал над коллекцией; как он говорил Люсинде Алфорд из «Обсервера», ему хотелось экспериментировать и пробовать новую технику. Вместо того чтобы подрубать края ткани, он окунал их в латекс и украшал платья перьями, заключенными в «сэндвич из прозрачного винила». Он был чрезвычайно внимателен к каждой детали. Так, «рукава часто шьются из трех частей, что требует вдвое большего количества швов, – писала Алфорд. – Воротники и рукава скроены по принципу оригами: дополнительные швы на локте и подкладка под мышкой позволяют рукавам плотно прилегать к телу и вместе с тем не мешать свободе движений».[311]

В начале девяностых модная индустрия Великобритании переживала депрессию – страна еще не до конца оправилась после спада, во время которого упали цены на недвижимость, повышались процентные ставки, а обменный курс был завышен. В 1993 году британские дизайнеры, в прошлом обладатели титула «Лучший дизайнер года», – Джон Гальяно, Вивьен Вествуд, Кэтрин Хамнетт и группа «Рабочие за свободу» – вместе с тогдашним носителем титула, Рифатом Эзбеком, решили показать свои

коллекции за границей, либо в Милане, либо в Париже. Бетти Джексон предпочла представить свои вещи в видеозаписи. Парижский показ устроил и Джон Ричмонд. «Лондонская неделя моды не слишком интересовала журналистов международных изданий и покупателей, – говорит Ричмонд. – Те, кто хотели расширить дело, должны были устроить показ в Париже». В 1990 году в Лондоне проходил показ коллекций 21 дизайнера, и еще 250 арендовали стенды на проходившей тогда торговой выставке. В марте 1993 года только «тринадцать дизайнеров показали свои коллекции и всего 60 приняли участие в выставке в отеле «Ритц», – сообщал Роджер Тредр в Independent on Sunday. – Недостатка в талантах Великобритания не испытывает, – пишет Тредр, который назвал Маккуина одной из восходящих звезд, вместе с Беллой Фрейд, Амандой Уэйкли, Флайт Остелл, «Зоннентаг и Маллиган» и Эйбом Хэмилтоном. – Скорее корень проблемы в деньгах».[312]

Для того чтобы поддержать молодые таланты, Британский совет моды ассигновал небольшую сумму для спонсирования шести дизайнеров и объединений: Александра Маккуина, Sonnentag & Mulligan, Лайзы Джонсон, Пола Фрита, Эйба Хэмилтона и Copperwheat Blundell. Ли Копперуит познакомился с Ли Маккуином в колледже Святого Мартина, где он по совместительству читал лекции в магистратуре; они подружились и вместе ходили по клубам. «Он ни в чем не знал удержу, как и я, нам нравилось одно и то же, он был готов на все, иногда вел себя рискованно, – говорил Ли. – Мы начали проводить время вместе и очень сблизились. Но я не понимал, насколько он гениален, до выставки в отеле «Ритц».[313]

Групповой показ, который устроили в нескольких номерах отеля, считался незначительным по масштабу. Кроме того, коллекции представляли не на живых моделях, а на вешалках. Костюмы Маккуина были представлены на вешалках от Дороти Перкинс. «Все казалось довольно унылым и серым до тех пор, пока я не услышала в коридоре чей-то громкий гогот, – вспоминает модный критик Сара Моуэр. – Я увидела Изабеллу Блоу в шляпке с перьями работы Филипа Трейси; она подталкивала зрителей к безупречно скроенным костюмам, рядом с которыми стоял парень-кокни с круглой, как ядро, головой».[314] Нилгин Юсуф, сотрудница Sunday Times, тоже выделила работу Маккуина. Ей безумно понравился «высокий, украшенный драгоценностями» воротник, «который годился для императрицы»,[315] а Люсинда Алфорд из «Обсервера» упомянула о «бесспорном таланте закройщика» у Маккуина. «В коллекцию входит как одежда от-кутюр, так и вещи, предназначенные для

повседневной носки, и все они отличаются безупречным кроем. В основе его стиля лежит косой крой; он широко пользуется достижениями исторического костюма и осовременивает их; кроме того, он широко внедряет футуристические образы и принты».[316] На показе в «Ритце» побывала сестра Ли Джанет; она пришла с матерью Джойс и теткой Рене. Ее взгляд отличался от точки зрения редакторов модных журналов. «Помню, я смотрела на его коллекцию и думала: ни за что такое не надену, – говорит Джанет. – Я была сторонницей классического стиля, а не экспериментатором, как Ли. Но Изабелла Блоу восхищалась его вещами».[317]

Возможно, похвалы журналистов ударили Ли в голову – в конце концов, его имя попало даже на полосы The Times. «Их творения недвусмысленно современны, – писал Иен Р. Уэбб о шести участниках показа в «Ритце», – их имена завтра прославятся на весь мир».[318] После показа Ли и Саймон Англесс упаковали костюмы в черные мешки для мусора и пошли праздновать в бар «Комптонс» в Сохо, а оттуда в «Мэн Стинк», еще один паб для геев в районе Кингс-Кросс. Молодые люди, как всегда, сидевшие на мели, решили не сдавать вещи в камеру хранения, а спрятать их под баками для мусора на улице. «Мы пили и веселились несколько часов и совсем забыли о костюмах, когда вышли, чтобы вернуться в Тутинг, – вспоминает Саймон. – На следующее утро Ли пошел за ними, но, конечно, и пакеты, и костюмы пропали».[319]

Почтение и благоговение, с каким в наши дни коллекционеры и устроители выставок относятся к вещам Маккуина – одна винтажная вещь может стоить несколько десятков тысяч фунтов, – не характерны для более беззаботных и хаотичных девяностых годов прошлого века. Элис Смит вспоминает, как в начале марта 1993 года возвращалась со съемок для Daily Telegraph, посвященных дизайнерам и их музам. Она позировала в кожаном бюстье и экстравагантном жабо из фазаньих хвостов работы Маккуина. В такси она держала вещи в руках; перья то и дело падали на сиденье и на пол такси. «Они тебе нужны?» – спросила она. Ли покачал головой, и Элис оставила костюм в такси. Когда с Элис связались представители Метрополитен-музея и попросили костюм для выставки «Дикая красота», ей пришлось им отказать. «Столько всего пропало! – говорит Элис. – Ли обычно оставлял вешалки с костюмами в нашем офисе, а мы просили его все забрать, потому что у нас там совсем не было свободного места. Повторяю, костюмы приравнивались к мусору».[320]

17 марта 1993 года Ли праздновал свой двадцать четвертый день рождения в кондитерской Maison Bertaux с небольшой

группой друзей, в число которых входила Таня Уэйд. Ее день рождения отмечали накануне. «Помню, однажды он прислал мне в подарок топ с написанной на нем фамилией Маккуин, но по дороге подарок почему-то потерялся, – говорит Таня. – Ли гадал, что с ним случилось, и я предположила: наверное, повара приняли его за грязное посудное полотенце. «Ах ты глупая корова», – ответил он».[321] Ли подружился и с сестрой Тани, Мишель Уэйд. Однажды он поделился с Мишель планом устроить показ мод у ее кондитерской. Он собирался возвести рядом с кондитерской помост, а всю Грик-стрит усыпать сеном. Его замысел так и не воплотился в жизнь. «Тогда я подумала: «Кто он такой?» Фантазии ему было не занимать, – сказала Мишель. – Сначала он показался мне слишком застенчивым, замкнутым и неуклюжим. Судя по всему, он был личностью противоречивой. Но со временем ему легче стало общаться с людьми. Конечно, его трудно было назвать уравновешенным человеком. Наверное, все дело в том, что у него в голове роилось столько замыслов». Ли сшил для Мишель длинное черное пальто в стиле «милитари» с тартановой подкладкой, «и даже теперь, хотя прошло пятнадцать лет, я ношу его пальто, и мне в нем хорошо. Вот что он делал для женщины: позволял замечательно себя чувствовать».[322]

Глава 5

Секс составляет большую часть того, что я делаю.

Ли Маккуин

В зале погас свет; под панегирик наркомании I Wanna Get High группы Cypress Hill на подиум неверной походкой вышла тоненькая девушка в серебристых брюках с шокирующе заниженной линией талии и в безупречно скроенном сюртуке. Было 20 октября 1993 года; действие происходило в центре «Блуберд гараж» на лондонской Кингз-Роуд. По ходу показа коллекции, которая называлась Nihilism («Нигилизм»), воплощение «героинового шика» становилось все мрачнее и тревожнее. Одна из моделей приветствовала зрителей, выставив средний палец. Другая девушка, в длинном белом хлопчатобумажном платье без рукавов, запачканном красной краской, выглядела недавней жертвой насилия. Затем зрители увидели бледную молодую особу в мини-платье из пищевой пленки, заляпанной, на первый взгляд, грязью и кровью. Она напоминала Кэрри, героиню Стивена Кинга, которая очутилась в доме высокой моды.

«Дебютом Александра Маккуина стало шоу ужасов, – писала Мэрион Хьюм из Independent. Газета отвела «Нигилизму» целую полосу. Рецензию на шоу молодого дизайнера назвали «Театр жестокости Маккуина». – Между взрывами жесткой музыки хаус наступала странная тишина, было слышно, как жужжат моторы и щелкают затворы камер. Почти все фотографы, многим из которых довелось освещать не только модные показы, но и боевые действия, перестали снимать». Хьюм признавалась в том, что образный ряд вызвал у нее и у многих ее коллег тошноту. Она привыкла к обнаженной плоти, которой на показе тоже хватало, но на сей раз все увидели и нечто другое. «…модели, которые выглядят так, словно только что побывали в тяжелой автокатастрофе, в прозрачных трусиках из пищевой пленки, с окровавленными, гноящимися послеоперационными рубцами на грудях, просвечивающих сквозь муслиновые футболки, – это уже не модный показ».[323]

Вполне понятно, что никто из журналистов, пишущих о моде, понятия не имел об истинных истоках образного ряда. Они не знали, что зять Ли, тот самый, что надругался над ним в детстве, часто избивал его сестру Джанет на глазах мальчика. Многие

критики объявили коллекцию безвкусной и женоненавистнической. Обозреватель отраслевого журнала Draper's Record даже нашел коллекцию «унылой». «Если не считать одного яркого костюма в духе семидесятых из двухцветной набивной ткани с ромбовидным узором и рубашек с высоким воротом в мужскую клетку, остальное не стоило часа ожидания».[324]

Однако Хьюм заметила, что, несмотря на «извращенное представление о женщинах», Маккуин в своей коллекции попытался выразить новые современные веяния. Его костюмы рассказывали об «избитых женщинах, о насилии, о повседневном жалком существовании, которое компенсируется необузданной, насыщенной наркотиками ночной жизнью, походами в клубы, куда принято являться полураздетыми. В таком ракурсе его вещи, возможно, точнее отражают действительность, чем шикарные вечерние платья от Валентино». Она признавала, что Маккуин, как Рей Кавакубо и Вивьен Вествуд, способен сказать что-то новое. Когда Кавакубо впервые показала в Европе свою женскую коллекцию под маркой Comme des Garçons («Как мальчики»), многие зрители выходили из зала, не дождавшись окончания. И когда Вествуд украсила легинсы цвета сырого мяса изображениями пенисов, сама Хьюм призналась, что испытала ужас и отвращение. Однако Хьюм подчеркивала, что важно позволять молодым дизайнерам экспериментировать. «Все новое как раз и должно шокировать, – резюмирует она. – И если что-то вызывает у нас, модных критиков, неодобрительные восклицания… или мы считаем это безвкусным, значит, так тому и быть».[325]

В то время лондонская Неделя моды еще считалась бедной родственницей своих роскошных кузин в Париже и Милане. Как подчеркнул Эдвард Эннинфул во введении к статье в октябрьском номере журнала i-D, посвященной шести новым талантам – в их числе были названы Маккуин, Николас Найтли, Джон Роша, Эйб Хэмилтон, Флайт Остелл и Copperwheat Blundell, – в то время как британской креативностью восхищаются во всем мире, на родине молодые дизайнеры находятся в невыгодном положении в силу своей неопытности в бизнесе и не всегда идеально отточенных навыков. «Мы как никто другой любим похвастать инновационными зрелыми талантами, но лишь разводим руками, когда их сманивают европейские дома высокой моды…» – писал он. Однако молодые кутюрье доказали, что способны создавать одежду, которую хочется носить; кроме того, их отличала деловая хватка. Такое сочетание «предвещало возрождение оклеветанной британской индустрии моды».[326] В интервью Аврил Мэр,

которая написала о нем небольшую статью, сопровождавшую репортаж Эннинфула, сказано, что, хотя он «совершенно не шикует», он стремится «вплести традиционные техники ручной работы, свойственные высокой моде, в довольно простые вещи». В основе его творчества лежал известный эротизм – «Секс составляет большую часть того, что я делаю», – говорил Маккуин. По словам Аврил Мэр, дизайнер показался ей больше похожим «на футбольного фаната-хулигана, чем на творца нежной и безупречной одежды, призванной льстить женской фигуре».[327]

При создании тканей Ли обратился за помощью к Флиту Бигвуду, преподававшему в магистратуре колледжа Святого Мартина дизайн текстиля. Флит вспоминает, как через два дня после показа выпускной коллекции Ли появился в колледже в дубленом жилете, плиссированной юбке и джинсах; он злобно пояснил, что хочет делать свою коллекцию. «Достало меня все, – говорил он. – Всем на меня плевать, кроме этой чокнутой богачки [Изабеллы Блоу. – *Э. У.*]». «Мне понравилась его злость, – вспоминает Флит. – Его вдохновляло желание всех послать, и модную индустрию, и журналистов, и покупателей. Он был разочарован, ему казалось, что никто не отдает ему должное, не понимает, что он может предложить». Бигвуд в то время жил в Стритеме, всего в полумиле от Тутинга, и часто заходил к Ли домой, где наблюдал, как Маккуин «прожигает, рвет» материю или по-другому «издевается» над ней. «Все было так наивно, – вспоминает Флит. – Он рисовал эскизы, кроил и разрабатывал собственные принты. Ему недоставало общей подготовки, потому что он был закройщиком, но это не мешало ему получать удовольствие от всех этапов производственного процесса». Когда Флит увидел коллекцию «Нигилизм», он, по его словам, не пришел от нее в восторг. «Я родился в 1962 году, и, конечно, увлечение панком не обошло меня стороной, но Ли был для панка слишком молод. Меня это слегка покоробило; показалось, что он просто хочет шокировать публику, а ведь мы-то видели и не такое! Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что он оказал на стиль такое же большое влияние, как панк, и оно оказалось таким же долговечным».[328]

Марин Хоппер, заведующая разделом моды в американском издании ELLE и дочь актера Денниса Хоппера, пришла от «Нигилизма» в восторг. Весной того же года Ли и Марин познакомились, и он рассказал, как работал на Савил-Роу, где царапал тайные «послания» на подкладке пиджаков. «Я подумала, что это так по-панковски», – сказала Марин, которая позже писала о его творчестве на страницах своего журнала. Позже Маккуин рассказал Изабелле и Детмару Блоу, что спал с Марин в

парижском отеле «Кост». «Я была бы первой, кто признал это, будь это правдой, – заметила Марин. – Он всегда держался игриво, но мы никогда с ним не спали. Мы говорили о сексуальной ориентации, он рассказывал, как влюблялся в разных парней. Он был абсолютным, стопроцентным гомосексуалистом. Может быть, он думал, что сама мысль о том, как мы переспали, шокирует его знакомых – они поразятся новизне, точнее, старине».[329] В день показа в зрительном зале была и Бобби Хиллсон. Наблюдая за тем, как модели ходят по обшарпанному залу «Блуберд», оформленному в стиле ар-деко, – дело было еще до того, как центр превратили в модный ресторан, – бывшая наставница Маккуина испытала глубокое чувство удовлетворения. Она поняла, что ее риск оказался оправданным. «У меня мурашки побежали по коже», – сказала она о показе, сравнив его с замечательным театральным спектаклем.[330]

В коллекции «Нигилизм» Маккуин впервые выпустил на подиум моделей в ставших знаменитыми брюках-«бамстерах», или «попках». Талия у них была так занижена, что, по словам одного критика, «виднелась ложбинка между ягодицами».[331] По мнению историка моды Джудит Уотт, что своим происхождением бамстеры, после которых не одно поколение мужчин и женщин носило джинсы или брюки с заниженной талией, обязаны книге Хуана де Алсеги 1589 года «Книга шаблонов портного», которую читал Маккуин (перевод с испанского на английский был сделан в 1978 году). В XVI веке мужчины носили бриджи с заниженной талией, которые сидели на бедрах или ниже. «Добавив современную технику кроя, он открыл целую область эротического интереса, он создал нечто новое», – написала она.[332]

По Маккуину, в основе всего лежал подчеркнутый эротизм. Введя в обиход бамстеры, Маккуин познакомил представителей обоих полов с достоинствами S-образного изгиба, который художник У. Хогарт называл «линией красоты» и по которому тосковал герой одноименного романа Алана Холлингхёрста 2004 года. «Я хотел удлинить фигуру, а не просто выставить напоказ зад, – говорил Маккуин о своих бамстерах в 1996 году. – Для меня это – не столько ягодицы, сколько нижняя часть спины – самая эротическая часть тела, как мужского, так и женского».[333]

Для Сеты Ниланд, его новой подруги, работавшей стилистом в таких журналах, как The Face, бамстеры стали естественным продолжением революционных решений французских кутюрье, например женского смокинга Ива Сен-Лорана. «Ли называл бамстеры «строительными штанами», – вспоминает Сета, которая помогала Маккуину в организации показа коллекции

«Нигилизм». – Он обращал внимание на рабочих-строителей с оттопыренными задами; возможно, это казалось ему красивым. Но одевать в такое женщин? Модели боялись выходить в бамстерах на подиум; мне пришлось их уговаривать. У меня ничего не получалось, но потом одна девушка все-таки рискнула, и все пришли в восторг».

Ли нравились рассказы Сеты о ее мрачном прошлом. Так, она рассказала ему, что ее сестру убили. В свою очередь, ее привлекало к Маккуину его положение «аутсайдера». «Я тоже казалась себе аутсайдером, не того цвета, хотя, наверное, к тому времени у меня уже появился правильный акцент», – признается она. Они познакомились после того, как Ли окончил колледж Святого Мартина; они часто заходили в кондитерскую Maison Bertaux и несколько часов сидели за столиком, растягивая чашку кофе или чая с пирожным. За угощение обычно платила Сета, которая, как и Ли, была тогда «никакой в смысле денег». «Он все твердил, что хочет сделать коллекцию, и я спросила: «Как мы это осилим?» Я ведь бывала на модных показах и знала, во сколько они обходятся. А он ответил: «Давай попробуем». Для начала мне предстояло уговорить знакомых дать нам кое-что бесплатно. Я пошла в «Блуберд гараж» и наврала, что мы показываем внеплановую коллекцию. Попросила знакомых ребят, осветителей из Гластонбери, поставить свет для показа. Стулья позаимствовали из соседних учреждений; уговорили прийти знакомых журналистов, нам бесплатно напечатали приглашения. Я задействовала все свои связи, чтобы нам помогли бесплатно пригласить моделей. Несколько хороших девушек достались нам даром».

В процессе подготовки над ними постоянно нависала угроза, что все развалится из-за недостатка средств. Ли по-прежнему сидел на пособии по безработице, а Сета, которая жила в муниципальной квартире в Кенсингтоне, получала за свою работу стилистом в глянцевых журналах совсем немного. В день показа Ли и Сета вдруг сообразили, что им не на что купить моделям нижнее белье. Сете на глаза попался рулон пищевой пленки; она отрывала куски пленки и обматывала ими моделей. «Нужда рождает гениальность и креативность», – сказала она, смеясь.[334] Однако не обошлось без эксцессов. «Никому ничего не заплатили, и в конце показа модели просто швыряли костюмы в мешки», – вспоминает Крис Берд.[335]

Помимо прочего, Сете пришлось заниматься и музыкальным сопровождением. В числе выбранных ею треков был сингл группы Radiohead 1992 года Creep («Дурак»), посвященный «саморазрушающей ярости безответной любви».[336] За кулисами,

когда показ закончился, Ли повернулся к Сете и сказал, что ненавидит ее за то, что она выбрала эту песню. «Он был ужасно зол и не понимал, почему я выбрала именно ту песню, – вспоминает Сета. – А мне хотелось, чтобы зрители говорили: «Да, возможно, он выглядит как дурак, но посмотрите, что он умеет!»… Модной индустрии он казался странным, невоспитанным, пока его вещи не начали говорить за себя; тогда его критикам пришлось признать свое поражение. Песня применительно к его коллекции звучала иронически, потому что он не был дураком. Теперь, оглядываясь назад, можно признать, что все делалось наспех, не вылизано, но в том-то и заключалась красота Ли. Крой был изумительным, ткани – инновационными. И во всем проглядывало зверское изящество, по-моему, это выражение прекрасно описывает суть Ли».[337]

На коллекции «Нигилизм» Маккуин впервые продемонстрировал еще один свой фирменный знак: логотип, образованный строчной буквой с внутри прописной Q. Его придумала Элис Смит, а эскиз нарисовал ее тогдашний бойфренд, художник-график. «Ли, конечно, ничего нам не заплатил, – говорит Элис. – Но я его прощаю. Его первые коллекции не были похожи ни на что виденное раньше. Конечно, зрители на показах испытывали шок, тем они и ценны, но замысел и исполнение были замечательными. Мы с Крессидой буквально плакали, потому что очень волновались за него. Мы не знали, справится ли он, так что потом все больше поражались. Он показывал одну коллекцию за другой, и каждая оказывалась обширнее и лучше предыдущей. Но нам всегда казалось, что все может в любую минуту рухнуть».[338]

Ближе к концу 1993 года Саймон Англесс сказал Ли, что переезжает к своему бойфренду. Это означало, что Маккуину придется искать жилье в другом месте. Денег на то, чтобы снять отдельную квартиру, у него по-прежнему не хватало. Сестра Ли Джеки, которая тогда работала в Будапеште, предложила Ли временно пожить в ее квартире на Чедуэлл-Хит, а братья Тони и Майкл обещали помочь с переездом. Как-то в субботу Майкл пригнал в Тутинг грузовик через весь Лондон, но застал брата еще в постели. «Ничего не уложено, ничего не сделано, – вспоминает Майкл. – Я сказал: «А ну давай вставай, мы в такую даль приехали, собирайся!» Вот такой он был».[339]

Ли очень обрадовался предложению сестры, но жизнь в пригородном Эссексе казалась скучной после бурных похождений в Южном Лондоне. Сета Ниланд вспоминает, как приехала с Маккуином в Эссекс на метро со станции «Ливерпуль-стрит» – они обычно перескакивали через ограждения, чтобы не платить за

билеты, – и ее изумила пустота в квартире. По мнению Сеты, квартира напоминала чистый холст. Возможно, такая обстановка оказывалась стимулирующей для творчества. «С самого начала он много ссылался на произведения искусства. Он многому меня научил, – говорит она. – Он не был «нормальным» представителем мира моды, он не прогрессировал от среднего к высшему уровню и так далее, к докторской степени, но именно поэтому он действовал еще энергичнее. Однажды я встретила его в обществе Изабеллы Блоу. Не думаю, что он стеснялся классовых различий; по-моему, они его, наоборот, увлекали».[340]

Весь 1993 год Изабелла пыталась убедить Стивена Мейзела сделать фотографии к статье для британского издания Vogue. Мейзелу, который с 1988 года работал в итальянской редакции Vogue под руководством Франки Соццани, не очень хотелось уступать. «В моей работе присутствует совершенно нездоровая впечатлительность, – сказал он, – но в ней, помимо серьезной красоты, находится место и чувству юмора… и сарказму, и стремлению послать всех куда подальше».[341] Тогда он очень высоко ценился; он только что закончил совместный проект с Мадонной, работу над ее книгой «Секс» 1992 года. В «Нью-йоркере» его назвали самым высокооплачиваемым модным фотографом в мире. «Его считают одной из суперзвезд в сфере фотографии моды», – говорила в то время Анна Винтур.[342] После того как Мейзел наконец согласился – черно-белые фотографии появились в 1993 году в декабрьском номере британского Vogue под заголовком «Англосаксонские тенденции», – по слухам, он выставил счет на 80 тысяч фунтов, и это стала самая дорогая фотосъемка в истории журнала. К фотосессии, которую в народе называли «Лондонские красотки», требовалось найти самых красивых британских девушек с «голубой кровью», вспоминает Плам Сайкс. В те годы Сайкс работала помощницей Изабеллы. Она позировала для Мейзела вместе со Стеллой Теннант, Беллой Фрейд, леди Луизой Кэмпбелл и Онор Фрейзер. Блоу пригласила Маккуина в штаб-квартиру Vogue, чтобы обсудить, какие его костюмы можно представить на фотосессии. «Но некоторые сотрудники редакции совершенно не ценили его, – вспоминает Плам. – В то время все еще очень интересовались парижскими модными домами Christian Lacroix и Chanel, а Лондон ни во что не ставили. Некоторые сотрудники Vogue считали Александра, как я его называла, обыкновенным неряхой. Помню, он пришел в редакцию с разодранным кружевным платьем – кажется, в конце концов его надела Стелла Теннант – и действительно представлял собой очень странную фигуру. В редакции работали люди,

причислявшие себя к верхушке среднего класса, а он казался таким вульгарным. На нем была старая фланелевая рубашка в клетку, джинсы сползали с зада так, что виднелась ложбинка между ягодицами, а еще у него из кармана торчала цепочка для часов. От него всегда плохо пахло, он потел и был неопрятен. Помню, меня он слегка пугал. Я была довольно чопорной девицей, которая училась в Оксфорде, и его костюмы меня не привлекали. Иззи говорила: «Этот парень такой талантливый, он суперзвезда, посмотри на его крой!» Но я к тому времени проработала в Vogue всего год и не понимала, что такое замечательный крой. Теперь я, конечно, понимаю, что он создал силуэт, не похожий на все, что было до него».

В конце 1993 года Плам Сайкс попросила Маккуина сшить ей платье в стиле панк из черных кружев и шифона к рождественской вечеринке в редакции Vogue. Она дала ему 20 фунтов на материю и еще 50 фунтов за работу. «Он сшил платье, принес его в редакцию, в женском туалете порезал его ножницами, разрезал сзади и сказал: «Ну вот, теперь готово». Жил он очень скудно, ведь официально считался безработным, и у него не было банковского счета. Я быстро поняла, что он очень сообразителен, умен и остроумен – как Ловкий Плут у Диккенса. Помню, я еще подумала: «Этот парень гораздо умнее меня и моих [оксфордских. – *Э. У.*] друзей».[343]

Ли и Изабелла, которая тоже согласилась позировать, убедили Плам выйти на подиум на показе следующей коллекции, Bheansidhe (Banshee, «Банши»), который состоялся в лондонском «Кафе де Пари» 26 февраля 1994 года. За два дня до показа Маккуин дал интервью Кэтрин Семьюэл, заведующей отделом мод газеты Daily Telegraph, в котором впервые публично признался в своем гомосексуализме. Прочитав интервью, его мать очень огорчилась. «Зачем тебе нужно афишировать свою личную жизнь?» – спросила она. «Но это не моя личная жизнь, – ответил он. – Я просто такой, и все».[344] Кроме того, он сказал Семьюэлу, что, хотя перед последним показом он ставил цель «задать Лондону жару», он хотел, чтобы вещи из его новой коллекции покупали. «Моя цель – объединить Савил-Роу с одеждой массового производства».[345] Приглашением на показ служила черно-белая фотография работы Рэнкина. На снимке изображалась старая обнаженная женщина, закинувшая руки за голову, а вдохновение для коллекции «пришло из ирландского фольклора о банши, которые выли, когда тонул корабль», – сказал Маккуин. – Ее героини – женщины, стоящие у штурвала, сильные женщины».[346]

Когда Ребекка Лоуторп, теперь помощник редактора в

британской версии журнала ELLE, в тот день пришла за кулисы – она тоже участвовала в показе как модель, – она понятия не имела, что Маккуин потребует от нее облачиться в тесное подобие корсета из проволочной сетки и гипса. Она говорит, что ей пришлось нелегко: она не могла наклоняться и, когда хотела отдохнуть, приходилось ложиться на пол, а другие модели поили ее кока-колой через соломинку. Обстановка за кулисами, по ее словам, была «наэлектризованной», а сам показ запомнился своим бунтарским духом. Ребекка назвала его «мощным плевком в лицо индустрии моды». Раньше Ребекке уже приходилось исполнять роль модели для Маккуина и других студентов Центрального колледжа Святого Мартина. «Ему хватило опрометчивости выставить на подиум брюки, которые назывались «бамстеры», или «попки», и заставить моделей ходить с оголенными задами. Получилась своего рода мини-революция. То был чистейшей воды панк».[347] Кинорежиссер Джон Мейбери, который родился в 1958 году, жил в эпоху панка; он считает, что Ли воплотил дух анархического движения. «Ли был панком от природы, это было присуще его натуре, – говорит он. – Панк – совсем не то, что позже выродилось в волну бранящихся и плюющихся хамов. Движение начали студенты-искусствоведы и фанаты Боуи. Агрессия больше была связана с визуальным рядом, она бросала вызов сложившемуся положению дел, что и выразил в своем творчестве Ли».[348]

Изабелла Блоу пригласила на показ Майкла Робертса, Джозефа Эттеджви, Маноло Бланика и Сьюзи Менкес, но Маккуина громкие имена совсем не пугали. Наоборот, он держался подчеркнуто провокационно. В интервью, данному Марку О'Флаэрти из The Pink Paper, он назвал видного журналиста и историка моды Колина Макдауэлла, автора книги «Афера дизайнера», «настоящим п…ром», а затем напал на верхушку модного истеблишмента. «Я всегда пытаюсь ударить идеями людям в лицо, – сказал Ли. – Если у меня в первом ряду будет сидеть кто-нибудь вроде Сьюзи Менкес в долбаном костюме Кристиана Лакруа, я попрошу какую-нибудь модель плюнуть в нее. Понимаете, о чем я? Такие люди способны прославить тебя или сломать, а любят тебя всего миг. Возможно, сейчас мое имя у всех на устах, но они способны убить».[349] Эдриен Кларк, тогда журналист Fashion Weekly, присудил коллекции 9 баллов из 10 за креативность и только 7 из 10 за коммерческую ценность. «Одна из лучших коллекций в городе; с ее помощью Лондон снова обретет почву под ногами и станет креативной столицей Европы», – написал он.[350] Эттеджви, уважаемый дизайнер и владелец нескольких магазинов в Лондоне, считал, что Маккуин

представляет «новую энергию британского дизайна», и назвал его новым Джоном Гальяно или Вивьен Вествуд. Бланику очень нравилась его отделка. «Вот современная одежда от-кутюр: такой отделки не найти в вещах массового спроса, – сказал он. – Если у него и есть проблема, то это обилие идей».[351]

Маккуин говорил журналистам, что к созданию коллекции его подтолкнул фильм Луиса Бунюэля 1967 года «Дневная красавица» с Катрин Денев в главной роли домохозяйки, которая днем, пока ее муж-врач на службе, работает проституткой. Как он сказал О'Флаэрти, «я взял темы из фильма Бунюэля и сделал нечто неземное, с длинными платьями, для тех, кто живет уединенно и сдержанно, но вдруг понимает, что какая-то часть их жизни закрыта. В этом много сексуальности».[352]

Плам Сайкс считала, что Маккуин черпал вдохновение и в творчестве Эдварда Мунка, норвежского художника, чьи картины Маккуин видел в номере Vogue за ноябрь 1992 года. Возможно также, что Ли побывал на выставке Мунка «Фриз жизни», которая проходила в Национальной галерее с ноября 1992 по февраль 1993 года. «Александр велел гримеру наложить нам на лица коричневый тон, и мы выглядели так, словно недоедали года три – три с половиной, – вспоминает Плам. – Я не могла понять, что он делает, почему намеренно уродует нас и зачем мне быть похожей на скелет или персонаж картины «Крик». На головах у женщин – в том числе и одной модели на последних месяцах беременности – серебром по трафарету было выведено «McQueen». «Он делал все. Он не сидел на месте. Он надевал на девушек платья, продумывал макияж, прически. Помню его за кулисами, он заливисто хохотал, как настоящий кокни».[353]

Своеобразное чувство юмора Ли – вот что с самого начала привлекло к нему дизайнера Эндрю Гроувза. Они познакомились летом 1994 года в «Комптонс», гей-баре на Олд-Комптон-стрит. «Помню, как он истерически хохотал над какой-то своей шуткой», – говорит Эндрю, который был на год моложе Ли. Их познакомил общий друг Дэвид Каппо, студент факультета моды. Он на время бросил учебу и работал в магазине париков в Сохо, но Луиза Уилсон убедила его вернуться в колледж. После одной бурной ночи, когда все изрядно перебрали, группа друзей курила по кругу косяк. Бармен заметил, чем они занимаются, и пригрозил, что вышвырнет их из клуба. Ли спросил Эндрю, хочет ли тот пойти к нему на Чедуэлл-Хит. «Помню, он жил страшно далеко, надо было ехать на поезде, а в том возрасте все кажется забавным приключением, – говорит Эндрю. – Работы не было, так что на следующий день не нужно было рано вставать. Я подумал: «Была не была, поеду, а там видно будет». Их роман продолжался,

выражаясь терминами из мира моды, «четыре сезона», до 1996 года, когда пара распалась. «Он был потрясающий, – говорит Эндрю. – Роман с Ли стал для меня первым опытом серьезных отношений, хотя я понятия не имел, что нормально, а что – нет. Наши отношения напоминали взлеты и падения Элизабет Тейлор и Ричарда Бартона; мне казалось, что бесконечные выяснения отношений, драки и ссоры – естественная составляющая любой совместной жизни».

В их жизни было место и радости, и нежности. Они ездили отдыхать в Южный Уэльс, где надевали гидрокостюмы и занимались серфингом. Эндрю и Ли часто навещали Джойс Маккуин на Биггерстафф-Роуд. Однажды в разговоре Эндрю, не подумав, назвал что-то «дерьмом». Ли возмутился: «Блин, не выражайся при моей матери, так ее и растак». Эндрю расхохотался и попытался объяснить ему всю иронию ситуации, но Ли не видел в произошедшем ничего смешного.

Эндрю, который творил под псевдонимом Джимми Джамбл, хотел, чтобы Ли научил его всему, что знал сам. Маккуин, который в то время договорился о продаже шифоновых платьев в «Пелликано» на Саус-Молтон-стрит – «клиентками были женщины, которые одевались в Miyake и любили закрытые руки и плечи», – вспоминает Эндрю. Ли поручал ему подшивать подолы шифоновых платьев. «При всей театральности он создавал очень красивые вещи, которые многие с удовольствием носили, – говорит Гроувз. – Он не ограничивался шокирующими показами».

Однажды, вскоре после знакомства с Ли, Эндрю вернулся в квартиру, которую снимал еще с пятью соседями, и понял, что его ограбили. Кроме того, оказалось, что сосед сверху – наркодилер, у которого имелся запас в 200 таблеток экстази. После происшествия он решил поискать себе другое жилье. В то же время Изабелла предложила Маккуину переехать в цокольный этаж дома 67 по Элизабет-стрит, который принадлежал матери Детмара. Бесплатное жилье в Белгрейвии? Возможно, такое предложение покажется многим необычайно щедрым, но дом пустовал не без причины. Дома 69 и 71, которыми занималось управление «Гроувнор Истейт», начали разрушаться и нуждались в капитальном ремонте. Стена дома 67 треснула, и супругов Блоу предупредили, что жить там небезопасно. Несмотря на плохие условия – не было горячей воды, голые половицы были покрыты слоем грязи и пыли, а из мебели там имелся только грязный матрас, – Ли и Эндрю очень радовались, что поселятся вместе в центре Лондона. «В прихожей стоял целый штабель шляпных картонок со шляпами Филипа Трейси, сделанными для Versace, и мы все их примеряли, – вспоминает Эндрю. – Нас ужасно

смешило, что шляпы, которые побывали на миланском подиуме, запихнули в картонные коробки и сослали в одно из самых грязных мест на свете».[354]

Вскоре после знакомства с Эндрю Ли выбрил голову налысо и кардинально изменил внешность. Саймон Англесс, привыкший видеть его почти каждый день, вспоминает, что в то время Ли как будто исчезал из его жизни, и он не видел его недели по три. Однажды Саймон спускался на эскалаторе на станции метро «Тотнем-Корт-Роуд», когда мимо него, толкаясь, прошли два скинхеда; он не сразу узнал в одном из них своего друга Ли, а в другом – его нового бойфренда Джимми Джамбла.

Парочка вела бурную жизнь. Управляющий Ad Hoc Эрик Роуз вспоминает, как они вместе пошли на вечеринку в верхнем этаже одного паба в Ислингтон-Грин. Они выпили по нескольку бесплатных коктейлей, а потом Ли и Эндрю «начали толкаться и пихаться». Роуз огляделся по сторонам, обратил внимание на ошеломленные лица других гостей и вдруг сообразил, что они вломились на чью-то чужую вечеринку. «Я так хохотал, что чуть не описался, – говорит Эрик. – Они смотрели на нас с таким видом, как будто спрашивали: «Откуда взялись эти гиены?»[355]

Как-то в «Комптонс» Эрик познакомил Ли с Дэем Рисом, который изучал керамику в колледже Святого Мартина и Королевском колледже искусств. Рис, художник и директор курса в Лондонском колледже моды, вспоминает, как они собирались небольшой компанией в задней комнате «Комптонс» на пятачке, который они назвали «ступенью Святого Мартина»; посторонние не отваживались приближаться к ним. «Мы были странной, довольно агрессивной группировкой, – сказал он. – Когда я познакомился с Ли, у меня сложилось впечатление, что он сохранил прочную связь со своим классом, своим прошлым. Между нами было много общего. Мы оба творили, оба вышли из рабочих семей. Мы не стремились выделиться, сделать что-то напоказ, мы просто что-то делали». Когда Дэй приезжал в Королевский колледж, он приглашал своего друга по четвергам в «Арт Бар». «Если мы сидели на мели, то просто пили на халяву, – вспоминает он. – Часто прибегали к такой уловке: ждали, пока в баре не набьется побольше народу, а затем, около половины одиннадцатого, врубали пожарную тревогу. Все выбегали на улицу, а мы спокойно наливали себе все, что хотели, и прятали в туалете до возвращения».[356]

Кроме того, Эрик познакомил Ли с Николасом Таунсендом, которого друзья называли Трикси. Тогда он работал в Ad Hoc. Вначале Трикси решил, что Ли застенчив и невинен. Хотя их разница в возрасте составляла всего два года – Таунсенд родился

в 1967 году, – Трикси решил, что Ли гораздо моложе. «В нем было что-то детское, – вспоминает он. – Душа у него была молодая, не изломанная и не наполненная горечью». Трикси вспоминает один случай, когда они с Ли сидели в студии Эндрю Гроувза и знали, что туда должна зайти Изабелла. «Откуда-то мы раздобыли муслиновый мешок для перевозки трупов; мы в шутку прорезали в нем две дыры для рук. Изабелла вошла и воскликнула: «Какая прелесть! Мне нравится, ужасно нравится». Когда она вышла, мы расхохотались. Они с Ли были как брат с сестрой, оба были одинаково сумасшедшими».

Ли заходил в квартиру Трикси в Ковент-Гарден. Под саундтрек Майкла Наймана к фильму «Пианино» он слушал рассказы нового друга о том, как в восьмидесятые тот ходил в «Табу» и клуб «Психушка». «Я тогда называл восьмидесятые «безумными», и он находил это смешным, – вспоминает Трикси. – Помню, как рассказывал ему, что я встретил Оззи Кларка, который сказал: «Ты напоминаешь мне Бьянку Джаггер в Монте-Карло в семьдесят шестом», – и с Ли чуть истерика не приключилась». Ли относился к Трикси как к «мамочке» или «старшей сестре», к гею, к которому он мог обратиться за советом. «Его интересовало, как мы жили в разгар эпидемии СПИДа… Он задавал массу вопросов о безопасном сексе и о разных ситуациях, например спрашивал, когда удобно говорить партнеру о презервативе». Хотя о себе Ли рассказывал мало, он с интересом слушал о том, как Трикси рос в детском доме и как, приехав в Лондон, он стал проституткой. Кроме того, Ли нравилось, как Трикси одевался, как смешивал в своем гардеробе предметы мужской и женской одежды. Некоторые его вещи подвергались особенно пристальному осмотру, например копия костюма от Тьерри Мюглера. «Ему нравился покрой Мюглера, но никогда не нравилась Вивьен Вествуд, которую он считал по-настоящему вульгарной», – вспоминает Трикси.[357] Он любил носить сшитые Маккуином вещи; по словам Эрика, Трикси «стал своего рода музой Маккуина».[358] На день его рождения Ли сшил ему пару бамстеров. В день примерки Трикси пришлось раздеться до трусов-стрингов и встать на стул. Когда он появлялся в этих брюках, то привлекал к себе всеобщее внимание. «Даже геи считали их шокирующими, – говорит Трикси. – Одни хихикали, другие злились. «Что, не можешь себе позволить совсем их снять?» – кричали мне геи. Не знаю, что такого особенного было в его брюках; ведь в них не весь зад был напоказ. Наверное, все дело в том, что у кого-то хватило смелости их надеть. В его вещах я чувствовал себя довольно мужественным. Бамстеры зрительно удлиняли фигуру, приходилось держаться очень прямо».[359]

Через Эрика Роуза и Трикси Маккуин познакомился с актрисой и режиссером Паулитой Седжвик, потомком «самых аристократических американских семей» и двоюродной сестрой Эди Седжвик, актрисы и музы Энди Уорхола. Паулита, в черных джинсах от Вивьен Вествуд, обычно приглашала к себе самых разных гостей – в число ее друзей входили «трансвеститы, мастера тату и целая россыпь бывших «мальчиков по найму» – в свою квартиру на Уайтхолл-Корт, на Набережной.[360] В Ли ее привлекала грубая, простецкая внешность и «подлинный» жизненный опыт. Она даже сняла его в двух своих короткометражках, On the Loose («В разгул») и Fit to Be («В самый раз»). «Она искала кого-то на роль хулигана, бандита из Ист-Энда, и в нем она нашла то, что ей было нужно», – вспоминает друг Паулиты Фрэнк Франка.[361] «Один фильм снимался на улице Уайтхолл, а второй – в студийном складе на задах Тотнем-Корт-Роуд, – говорит Трикси, также принимавший участие в съемках. – По сценарию, Ли должен был насиловать одного моего друга, который исполнял роль модели».[362] Позже Паулита расскажет друзьям, что разочаровалась в Маккуине после того, как тот похудел и сделал зубы. Фрэнк заметил: «Ей казалось, что раньше он был гораздо интереснее».[363]

Трикси часто развлекался в ночных клубах с Ли и Эндрю Гроувзом. Однажды, готовясь к походу в клуб на Лестер-сквер, друзья решили, что явятся туда голышом и обмотавшись клейкой лентой. Ли и Эндрю разделись догола. Они быстро соорудили «ящик» для Ли и платье для Эндрю. «Помню, как на обратном пути Ли содрал пленку с Джимми [Эндрю Гроувза. – *Э. У.*], и тот шел голышом по улице, – говорит Трикси. – Когда мы вернулись, Ли пришлось отдирать пленку со своей груди, что было очень больно, но Джимми досталось еще хуже, потому что у него было больше волос».[364]

Парочка особенно любила ночной клуб «Бьютифул бэнд» в районе Кингс-Кросс. Им нравился сюрреалистический интерьер, созданный художником Доналдом Эркартом, трансвеститом по имени Шила Текила и DJ Харви. «Нам все надоело; хотелось уйти от рутины, которая способствовала застою в клубной жизни, – вспоминает Эркарт. – Мы задумали такой клуб, который в корне менялся каждый раз, как вы туда приходили. Мы собрали идеи для разных тематических вечеринок, и дело пошло».

Доналд впервые увидел работу Ли на показе в «Кафе де Пари», который он посетил со своей подругой Фионой Картледж, владелицей бутика Sign of the Times, и Шилой Текилой. «Ничего подобного на подиуме я раньше не видел, – вспоминает он. – Все было довольно мрачно и не сексуально в общепринятом смысле

слова. Некоторые номера показались мне старомодными, но «ледяные» модели меня буквально заворожили – настоящая голография, такого еще не было. После показа мы пошли за кулисы. Ли очень устал; он закатил глаза, а Изабелла Блоу раздавала интервью и фотографировалась; она была похожа на боксера-профессионала».

Доналд, родившийся в Шотландии в 1963 году, переехал в Лондон в 1984-м и стал другом и компаньоном художника-акциониста Ли Боуэри. «В начале девяностых я повсюду появлялся в женской одежде, днем и ночью – в Tasty Tim's Beyond, Powder Room at Heaven, Tudor Lodge Рона Сторма, «Кинки Герлинки», «Пушке». Конечно, когда я говорю «в женской одежде», я не имею в виду традиционный наряд с монистами и перьями; на мне всегда было нечто более утонченное». Доналд вспоминает, что Ли и Эндрю Гроувз любили участвовать в пантомиме в костюме коровы. Однажды в 1994 году Эркарт устроил костюмированное шоу под названием «Рисуйте вместе с Нэнси». Они придумали несколько шуточных инсталляций и «перформанс», созданный под впечатлением от выставки художника Ива Кляйна. Сам Доналд и Шила Текила выходили в купальных костюмах и покрывали друг друга краской. Ли и Эндрю – в костюме коровы – изображали молчаливый протест против творчества художника Дэмьена Херста. «Конечно, все начали поскальзываться на скользкой краске, падать и хохотать. Но мне стало не до смеха, когда на нас повалилась корова и я никак не мог встать, – говорит Доналд. – Я лежал под их мертвецки пьяными телами, извиваясь и пытаясь выползти, но они не шевелились. Мне даже пришло в голову, что они нарочно пытаются меня задушить». Может быть, Доналду пришло в голову подставить спину двум друзьям, когда он пригласил их на передачу в прямом эфире в баре Freedom на Уордор-стрит, открытом Роланом Муре, теперь знаменитым дизайнером одежды. Эркарт регулярно ставил короткие пьесы и скетчи – «по мотивам пародийного шоу шестидесятых годов «Вокруг Горна», только более смелым и резким» – на радиостанции для геев Freedom FM. Одной из самых популярных стала сценка «Вечеринка у Памелы», «в которой кто-то звонит в агентство и просит прислать на званую вечеринку трансвеститов и «кого-нибудь понаряднее». Героиня скетча, Памела, отличалась острым языком; она регулярно проходилась по звездам лондонского андеграунда. В число ее жертв входили Ли Боуэри, Никола Бейтмен, исполнительница Принцесса Джулия (Джулия Фодор), «Трансформер» и Мэтью Гламорре. В ту ночь в сентябре 1994 года, разглядев в зале Ли и Джимми, Памела решила выбрать их в

качестве мишени для насмешек:

«Памела: Кто тут у нас еще? Ага… наверное, вам понравятся те двое. Они всегда пьяны в стельку, зубы у них как надгробные плиты, от них плохо пахнет, у них кариес, и они с чего-то взяли, что одеты как уличные торговцы из Ист-Энда, но на самом деле они похожи на парочку грязных шлюх, которые вышли из Хэмпстед-Хит. Если вам повезет, ваши гости что-нибудь у них подцепят».[365]

Сценка отражала определенный стиль поведения, принятый в лондонском гей-сообществе. «Такими были веяния времени, – говорит художник БиллиБой*. – Ли бывал по-настоящему остроумным, а иногда жестоким. Когда он только взбирался вверх по лестнице пьянства, он был замечательный. Рассуждал о чувствах и об искусстве, и я им восхищался. К сожалению, эта фаза была преходящей».

По словам БиллиБоя*, внутри Маккуина прятались не меньше трех разных личностей. «В трезвом состоянии он был неуверенным и несчастным… В легком подпитии становился блестящим гением, но потом спиртное и наркотики превращали его в пьяного придурка. Он доходил до состояния психоза, и тогда я переставал его понимать. Он становился буйным, ненормальным, чрезмерно возбужденным и сексуально озабоченным, что было очень неприятно. И еще он вечно твердил о самоубийстве. Бывало, он говорил по-настоящему страшные вещи; иногда я за него беспокоился. Самоубийство для меня – не пустой звук из-за того, что случилось в моей семье, но, когда Ли напивался, он без конца твердил, как покончит с собой, хотя и знал, как сильно такие разговоры меня задевают».[366] Дизайнер Мигель Адровер часто наблюдал за своим другом, когда тот находился в идеалистическом настроении. Он вспоминает Ли одновременно как застенчивого и не уверенного в себе и «самого забавного человека, которого я встречал на нашей долбаной планете». Маккуин бывал то «замечательным шутником», то «по-настоящему мрачным типом», который в конце концов больше «не получал удовольствия от своей темной стороны». Они познакомились в Лондоне в 1993 году через Ли Копперуита. Мигель, родившийся на Майорке и живший в Нью-Йорке, сразу признал в Ли родственную душу. Подобно Маккуину, он вырос в бедной семье – до четырнадцати лет у него не было телевизора, – «и между нами сразу протянулась ниточка, мы оба вышли из той же среды, и нам обоим очень нужно было сразиться с миром».[367]

Адровер рассказал Маккуину о Нью-Йорке, и весной 1994 года у Ли появилась возможность впервые посетить Манхэттен. После успеха коллекций «Нигилизм» и «Банши» с Ли связался

Дерек Андерсон, тогда агент Мартина Маргиелы, и пригласил его в Америку. Он устроил показ в одной мансарде в центре города. Коллекции показались Ингрид Сиши, тогда сотруднице журнала «Нью-йоркер», «скопищем тел, мужских и женских, которые стремительно надевают и снимают ужасно сложные конструкции, выставляющие напоказ поразительно много плоти».[368] В своей статье Сиши коснулась влияния СПИДа на культуру – «не секрет, что из-за траура [по умершим друзьям. – *Э. У.*] и боязни секса многим казалось, что они должны вырваться. Некоторые дизайнеры, очевидно, ощущали то же самое». Она мечтала о том времени, когда «широкий спектр желаний, живущих в людях, наконец прорвется наружу», но сомневалась, обладает ли мода возможностью и властью выразить такие желания.[369] Образы, рождавшиеся в голове Маккуина в течение следующих пятнадцати лет, были направлены именно на это.

В Нью-Йорке Маккуин получил несколько положительных рецензий; его вещи начали хорошо продаваться. Но сам город не произвел на него особого впечатления. Он никогда не мечтал жить там, как он признался Саманте Мюррей Гринвей из журнала Dazed & Confused, которая взяла у него интервью для сентябрьского номера 1994 года. «Город совершенно придурочный, – сказал он. – Денежная система, классовая система, все очень откровенно: власть благодаря богатству. Есть бездомные и богачи, а в промежутке никого. За деньги можно купить все. За деньги можно купить положение».

Он мечтал взять отпуск и съездить в Испанию – «в какое-нибудь уединенное место, где нет часов», – потому что ему показалось, что он начал терять власть над своей жизнью. Он не мог думать ни о чем, кроме подготовки к показу новой коллекции, The Birds («Птицы»), назначенному на 9 октября 1994 года. «Это меня доканывает, – признавался он. – Доходит до того, что я занимаюсь своим делом не потому, что получаю от этого удовольствие, но потому, что этого от меня ждут. У меня возникло чувство, что я могу совсем потерять хватку, но именно поэтому я держусь за Джима [Эндрю Гроувза. – *Э. У.*]. Надеюсь, он меня вытащит».[370]

Маккуин привлек Эндрю к помощи в работе над новой коллекцией – «после того, как узнал, что я умею шить», – сказал Гроувз. Он всегда с огромным интересом следил за тем, как Ли шьет одежду. Однажды Эндрю рассказал Ли о том, как несколько лет назад он познакомился с одним американцем, дав объявление в журнале для геев. На свидании американец завернул его в пищевую пленку. Через несколько дней после рассказа Эндрю они с Ли шли по Элизабет-стрит, когда Маккуин вдруг увидел рулон

прозрачной пленки. «Давай сделаем из нее платье!» – предложил Ли.[371] Тогда же Маккуин понял: если он хочет продвигать свое имя и найти спонсоров для своих проектов – он только что подписал контракт о распространении своих вещей с Эо Боччи, одним из первых спонсоров Анн Демельмейстер и Жана Поля Готье, – ему нужно привлечь в помощь других профессионалов в области стиля.

Однажды в том же году Ли вошел в магазин в Сохо, где торговали бусами и бисером, и встретил там стилиста Кэти Ингланд. Впервые он увидел ее в 1991 году, когда с друзьями по колледжу Святого Мартина ездил в Париж на модные показы. «Она стояла в своем скромном пальто, купленном в магазине подержанных вещей, очень суровая, прямо воплощение времени, – сказал он. – Мне показалось, что она потрясающе выглядит. Правда, мне не хватило смелости подойти к ней. Она показалась мне чересчур элитарной». Во время второй встречи через несколько секунд беседы с ней он понял, что почти не знает таких естественных людей, как она. «Вы Кэти Ингланд?» – спросил он. «Да», – ответила она. «Поработаете над моей следующей коллекцией?» – «Да», – ответила она, слегка смутившись; наверное, больше всего ее поразило то, что она согласилась поработать на него даром.[372] «Сначала родители решили, что я сошла с ума, потому что работаю без денег», – признавалась она позже.[373]

Кэти Ингланд, которую позже будут называть «третейской судьей» Маккуина[374] и «самой модной женщиной в Великобритании»,[375] вначале считала себя в каком-то смысле аутсайдером в мире моды. Она родилась в Уоррингтоне, в Чешире, в 1966 году. Ее отец служил управляющим в банке, а мать работала в частной клинике. С десяти лет она заинтересовалась модной одеждой. Она любила наряжаться в платья сестер; вспоминает, как девочкой вырывала страницы из журнала Vogue. «Меня привлекали власть и уверенность, которую она [одежда. – *Э. У.*] дает, – признавалась Кэти. – Меня поистине завораживала возможность ощущать себя каждый раз совершенно по-другому в зависимости от того, что на мне надето».[376] В 1988 году, после окончания магистратуры по курсу «модный дизайн» в Манчестерском политехническом университете, она приехала в Лондон и начала работать в журнале ELLE, куда ее взяли стажером без жалованья. «Я приехала в Лондон, я интересовалась журналами, но ничего не понимала в мире моды, – говорит она. – Я даже не знала о колледже Святого Мартина и о том, как трудно куда-то попасть».[377] Из ELLE Ингланд перешла в журнал You, женское приложение к газете Mail on Sunday, где она четыре года

проработала заместителем редактора раздела моды. Выражаясь модными терминами, Ингланд попала в самое сердце британского мейнстрима; журнал You был необычайно популярен, однако находился далеко не на переднем крае. Впрочем, Ингланд считала, что и у такого положения есть свои преимущества. «Для меня это было очень хорошо, потому что меня довольно официально ввели в курс дела, – говорит она. – По-моему, это очень полезно. Кроме того, из-за того, что журнал выходил раз в неделю, я, что называется, нырнула в омут с головой».[378] После You Ингланд начала работать в газете «Ивнинг стандард», где рискнула разрабатывать свой, более экспериментальный, стиль. Журналист Ник Фоукс, который в то время редактировал раздел этой лондонской вечерней газеты, вспоминает, что «фотографии, которые она обычно делала, были отдаленно фетишистскими и, по-моему, немного зловещими. Сама Ингланд, правда, никогда не «задирала нос», что свойственно для так называемых жриц моды».[379]

Призвав на помощь свое острое чутье, Маккуин начал подбирать команду для коллекции «Птицы». С некоторыми из тех, кого он тогда выбрал, он продолжал сотрудничать всю свою жизнь. Флит Бигвуд, Саймон Англесс и Эндрю (Джимми) помогали с подбором тканей; Саймону Костину он поручил изготовить декорации и достать «украшения» (в том числе ошейники из гагата и эмали и петушиные перья); Вэл Гарленд, которая в то время только приехала из Австралии, занималась гримом; Алистер Мэкки, недавний выпускник колледжа Святого Мартина, помогал Кэти Ингланд со стилем; а Сэм Гейнсбери, тогда студентку факультета моды Бирмингемского политехнического университета, привлекли в качестве внештатной помощницы агента по кастингу.

«В подготовке показа, за несколько недель до него, все было весело, забавно, интересно, но за две недели до [события. – *Э. У.*] стало по-другому: «Все очень серьезно, я должен успеть, я не могу говорить», – вспоминает Трикси. – В то время многие дизайнеры худели с помощью слабительных и рвотных. По-моему, так же поступал и Ли, потому что он сбросил вес очень быстро. Наверное, он и спиды тоже принимал. Эндрю наверняка тоже сидел на колесах, потому что за неделю до показа работал по двадцать четыре часа в сутки. Когда я их видел, то говорил: «Милый, ты замечательно выглядишь, ты так похудел», – но они злились, потому что спали всего по часу в день».[380]

6 октября Ли узнал, что не стал «лучшим молодым дизайнером года» по версии Lloyds Bank British Fashion Awards, что не улучшило его настроения. Маккуин уже давал интервью, в

которых обрушился на отборочный комитет, поэтому неудача едва ли стала для него сюрпризом. «Лондон показал мне фигу с маслом, – сказал он. – Если бы мне предложили звание «лучшего молодого дизайнера года», со мной бы припадок случился, – а они ни хрена мне не дали».[381]

Вдохновленный творчеством нидерландского художника-графика М. К. Эшера, особенно его изображениями птиц, которые перетекают в геометрические узоры, Ли поделился своими идеями с Саймоном Англессом, которому поручил разработать принты для новой коллекции. Англесс, тогда работавший в студии дизайна ткани в колледже Святого Мартина, брал материю на складе колледжа. Однако при подготовке показа многое Маккуин держал в секрете. Например, Эндрю Гроувз ничего не знал о его намерении пригласить в качестве модели известного дизайнера корсетов, обладателя «осиной талии», который выступал под псевдонимом «Мистер Перл». «Он любил удивлять, – вспоминает Эндрю. – И не просто шокировать, а ниспровергать ожидания. В Ли это было – он бы сказал, что дело не в одежде, а в постановке, в театральности, в драматургии».[382] Мистер Перл познакомился с Маккуином в клубе «Бьютифул Бенд» в Кингс-Кросс и нашел его «забавным». «Он уговорил меня выступить моделью на его следующем показе за 100 фунтов, которые я в результате так и не получил, – вспоминает корсетных дел мастер. – Показ был сумбурным и сильно задержался, все мерзли, а мне происходящее наскучило. Сейчас вспоминаю, что я с удовольствием познакомился с ним – он воодушевлял многих, и его вклад в красоту составляет часть его легенды, но он платил за все своей жизнью. По-моему, он не был счастливым человеком».[383]

Постепенно Маккуину все лучше удавалось накалять атмосферу в преддверии своих показов. Он научился ловко манипулировать СМИ. Иногда он получал удовольствие, рассказывая журналистам выдумки собственного сочинения. Однажды, вспоминает Эндрю Гроувз, он рассказал одному репортеру, как поступил в труппу бродячего цирка, но попал в неприятности из-за того, что побрил бородатую женщину; со свежевыбритым лицом она не могла работать три месяца. «Он отлично делал себе рекламу, – говорит Элис Смит. – Как-то распустил слух, что на его показ придут Майкл Джексон и Карл Лагерфельд. В то время мы ему верили, но многое оказалось выдумкой».[384] В результате возбуждение, окружавшее «Птиц», достигло такого уровня, что, когда его друзья приехали к месту показа, к заброшенному складу в районе Кингс-Кросс, очередь желающих выстроилась на весь квартал. К счастью, Доналд

Эркарт жил совсем недалеко; они с Шилой Текилой зашли к нему домой, выпили и отправились назад, надев коровий костюм для пантомимы. «Нам все равно пришлось ждать начала показа целую вечность, но мы хотя бы не мерзли в толстой шкуре», – вспоминает он.[385] Джойс Маккуин горделиво сидела в первом ряду; отец Ли, Рон, смотрел показ из-за кулис, так как он опоздал. Маккуин говорил, что черпал вдохновение из фильма Хичкока «Птицы» 1963 года, – где на героиню, которую играла Типпи Хедрен, нападают стаи разных птиц, – но на подиуме его модели не походили на пассивных жертв. Они расхаживали по грязному полу, на котором белой краской была нанесена дорожная разметка, как властные амазонки. На одних надели белые контактные линзы, из-за чего они казались существами из другого мира, на других были такие тесные юбки, что они с трудом переставляли ноги. Ткани были украшены принтами с птицами и следами автомобильных шин, что символизировало свободу, а также животных, сбитых автомобилями. Эффект принта в виде отпечатков протекторов достигался с помощью технически несложного приема: перед выходом на подиум по платьям, уже надетым на моделей, прокатывали шину, вымазанную черной краской. «Он велел нам всем завить волосы, он называл это «ангельскими волосами», – вспоминает Плам Сайкс, которая также участвовала в показе. – В то время мне казалось, что это эксцентрично, а не красиво. Но он пытался создать новый жанр, новый имидж».[386]

Хэмиш Боулз, который в 1993 году брал у Маккуина интервью для американского Vogue и узнал, что журнал Маккуину «до лампочки»,[387] назвал коллекцию «откровением».[388] Позже Боулз написал: «Положа руку на сердце, это было поразительно. Как будто ударила молния и ты понял: появился дизайнер, обладающий явным даром предвидения, страстью и талантом, который способен бросить вызов сложившемуся положению вещей. Даже тогда казалось, что мода уже никогда не будет прежней, и удлиненный силуэт Маккуина и его необузданное воображение станут определяющими в новом десятилетии».[389]

Эми Спиндлер из New York Times написала, что «жакеты в коллекции были просто-напросто идеальными». Правда, влиятельный критик моды сделала одно ограничение: хотя Маккуин, возможно, «самый известный дизайнер» в Лондоне, о котором все говорят, его юбки, сковывающие движение, и брюки-бамстеры она считала совершенно непригодными к носке.[390] Маккуин очень не любил, когда на него пытались повлиять модные критики. «Я не хочу, чтобы пресса, да и кто бы то ни

было, делали из меня того, кем я не являюсь, – говорил он. – Кто-то сказал, что Джон Гальяно шьет одежду только для прессы, но они сами так хотели, а теперь клюют его за это. Не представляю, чтобы со мной произошло то же самое. Я в ответе за все, что делаю. Я получаю массу рецензий именно потому, что мои коллекции отличаются от остальных. Но я хочу, чтобы в моих вещах ходили люди, а не кучка редакторов модных журналов». В идеале, говорил Маккуин, он хотел бы создавать всего по одному красивому жакету в неделю, но рынок требует, чтобы он создавал их пять. «Мне все больше кажется, что когда-нибудь я стану отшельником», – сказал он.[391]

Стилист Сета Ниланд задавалась вопросом, почему ее друг пользуется все большим успехом. По мере того как Маккуин поднимался все выше – ходили слухи, что жакет из коллекции «Птицы», который демонстрировал Мистер Перл, купила Мадонна, – ей казалось, что новые члены его команды все больше отодвигают ее в сторону. «Мне пришлось выдержать настоящий бой за право остаться с ним, и я, наверное, сражалась не в полную силу, – сказала она. – Но Ли необходимо было стоять на возвышении, так сказать, на платформе с оркестром. Рядом с ним оказывалось все больше народу, и я невольно задавалась вопросом: «Где же Ли?»[392]

Глава 6

Мне нужны инфаркты. Мне нужны машины скорой помощи.

Ли Маккуин

В четверг 24 ноября 1994 года Ли сидел рядом с Саймоном Англессом на первом этаже бара Freedom перед началом представления. Сказать, что в прокуренном зале царила атмосфера ожидания, значило ничего не сказать. В зале находились Люсьен Фрейд, Марк Алмонд, Энтони Прайс, Бьорк, Джейн и Луиза Уилсон, Серит Уин Эванс и участники групп Blur и Suede. Кроме того, присутствовали бесчисленные представители звукозаписывающих компаний, журналисты и фанаты. Постепенно раскрылись венецианские жалюзи, которые отгораживали сцену, и в темноту полились лучи света. Маккуину не терпелось увидеть шоу Ли Боуэри, по сравнению с которым его показы выглядели скромными и безвкусными. «В наш пресыщенный век, когда ничто уже никого не шокирует, Ли [Боуэри. – *Э. У.*] по-прежнему удавалось шокировать в интеллигентном смысле – в первоначальном смысле слова», – говорит Джон Ричардсон, историк искусства и биограф Пикассо.[393]

Тем вечером Ли Боуэри, который вышел на сцену со своей группой Minty, не обманул ожидания публики. Исполнив песню о Comme des Garçons, Боуэри, одетый в огромное платье в желтую и черную полоску, начал кормить «младенца», которого изображала его жена, Никола Бейтмен; она была привязана к нему ремнями. «Потом ремни сняли, а Ли продолжал раздеваться, пока не остался без всего, – вспоминает Никола. – Я должна была попросить: «Покорми меня», – и Ли срыгивал мне в рот. Я должна была еще раз сказать «По корми меня», – и тогда Ли помочился в чашку, из которой я пила».[394] За происходящим сбоку сцены наблюдал фотограф А. М. Хансон; он снимал не только происходящее на сцене, но и публику в зале. Хансон познакомился с Ли в 1993 году в «Комптонс». «Я не знал, что в тот вечер туда пришел Ли, – было темно, – и только на следующий день, когда мне прислали отпечатки, я увидел, что он сидит в первом ряду и таращится на сцену разинув рот, – вспоминает Хансон. – Позже он говорил, что представления Боуэри нравились ему своей непредсказуемостью».[395] «Ли Боуэри оказал на него огромное влияние», – считает Рева, друг Ли

по колледжу. По словам Стивена Брогана, который, как и Стелла Стейн, входил, наряду с Ли Боуэри, в группу Raw Sewage, – Маккуин «боготворил» Боуэри. У них имелся общий друг, Уэйн, и, по словам Стивена, «Маккуин все время выспрашивал его о Боуэри и был одержим его затеями».[396] Маккуин позаимствовал многие элементы стиля Боуэри и внедрил их в свое творчество: бамстеры, макияж к коллекции осень/ весна 2009 года Horn of Plenty («Рог изобилия»), а также туфли-«броненосцы» на двадцатипятисантиметровых каблуках, которые прославила Леди Гага. Боуэри работал с рядом друзей и помощников Маккуина, в том числе с Доналдом Эркартом и Мистером Перлом, который превращался в «живой турнюр, сгибаясь пополам под тканью на заднице Боуэри».[397]

Боуэри и Мистер Перл – которые, как и Ли, любили преображать человеческое тело с помощью одежды – обожали изучать произведения высокой моды. Они, например, отпарывали подкладку от пиджака, чтобы посмотреть, как все сшито. Маккуин тоже любил этот процесс. Хотя для Ли и Боуэри мода была своего рода катарсисом – то, что они вытворяли на подиуме или в ночных клубах, отражало их скрытые страхи и желания, – они делали это по-разному. Маккуин проецировал свои чувства и фантазии на девушек, которые ходили по подиуму, в то время как «холстом» для Боуэри служило его собственное тело.

Ли Боуэри, родившийся в Австралии в 1961 году, приехал в Лондон в 1980 году и запустил процесс, который один обозреватель назвал «полной театрализацией себя при использовании ночного клуба как сцены».[398] Хотя он время от времени шил одежду для друзей – у него одевались БиллиБой*, Бой Джордж, Холли Джонсон из группы Frankie Goes to Hollywood и Алан Пеллей (в образе дивы-транссексуалки Ланы Пеллей), – он понимал, что никогда не сумеет соединить свой вкус с массовыми запросами. «Мода – прежде всего бизнес. Вам нужно нравиться слишком многим», – говорил он.[399] Как он писал в своем дневнике в 1981 году, «по-моему, мода… НИКУДА НЕ ГОДИТСЯ. Важнее всего личность, характер, и не должно быть никаких правил для поведения и внешности. Я стараюсь наиболее полно раскрыться с помощью индивидуальности и выразительности… Вещи, которые нравятся мне, прямо противоположны тем, которые соответствуют массовому вкусу, а тот стиль, который нравится мне, нравится меньшинству».[400] Один из «образов» Боуэри, заслуживший самую дурную репутацию, назван им «Пакистанец из космоса». Впервые он появился в этом образе в 1983 году. По роли он разрисовывал лицо красными, зелеными или синими тенями, а поверх наносил золотые письмена. Он

обвешивал себя дешевыми азиатскими побрякушками, купленными на Брик-Лейн. «Еще один сложный грим соответствовал вычурному костюму: он надевал чулки с оборками поверху, передники и широкие блузы, расшитые карманами, со сложными воротниками и пышными рукавами, – вспоминает его друг Сью Тилли. – Покрой отличался необычностью, во многих костюмах были асимметричные рукава, затейливые накидки и оборки… Когда Ли был в ударе, он надевал эти вещи без кружевных трусиков и демонстрировал голый зад».[401] С голым задом он появлялся неоднократно – на подиумах в Японии, куда поехал по приглашению продюсера Сюзанны Барч; в телевизионном шоу «Труба» в 1984 году; и когда хореограф Майкл Кларк поручил ему создать ряд костюмов, которые он назвал «сюрреализм от-кутюр». «На танцовщицах были кепки с приделанными сзади шиньонами, они были в серебристых туфлях на платформе, прозрачных фартуках, ярких шортах, гольфах и тянущихся вязаных колготах с голым задом», – писал Хилтон Алс в «Нью-йоркере». «Это было по меньшей мере за восемь лет до того, как английский модельер Александр Маккуин вывел на подиум брюки-бамстеры».[402]

В ноябре 1994 года новации Боуэри показались многим слишком смелыми. Так, Люсьен Фрейд, который приглашал Ли Боуэри позировать для некоторых своих картин, решил, что на представлении слишком шумно, и ушел, не дожидаясь окончания. На следующий день владельцы клуба Freedom получили предупреждение: еще одно такое действо – и Совет Вестминстера отзовет у них лицензию. Представление оказалось последним шоу Боуэри – 31 декабря 1994 года он умер от осложнений, вызванных СПИДом. Свое состояние он скрывал от большинства друзей. «После смерти Ли Боуэри словно провели жирную черту, – сказал Доналд Эркарт. – Настало время отказаться от язвительной суровости и плоских шуток и ответить жизни новой серьезностью».[403]

Однако Маккуин не спешил взрослеть. «Мои показы – про секс, наркотики и рок-н-ролл, – говорил он. – Они вызывают возбуждение и мурашки… Мне нужны инфаркты. Мне нужны машины скорой помощи».[404] Ли по-прежнему любил «клубиться» с Николасом Таунсендом (Трикси) и слушать его специфические остроумные рассказы. «Почему ты всегда мажешь губы помадой?» – спрашивал Ли. «Потому что она красиво смотрится на члене», – отвечал Трикси. Еще одна острота Трикси, которая неизменно смешила Маккуина: «Каблуки всегда лучше выглядят на плечах, чем на улице». Ли любил заходить к Трикси, когда тот работал в клубе под названием «Бургер», где он одевался в стиле

официантки пятидесятых.

«Мы любили ходить в клубы «Попстарз», «Скала» и «Пепельница фантазий» Шона Макласки, – вспоминает Трикси. – Джимми и Ли обожали танцевать. Мы пили пиво с сидром и закидывались спидами. Одно из моих любимых воспоминаний – танец с Ли и Джимми под Common People группы Pulp в клубе «Попстарз». Мы поглощали сидр пинтами и безудержно хохотали. Тогда мы по-настоящему радовались жизни. Именно таким я предпочитаю его вспоминать, ведь тогда в нем еще сохранялась невинность. Мы походили на маленькую семью и заботились друг о друге. И пусть у каждого из нас было всего по десять гиней, мы непременно возвращались домой и радовались, что с нами ничего не случилось. На следующий день мы скидывались на завтрак». [405]

Ли и Эндрю часто заходили к общей знакомой Фионе Картледж в принадлежащий ей бутик Sign of the Times в Ковент-Гарден. Первую торговую точку владелица сети бутиков открыла на рынке в Кенсингтоне в 1989 году; она продавала одежду для рейва. Потом она переселилась в Hyper Hyper, а в декабре 1994 года, после того как цены на аренду снизились из-за спада, Фиона смогла открыть магазин рядом с Нил-стрит. У нее продавались вещи молодых дизайнеров, в том числе Джимми Джамбла (Эндрю Гроувза), и ее магазин стал чем-то вроде мекки для стилистов и таких поклонников моды, как БиллиБой*, который стал ее близким другом. Когда Изабелла Блоу готовила для журнала Vogue репортаж «Англосаксонские тенденции», многие костюмы она позаимствовала в Sign of the Times. «Именно Изабелла отвела меня на показ Ли в «Блуберд гараж», – вспоминает Фиона. – Но близко знакомы мы не были до того, как переехали в Ковент-Гарден. Тогда я заметила, что он кажется утонченнее других дизайнеров, возможно, потому, что работал в Италии. Он точно знал, чего хочет». Фиона устраивала клубные вечера, а прибыль вкладывала в развитие магазина. Но в ноябре 1996 года она вынуждена была закрыть магазин из-за недостатка финансирования. «Когда магазин закрылся, меня многие бросили, но Маккуин никогда не забывал меня и продолжал приглашать на все свои лондонские показы. Он следил за тем, чтобы мне выделяли хорошее место. Я этого не забуду». [406]

В канун нового 1994 года Ли и Эндрю пошли на вечеринку, устроенную Sign of the Times в клубе «Хановер Гранд» в центре Лондона. Темой вечеринки была «Вестсайдская история»; среди гостей были Лайем Галлахер и Трикки; выступали Марк Мур, Харви и Джон Плизд Уиммин. В тот вечер художник Джереми Деллер сделал фотографию танцующей пары; Ли обнимал Эндрю

сзади. Еще на одном снимке, сделанном два месяца спустя, представлена совершенно другая картина. В День святого Валентина 1995 года Ли и Эндрю пошли на «розовую вечеринку» в клуб «Линк Леже», в помещении бывшего склада в Бетнал-Грин. На сцене выступал Дэвид Кабаре, портной-самоучка, который на глазах у публики превращался в культовые произведения искусства, например в «Мэрилин» Уорхола или «Зеленую леди» Третчикова. На снимке, сделанном в ту ночь еще одним художником, А. М. Хансоном, пара ухмыляется в камеру, глаза у них совершенно пьяные, лица исцарапаны, и Ли тычет пальцем вверх. «Ли сказал, что они только что подрались, – вспоминает Хансон. – Я фотографировал гостей, одетых в розовые костюмы, накрашенных, а потом в коридоре наткнулся на Ли и Джимми. Мне показалось, что Ли настроен воинственно, но, судя по нежности Джимми, они уже успели помириться».[407]

Трикси вспоминает, как весной 1995 года они с Ли и парой знакомых посетили вновь открытый ресторан в Ковент-Гарден. «Как только мы вошли, сразу поняли, что обстановка нам не совсем подходит… Ли захотел бургер, и стало ясно, что есть мидии ему совсем не хочется. Мы заказали жареную картошку, под конец стали кидаться едой, и нас попросили удалиться. Ли в шутку спросил: «А вы знаете, кто я?» – а они такие: «Нет, не знаем».[408]

Возможно, это удивило Маккуина, учитывая противоречивые отклики на его коллекцию Highland Rape («Изнасилованная Шотландия»), показ которой состоялся в марте 1995 года. Модели выходили на подиум в тартане и кружевных платьях, разодранных спереди и обнажающих грудь. В газетах его обвинили в женоненавистничестве, отношении к насилию как к форме развлечения и в том, что на юбках висели нитки от гигиенических тампонов (на самом деле «нитки от тампонов» были красивыми цепочками для часов, сделанными Шоном Лином). «Помню, как критики просто из себя выходили во время показа», – вспоминает Детмар Блоу.[409] «Мне показалось, что он зашел слишком далеко; по-моему, многие подумали так же», – говорит Анна Харви из журнала Vogue.[410] Особенно безжалостными оказались критики из Independent. Рецензия называлась «Новое платье короля»: «…жертвы изнасилования, спотыкаясь, бредут по подиуму в платьях, разодранных на груди, – это чья-то нездоровая шутка, как и вязаные платья, которые, после небольшого ремонта, могли бы продаваться в магазине «Маркс и Спенсер». Маккуин любит шокировать. Признаться в том, что его коллекция не понравилась, – значит признаться в ханжестве. Мы отдаем ему должное. Он способный

портной и великий шоумен, но почему модели должны изображать жертв изнасилования? Показ стал оскорблением и для женщин, и для его таланта».[411]

Отзывы взбесили Маккуина, который вышел в конце показа в черных контактных линзах. Как могут критики не замечать, чего он пытался достичь? Изнасилование в названии коллекции относилось не к насилию по отношению к современным женщинам, сказал он, а к изнасилованию Шотландии англичанами. При создании коллекции он черпал вдохновение в таких исторических событиях, как якобитское восстание и депортация шотландских горцев, а также в том, как Шотландия изображается его современниками-модельерами. «Коллекция направлена против ложной истории Вивьен Вествуд, – сказал он Колину Макдауэллу. – Она делает тартан милым и романтичным и создает впечатление, что все так и было. Так вот, в Шотландии восемнадцатого века не было красавиц, которые плавной походкой бредут по болотам, закутанные в неподатливый шифон. Моя коллекция направлена против такого рода романтизации. Нужно было совсем немного мозгов, чтобы вырвать костюмы из контекста и посмотреть, как они скроены. Я не могу возместить кому-то недостаток мозгов, но жаль, что многие не приложили совсем никаких усилий».[412] Позже Вествуд ядовито ответит на нападки Маккуина. «Его польза лишь в одном – на шкале таланта он находится на нуле», – заявила она.[413]

Наверное, Вествуд ревновала к тому бешеному вниманию, какое получал Маккуин. Перед «Изнасилованной Шотландией», которая была показана 13 марта 1995 года в шатре Британского совета моды при Музее естественной истории, о коллекции уже говорили словами, какими обычно отзываются о крутых рок-концертах или спектаклях, билеты на которые раскупаются задолго до премьеры. Ажиотаж вокруг показа был таким, что несколько студентов попытались проползти в шатер, чтобы обеспечить себе места. Другим, возможно, студентам колледжа Святого Мартина, удалось пройти мимо охраны, помахав отксерокопированными приглашениями. На билетах изображались укрупненные швы, сделанные на куске кожи. За кулисами перед началом показа Джойс Маккуин готовила бутерброды для моделей и команды. Она изумленно смотрела, как ее сын нападает на платья с ножницами в руках. «Там были красивые синие кружевные платья, а он кромсал их ножницами, и я закричала: «Нет, не порти их!» – вспоминает она.[414] Джон Бодди, двадцатилетний студент, который пришел к Маккуину на четырехмесячную стажировку от колледжа Святого Мартина, вспоминает, как дизайнер велел ему взять канцелярский нож и

банку краски и обрызгать красивые законченные платья. «В нем бурлила энергия, вроде той, что двигала Джексоном Поллоком, – вспоминает Джон, который работал костюмером на коллекции «Птицы». – В его творениях чувствовался дух анархии и хаоса. Мне нравилась его странность, в нем было что-то очень волшебное. Иногда он казался мне совсем мальчишкой, а иногда говорил такие гадости… Его смех напоминал кудахтанье – иногда казалось, что в комнате собрался целый выводок старых ведьм». [415]

За клетчатую материю для коллекции «Изнасилованная Шотландия» заплатил Детмар Блоу. Он дал взаймы Ли 300 фунтов на покупку ткани, но так и не получил долг. Остальную материю купили на рынке Бервик-стрит в Сохо. «Кружева нам поставлял Берри, бывший боксер и наш друг. Кроме того, материя у него стоила по фунту за метр, – вспоминает Эндрю Гроувз. – Так что в конце концов Ли сделал платье за гинею. Самое смешное, что то же самое платье снимал Ричард Аведон; оно улетело [в Нью-Йорк. – *Э. У.*] на «конкорде». Платье занимало отдельное место, для него купили отдельный билет… А оно стоило гинею. Ли очень радовался тому, что может взять кусок дерьма и превратить его в конфетку».[416]

Коллекцию «Изнасилованная Шотландия» Маккуин готовил в новой студии в Клеркенуэлле, которую снял после того, как мать Детмара попросила Ли и Эндрю съехать из ее дома на Элизабет-стрит, чтобы в нем можно было начать ремонт. Отношения между двумя дизайнерами стремительно ухудшались; хотя Ли и Эндрю вместе внесли залог за квартиру, которую сняли в Хакни, они так и не переехали туда, потому что «поскандалили». Вскоре после этого Ли переехал в квартиру Эндрю на Грин-Лейнс, где прожил несколько месяцев. «Это было ужасно, нужно было включать электричество специальным ключом, ванна находилась в неотапливаемой пристройке, у нас совершенно не было денег, что очень угнетало, – вспоминает Эндрю. – Не было стульев, из мебели – только матрас на полу. Поскольку отопление было нам не по карману, жить приходилось в одной комнате. Теперь, оглядываясь назад, я не могу представить для нас худшего жилья. Конечно, оно только усугубляло депрессию».[417] Временами Ли становился необщительным, замыкался в себе. «Он многое хранил в тайне, – говорит Эндрю. – В его жизни происходило много такого, чем он не делился. Например, я никогда не знал, откуда у него деньги на показы коллекций. Помню, неожиданно, под вечер, он сказал: «Мне надо идти в гребаный дворец на встречу с принцессой Дианой». – «Что?!» – воскликнул я, и он ответил: «Ну да». На встречу с Дианой он пошел в грязной рубашке, вывернув

ее наизнанку».[418]

Хотя Эндрю Гроувз уверяет, что никогда не видел, как Ли принимал наркотики, вскоре ему стало очевидно, что Маккуин увлекся ими. Они все чаще дрались; драки делались все ожесточеннее. «Однажды Ли явился после драки, в которой ему выбили зуб, – вспоминает Трикси. – Когда он был с Эндрю, они обычно часто дрались. Помню, как он появлялся с исцарапанным лицом».[419] Крис Берд вспоминает: «Отношения у Ли и Эндрю были бурными. Они колотили друг друга, ломали двери».[420] Кроме того, Ли стал завсегдатаем более «жестких» лондонских гей-клубов, таких как Trade и FF. «Я получил определенный опыт, но повторять его мне не хочется, – признался он в 1996 году. – Тогда я переживал поистине ужасный период… Он закончился полным нервным истощением».[421]

Маккуин часто пропадал всю ночь и возвращался домой, на Грин-Лейнс, лишь на рассвете. Однажды он вернулся домой и заметил клочок бумаги с нацарапанными на нем цифрами «362436». Он решил, что Эндрю ему изменяет. Гроувз вспоминает: «Он прямо взбесился, все допытывался: «Чей это телефон, мать твою?» – и я ответил: «Это измерения манекена – 36 на 24 на 36». Он безумно ревновал. Вечно ждал, что его обманут, предадут. Он всегда подозревал, что его окружают подонки, которые хотят либо опустить его, либо поиметь».[422]

В июле 1995 года, после того как Джон Гальяно стал креативным дизайнером модного дома Givenchy со штаб-квартирой в Париже, Маккуин пригласил Джона Маккитерика выпить в один ист-эндский бар. Ли не мог поверить, что Гальяно – который после окончания колледжа Святого Мартина наладил выпуск одежды под собственной маркой также с центром в Париже – согласился работать на французскую транснациональную компанию LVMH.

«Зачем он пошел в такое унылое место?» – недоумевал Маккуин. «Ему нужны деньги, чтобы поддержать свой бизнес», – ответил Джон. «Но зачем ему уезжать из Лондона, где так здорово? Зачем вообще творить для других?»

Джон пытался объяснить экономические причины такого решения, но Ли все равно не понимал, что двигало Гальяно. «Тогда Гальяно был единственным дизайнером, которого он признавал, – вспоминает Маккитерик. – Он не считал, что непременно должен обойти Джона; Гальяно во многом был для него мерилом. Мода менялась; тогда крупные модные дома возвращались в мир стиля, и началось все с Гальяно».[423]

С тех самых пор, когда он учился в колледже Святого Мартина, Маккуин считал себя соперником Гальяно. Его

однокурсница Адель Клаф вспоминает, как они пошли на распродажу остатков коллекции Гальяно, и Ли назвал все, что они увидели, «кучей мусора».[424] «Я никогда не слышала, чтобы он хвалил Гальяно, – говорит Элис Смит. – Правда, он и Диора ни разу не похвалил. У него были своеобразные представления о моде и стиле, и только ими он руководствовался».[425]

В 1995 году Маккуин высказал некоторые свои идеи в ходе дискуссии «На чаше весов: коммерция против креативности», устроенной лондонским Институтом современного искусства; его включили в группу экспертов вместе с дизайнерами Полом Смитом и Хелен Стори, стилистом Джуди Блейм и директором по дизайну фирмы «Маркс и Спенсер» Брайаном Годболдом. Маккуин пришел в джинсах и простой синей рубашке; он сразу дал понять, что ему не нравится положение, какое модная индустрия занимает в Великобритании. Он сказал Салли Брамптон, которая председательствовала на дискуссии, что в Великобритании его вещи покупает всего один бутик по сравнению с пятнадцатью магазинами в Японии. И в области производства он также вынужден искать предприятия за границей. «Найти производителя на родине немыслимо, – сказал он. – Они просто не желают знать о моих коллекциях». Кроме того, он обвинил студентов факультетов моды в недостатке технических способностей. «Легко быть фантастическим дизайнером на бумаге, но поручите студенту сшить, раскроить или перенести выкройку с бумаги на ткань – по-моему, три четверти из них не понимают, что делают».[426]

В начале лета 1995 года Маккуин съехал из квартиры Эндрю Гроувза на Грин-Лейнс и переселился в цокольный этаж дома 51 на Хокстон-сквер. В то время район еще не начали облагораживать; там не было модных баров и ресторанов, а купить еду, как пишет Грегор Мур в своей книге «Счастливое искусство», «можно было в единственном месте: в открытом круглые сутки гараже, где предлагали очень узкий ассортимент сладостей, газированных напитков и чипсов, а также иногда яйца по-шотландски».[427] Маккуин называл свой квартал «заброшенным и диким», но его преимуществом считал то, что «у вас было много места за ваши деньги».[428]

В дополнение к низкой квартирной плате Маккуина влекли в Хокстон жившие там молодые художники, ниспровергатели устоев, так называемые «молодые британские художники». В июле 1993 года Джошуа Компстон, который возглавлял студию Factual Nonsense, располагавшуюся в доме 44а по Шарлотт-Роуд, организовал на пересечении Ривингстон-стрит и Шарлотт-Роуд уличную вечеринку под названием «Праздник хуже чем смерть».

Художник Гэри Хьюм, живший и работавший на Хокстон-сквер, оделся мексиканским бандитом и продавал стопки текилы; Трейси Эмин гадала желающим по руке; Гиллиан Уэринг оделась школьницей и разгуливала в обществе персоны, известной как «Женщина с удлиненными руками»; а Дэмьен Херст и Ангус Фэрхерст переоделись клоунами и поставили киоск, где за фунт торговали рисунками, которые вынимались из барабана. Они подписывали рисунки с обратной стороны. «За дополнительную плату в 50 пенсов художник показывал разрисованный пятнами зад. Это новшество придумал Ли Боуэри, который в тот день работал у них гримером», – пишет Мур.[429]

Ли переехал на Хокстон-сквер с одним черным мешком для мусора, в котором уместились его пожитки. В квартире не было ничего, кроме импровизированного душа и небольшого матраса на полу; туалет находился в коридоре, общий для всех жильцов. В день переезда он столкнулся в дверях с Майрой Чей Гайд, парикмахером и мужским стилистом из Америки, которая жила в мансарде. Она пригласила его к себе на чашку чая, и уже через пять минут Ли предложил ей поработать над его следующей коллекцией. По словам Майры, они тут же почувствовали взаимное притяжение. «Я полюбила его, – говорит она. – Можно было сразу сказать, что в нем есть нечто особенное. Он был очень, очень забавным; он меня часто смешил, и энергия била в нем ключом. Все причастные к моде слышали об «Изнасилованной Шотландии», об этом блестящем молодом человеке, который сделал поразительное шоу. С первой встречи я очень привязалась к нему и полюбила его как брата». Ли начал заходить к Майре на ужин, а потом, через месяц, переехал в мансарду, которую она делила со своим бойфрендом Ричардом. «У меня сохранился снимок того времени; на нем видно, как бедно мы жили. Старые стулья обиты дешевой материей, книжный шкаф сделан из досок, стоящих на кирпичах, а наши две «спальни» разделены занавеской, – говорит Майра. – Чтобы выжить, я подрабатывала стрижкой, потому что в мире моды денег не зарабатывала. В конце дня Ли собирал волосы с пола и вкладывал их в плексигласовые кармашки, которые прикреплял к своим костюмам». Ли нравилось, когда Майра его стригла, но он не мог долго сидеть на одном месте. Однажды он попросил ее выстричь у него на голове узор в виде линии кардиограммы на мониторе, которая постепенно становится ровной, – символ, который появится в его коллекциях. Этот образ будет преследовать его до самой смерти.[430]

В воскресенье 3 сентября 1995 года, после ночи, проведенной вне дома, Ли явился к Эндрю, который жил на севере Лондона.

«Он вошел со словами: «Мне больно», – но я ответил: «Уходи, у тебя ломка», – вспоминает Эндрю. – Он уверял, что ему на самом деле больно, но я игнорировал его часа три, а потом все-таки вызвал скорую помощь. Оказалось, что у него лопнул аппендикс, и его срочно доставили в больницу Уиттингтон в Ислингтоне». [431] Выйдя из больницы, Ли сразу же вернулся к работе. Майра вспоминает, как поздно ночью, поужинав у нее, Маккуин возвращался в свою квартиру и начинал кроить жакет. «На следующее утро я спускалась, а вещь оказывалась законченной», – вспоминает она. С самого начала Ли дарил Майре свои вещи, в том числе зеленый шерстяной жакет в стиле милитари, расшитый золотыми галунами, и бамстеры с пятнами на ткани, как будто от мочи; обе вещи были из коллекции «Изнасилованная Шотландия». «Чтобы добиться такого эффекта, он использовал отбеливатель, – вспоминает Майра. – Пятна символизировали страх: девушки так напуганы, что обмочились. Меня называли «девушкой-попкой», потому что именно я всегда носила брюки-«попки», или бамстеры. Днем мне не хотелось выставлять зад напоказ, но по вечерам это сходило. Ли кроил брюки так, что создавалось впечатление, будто у тебя самая красивая задница на свете. Портной он был от Бога. В его одежде я чувствовала себя могущественной, сильной, красивой и очень сексуальной». [432]

Чуть раньше Майра познакомила Ли с саундтреком к артхаусному фильму про вампиров «Голод» Тони Скотта, который вышел на экраны в 1983 году. В фильме снимались Дэвид Боуи, Катрин Денев и Сьюзан Сарандон. Маккуину понравилась вся музыка, и песня Bauhaus «Bela Lugosi's Dead», ставшая вехой в появлении готической субкультуры, и «Дуэт цветов» из оперы Делиба «Лакме». Посмотрев фильм, он назвал свою следующую коллекцию The Hunger («Голод»). Майра помнит, как цокольный этаж, который превратился в студию Маккуина, начал заполняться народом: там работали креативный директор Кэти Ингланд, Сэм Гейнсбери, которую Ли назначил продюсером показа, Трино Веркаде, игравшая роль координатора, и многочисленные ассистенты, в том числе Рути Данан и Себастьян Понс. Себастьян, уроженец Майорки, выпускник колледжа Святого Мартина, познакомился с Маккуином через Саймона Англесса и Ли Копперуита, вспоминает свой первый день в студии на Хокстон-сквер. «Я спустился в ужасный, грязный подвал, там никого не было, кроме него и меня… Он только что купил стол в «Икее», стол был еще в коробке, и нам первым делом нужно было его собрать. После обеда мы занимались принтом с колючей проволокой. Он рассказал, что обожает шипы. «Они очень похожи на меня, они представляют меня такого, как я

есть, – объяснил он. – Потом поделился со мной, что хочет нарушить некоторые правила и сделать кое-что поистине шокирующее. Он собрал вокруг себя команду, чтобы они помогли ему достичь задуманного».[433]

В качестве моделей для показа, который проходил 23 октября в шатре возле Музея естественной истории, Маккуин привлек Тайзер Бейли и ее тогдашнего спутника Джимми Перси из группы Sham 69, ходившего полураздетым Голди, который устраивал вечера драм-н-басс в клубе Blue Note на северной стороне Хокстон-сквер, и журналиста Аликс Шарки. В число экспонатов для показа, помимо костюмов, пошитых на фабрике MA Commerciale в Милане, входили гипсовые болванки. Зрителям показали мужские рубашки с отпечатками окровавленных ладоней, изрезанные брюки и платья и прозрачный бронежилет, внутри которого извивались черви. Модели приветствовали публику знаком V (Victory, победа) и салютовали Ли. Тот вышел на сцену в конце показа, щеголяя недавно выбеленной прядью волос, спустил зеленые армейские брюки и показал зрителям зад. Позже он говорил: «Я показал зад прессе, потому что мне казалось, что ко мне относятся несправедливо… я был один, меня никто не поддерживал, и я не мог работать по указке Британского совета моды, поэтому, чтобы заполнить бреши, я начал делать глупости».[434]

Он убежал за кулисы, боясь, что его желание шокировать зашло слишком далеко. «Я твердил себе: с таким же успехом можно написать собственный некролог, – вспоминал он. – За кулисы никто не пришел, если не считать владельцев нескольких фрик-магазинов со всего мира».[435] Сьюзи Менкес вспоминает, как пошла за кулисы и увидела, что Маккуин «плачет навзрыд». Она обняла его и стала уверять, что у него по-прежнему есть будущее в моде. «Ли был ужасно огорчен, – говорит Сьюзи. – В то время он всегда очень тревожился; он в самом деле вкладывал в работу сердце и душу. Помню, первый раз, когда я пошла к нему, он признался, что не ложился всю ночь, потому что работал над плечом и никак не мог добиться нужного результата. Он страшно ругался и вспоминал плечи Сен-Лорана. Он вкладывал в это столько страсти!»[436]

Отзывы в прессе оказались совсем не благоприятными. Иен Р. Уэбб из The Times написал: очень жаль, что Маккуин позволил своей «позе рассерженного молодого человека» доминировать в показе, так как очевидно, что дизайнер обладает некоторыми «уникальными навыками кроя и свежим взглядом… Если бы только смотреть его коллекции не было так больно…»[437] Колин Макдауэлл из Sunday Times писал об общем кризисе британской

моды. По его мнению, Лондону недоставало «общего ядра»; большинство костюмов, представленных на Неделе моды, слишком непритязательные, явно рассчитанные на коммерческий успех. Кроме того, дизайнеры повторяются. Он критиковал и Вивьен Вествуд, и Джона Гальяно, который только что в третий раз получил титул лучшего дизайнера года, за производство большого количества вещей, которые «частично взяты из «Унесенных ветром», а частично из замка Балморал XIX века». И, хотя Макдауэлл поздравил Маккуина с оригинальным взглядом на моду, его коллекцию в целом он счел незрелой и детской. «Достоинства Маккуина сродни достоинствам Ман Рэя и Магритта; он остроумен и способен взять настоящее и запустить его в будущее до того, как все поймут, что он задумал… В этом его сила. Откровенно говоря, большинство его вещей последнего сезона можно назвать плохо продуманным хаосом. Многие его идеи нуждаются в тщательной доработке, если они когда-нибудь вообще воплотятся в жизнь. И это совершенно не важно, потому что он… понимает, что новая женственность больше связана с умением показать средний палец, чем с умением семенить по подиуму в туфлях-лодочках на манер дебютанток 1950-х годов». [438]

Хотя позже Ли говорил, что «Голод» ознаменовал «конец старого, бесшабашного Маккуина», конечно, его слова были далеки от истины.[439] По словам друзей, он казался таким же невменяемым, как всегда. При подготовке к показу Ли попросил Саймона Англесса помочь ему с принтами. Маккуин добавил: он не может себе позволить много ему заплатить, только 500 фунтов, но Саймон решил, что поможет, так как работа с Маккуином хорошо скажется на его будущей карьере. «Некоторые принты показались мне по-настоящему грязными, – сказал он. – Кажется, один узор, вошедший в коллекцию «Голод», был связан с фистингом». После показа Ли признался другу, что денег у него нет и платить нечем, зато он подарил ему сертификат в модный магазин Browns на 1000 фунтов. «Сначала я отказывался, потому что в том магазине мне ничего не нравилось, но он меня убедил, – говорит Англесс. – В то время я работал в колледже Святого Мартина, и мы вместе пешком дошли до бутика. Я выбрал какую-то вещь Хельмута Ланга, но, когда подошел к кассе, все двери вдруг закрылись и завыла сирена. Ли уже ушел. Оказалось, что подарочный сертификат был украден, а Ли заполнил его и подписал. Я все им объяснил, и они спросили, кто дал мне сертификат. Я признался, что Маккуин. «Ну как же, Александр Маккуин! – воскликнула управляющая. – Мы его не носим, но любим». – «Ну а я так его ненавижу, особенно сейчас», –

ответил я. Я пошел обратно в колледж и, когда переходил Олд-Комптон-стрит, увидел, как Маккуин заворачивает в переулок, сгибаясь пополам от хохота. Когда я пересказал ему наш разговор в магазине, он очень разозлился на меня. «Как ты мог? – спросил он. – У меня есть имя. У меня репутация, а ты хочешь меня погубить!» – «Знаешь, – ответил я, – у меня есть работа, и мне надо жить. Пошел ты!» Потом, конечно, мы оба посмеялись».[440]

Такое поведение не было чем-то необычным. Вскоре после того, как Ли окончил колледж Святого Мартина, он попытался украсть два манекена; только орлиная зоркость Луизы Уилсон помешала ему сделать это. Лиз Фаррелли вспоминает, как летом 1995 года писала книгу «Носите меня: взаимодействие моды и графики». По работе ей часто приходилось бывать на студии Сильвии Гаспардо Моро и Ангуса Хайленда на Уордор-стрит, где иногда работал и Ли. Лиз заказала несколько футболок с графическими принтами и, в ожидании фотосъемки, оставила их на выходные в студии. Вернувшись в понедельник, она увидела, что все костюмы исчезли. «Мы не могли понять, что случилось, неужели в студию вломились воры? – вспоминала она. – Мы были в ужасе, сроки поджимали, мы уже пригласили фотографа, а снимать оказалось нечего. В какой-то момент, возможно на следующий день, появился Ли, который все выходные где-то пропадал. Я заглянула к нему и увидела на полу раскрытую сумку, в которой лежали наши футболки, мятые и «со следами клубной жизни». Оказалось, что он их просто «позаимствовал». Я пришла в ярость, но вмешалась Сильвия и как-то помирила нас. То ли она велела ему выстирать футболки, то ли сделала это сама. Ему захотелось загладить вину – а может, и это тоже предложила Сильвия. Короче говоря, он предложил мне выбрать из коробки с его костюмами любую вещь». Лиз не была большой поклонницей бамстеров, но ей понравился черный кружевной сюртук, в котором, по ее словам, смешались «грубость и утонченность». К сожалению, сюртук оказался ей мал, и она не взяла его, «о чем потом очень жалела».[441]

В ноябре 1995 года Маккуин совместно с коллегами-дизайнерами Джо Кейсли-Хейфордом, Джоном Роша и историком моды Джудит Уотт вылетел в Южную Африку, где должен был судить международный конкурс Smirnoff International Fashion Awards. В первую же ночь в Сан-Сити у Ли украли бумажник. Сначала он очень разозлился, а потом успокоился и сказал Джо: наверное, бумажник взял человек, которому деньги нужны больше, чем ему. На последние несколько монет Маккуин пошел к игровым автоматам и тут же выиграл 2500 фунтов. Из Сан-Сити группа переехала в Кейптаун, где им предстояло сидеть в жюри

конкурса. Линда Бьорг Арнадоттир из Исландии вспоминает, как представила свою работу, платье из прозрачной кожи, созданное по мотивам парки, которую инуиты делают из тюленьих желудков. Увидев ее платье, Маккуин сразу оживился. «Из чего это сделано, черт побери?» – спросил он. Мой рассказ произвел на него огромное впечатление; он говорил не умолкая, – вспоминает Линда. – Мне он показался похожим на скейтбордера, и я вначале не обратила на него особого внимания. Он казался очень милым и приземленным, но не слишком утонченным». Когда Линду назвали победительницей, на пресс-конференции некоторые журналисты расхохотались. «Говорили, что мои вещи невозможно носить, и они не имеют отношения к настоящей моде, – вспоминает Линда. – Я очень стеснялась, и он сам отвечал за меня на некоторые вопросы и защищал мою работу. Он уверял, что подобные конкурсы нужны для того, чтобы выявлять новые таланты, пусть даже их вещи еще не готовы для рынка».[442]

Маккуин всегда поддерживал тех, кто, по его мнению, был беззащитен. Джанет, его сестра, вспоминает семейный вечер в конце 1970-х годов, когда Ли, тогда еще мальчик, заметил, что ее свекровь от первого брака – мать того человека, который надругался над ним, – стоит одна в углу. «Она была очень маленькая, робкая, и он специально подошел к ней, чтобы убедиться, что с ней все в порядке… Вот вам Ли как на ладони. Сердце у него было очень мягкое; его всегда тянуло к неудачникам».[443] В 1995 году Маккуин нанес визит в Баттерсийский собачий приют и вернулся домой со светло-рыжим метисом, которого он назвал Минтером в честь боксера Алана Минтера. Кроме того, кличка служит производным от староанглийского mynet, то есть «монета» или «деньги». Для самого Ли вопрос об отношении к деньгам был болезненным. В начале 1996 года, когда он еще не был богат, Эдвард Эннинфул, тогда работавший в журнале i-D, спросил его в интервью о секрете его успеха. «Вы просто хотите увидеть мой остаток счета! – сказал Маккуин. – Если измерять успех в фунтах, я чертовски неуспешен. Я в самом деле плохой бизнесмен». Эннинфул, который потом подружится с Маккуином, продолжал задавать ему личные вопросы. Что он взял бы с собой на необитаемый остров? «Наверное, швейную машинку, – ответил Ли. – А еще банку пива, вибратор и запас кока-колы». Что думают о нем другие дизайнеры? «Что я выжатый ломтик лимона». Что, по его мнению, отличает его от других дизайнеров? «По-моему, когда они пошлют свои образцы на Юпитер, то найдут меня там». Как он себе представляет хорошую ночь вне дома? «С человеком по имени Чарли». Когда он испытывал самое большое в жизни

смущение? «Когда родился». И наконец, является ли он жертвой моды? «Нет, жертвой модной индустрии», – ответил Маккуин.[444]

Сразу после интервью удача повернулась к нему лицом: у него появился спонсор. Он подписал контракт с Gibo, итальянской дочерней компанией Onward Kashiyama of Japan, которая также поддерживала Пола Смита и Хельмута Ланга. Маккуин, привыкший устраивать показы буквально за гроши, получил бюджет в 30 тысяч фунтов. Перемены стали заметны сразу. Приглашения на показ своей новой коллекции Dante («Данте») Маккуин изготовил на дорогой глянцевой бумаге; сверху изобразили двух ангелов, а внутри напечатали черно-белую фотографию разинутой собачьей пасти. Кроме того, он получил возможность шить из более дорогих тканей. «Мы взяли чистый белый тонкий кашемир и украсили его черным узором «турецкий огурец» для простого платья, – говорил он Поле Рид из Sunday Times. – Черное кружевное платье выполнено на шифоновой подкладке телесного цвета, поэтому выглядит одновременно невесомым и роскошным. Кроме того, обратите внимание на приталенный шелковый жакет цвета лаванды; рукава выкроены по спирали и прорезаны у локтей. Почти вся работа выполнена вручную, из-за чего некоторые вещи в коллекции дороги, но они оригинальны. По-моему, теперь их захотят купить; они уже не выглядят так, словно их место – в магазине подержанных вещей».[445]

Вместо того чтобы устраивать показ в функциональном, но довольно безликом шатре на лондонской Неделе моды, Маккуину удалось договориться о дефиле в церкви Святого Креста в Спиталфилдз. Идея коллекции выросла из разговора Ли с Крисом Бердом, которого он часто дразнил, называя «книжным червем». «Ты вечно читаешь, мать твою, грызешь свои заумные книжки», – говорил Ли. Я отвечал: «Тебе стоит назвать свою коллекцию «Данте», которого он никогда не читал», – вспоминает Крис. Позже, когда Крис в шутку напомнил ему о том, что подарил ему идею, Маккуин «даже оторопел».[446] Саймон Костин дал Ли каталог творчества Джоэла Питера Уиткина, американского фотографа, который прославился изучением гермафродитов, трупов, гномов, транссексуалов и людей с физическими уродствами. Маккуина заворожило мастерство Уиткина. В детстве у него на глазах, рядом с его домом случилась авария, и он видел, как девушке отрезало голову. Уиткину удалось передать красоту своих немыслимых объектов, и Маккуин решил отразить его творчество в своей коллекции. Ему хотелось скопировать автопортрет Уиткина 1984 года, на котором он снялся в черной маске с небольшим распятием, начинавшимся между бровями и

заканчивавшимся над верхней губой. Маккуин послал факс в студию Уиткина; он вкратце описывал, как намерен использовать его образ, но, по словам Криса Берда, фотограф ответил отказом. «Кажется, Ли за это нагрубил ему и послал куда подальше, а портрет использовал все равно».[447] В интервью с Women's Wear Daily Маккуин заявил, что решил устроить показ в церкви Святого Креста на Коммершел-стрит, потому что большинство его родственников были крещены там и похоронены на кладбище в XIX веке; на самом деле большинство его предков, по крайней мере с отцовской стороны, погребены в менее живописном месте, на кладбище Святого Патрика в Лейтонстоуне. Однако его влекло к церкви работы Хоксмура из-за ее близости к пабу «Десять колоколов», связанному с двумя жертвами Джека-потрошителя. Кроме того, по слухам, архитектор интересовался оккультизмом. Маккуин уверял Майру Чей Гайд, что Хоксмур был членом тайного общества, и «если посмотреть на Лондон с воздуха, все построенные им церкви образуют в плане пентаграмму». До начала показа атмосфера была напряженной. «Мы все были очень напуганы; все время происходило что-то странное, например, распятие падало на землю, – вспоминает Майра, которая занималась мужскими прическами и стилем.[448]

1 марта 1996 года, когда толпа любителей моды проталкивалась в церковь, какой-то религиозный фанатик раздавал листовки, озаглавленные «Проповедь против излишеств в Адежде [так! – *Э. У.*]».[449] Зрители заняли места, слушая шепот о том, как под полом церкви хоронили жертв «черной смерти» и как их призраки до сих пор бродят в катакомбах. Атональная музыка эхом отражалась от стен здания; витражное окно с изображением Иисуса Христа как будто засияло ярче за миг перед тем, как все погрузилось во мрак. Свет снова ненадолго включили, а затем зал еще раз погрузился во тьму, что породило изумленные ахи и охи. Потом из арки, убранной розами, вышла модель в черной маске, похожей на маску Уиткина; на ней было прекрасно скроенное черное платье с двумя симметричными V-образными разрезами, обнажавшими груди. Мужчины-модели изображали американских гангстеров; по сюжету, их влекло к могущественным женщинам, семенившим по крестообразному подиуму, однако они явно их боялись. Более того, многие модели выглядели так, словно превратились в неопределенный третий пол или гибридов животных и людей. Одни выходили с рогами оленей или единорогов, другие – в масках, похожих на реквизит из фильма «Чужой». На одной модели было нечто напоминавшее терновый венец; другая, с шипами, торчащими вокруг ее бледного лица, казалась персонажем фильма «Восставший из ада». Костюм,

вызвавший бурные аплодисменты, представлял собой черное кружевное платье с увеличенным капюшоном-мантильей, поддержанным рогами, которые увеличивали рост модели примерно до восьми футов. Идея была ясна: с такими женщинами шутки плохи. «Мне нравится, когда мужчины держатся на расстоянии от женщин, – сказал Маккуин. – Мне нравится, когда мужчины ошеломлены их видом».[450]

Органную музыку и церковный хор сопровождала запись стрекота вертолетных винтов и пулеметных очередей. На футболках напечатали принты с лицами жертв насилия. «Темой показа служит религия, ставшая поводом к войне, – пояснил Маккуин. – Мода никак не соотносится с жизнью, но о мире забывать нельзя».[451] В подтверждение его слов некоторые костюмы были украшены снимками, сделанными военным фотографом Доном Маккаллином. «Когда агент Маккаллина увидел футболки, он потребовал немедленно их уничтожить, пригрозив подать на нас в суд, – вспоминает Саймон Англесс, помогавший Маккуину изготовить принты. – Ли свалил все на меня, как будто во всем на сто процентов был виноват я. Мы перехитрили их – уничтожили все, кроме одной футболки, которая осталась у меня».[452] И все же, если отвлечься от непривычной стилистики, историки моды отдали должное ряду великолепных вещей, сшитых из серой шерсти, золотой парчи, шелковой тафты цвета лаванды и прозрачного шифона. Они сочли, что эти вещи вполне можно носить, – признак того, что Маккуин наконец повзрослел. «В прошлом непристойность фантазий мистера Маккуина ограничивала привлекательность его изобретательных композиций, – писала Эми Спиндлер в New York Times. – Его последняя коллекция понравится всем».[453] Сьюзи Менкес считала, что Маккуин «ухватил моду за хвост». Ее обзор в International Gerald Tribune назывался «Смерть и поэтика»; в заголовке она подчеркнула и склонность Маккуина к готике и мрачности, и красоту, в которую перевоплощалась его страсть. Дизайнер даже посадил в первый ряд скелет. Менкес писала, что притягательность смерти для Маккуина отражала настроения других его современников, например Дэмьена Херста – его инсталляция 1990 года «Тысяча лет» состояла из ряда стеклянных витрин, в которых помещались личинки, мухи и гниющая коровья голова, – и голоса за кадром из фильма «На игле», который говорит: «Выбирайте жизнь – но с какой стати это делать мне?» Когда Менкес спросила Маккуина о теме коллекции, он ответил: «Она связана не столько со смертью, сколько с осознанием того, что смерть есть». Менкес заключила свою рецензию словами: «Он [Маккуин. – *Э. У.*] доказал, что он не просто отличный закройщик

с богатой фантазией, но один из тех редких дизайнеров, которые ухватили дух времени».[454]

В конце показа на подиум вышел смущенный Маккуин в просторной клетчатой рубашке; на голове у него были выбриты параллельные линии. Под шквал аплодисментов он поцеловал двух самых главных женщин в своей жизни: сначала мать Джойс, сидевшую в первом ряду, а затем восторженную Изабеллу Блоу в черных перьях, которой он посвятил коллекцию. После того как Ли ушел за кулисы, все – модели, друзья, стилисты и фотографы – в один голос заверили его, что шоу имело колоссальный успех.

Однако никто, кроме группки особо доверенных друзей, не знал, что его отношения с Эндрю Гроувзом подошли к критической точке. В день показа Эндрю отбеливал джинсы в ванне; у него не было времени их постирать. «Значит, ноги у моделей тоже отбелятся», – сказал он. Ли, как всегда перед показом, пребывал в дурном настроении. «Он обвинил меня в том, что я нарочно неправильно завязал корсет, что я все порчу… После показа он пошел в паб, а меня не пригласил. И это был конец».[455]

К удивлению Маккуина, через неделю после показа его пригласили на Даунинг-стрит, на прием по случаю Лондонской недели моды, где он познакомился с премьер-министром Джоном Мейджором. На Ли прием не произвел особого впечатления. На снимке Маккуин, одетый в пальто из коллекции «Данте», с козлиной бородкой, выбритой головой и с большой золотой серьгой в ухе, выглядит как человек явно не в своей тарелке. Фотограф запечатлел его рядом с Джоном и Нормой Мейджорами и коллегой-дизайнером Джоном Роша. «Я совершенно не разбираюсь в вашей сфере», – сказал ему премьер-министр. Маккуин, который находился в задиристом настроении, ответил: «Конечно, мы ведь всего лишь третья по величине отрасль промышленности в стране». Мейджор спросил, как идут дела. Маккуин ответил, что ему не о чем беспокоиться, так как его спонсоры итальянцы и поэтому ему не нужно иметь дел с Лондоном. После такого ответа Мейджор отвернулся от него.[456] Позже Маккуин отозвался о Мейджоре не слишком лестно: «Полный идиот. Глуп как пробка. По-моему, страной должен управлять человек, у которого есть яйца. Даже моя мать справилась бы лучше. Уж она бы содержала страну в полном порядке!»[457]

Своими впечатлениями о Даунинг-стрит Маккуин делился с Колином Макдауэллом, который брал у него интервью для Sunday Times. Хотя историк моды и журналист раньше сомневался в Маккуине, после интервью он назвал его «самым

многообещающим дизайнером современности». Макдауэлл поделился своими соображениями о том, как Маккуин может спасти британскую моду. «Его желание снести все барьеры в области вкуса, возможно, дадут тот импульс, в котором нуждается мода на подходе к третьему тысячелетию, – писал он. – Правда, не нужно забывать о том, что мир моды довольно консервативен. Может случиться так, что он зайдет в тупик и станет еще одной недолговечной яркой звездой, которую уничтожила система». Маккуин честно говорил о своей неудовлетворенности. Какой смысл в простом воспроизводстве классических, сделанных со вкусом моделей? «Если кому-то нужно скучное пальто, пусть идут в DKNY», – говорил он. Он считал, что его задача – попытаться изменить отношение людей к одежде. «Я не очень напористый, – говорил он, – но действительно хочу изменить установки. Если по ходу дела приходится кого-то шокировать, – что ж, так тому и быть». После показа Маккуин, по его словам, получил факс от церкви Христа, в котором его упрекали в излишней извращенности шоу. Маккуин не скрывал своих амбиций; в интервью Макдауэллу он признался, что когда-нибудь хочет последовать за Джоном Гальяно в Париж и стать креативным дизайнером в доме Yves Saint Laurent. При этом он уверял, что скорее отдаст все, чем пойдет на компромисс. «Не знаю, можно ли выжить в мире моды, не убив кого-нибудь». [458]

Из Лондона Ли полетел в Нью-Йорк, где собирался устроить еще один, более «агрессивный» показ коллекции «Данте» в синагоге на Норфолк-стрит, в Нижнем Ист-Сайде. Нью-Йоркская неделя моды находилась в состоянии застоя – по язвительному замечанию одного журналиста, она напоминала «телемарафон на День труда»,[459] – поэтому шоу Маккуина добавило сезону необходимую дозу адреналина. («Сейчас приходится выбирать наименее отстойное из всего», – как заметил тот же обозреватель. [460]) Маккуин решил, что одежда его марки достаточно хорошо продается в Милане и Париже, поэтому он может себе позволить более креативное представление, не настолько связанное с коммерческой составляющей. «Мой показ рассчитан на продвижение моей фирмы и, может быть, на то, чтобы кого-то отпугнуть – хотя и не настолько, чтобы напуганные отменили свои заказы, – говорил он. – У Нью-Йорка есть свой, очень дерзкий, образ, но вот одеваются здесь так консервативно! По-моему, неплохо немного расшевелить Нью-Йорк».[461] Прибыв на Манхэттен, Маккуин и сам испытал прилив адреналина. Двое мужчин-моделей, натуралы, предложили переспать с ним, если он поможет им в карьере. Несмотря на свою репутацию, Маккуин

послал их подальше, так как их предложение показалось ему «отвратительным».[462]

Ажиотаж вокруг показа был велик. Несмотря на метель, коллекцию собралась посмотреть вся нью-йоркская модная элита, в том числе Анна Винтур и Андре Леон Телли из Vogue. Кейт Мосс вышла на подиум в бамстерах, а Хелена Кристенсен – в черном кружевном платье и жакете в стиле милитари. Дэвид Боуи попросил Ли сделать костюмы для его следующего турне. В июле на фестивале в Финиксе рок-звезда выступал в жилете работы Маккуина в виде британского флага. Через год Маккуин сделал такое же пальто для обложки студийного альбома Боуи Earthling. Элитные американские магазины, такие как Neiman Marcus и Bergdorf Goodman, приняли заказы на несколько тысяч долларов. В то же время в Великобритании влиятельная Джоан Берстейн, владелица модного бутика Browns, объявила, что впервые приобрела коллекцию Маккуина.

В апреле 1996 года Маккуин полетел во Флоренцию на съемку, организованную американской редакцией ELLE. Приятельница Ли, Марин Хоппер, фешен-редактор, убедила своего отца, актера Денниса Хоппера, сфотографировать последнюю коллекцию Маккуина. Однако возникло одно препятствие: актер только что женился в пятый раз и проводил со своей женой Викторией медовый месяц. По словам Ли, Виктория «ужасно злилась. Мы жили в том же отеле, что и они, и молодоженам хотелось побыть наедине». Ли выступал на съемке в роли художественного руководителя; почти сразу после того, как актер начал снимать, они заспорили. «Мы с Деннисом… оба вспылили, потому что я даю людям один шанс и, если ничего не получается, больше не хочу иметь с ними дела, – вспоминал Ли. – Я что-то сказал, а он возмутился: «Мать твою, кто здесь снимает, ты или я?» Тогда я ответил: «Успокойся, продолжай…» – и после этого больше с ним не разговаривал». Правда, в последнюю ночь во Флоренции Хоппер пригласил Ли на ужин, а затем позвал в Лос-Анджелес. «Я не сомневался, что после такого медового месяца они больше не захотят меня видеть», – вспоминал Ли.[463] Однако, по словам Марин, Деннис Хоппер относился к Маккуину с огромным уважением. «Отец считал его запредельно талантливым, гениальным», – сказала она.[464]

Из Италии Маккуин полетел в Японию, где его одежда пользовалась большим спросом. Один нью-йоркский журналист спросил, когда стоит ждать появления духов под маркой McQueen. Наверное, это лишь вопрос времени? «Конечно, – ответил Маккуин, который никогда не лез за словом в карман, – я и название придумал: «Дерьмовый дух».[465]

Глава 7

Там ваши мечты о жизни в моде становятся явью.

Ли Маккуин об одежде от-кутюр

13 июля 1996 года, благоуханным субботним вечером, Ли был на вечеринке, которую устраивал Ли Копперуит в своей лондонской квартире на Чешир-стрит, рядом с Брик-Лейн. Он пребывал в хорошем настроении и, выпив несколько бокалов, постепенно начал расслабляться. Среди гостей он заметил высокого темноволосого молодого красавца в синей куртке-«бомбере» марки Copperwheat Blundell, узких, в обтяжку, сине-черных полосатых брюках той же фирмы и кроссовках Fila. Красавец поглядывал на него всякий раз, как оказывался в поле его зрения. Маккуин в зеленых армейских штанах и рубашке Burberry наблюдал, как незнакомец пил бокал за бокалом. Потом он, спотыкаясь, побежал в ванную, где его вырвало. Ли, беспокоясь о его состоянии, вышел за ним в сад, где того вырвало еще раз; он придерживал его голову и гладил по спине. «Лучше из себя, чем в себя», – приговаривал он. Молодого человека звали Меррей Артур; когда ему полегчало, он поблагодарил Ли за доброту. Они разговорились, и сразу стало ясно, что их влечет друг к другу. «Я подумал, что не встречал никого лучше», – вспоминает Меррей, которому тогда было двадцать шесть лет. Он работал в бутике Donna Karan на Бонд-стрит. Пара ушла с вечеринки вместе. Они поехали в квартиру Ли на Хокстон-сквер. На следующий день Маккуин увидел, что на Меррее дешевые пластмассовые часы, и тут же отдал ему свои, от Пола Смита. «Говенные у тебя часы, – сказал он, протягивая Меррею свои, – так что давай лучше встретимся еще раз – тогда ты мне их и вернешь». Они договорились о следующем свидании и в четверг 18 июля встретились в баре Freedom в Сохо, где выпили с Роланом Муре. Меррей стеснялся и чувствовал себя так скованно, что почти все время молчал. Потом они пошли в любимый китайский ресторан Ли на Шафтсбери-авеню. «Ли знал, что я совсем недавно в Лондоне – я вырос в деревушке в окрестностях Абердина, – и сказал, что поймет, если я не захочу продолжать отношения, если я просто хотел развлечься, – вспоминает Меррей. – Я ответил, что хотел бы продолжать отношения, и он мне по-настоящему нравится. На следующий день у меня был

выходной; помню, как вернулся в ужасную крошечную квартирку в Кемберуэлле, которую я снимал с напарником; я позвонил другу и сказал, что, кажется, влюбился, встретил человека, с которым хочу прожить до конца жизни, что он мне нравится, нравится его невероятно заразительный смех. Мне нравилось быть рядом с ним; он часто смешил меня. Глаза у него были изумительного цвета, такие красивые, и они меняли цвет – такое часто бывает с голубоглазыми – иногда они казались блеклыми, а иногда синими».

Ли отправился в краткосрочную поездку в Италию, где шили его вещи – он обычно ездил туда дважды в месяц, – а когда вернулся в Лондон, снова встретился с Мерреем и пригласил его на прогулку в Хэмпстед-Хит. В парке они вырезали свои имена на коре дерева. Через три недели после первой встречи Ли предложил новому бойфренду переехать к нему. Меррею нужно было каждое утро уходить на работу. Возвращаясь, он часто заставал Ли в студии, где тот усердно трудился. «Помню, однажды среди ночи он поделился со мной радостью: ему только что удалось выкроить рукав из одного куска ткани, а я такой: «Ну и что?»

Ли страстно увлекся Мерреем и через несколько дней подарил ему серебряный кулон с выгравированной на нем фамилией «Маккуин», который всегда носил на шее. Меррей обожал собаку Ли, Минтера, и обучил его подавать лапу, «умирать», а также выполнять команды «Сидеть» и «Лежать». «Мы очень веселились, и у меня по-настоящему счастливые воспоминания о том времени», – говорит он.[466] Когда Меррей получил повышение и стал старшим продавцом, Ли написал ему открытку: он любит его и рад за него. Вскоре Меррею пришлось на несколько дней уехать в Абердин, и Ли написал ему еще одну открытку: «Я часто думаю о тебе, особенно когда ложусь в постель, и когда встаю, а тебя нет».[467] Вскоре после их первой встречи Меррей рассказал Ли о своей эпилепсии, которой страдал с двадцати лет. Если у него случался припадок – а иногда они происходили по 2–3 раза в день, – Ли удерживал его, гладил по голове и следил за тем, чтобы бойфренд не прикусил язык. «Я рядом и вывожу его из этого состояния, – говорил он. – На такое не способен больше ни один гей, не сомневаюсь».[468] Через Изабеллу Маккуин познакомил Меррея с доктором Чарлзом Левинсоном, мужем сестры Детмара Селины Блоу, который устроил его на прием к лучшему эпилептологу Великобритании. «Ли всегда страшно волновался за меня, – вспоминает Меррей. – Он делал все, что в его силах, и очень сочувствовал моему положению».[469]

Однажды в субботу после бурной ночи Ли сказал Меррею, что записался в тату-салон на Сент-Джон-стрит в Клеркенуэлле. Маккуин любил татуировки – первую, с причудливым изображением карпа кои, он сделал на груди вскоре после того, как переехал на Хокстон-сквер. Майра Чей Гайд вспоминает, как ходила с ним в тату-салон и сидела рядом. «Он так крепко стиснул мою руку, что на моей ладони остались отметины от его ногтей… Потом рука сильно распухла».[470] В тот день в 1996 году Маккуин собирался набить себе пион, а рядом – имя Меррея. Ли спросил бойфренда, сделает ли тот тоже татуировку на плече – его имя. Татуировки «для него и для нее», точнее, в данном случае, «для него и для него», в то время были на пике популярности. Две самые модные знаменитости того времени, Пэтси Кенсит и Лиам Галлахер, объявили миру о своей любви также с помощью татуировок. Меррей согласился; у него на правом предплечье черной тушью вытатуировали «Маккуин». Но, когда сам Ли уже сел в кресло, он вдруг передумал и сказал бойфренду, что процесс слишком болезнен, а у него слишком болит голова с похмелья и он не вынесет боли. Позже Меррей пошел на вечеринку, где встретил знакомых из Шотландии; когда они увидели тату, то предупредили, что когда-нибудь он об этом пожалеет.[471]

Меррей и Ли часто проводили выходные в поместье «Хиллз», загородном доме Изабеллы и Детмара. «Он бывает у нас по четыре – шесть раз в год и сразу же захватывает власть в доме, – говорила Изабелла. – Как только он приезжает, «Хиллз» превращается в его студию и игровую площадку одновременно, он расслабляется и чувствует себя вполне как дома».[472] Изабелла и Ли брали уроки соколиной охоты. «По-моему, когда он там, он попадает в другой мир, особенно если возится с птицами», – говорила его мать.[473] Изабелла уверяла, что соколиная охота – «самое волнующее» из всего, что друзья делали вместе. Она наняла двух местных механиков, которые «увлеченно обучали диких птиц», особенно пустынных канюков.[474] «Маккуин обладал природным чутьем, и скоро птицы у него взлетали и приземлялись на руку, – вспоминает Детмар. – Ему нравилась большая кожаная перчатка, которую нужно было надевать, чтобы защититься от их когтей».[475] Меррей не увлекся соколиной охотой – по его словам, он боялся даже голубей, – но ему нравилось стоять поодаль и наблюдать за тем, как Ли обращается с птицами.

Посещение поместья «Хиллз», по словам Меррея, всегда проходило «восхитительно». Паре отводили комнату с большой кроватью под балдахином; они опускали его и чувствовали себя

вполне уютно в созданном ими отгороженном мирке, напоминающем материнскую утробу. Они спали сколько хотели, а по утрам спускались на кухню и заваривали себе чай. Им нравилось выгуливать Минтера на окрестных лугах и сидеть у камина. Однажды к воскресному обеду в «Хиллз» приехала принцесса Майкл Кентская, жившая недалеко, в поместье Nether Lypiatt Manor. «Она была очень мила, – вспоминает Меррей. – Обед проходил весело; мы рассказывали непристойные анекдоты, как вдруг в столовой ужасно завоняло. Я поднял скатерть и увидел огромную кучу собачьего дерьма – Минтер только что наделал ее под столом. Я повернулся к Изабелле, рассказал, что случилось, и она попросила меня сходить за экономкой. Я накрыл кучу салфеткой и встал из-за стола. Когда я вернулся, принцесса Майкл Кентская хохотала до упаду. «Не волнуйтесь, – сказала она, – мой муж [принц Майкл Кентский. – *Э. У.*] – президент Баттерсийского собачьего приюта. У нас собачье дерьмо по всему дому, вы бы ни за что не поверили, какой у нас беспорядок».[476]

В конце лета 1996 года Маккуин готовил к показу следующую коллекцию, которую решил назвать Bellmer La Poupée («Кукла Беллмера»). Название появилось после знакомства Ли с творчеством Ханса Беллмера, немецкого художника, который, по словам Маккуина, «расчленял кукол и воссоздавал их».[477] В 1933 году Беллмер начал работать над эротизированным образом деформированной куклы, противопоставляя свое творчество культу красивого тела, навязываемого нацистской партией. Некоторые его будоражащие воображение образы, например снимок 1936 года «Кукла», сюрреалистическая фотография обезглавленного женского торса без рук и ног, напоминают работы Джоэла Питера Уиткина. Оба художника нравились Ли своим интересом к теме смерти и своим нетривиальным отношением к красоте с общепринятой точки зрения. Как он напишет за несколько дней до своей смерти: «Красота может приходить из… самых необычных, иногда даже самых отвратительных мест».[478] В процессе подготовки очередной коллекции Ли обратился за помощью к другу, ювелиру Шону Лину. Маккуин попросил его сделать наручники, которые надевались бы на руки и ноги моделей, чтобы они ходили как куклы Беллмера. Друзья часто встречались, выпивали вместе, и Ли иногда рисовал наброски того, что ему было нужно, на подставках для пива.

Еще одного своего друга, Даи Риса, Маккуин попросил изготовить маски для лица и головы. Рис вспоминает, как принес их в студию на Хокстон-сквер. Там он впервые увидел Изабеллу. Ли знал, что Даи в свое время изучал керамику, и, когда его друг

пришел в студию и объявил о желании кое-что ему показать, Маккуин решил, что тот имеет в виду керамические изделия. Он очень удивился, когда Даи достал три клетки для головы, сделанные из птичьих перьев. «У подножия лестницы стояло огромное зеркало; Ли и Иззи громко хохотали, примеряя их, – вспоминает Даи. – Ли еще говорил: «Представляю, как разозлится Филип [Трейси. – *Э. У.*]», – ведь он знал, что мы с Филипом не ладим. Потом он попросил меня изготовить еще пять таких же головных уборов определенных цветов». Во второй приезд Даи Ли попросил его сделать несколько кожаных ошейников-намордников. Рис сказал, что он никогда не работал с кожей, но Ли уверил его, что все получится. Через две недели Даи вернулся с десятью кожаными намордниками, украшенными крупными птичьими перьями, и Ли «пришел от них в восторг».[479]

Незадолго до того Ли видел инсталляцию Ричарда Уилсона «20.50» в галерее Саатчи: Уилсон поставил в комнате бассейн и заполнил его отстойным маслом. Маккуину захотелось каким-то образом воссоздать подобный эффект на подиуме. «Как это можно сделать?» – часто спрашивал он у Саймона Костина. Как только определились с местом показа – Королевский садоводческий зал Виктория, – Саймон отправился туда осматриваться. «Я взял с собой пластиковую пленку – один рукав и несколько кусков два на два; я скрепил их и налил внутрь воды, – вспоминает Саймон. – Мы прыгали рядом с ними, чтоб проверить, насколько прочна пленка и как выглядит рябь». Затем он изготовил рамку высотой в два фута и длиной в 150 футов и выложил ее изнутри черной пленкой. Конструкция вышла огромной, «почти на весь зал, но нужно было, чтобы уместились еще и зрители; нам хотелось, чтобы бока подиума были похожи на черное зеркало». Казалось, все получится идеально, но затем спонсор показа, компания Tanqueray gin, потребовала, чтобы на видном месте поместили их логотип. «Я подумал, почему бы не изготовить для них черный логотип, так мы и сделали… Он получился такой черный, что его не было видно».[480] В подготовке к показу Маккуину помогали Сара Херд (ныне Сара Бертон), студентка колледжа Святого Мартина, которую с Ли познакомил один из ее наставников, Саймон Англесс. Сара, родившаяся в 1974 году в Престбери, в окрестностях Манчестера, начала рисовать платья еще в детстве. «Помню, я с юных лет покупала журнал Vogue… Я вырывала оттуда страницы и наклеивала на стены своей комнаты. Первые фотографии Кальвина Кляйна, фотографии Аведона… Учитель рисования считал, что мне следует поступить в колледж Святого Мартина». На третьем году обучения Англесс устроил ей годичную стажировку у Маккуина, и свои впечатления о нем она

назвала «самыми вдохновляющими». «Я почти сразу поняла: самое главное – раскрой… Я как будто прошла крещение огнем. В колледже учили неплохо, но за год у Маккуина я научилась понимать весь процесс в целом».[481] Ли кроил, а Сара помогала создавать костюмы. Она вспоминает, как Маккуин учил ее выкраивать S-образный изгиб и вшивать молнию. «Помню, он брал с пола кусок фланели, рисовал на нем мелом выкройку, резал, садился к швейной машине и – «фр-р-р» – на глазок шил превосходные брюки… От такого просто мурашки шли по коже».[482]

Осень 1996 года стала для Маккуина в высшей степени плодотворным временем. 12 сентября в Барбикане открылась интерактивная выставка Jam: Style + Music + Media, призванная отразить срез городской культуры девяностых годов. Целый зал на выставке был посвящен Маккуину, что стало началом процесса, в ходе которого творчество дизайнера было принято и узаконено возвышенным музейным миром. Кураторы выставки спросили Ли, как бы он описал свое творчество. «Эклектика, граничащая с криминалом», – ответил он. А каково его отношение к жизни? «Криминал, граничащий с эклектикой».

Лиз Фаррелли, одна из организаторов выставки, призывала смотреть на моду как на вид искусства. «Забудьте обвинения в элитарности и бесполезности, которые предъявлялись передовой британской моде, – писала она в Design Week. – Когда наступает решающий момент, у нас появляются дизайнеры и имиджмейкеры, чьи взгляды вдохновляют. Они добиваются коммерческого успеха, а их энергия не уступает их креативности». Она упомянула Маккуина, Хуссейна Чалаяна, Дэвида Симса и Юргена Теллера и написала, что «платья, висящие на стене, выглядят так же правдоподобно, как и на моделях, а фотографии, освобожденные от журнальных разворотов, выглядят вдвойне правдоподобно. В моде новизна вытеснена новациями и самовыражением, и это я называю искусством».[483] Когда критики спрашивали Маккуина, считает ли он моду искусством, он отшучивался. По его словам, он создавал одежду только для того, чтобы ее носили. Но в ходе следующих двух десятилетий различные музеи – Стокгольмский музей современного искусства (Fashination, 2004–2005), нью-йоркский Метрополитен-музей («Дикая красота», 2011), Музей Виктории и Альберта («Дикая красота», 2015) представляли его вещи, показывая их не столько утилитарными предметами одежды, но изысканными, чрезвычайно привлекательными произведениями искусства.

Одновременно с выставкой в Барбикане Маккуина попросили

внести свой вклад в флорентийскую городскую выставку-биеннале Il Tempo e la Moda («Время и мода/взгляд на моду»). Выставка, проходившая под кураторством Джермано Челанта, Ингрид Сиши и Пандоры Табатабаи Асбаги, была посвящена связи искусства и моды. Ряд современных кутюрье попросили поработать с художниками и создать произведения специально для биеннале. Карл Лагерфельд работал с Тони Крэггом, Джанни Версаче с Роем Лихтенштейном, Аззедин Алайя – с Джулианом Шнабелем, Хельмут Ланг с Дженни Хольцер; Миучча Прада с Дэмьеном Херстом; Джил Сандер с Марло Мерцем, Рей Кавакубо – с Оливером Херрингом. Когда кураторы связались с Маккуином, он выразил желание поработать с фотографом Ником Найтом, чьи поразительные снимки он видел в журналах i-D и The Face.

Впервые они встретились на рождественском приеме, устроенном журналом Vogue. Ник назвал ту их встречу «довольно романтичной». Они оба были застенчивы, но сразу стало понятно, что каждый уважает, даже боготворит творчество другого. Позже Маккуин послал Найту факс со словами: «Счастливого Рождества, Александр Маккуин». Ли снова связался с ним летом 1996 года, и они встретились, чтобы обсудить идеи. Ник придумал серию снимков, основанных на рекламе секса в порножурналах. Его замысел понравился Маккуину. По словам Найта, через все творчество Маккуина красной нитью проходит тема скрытой, тайной красоты. «Он как будто захвачен мыслями о том, что внутри, он думает о скрытой красоте, которая проявляется после того, как уничтожают красоту поверхностную, – сказал Найт в интервью Шарлотте Коттон для проекта Британской библиотеки «Устная история фотографии». – Он не забывает о своих корнях, помнит, что вышел из рабочей семьи, но он творит для элиты. Красота возникает из сложности подобно тому, как цветок лотоса расцветает в стоячей воде».[484] Одним из образов, который они создали для биеннале, открывшейся 20 сентября, стал портрет взрывающейся головы Маккуина. Образ появился под влиянием фильма Кроненберга «Сканеры». Надпись под снимком, появившимся в ноябрьском номере журнала The Face за 1996 год, гласила: «Александр Маккуин. Жертва модной индустрии, 1996».[485] В том же номере напечатали интервью, которое Маккуин дал Эшли Хит. В ответ на вопрос о том, как он представляет самый лучший конец, дизайнер ответил: «Когда Ник Найт взрывает мою голову на этих новых снимках… То есть на самом деле я не такой». – Неужели? – «Ну, когда я перебираю с чарли [кокаином. – *Э. У.*], мне кажется, будто у меня взрывается голова, но нет, на самом деле я не такой».[486] Маккуин и Найт еще несколько раз работали вместе. «У нас довольно странные отношения, –

признался Найт Шарлотте Коттон в конце 1990-х годов, – и я не знаю, как все закончится».[487]

27 сентября 1996 года в Королевском садоводческом зале прошел показ, ставший сам по себе явлением искусства. На глазах у зрителей первая модель спустилась по лестнице и прошла по зеркальной черной поверхности; впечатление, что девушка идет по воде, было настолько сильным, что публика в зале ахала от изумления. Моделей, в числе которых были Кейт Мосс, Джоди Кидд и Стелла Теннант, обули в туфли из оргстекла на массивном каблуке, и «казалось, буквально, что они идут по воде».[488] Вода играла для Маккуина и его помощников очень важную роль. Коллекцию «Кукла» Маккуин посвятил Дэвиду Мейсону, близкому другу Кэти Ингланд, который покончил жизнь самоубийством, набив рюкзак кирпичами и прыгнув в Темзу. Тема быстротечности жизни проявилась в конце показа, когда модель, пошатываясь, спустилась по «водяному» подиуму с прозрачной клеткой на голове и на верхней половине туловища; внутри клетки порхали дюжины мотыльков (этот образ еще будет эксплуатироваться Маккуином в коллекции Voss в сентябре 2000 года).

Однако самые неоднозначные отклики вызвало решение Маккуина вывести на подиум чернокожую модель Дебру Шоу в украшениях, изготовленных Шоном Лином. Они напоминали кандалы. Зрители пришли в исступление, а позже Маккуина обвинили в том, что он готов эксплуатировать даже рабство, лишь бы его вещи лучше продавались. Последнее он пылко отрицал. «Образ чернокожей Дебры Шоу не имел никакого отношения к рабству, – уверял он. – Мне важно было показать ее воссозданное тело, как у куклы-марионетки».[489]

Огромная фотография худого, как скелет, африканского ребенка на заднике также вызвала волну критики со стороны благотворительной организации «Христианская помощь». Глава организации Джон Джексон сказал: «В своей основе это просто глупость. Если его вещи должны вызывать шок, он достиг своей цели. По-моему, безвкусно делать голод темой модного показа».[490] Впрочем, большинство отзывов были восторженными. По мнению Иена Р. Уэбба из The Times, коллекция Маккуина стала кульминацией Лондонской недели моды. «Изысканные, расшитые бисером платья «века джаза» с бахромой выглядели особенно утонченными, как и прозрачные платья в обтяжку, вышитые вишневым цветом и кружащими китайскими драконами, – писал он. – Так же выглядели и его дурно сшитые брючные костюмы из розовой парчи с белыми матовыми блестками. Правда, Маккуин не сумел преодолеть своей склонности к анархии и потому

разрезал их застежками-молниями или полил яркими полосами краски».[491] Тамсин Бланчард из Independent назвала «Куклу» «самой совершенной на сегодняшний день коллекцией Маккуина».

Весь лондонский модный мир словно получил второе дыхание благодаря творческому гению Хуссейна Чалаяна, Антонио Берарди, «Клементс Рибейро» «и прежде всего Александра Маккуина», чьи вещи оказались и комфортными, и желанными. «Все его парчовые брюки, грязно-розовые прилегающие комбинезоны и все вечерние платья, скроенные по косой, совершенны до последнего стежка, – писала она. – Изящное, простое сетчатое платье, расшитое драконами, блестящий, острый цвета морской волны брючный костюм, скроенное по косой платье с поездом, выезжающим в темную рябь воды… Такая коллекция ни у кого не оставила сомнения в том, что дизайнер может возглавить дом высокой моды и вдохнуть в него новую жизнь».

В зрительном зале находились два представителя LVMH, французского многонационального конгломерата по производству предметов роскоши, владеющего модными домами Dior и Givenchy. Необычайный дар Маккуина «не мог не произвести на них впечатления».[492]

Все лето 1996 года ходили слухи о возможных переменах в доме Givenchy. В июле Джанфранко Ферре объявил, что уходит из дома Dior. Его уход открыл целый ряд соблазнительных возможностей. Сначала решили, что место главного модельера займет Вивьен Вествуд, и она вынуждена была отрицать слухи. В прессе упоминались и другие имена – Марк Джейкобс, Мартин Маргиела, Жан Поль Готье и Кристиан Лакруа. Когда Маккуина спросили, займет ли он этот пост, если ему предложат, он ответил: «Для меня в Париже существует только один дом – Yves Saint Laurent.[493] Джойс Маккуин назвала возможность для сына возглавить парижский дом моды «волшебной сказкой», в то время как сам Ли говорил о высокой моде: «Там ваши мечты о жизни в моде становятся явью».[494] В интервью газете «Фигаро» глава LVMH Бернар Арно рассказал, что он ищет: «Мне нужна современная креативность в духе самого Кристиана Диора».[495]

В конце лета Бернар Арно предложил пост главного модельера Джону Гальяно, что, в свою очередь, означало освободившуюся вакансию в почтенном модном доме, основанном в 1952 году графом Юбером Таффеном де Живанши. Живанши, который прославился тем, что одевал Одри Хепберн, был известен элегантностью и утонченным кроем своих вещей. По мнению автора «Справочника Макдауэлла о моде XX века»,

которым зачитывался Маккуин, Живанши – «дизайнер на все времена, который, без трюков и вульгарности, создает одежду в великих традициях высокой моды».[496] Пойдет ли Маккуин к Живанши? Когда в конце сентября к дизайнеру обратилась с этим вопросом Констанс Уайт из «Нью-Йорк таймс», он ответил: «Я ничего не могу сказать».[497] Он лишь предложил ей подождать 14 октября. Представители LVMH связались с Маккуином в сентябре, но, как вспоминает Сара Бертон, «Ли боялся, что ему предложат разрабатывать дизайн сумок для Виттона».[498] Предложение стать художественным директором в доме Givenchy до такой степени выбило его из колеи, что ему пришлось пойти в туалет. «Я слышал, после того, как они ему позвонили, он положил трубку, его прослабило, а потом он вернулся к телефону», – говорит Эндрю Гроувз.[499] «Первым делом он позвонил мне из туалета, – вспоминает Меррей. – Он сказал: «Мне предложили работу в Париже. Если я соглашусь, ты поедешь со мной?» – «Да, конечно, почему бы нет?» – ответил я».[500]

Маккуин испытывал двойственные чувства относительно работы и, что для него необычно, спрашивал мнение друзей и знакомых. Элис Смит уговаривала его отказаться от предложения; она считала, что он не справится с парижским аристократическим высокомерием. Изабелла Блоу, которая надеялась, что Ли возьмет ее к себе консультантом, советовала принять предложение.

В конце концов Ли согласился, и из LVMH ему прислали черновой договор. В начале октября Детмар Блоу позвонил своему бухгалтеру Джону Бэнксу, так как знал, что тот говорит по-французски, и попросил его просмотреть бумаги. Ли и Джон договорились по телефону, что бухгалтер приедет из Глостершира, где он жил, в студию на Хокстон-сквер. Однако 8 октября, когда Джон приехал в Шордич, ему сказали, что Ли уже спит. Потом Маккуин все же вышел к нему и сказал: хотя на следующий день должен лететь в Париж, чтобы подписать контракт, он решил отказаться от места.

И тут в студии зазвонил телефон – с ним связался один из представителей дома Givenchy. Ли не знал, что делать. Маккуин передал трубку Джону, который сказал представителю Givenchy, что перезвонит ему через полчаса. Затем они с Маккуином начали обсуждать ситуацию. По словам Маккуина, его не устраивали деньги – предложенная сумма казалась ему слишком маленькой. «Кажется, они обещали что-то около 300 тысяч фунтов в год, – вспоминает Джон. – Ли хотел больше. Я спросил: «Сколько – 400 тысяч фунтов?» Нет, еще больше. 500 тысяч? Нет, пятьсот – это слишком много. Поэтому мы остановились на сумме, примерно равной 450 тысячам фунтов. Кроме того, Ли сказал, что в

Givenchy его просят подписать трехлетний контракт, он же хочет сократить этот срок до двух лет. Поэтому я позвонил в Париж и сказал: «Вот чего хочет Ли. Если вы не пойдете на его условия, завтра он никуда не полетит». Собеседник вынужден был отойти и посоветоваться с месье Арно; примерно через полчаса он перезвонил и сказал, что они согласны. А еще он спросил, уполномочен ли я говорить от имени Ли. Я передал вопрос Ли, и он ответил утвердительно. Я повесил трубку и сказал, что все решено. И тут-то Ли меня огорошил: пожелал, чтобы назавтра я летел с ним».

Джону пришлось съездить домой в Глостершир за паспортом; он вернулся в Лондон на поезде на следующее утро. В Суиндоне он купил выпуск The Times и, едва развернув газету, прочел: «Французская мода поручает дизайн британцам», а ниже – рассказ о том, как Маккуину предложили работу в Givenchy. «Не знаю, осознавали ли они, насколько неправильно истолковали происходящее; очевидно, статью отдали в набор до того, как я переговорил с Ли», – вспоминал Джон.

9 октября Ли встретился с Джоном на вокзале Ватерлоо, у платформы «Евростар». Они должны были утренним поездом отправиться в Париж. В путешествии их сопровождала Изабелла Блоу, которая ехала вторым классом. Она прибыла на вокзал с шестью или семью шляпными коробками и парой чемоданов. Пока Ли и Джон разбирались в условиях контракта, Изабелла бродила по вагонам и искала знакомых, которые тоже ехали в Париж: шла Неделя моды, и она надеялась, что в поезде окажутся другие дизайнеры или модели, с которыми можно поговорить по пути. Минут через двадцать Изабелла вернулась с молодой моделью; они разделись до нижнего белья и поменялись одеждой. Им казалось, что они ведут себя очень остроумно, но Маккуину их выходка совсем не понравилась. «Она меня достает», – негромко пожаловался он Джону.

Дом Givenchy прислал за ними машину на Северный вокзал. Но поскольку багаж Изабеллы, состоявший из шляпных картонок и чемоданов, не помещался в багажник, пришлось заказать для вещей такси.

«Мы приехали в Givenchy и пообедали с финансовым директором, – вспоминает Джон. – Помню, Ли вел себя довольно тихо; говорила почти одна Изабелла. Потом она ушла, так как остановилась на квартире. Ли отправился к мсье Арно, а я пошел в юридический отдел. Вдруг позвонила Изабелла; она сообщила, что вышла на лестницу, нечаянно захлопнула дверь и теперь не может попасть в квартиру. Givenchy пришлось искать для нее слесаря. Мы просматривали документы вместе с Ли и юристами,

когда в комнату ворвалась Изабелла в причудливой шляпке, из проволоки и бус». Наконец, уже под вечер, Маккуин подписал контракт, и Джон поспешил на обратный поезд, а Изабелла и Ли отпраздновали новое назначение икрой, которую обильно запивали водкой и шампанским.[501] С тех пор в Париже Маккуину больше не нужно было ездить на метро или ловить такси; в Givenchy ему выделили «мерседес» с шофером.

Маккуин остался в Париже смотреть показы. В ту ночь, подписав контракт, Ли, одетый в костюм и кроссовки, вместе с Изабеллой пошел в «Мулен Руж», где встретился с Рифатом Эзбеком и Анн Демельмейстер, чьи простые платья джерси были представлены вереницей андрогинных моделей. 10 октября Ли сидел в первом ряду на показе Кристиана Лакруа, «мастера французской эксцентричной одежды», который, по слухам, ранее, летом, отказался работать в Givenchy. Находясь в Париже, Маккуин дал интервью Хилари Александр из Daily Telegraph, которая назвала его «растрепанным, небритым неряхой в странном наряде, который показался мне пижамой, но оказался рубашкой Comme des Garçons и «боснийскими» армейскими штанами». Ли говорил о своем восхищении председателем LVMH. «Арно человек необычайного дара предвидения… Он видел все мои показы в записи и знает, к чему я стремлюсь, лучше большинства журналистов. А еще он на 120 процентов за креативность. Иначе меня бы здесь не было». Маккуин понимал, что его нагрузка резко возрастет – ему предстояло производить четыре коллекции в год для дома Givenchy (две коллекции одежды от-кутюр и две – одежды для массового спроса) плюс делать два показа в год для коллекций одежды, которую он выпускал под собственной маркой. По его словам, он отнюдь не был «потрясен». Он достиг определенного уровня зрелости и понимает, что подходит для той или иной целевой группы. «Конечно, я не собираюсь показывать бамстеры на авеню Георга V [где находилось ателье Givenchy. – *Э. У.*]. Возможно, я и сумасшедший по общему мнению, но голова у меня на месте – и прикручена накрепко».[502]

Прежде чем Джон Бэнкс, который следующие четыре года проработал бухгалтером Маккуина, уехал из Глостершира в Париж, Детмар Блоу посоветовал ему добиться для Изабеллы «своей доли» от сделки.[503] В самом деле, 1 ноября в The Times объявили, что Изабелла получила работу у своего друга: она занималась подготовкой рекламных кампаний для Givenchy.[504]

«Изабелла действительно просила дать ей какую-то роль в ходе переговоров с Givenchy, но речь шла вовсе не о том, чтобы она тоже работала на Givenchy. Она хотела работать на Ли», –

уверяет Джон.[505] Когда Джон Бэнкс осторожно спросил Маккуина, в чем заключается роль Изабеллы, тот, по словам Бэнкса, ответил: «Нас с Иззи объединяют не деньги».[506]

Изабелла давно продумала, какого рода работу она могла бы выполнять у Givenchy – служить музой Маккуину. Кроме того, она хотела открыть салон, «как в восемнадцатом веке», или похожий на «Фабрику» Уорхола.[507] По словам Детмара, Изабелла «страшно расстроилась», узнав, что Маккуин не включил ее в свои планы. По мнению Детмара, его решение граничило с предательством. «Все советовали Иззи не принимать случившееся близко к сердцу, – вспоминает Детмар. – Но она была безутешна, и ничто не могло убедить ее в обратном. А хуже всего то, что Иззи не хотела с ним расставаться, потому что уже не могла без Маккуина. Ей не хотелось лишаться его вещей».[508]

В одном интервью Изабелла, выпив несколько бокалов шампанского, объявила: в будущем она потребует платы за свою роль музы. «Когда Александр использует в своих коллекциях мои идеи – а он их использует, – платят не мне, а ему», – сказала она.[509] «С ее стороны имела место некоторая неприязнь, застарелая вражда», – сказал режиссер Джон Мейбери, который дружил и с Ли, и с Изабеллой. По существу, Маккуин был «довольно прагматичным… лучше не впутывать человека слабого и непредсказуемого в такое положение, которое способно его раздавить».[510]

Дафни Гиннесс, светская львица, дружившая и с Ли, и с Изабеллой, уверена: хотя Изабеллу ужасно ранил отказ Givenchy выделить ей хоть какую-то роль, она склонна была обвинять во всем не Маккуина, а французов. «Она уверяла, что он ни при чем. Она больше обиделась на систему. У нее было прочное положение – как у Аманды Харлек при Джоне Гальяно, но им не хватило фантазии взять ее на работу. Я знаю от него, что он старался укрепить свое положение. Помимо того он еще, по-моему, пытался приучить Изабеллу к ответственности».[511] Кроме того, Маккуину очень нужно было, чтобы его окружали люди, которые не играли у него на нервах. Он хотел опираться на надежных помощников, не склонных к капризам.

Новость о назначении Маккуина арт-директором дома Givenchy была встречена британской прессой с изумлением. Он не только был довольно молод и неопытен – в двадцать семь лет он создал всего восемь коллекций, – но, в противовес рафинированному и изысканному дому Givenchy, он был «самопровозглашенным молокососом из Ист-Энда». Автор статьи в Guardian, озаглавленной «Бык в модной лавке», писал, что Маккуин «скорее головорез из Ист-Энда, чем кутюрье».

Журналист Сюзанна Френкел взяла интервью у его бывшей наставницы Луизы Уилсон, которая назвала Маккуина «творческим гением» и особо подчеркнула его выдающиеся навыки закройщика. Однако другие представители индустрии моды выразили «сомнения, беспокоясь, что Маккуин и Гальяно» просто «пешки в изощренном рекламном трюке».[512]

Проведя несколько дней в Париже, Маккуин поездом вернулся в Лондон. 21 октября он пошел на открытие нового магазина Valentino на Слоун-стрит; на фотографии, сделанной Давидом Джонсом, можно увидеть необычайно счастливого Ли, который стоит рядом с Мерреем Артуром. После открытия пара вернулась в «Супернова Хайтс», дом Лиама Галлахера на Стилз-Роуд, в районе Белсайз-Парк. «Ну и ночка была», – вспоминал Меррей.[513] На следующий вечер они посетили церемонию British Fashion Awards в Ройял-Алберт-Холле, где Маккуина впервые назвали лучшим британским дизайнером года. «Я никогда не думал, насколько важно получить признание от коллег, но, когда это наконец происходит, это оправдывает все», – сказал Ли, получив награду.[514]

Некоторые дизайнеры с изумлением узнали новость; они считали, что Маккуина сильно переоценивают. Сэр Харди Эмис, побывавший на церемонии награждения – «большей безвкусицы в жизни не видел», – сказал, что недавние назначения его напугали. «В Christian Dior взяли Джона Гальяно, а в Givenchy – того, второго гопника… Они попали в ловушку, в которую заманил их Париж. Парижу нужна шумиха, нужна реклама, чтобы продавать больше духов. Не знаю никого, кто носил бы их вещи, – правда, я больше не танцую в ночных клубах».[515] Один анонимный студент или преподаватель из колледжа Святого Мартина выразил свое мнение в приписке к газетной вырезке, которая сохранилась в библиотеке колледжа. «Судя по тому, что я помню о нем, невозможно представить, что он так далеко зашел! Он казался по-настоящему тронутым, – написал аноним рядом с интервью с Маккуином в Independent on Sunday. – По-моему, это все надувательство!»[516]

Ли едва ли представлял себе, как контракт с Givenchy изменит его жизнь. «Мне казалось, что я до того психовал, потому что не мог себя прокормить, а потом на меня все свалилось разом», – говорил он о неожиданно свалившемся на него богатстве.[517] Отец когда-то советовал Ли: если тот хочет торговать одеждой, пусть устроится в палатку на рынке. По слухам, когда его взяли в Givenchy, Ли явился к отцу и сказал: «Вот как надо торговать одеждой».[518] На первые деньги, полученные в Givenchy, Ли наконец отдал долг тетке Рене,

которая шесть лет назад оплатила его учебу в колледже Святого Мартина.

Вернувшись в Лондон, Маккуин начал собирать тех, кого хотел взять с собой в Париж. В его команду входили Кэти Ингланд, Трино Веркаде, Саймон Костин, Сэм Гейнсбери, Сара Бертон, Шон Лин, осветитель Саймон Шодуа, Себастьян Понс и ассистент Кэтрин Брикхилл. «Я выбрал их потому, что каждый из них по-своему уникален. Они – лучшие в своих областях, – сказал он. – Наша работа похожа на суфле: если ингредиенты некачественные, выйдет дрянь; но если все как надо, суфле замечательно поднимется».[519] Кроме того, Маккуин предусмотрел место для своего бойфренда, Меррея. «Через несколько дней он предложил: «Переходи работать ко мне», – вспоминает Меррей. – В четверг я вышел на работу и предупредил, что в субботу ухожу. Так как в колледже я изучал бизнес, Ли считал, что я могу вести бухучет. Кроме того, я помогал с пиаром и делал все, что придется».[520] Когда Маккуин и его сотрудники прибыли в Париж, один французский журналист назвал их «подкидышами», что в то время их немного обидело. «Но, по здравом размышлении, мы такими и были, – сказала Кэтрин Брикхилл, – мы разгуливали в отбеленных джинсах и топах на молнии, что воспринималось как глубокое презрение к модному дому».[521]

После того как Ли съехал от родителей, он успел пожить в нескольких сквотах и студиях. Кроме того, он снимал квартиры или жил у друзей; он часто переезжал с места на место, потому что владельцы затевали ремонт, продавали квартиры или хотели жить там сами. Разбогатев, он мечтал о собственном доме, где чувствовал бы себя в безопасности. В самом начале поисков дома на севере Лондона с ним связались представители газеты Independent on Sunday. Его попросили дать интервью для регулярной колонки «Идеальные дома». Интервью появилось в начале ноября 1996 года. Маккуин заявил, что его идеальное жилище должно находиться в уединенном месте, например в Испании, на склоне холма, с видом на море. «Меня влечет к морю, потому что моя планета – Нептун, а я – Рыбы по знаку зодиака», – сказал он. Из необходимых удобств он назвал хотя бы один диско-бар по соседству, предпочтительно для геев, и супермаркет, где продают белковую пасту «Мармайт», печеную фасоль и белужью икру. Дом его мечты должен походить на часовню Ле Корбюзье в Роншане. «Кроме того, в моем доме должна быть стеклянная крыша, чтобы я, лежа в постели, задирал голову и видел звезды. Очень приятно смотреть на звезды с любимым человеком». В доме должно быть пять спален; стены в

нем из трехдюймовой стали, так что «даже в случае атомной войны он не взлетит на воздух». В доме должно быть три санузла; в одном он разместил утопленную ванну. «Мне представляется обстановка готической темницы; такая ванна также служит сауной и комнатой для сексуальных игр… Для поддержания атмосферы я бы поместил туда несколько ремней и ошейников и запустил крыс. Звукоизоляция станет большим плюсом». Для гостиной он придумал стеклянный стол и стулья, подвешенные к потолку, «парящие над полом, чтобы ноги не касались земли». Кроме того, в своих мечтах он представлял в полу гостиной пруд с рыбками в форме восьмерки. Через него должны быть перекинуты мостики. Кухню Маккуин хотел из нержавеющей стали и гранита; он сообщил, что любит готовить, но терпеть не может мыть посуду, поэтому ему нужна либо встроенная посудомоечная машина, либо он наймет «цыганскую семью», которая этим займется. В идеале он не хотел бы иметь соседей; дом его мечты окружает огромный парк на 200 квадратных миль. Он не станет стричь газон и подравнивать деревья. Над дверью он бы повесил девиз: «Входите на свой страх и риск».[522]

Майра, его соседка по квартире, очень расстроилась, узнав, что он съезжает с Хокстон-сквер, но помогала ему в поиске дома. Друзья посмотрели всего два, прежде чем Ли понравился трехэтажный дом в георгианском стиле, последний в ряду ленточной застройки. Дом находился в Ислингтоне, по адресу Коулмен-Филдз, 9. «Я сказала: «Ли, ты посмотрел всего два дома». Мне не очень понравился тот, который он выбрал. Но он сказал: «Нет, я его покупаю».[523] Маккуин оформил покупку 17 декабря 1996 года; он заплатил за дом 260 тысяч фунтов и еще много тысяч истратил на ремонт. Хотя его мечта о прудике с рыбками в гостиной не воплотилась в жизнь, он заказал аквариум, который должны были встроить в стену столовой.

Конец 1996 и начало 1997 года стали для Маккуина сложным периодом. Он подписал контракт с Givenchy в середине октября, и у него оставалось всего одиннадцать недель для подготовки к первому показу коллекции от-кутюр, который был намечен на январь. Маккуин и его команда постоянно перемещались из Лондона в Париж, где они обитали в четырехкомнатной квартире возле площади Вогезов. «Во-первых, квартира была пустовата; ее только что покрасили и отремонтировали, – вспоминает Кэтрин Брикхилл. – Помню, он все предлагал купить большую банку красной краски и расплескать ее по всей квартире».[524] На деньги, полученные от Givenchy, Ли смог также запустить свою линию одежды. Перемены начались с переезда на новое место, в студию на Ривингтон-стрит, за углом от Хокстон-сквер. Один

обозреватель назвал ее «лагерем под девизом «Герои сериала «Молодежь» встречаются с противниками дорожного строительства»… Вместо занавески на одном окне приколота рваная тряпка. Посреди комнаты стоит заляпанный краской манекен, увешанный старыми газетами. На стене висит стенд, к которому приколоты фотографии моделей в диапазоне от Ясмин Ле Бон до каких-то молодых женщин, по сравнению с которыми Карен Элсон кажется красоткой с коробки шоколадных конфет». [525] Сара Бертон, которая ради работы у Маккуина отказалась от места у Кальвина Кляйна, вспоминает: перед тем как Ли приступил к работе в Givenchy, у них был всего один стол для раскроя ткани, который раньше принадлежал BodyMap и Flyte Ostell, «а стулья были низкими, и приходилось тянуться… Когда Ли попал в Givenchy, мы получили стулья, которые доставали до стола. И он очень радовался. Он понял, что теперь, с деньгами, он сможет делать то, чего никогда не делал раньше». [526]

Ли не собирался учить французский язык, но надеялся, что сумеет общаться с «маленькими помощниками» в ателье при помощи мимики и жестов. «Помню, я был с ним в примерочной, и он попросил парня ушить плечо, «un petit pois», «на горошинку», – говорит Саймон Англесс. [527] Ли показал ему первые вещи для коллекции от-кутюр, но Саймону они показались никуда не годными, и он попросил его начать все сначала. «Нельзя ожидать, что Александр Маккуин займет пост – и сразу же создаст шедевр на уровне заранее нарезанного хлеба», – ответил Ли. [528]

Методы работы Маккуина ошеломили старых сотрудников Givenchy. «Наш дом владеет замечательной технологией, но она строго классическая, – говорил Ришар Лагард, старший закройщик в Givenchy. – Мы не привыкли к потрясениям, нам пришлось полностью изменить стиль работы». [529]

В декабре Ли и Меррей решили отдохнуть от подготовки к показу и съездили в Нью-Йорк на гала-представление Института костюма при Метрополитен-музее, посвященное 50-летию основания дома Dior. В тот вечер за ужином они беседовали с принцессой Дианой, на которой было платье из темно-синего шелка от Dior, созданное Джоном Гальяно, которое, как сказал Меррей, было «похоже на ночнушку». До отлета, в аэропорту Хитроу, Ли и Меррей решили заказать устрицы. Маккуин съел одну и тут же объявил, что они несвежие, но Меррей прикончил все и запил их двумя бокалами шампанского. За ужином в Метрополитен-музее Меррею стало нехорошо; когда они приехали в отель, вновь открытый «Сохо Гранд», ему пришлось запереться в ванной. На следующий вечер Маккуина пригласили на ужин Дэвид Боуи и его жена Иман; поскольку его бойфренд

плохо себя чувствовал и не смог пойти, Ли взял с собой свою ассистентку Трино Веркаде. «На следующий день Дэвид позвонил в отель и пригласил меня к себе; я приехал к нему домой и увидел, что он заворачивает рождественские подарки, – вспоминает Меррей. – Он сделал мне две чашки черного кофе и показал произведение искусства, шар, который катался по полу». [530] Боуи рассказал, что «вещи Маккуина произвели на него такое впечатление, что он выхватил чековую книжку, собираясь купить их все».[531] На Манхэттене Меррей и Ли встретились с Шоном Лином; на фотографиях, сделанных в то время, можно увидеть трех друзей в пальто; они стоят у катка на Рокфеллер-Плаза и улыбаются в объектив.

Вернувшись в Париж, Маккуин продолжил работать над коллекцией от-кутюр. Мотивами для коллекции послужили и белый с золотом логотип Givenchy, и миф о Ясоне и аргонавтах, которые отправились за золотым руном. За две недели до показа французский фотограф Анн Денё начала снимать процесс за кулисами, документируя Маккуина за работой. Их сотрудничество продолжалось в течение следующих тринадцати лет. Денё и раньше работала в Givenchy, снимая то, что происходит за кулисами у Гальяно, – ей, по ее словам, нравились «рисовка, безумие и необузданный романтизм Гальяно», и она боялась, что «не поймет Ли». Как оказалось, она ошибалась. До того как они познакомились, ей передали папку с фотографиями коллекции «Кукла» и его биографию. Прочитав ее, она закрыла папку и «произнесла два слова, которые будут всплывать снова и снова: «Сила и хрупкость. Две крайности; будет нелегко».[532]

При первой встрече Анн поняла, что Ли, как и она, очень застенчив. «Когда встречаются два стеснительных человека, они почти не разговаривают, – сказала она. – Они смотрят на свою обувь».[533] Денё вспоминает, как 18 января 1997 года, поздно ночью накануне показа модель Ева Херцигова пришла на последнюю примерку. Стоило Ли посмотреть на нее в костюме, как он сразу понял: что-то не так. «Он ходил вокруг нее, как зверь в клетке, опускался на колени, вставал, отходил на два шага назад, вперед, снова назад… Ненадолго застыл, а потом крикнул: «Ножницы!» – и начал резать. Отлетел один рукав, потом второй». [534] После примерки дизайнер и фотограф выкурили одну сигарету на двоих, и Маккуин спросил, что она думает о коллекции. Анн ответила: одни вещи ей нравятся, а другие нет. Ли заметил: «Да, ты права, это дерьмо, я провалился». Анн пыталась его успокоить – все хорошо, не стоит так себя принижать. Ей просто казалось, что часть коллекции не закончена. «Все уже готово, – ответил Ли. – Слишком поздно».[535]

Ли вернулся в квартиру, которую Эрик Ланюи, тогдашний руководитель пресс-службы Givenchy, назвал «типичной квартирой молодого английского рокера: повсюду банки из-под пива, миски с чипсами, пепельницы, полные окурков сигарет и косяков»,[536] – где он и его небольшая команда позволили себе выпить, и не немного. «Мы веселились: нацепили туфли [с показа. – *Э. У.*] и расхаживали в них по дому, – вспоминал Меррей. – На следующий день у всех болела голова с похмелья».[537]

19 января 1997 года, в день показа первой коллекции Маккуина для Givenchy, атмосфера за кулисами в Школе изящных искусств, где когда-то учился сам Юбер де Живанши, накалилась до предела. Наоми Кэмпбелл нужно было приделать пару бараньих рогов, которые выкрасили в золотой цвет; рога доставили из поместья «Хиллз», и они были особенно «ветвистыми».[538] Другой модели тоже пришлось несладко: ей в нос вставили большое бычье кольцо, тоже выкрашенное в золотой цвет. Модель Джоди Кидд вспоминает: «Нас всех неимоверно затянули в корсеты, и клянусь, мне казалось, что у меня вот-вот случится инфаркт, так я нервничала. Я вообще не могла дышать, а он [Ли. – *Э. У.*] пыхтел как паровоз». Кэтрин Брикхилл вспоминает, каким тесным казалось пространство; модели, стилисты, парикмахеры и гримеры «носились как сумасшедшие». По ее словам, Маккуин «подошел к Еве Херциговой, разрезал кружева на ее корсете и сказал: «Ах ты сука, мать твою» – и буквально поволок ее на сцену, так как объявили ее выход. Она была в слезах. По-моему, до тех пор с ней никто так не обращался».[539]

На показе, который начался с часовой задержкой, главная роль была отведена Маркусу Шенкенбергу, тогда самому высокооплачиваемому мужчине-модели в мире, который играл Икара. Майра полила его из баллончика золотой пылью; на нем не было ничего, кроме огромных крыльев и набедренной повязки. Шенкенберг наблюдал за происходящим с каменного балкона на карнизе. В первом ряду сидели редактор американского Vogue Анна Винтур, Хэмиш Боулз, дизайнер Аззедин Алайя, немецкий фотограф Петер Линдберг, Изабелла Блоу в черной шляпке в виде спутниковой тарелки и Джойс Маккуин в клетчатом костюме от Evans. Отзывы оказались неоднозначными. Изабелла Блоу аплодировала каждому новому костюму – Джоди Кидд, одетой в белое атласное пальто с громадным шлейфом поверх золотого трико; модели, похожей на Марию Каллас (намек на Каллас в роли Медеи из фильма Пазолини) в белом платье и с прической, которую один обозреватель назвал «черным мыльным пузырем»;

и бесчисленным моделям с оголенными и позолоченными сосками. Но многие зрители были далеко не в восторге от того, что они увидели на подиуме. «Модные дамы… казалось, пришли в замешательство от простого избытка молодой жизненной силы, которая проходила перед ними в скандальных одеяниях, – писал Хилтон Алс из «Нью-йоркера». – Очевидно, современность обходила их стороной». Один французский журналист, пишущий о моде, шептал: «О-ля-ля! Если он продолжит в том же духе, он их потеряет», – а другой ответил: «Катастрофа. Точка».[540]

Маккуин получил положительные отклики от Хилари Александр из Daily Telegraph, Сюзанны Френкел из Guardian и Мими Спенсер из «Ивнинг стандард», но другие оказались не такими добрыми. «Нельзя приехать в Париж, конкурировать с Valentino и Chanel… и ожидать, что в двадцать семь лет превзойдешь их, – писала Лиз Тилбериз, главный редактор американского издания Harper's Bazaar. – Показать такое в Лондоне нормально и приемлемо, но все выглядело слишком вторично, и покрой был совсем не таким, как следует».[541] Колин Макдауэлл из Sunday Times разругал коллекцию, назвав ее «скучной» и «безнадежно немодной». Более того, он написал: «… все происходящее больше напоминало кастинг для «Восхождения на гору Олимп». Не хватало только Кеннета Уильямса, чтобы дополнить картину лагеря с золотыми нагрудниками, бараньими головами и бесконечным белым цветом. По всем параметрам это было не лучшее шоу Маккуина». Его совет Маккуину был прост: «Избавьтесь от ваших стилистов и декораторов – они портят вам всю игру – и воздержитесь от искушения прикрыться своей молодостью. Иву Сен-Лорану был всего двадцать один год, когда он возглавил дом Dior».[542] Французская пресса накинулась на Маккуина еще безжалостнее. Журнал Le Nouvel Observateur напал на него за его внешний вид: «…несвежая рубашка расстегнута на шее; ему бы очень пошла банка пива в руке. И стрижка – как у фаната футбольного клуба «Ливерпуль»… По сравнению с ним публика, которая приходит на концерт AC/DC, кажется образцом высокой моды».[543]

Маккуин понимал, что мог бы выступить и лучше. Вместо праздничной вечеринки Ли выпил чашку чая с матерью и вернулся на квартиру с Мерреем. «У меня был всего месяц на пошив и отделку, – сказал он позже. – В Париже нас многие ругали, из-за чего я в чем-то больше обиделся, потому что не мог на них повлиять. Но ведь там я работаю не на себя, поэтому я не могу встать в боевую стойку и сказать: «Мне плевать на то, что вы думаете, поэтому мы сделали вот так, я так вижу, это была коллекция Маккуина». Все повторяют как попугаи: «Это не от-

кутюр, а полная дрянь». Но и домам высокой моды важно находить новых клиентов, что трудно сделать, когда пресса твердит, что Анна Басс это не наденет». Он имел в виду светскую львицу и филантропа с Манхэттена, которая регулярно тратила сотни тысяч долларов на вещи от-кутюр. «Разумеется, я бы все равно ни за что не стал одевать Анну Басс». По его словам, его новыми идеальными клиентками были женщины вроде Кортни Лав и Мадонны.[544]

Утром после показа Маккуин дал целый ряд интервью. Некоторые вопросы показались ему оскорбительными. Один французский журналист спросил, какой, по его мнению, будет мода в 2000 году. «Какая чушь! – воскликнул он. – Полное дерьмо. Понимаете, я шью одежду. Я не предсказатель», – ответил он. Другой интервьюер спросил: поскольку известно, что он любит затягивать моделей в корсеты, что он думает о стягивании мужских гениталий. Услышав это, Ли расхохотался. В тот день у него было назначено четыре встречи, одна из них с принцессой из Саудовской Аравии, которая просила сшить ей свадебное платье. «Я побаиваюсь, потому что могу быть только собой, а высокая мода – не для среднего человека с улицы. Она для тех, кто способен заплатить за платье 20 тысяч фунтов». Он понимал, что ограничение – один из секретов успеха. «Структура и искусность – вот что такое высокая мода, – говорил он. – Я не хочу покрывать вышивкой все, что вижу, или возиться с горами тюля. В наше время такое неуместно. Высокую моду необходимо перенести в двадцать первый век».[545]

Первый неудачный показ для Givenchy причинил ему боль и доставил немало неприятных переживаний, но он старался держаться и думал о будущем. «По-моему, мода не способна лечить рак, СПИД, да и любую болезнь, кстати, – сказал он. – В конце концов, это всего лишь одежда».[546]

Глава 8

Знаете, всех нас без труда
можно сбросить со счетов.

Ли Маккуин

1 декабря 1996 года замок Хедингем в Эссексе стал местом проведения необычайной фотосессии. В здании инсценировали пожар; на фоне языков пламени, которые как будто лизали стены каменной крепости XII века, Ли Маккуин и Изабелла Блоу позировали для американского фотографа Дэвида Лашапеля. Получившиеся снимки до сих пор потрясают воображение: Ли, в черном корсете, пышной юбке цвета охры и длинных красных кожаных перчатках, держит в руке пылающий факел, раскрыв рот в крике. Изабелла, в красивом платье ципао бледно-розового цвета с воротником-трубой и в красной ромбовидной шляпе от Филипа Трейси, стоит на одной ноге, ухватившись за юбку Маккуина. На заднем плане встал на дыбы боевой конь, рядом с которым лежит мертвый или раненый рыцарь в доспехах. Справа на лужайке виден человеческий череп, который намекает на зверства, совершенные в прошлом, и служит предзнаменованием для трагедий будущего.

Снимок был заказан журналом Vanity Fair для специального репортажа на двадцати пяти страницах «Лондон снова зажигает». Журнал, поместивший на обложке изображение Лиама Галлахера и Пэтси Кенсит, лежащих на флаге Великобритании, исследовал явление, получившее название «Крутая Британия» – крепкий коктейль из явного культурного подъема и домыслов массмедиа. «Как в середине шестидесятых, британская столица снова стала новатором в области культуры; она изобилует новыми молодыми кумирами в искусстве, поп-музыке, моде, еде и кино», – утверждалось в репортаже. В дополнение к Маккуину и Блоу, в журнале поместили фотографии и интервью Дэмьена Херста, Джоди Кидд, Теренса Конрана, Spice Girls, реставратора Оливера Пейтона, главу Creation Records Алана Макги, Ноэла и Лиама Галлахеров из группы Oasis, редактора журнала Loaded Джеймса Брауна, Деймона Олбарна из группы Blur, Ника Хорнби и Тони Блэра (под чьим руководством Лейбористская партия вскоре, в 1997 году, победит на выборах). «Надежда на то, что принесут перемены, перевешивает страх перемен», – сказал Блэр, который выбрал для кампании песню группы D Ream Things Can Only Get Better («Все будет только лучше»).[547]

Репортаж в Vanity Fair стал ответом на статью Страйкера Макгайра из «Ньюсуик», появившуюся в начале ноября 1996 года. В первой же фразе автор статьи провозглашал Лондон «самым крутым городом на планете» и прославлял недавний триумф «две недели назад, когда крупные парижские модные дома, Givenchy и Dior, решили назначить своими главными кутюрье дерзких молодых дизайнеров из Лондона».[548]

Впервые Макгайр посетил Великобританию в начале восьмидесятых; в 1996 году, когда он приехал снова, разница оказалась ощутимой. «Скучный город с великой историей, плохим отоплением и никудышной едой» изменился до неузнаваемости. Банковский сектор процветал, «Квадратная Миля… так и бурлила энергией», и деньги рекой текли из Лондона в Нью-Йорк; искусство находилось на подъеме, и «некоторые лондонские арт-дилеры и коллекционеры, например, Джей Джоплин и Чарлз Саатчи, популярнее художников, чьи работы они покупают»; архитектура переживала нечто вроде золотого века (неделей раньше «Ньюсуик» поделился планами строительства «гигантского чертова колеса на Темзе», которое теперь называется «Оком Лондона»); компания «Евростар», открывшая сообщение в 1994 году, «привела Европу в самое сердце Лондона; такие клубы, как Ministry of Sound, привлекали молодежь из Европы и из-за ее пределов».[549]

Съемку для Vanity Fair организовала Изабелла Блоу, ставшая внештатным консультантом номера. Хотя владельцы замка Хедингем, супруги Линдзи, нехотя сдавали замок под кино – или фотосъемку, Изабелла и Детмар воспользовались своим знакомством с ними. «По словам Иззи, Ли тогда сказал: «Кто самый дорогой фотограф? Дэвид Лашапель? Вот он-то и будет нас снимать», – вспоминает Детмар. – Иззи его предложение понравилось, рассмешило ее. Это был классический фарс, остроумный, задиристый и достойный. Фотосессию назвали «Поджог дома», что очень подходило по характеру к ним обоим».[550] Изабеллу наверняка привлекало сходство замка Хедингем и средневекового замка во владениях ее предков в Доддингтон-Парке, где она играла в детстве. «Иззи любила забираться на полуразрушенную, заросшую бурьяном башню. Они с сестрами разыгрывали средневековые легенды. Сестры участвовали в ее играх добровольно или принудительно, – писал Детмар. – Башня сформировала средневековую эстетику Иззи».[551] Съемка для нее стала как будто продолжением детских игр, и она пришла в восторг, сообразив, что можно привлечь к съемке Маккуина и нарядить его средневековым трансвеститом. Правда, «Джойс, мать Ли, огорчилась, увидев, что Ли позировал в платье», –

добавляет Детмар.[552]

Кроме того, Изабелла упросила Ли дать интервью Дэвиду Кемпу из Vanity Fair. «Маккуин в то время пользовался повышенным вниманием прессы; он держался высокомерно и не любил давать интервью, – вспоминает Кемп. – Так что я не мог упустить представившуюся возможность».

Интервью началось неудачно. Простуженный Кемп, не подумав, начал беседу так: «Судя по всему, вы из небогатой семьи, поэтому я хотел бы узнать…» – но тут Маккуин его перебил: «Что значит: судя по всему?! Какой снобизм!» Дизайнер вскочил с места и закричал, что не желает говорить с каким-то писакой, который, очевидно, совершенно не разбирается в моде. «Слушайте, я знаю, что я не Эми Спиндлер [модный критик из New York Times. – *Э. У.*]», – ответил Кемп, после чего Маккуин немного оттаял. «Я люблю Эми Спиндлер… Давайте я покажу вам кое-что из того, что показывал ей». Маккуин признался, что и он тоже слегка простужен, «что хотя бы отчасти объясняет его раздражительность», – ответил Кемп, и интервью возобновилось.

Кемп описал Маккуина «парнем, постриженным под бокс, с внушительным животом под свитером и маленькими глазками-пуговками на фоне толстых щек, что делает его, несмотря на грубость, очень милым».[553] Дизайнер рассказал журналисту, что на него влияет все, что его окружает, даже такие зрелища, которые большинство сочло бы противопоказанными для моды. Например, недавно он увидел бродягу с пальто, подвязанным веревкой; под влиянием этого образа он нарисовал силуэт бродяги и придумал пальто с монгольским воротником и манжетами. Разумеется, пальто подвязывалось не веревкой, а поясом. «Я вовсе не издевался над ним, – сказал Ли. – Да и кто бы издевался? Мое пальто стоит 1200 фунтов, его пальто не стоит ничего».[554] В ходе интервью, которое проходило в студии Ли, «неприметном, покрытом граффити здании», Кемп рассказал Маккуину о речи, произнесенной Джоном Мейджором 11 ноября 1996 года на приеме у лорд-мэра.[555] Ближе к концу речи премьер-министр сослался на статью в «Ньюсуик» как на доказательство того, что страна, особенно Лондон, переживает творческий подъем, и добавил: «Наша страна взяла власть на парижских подиумах». Тем самым он явно намекал на новые назначения Гальяно и Маккуина. «Так и сказал? – воскликнул Маккуин. – Вот дубина! Я не его сторонник! Он меня не купил, паршивец! Пошел он! Мать их, это так типично для правительства! Они ничего не делают, чтобы помочь тебе, когда ты барахтаешься, но, когда ты добиваешься успеха, тут же пытаются примазаться! Пошли они все!»[556]

Рождество 1996 года Ли и Меррей Артур провели на Хокстон-сквер, так как в доме в Коулмен-Филдз еще шел ремонт. На Рождество в здании было пусто, но, когда Ли начал готовить, он услышал странные звуки. «Потом дверь холодильника с шумом захлопнулась, – вспоминает Меррей. – Ли подумал, что я вышел из душа и закрыл ее, но я еще находился в душе. Позже мы услышали шаги над головой, и он велел мне посмотреть, что там такое. Мне пришлось выйти черным ходом и подняться по металлической лестнице, но там была кромешная тьма, и я ничего не увидел. Я спустился и сказал, что наверху нет света. Он очень испугался, и мы пошли к священнику на Хокстон-сквер и попросили его изгнать дьявола из квартиры».[557] Кроме того, Ли звонил Майре, которая была у своего бойфренда, и умолял ее вернуться домой. «Все прекрасно знали, что в доме обитают привидения, – сказала она. – Друзья не хотели приходить ко мне; по-моему, Ли действительно что-то слышал. Кто-то что-то видел, например, черную фигуру человека без лица, почти как бумажный силуэт человека. Фигура появлялась в коридоре у туалета. Кроме того, как мы ни старались, нам никак не удавалось согреть помещение. Я потратила целое состояние, но ничто не способно было удержать в доме тепло. Мне говорили, что раньше в здании находился цех по отделке мебели. Рабочие из дома напротив признались: как-то они работали в нашем доме, вышли, а вернувшись, увидели, что все их инструменты, которые они разложили для работы, перепутаны».[558]

В феврале 1997 года Ли и Меррей переехали в новый дом. Пара отправилась за мебелью в SCP, современный магазин в Хокстоне. Они купили дорогие кожаные кресла и диван Мэтью Хилтона, который Меррей тут же заляпал кисло-сладким соусом из китайского ресторана. Кроме того, в антикварном магазине они купили красивую французскую резную деревянную кровать XVII века. «Одну комнату Ли отвел исключительно для своих костюмов», – вспоминает Майра.[559]

Через пять дней после первого показа коллекции Givenchy Маккуину представилась возможность испытать, что значит быть моделью: Рей Кавакубо попросила его пройти по подиуму в показе ее коллекции мужской одежды, которая проводилась в Национальном музее искусств Африки и Океании в Париже. Костюмы – мешковатые брюки из «шотландки» и легкие кремовые пиджаки на ватине – слишком обтягивали немодельную фигуру Маккуина; по словам модного журналиста Стивена Тодда, на нем они выглядели, как куски белого стеганого одеяла. Такие вещи «его не особенно стройнили». Тодду поручили взять у Маккуина интервью для австралийского гей-журнала «Блу», а у Ли было так

мало свободного времени – в тот день он должен был вернуться в Лондон, – что он вынужден был давать интервью за кулисами прямо во время показа. Маккуин, как вспоминает Тодд, был «крайне вежлив, но не от застенчивости, а от природы. Возможно, такое наблюдение покажется кому-то обманчивым, но учтите контекст: он не так долго пробыл у всех на виду, очень стеснялся своей фигуры – он напоминал толстую белую колбасу. Кроме того, ему предстояло выйти в зал, полный критиков, а рядом с ним находилась женщина, которую он считал своим кумиром, – Рей Кавакубо. Он все же выкроил время для разговора со мной, отвечал на мои вопросы подробно, вдумчиво и связно. Он поблагодарил меня за то, что я уделил ему время, а через десять минут уже вышел на подиум».

В том же году они подружились – Стивен работал в Париже, поэтому они встречались всякий раз, как Ли приезжал по работе в столицу Франции. «Он был спокойным, уравновешенным, терпеть не мог ничего делать напоказ, – вспоминает Стивен. – Физически внушительный, он казался грубым, но друзья находили его мягким и нежным. Его внутренняя мягкость показалась мне особенно трогательной. Возможно, сказалось общее происхождение – мы оба из рабочих семей, – но мы сошлись на удивление легко и просто. Правда, мы подружились до того, как он влился в бизнес-круги парижской моды. В те дни мы слонялись по самым злачным гей-барам Парижа, так как у него в Париже, кроме меня, почти не было англоговорящих знакомых.

Ли выделили квартиру возле площади Вогезов; он еще шутил, что обставит ее мебелью из магазина «Икеа», чтобы позлить Арно и его дружков. Конечно, я поддерживал его непочтительное отношение к начальству; возможно, это тоже было связано с нашим рабочим происхождением. Но одновременно я прекрасно понимал, что он может быть собственным злейшим врагом в таких делах. Помню, вскоре после того, как его взяли в Givenchy, я пришел к нему. Он спустился ко мне, ругая ателье, которое находилось на шестом этаже. Сотрудники, по его словам, не желали учиться ничему новому. Он назвал их «армией Арно».[560]

Кроме того, Ли поделился со Стивеном, который в то время писал статью для журнала «Блупринт» о Маккуине и Гальяно, своим мнением, почему его взяли в Givenchy: все дело в рекламе, считал он. «Давай не будем вешать лапшу на уши, одежда от-кутюр плохо продается… Все прекрасно понимают, что модные дома живут продажей духов и прочего дерьма». Как подчеркнул Тодд в своей статье, «Арно рано понял, что, как ни красива высокая мода, основная прибыль поступает от продажи тонн солнечных очков, шарфов, сумочек и духов. А вся эта ерунда

хорошо продается благодаря заметной позиции марки». Кроме того, Тодд брал интервью у Стефани Варнье, профессора и преподавателя коммуникации во Французском институте моды, которая сказала: «Если мы признаем, что почти вся высокая мода связана с тем, чтобы выжать максимум освещения в СМИ – хорошего или плохого, – тогда чем ярче коллекция и презентация, тем лучше. И с этой точки зрения англичане намного лучше».[561]

В феврале 1997 года Пэтси Кенсит попросила Маккуина «быстренько сварганить свадебное платье»[562] для ее предстоящей свадьбы с Лиамом Галлахером, с которым они вместе позировали для обложки Vanity Fair (пара поженилась 7 апреля того же года, но их отношения, как и «Крутая Британия» в целом, оказались недолговечными). Хотя Ли отговаривался занятостью – до марта ему предстояло закончить две коллекции, – он все же пригласил пару на лондонский показ коллекции его бренда. Коллекция, получившая название It's a Jungle Out There («Там, в джунглях»), появилась на основе снимков, которые он рассматривал в журнале «Нэшнл джиографик». «Кажется, он покупал журналы в благотворительном магазине Сью Райдер по пятьдесят пенсов», – вспоминает Саймон Костин, художник-постановщик Маккуина. Особенно Ли тронула статья о газели Томсона. «Бедняжка – эти полосы чудесны, у нее такие черные глаза, белый живот и черные с отметинами полосы на боках, рога, – но она звено в африканской пищевой цепочке, – говорил он. – Как только она рождается, она умирает, то есть ей повезет, если она протянет несколько месяцев. Такой же мне видится человеческая жизнь… Знаешь, от нас всех без труда можно избавиться. Ничто не описывает жизнь лучше животных. А еще я пытался показать скоротечность славы дизайнера в прессе. Вот ты здесь, и вот тебя уже нет. Настоящие джунгли».[563] Кроме того, он сравнил с газелью Томсона самого себя. «Кто-то все время преследует меня, и, если меня догонят, меня столкнут… Мода – это джунгли, полные отвратительных, злобных гиен».[564] Но создания, которых Маккуин выпустил на подиум вечером 27 февраля 1997 года, нельзя было сравнивать с хрупкими, беззащитными жертвами. Его вещи демонстрировали мутанты, гибриды, полуженщины-полугазели, обладавшие звериной грацией. «Главная мысль – что эти гну поедают красивую блондинку, а она пытается освободиться», – сказал он.[565]

Неделя перед показом проходила еще напряженнее обычного. В обязанность Кэти Ингланд, которая вела дневник подготовки, вменялся поиск особенных моделей, как мужчин, так и женщин. Они должны были демонстрировать агрессивность. В пятницу 21

февраля она вызвала нескольких моделей и попросила их пройтись.

«Их походка – это очень важно, – говорила она. – Они должны не только быть красивыми, но и соответствовать одежде… Нам нужны сильные, пробивные девушки. С парнями сложнее; нам не нужны модельные типажи, нам нужны парни странные, грубые, особенные». Она поручила своим помощникам искать моделей даже на улицах. Коллекция мужской одежды прибыла из Италии в воскресенье; накануне показа Кэти и Ли «доводили ее до ума». «Ему нравится представлять, как будут демонстрировать его одежду, потому что, придумывая свои вещи, он рассчитывает на то, что их будут носить», – сказала она. Им приходилось еще мириться с присутствием съемочной группы телевидения – канал Би-би-си снимал документальный фильм под названием Cutting Up Rough («Кроим круто») для сериала «Профессии» – и репортера из журнала Details. «В студии было так душно, что мы с Ли то и дело выходили глотнуть свежего воздуха», – вспоминает Кэти. Внешность мужчин-моделей она разрабатывала вместе с Майрой Чей Гайд; они решили подрисовать всем мужчинам синяки и кровоподтеки с помощью лака для ногтей и подводки для глаз. Кроме того, Кэти услышала, что две модели, Эстер де Йонг и Кэролайн Мэрфи, не смогут участвовать в показе, так как их отобрали для работы в Нью-Йорке. «Но Наоми Кэмпбелл обещала быть… Насчет Кейт Мосс я не уверена», – написала она. В тот день от производителя прибыла половина женской коллекции, но все костюмы оказались мятыми.

Во вторник Кэти записала в дневнике: Кейт Мосс решила не участвовать в показе, так как ей нужно было остаться в Нью-Йорке; кроме того, одежда, которая должна была прибыть к утру, застряла в аэропорту Хитроу. «Стелла Теннант через пять минут должна приехать на примерку, а нам нечего на нее надеть, кроме тех костюмов, которые Ли сделал здесь». В ту ночь Кэти вообще не спала, потому что вечером во вторник «Ли страшно рассердился и решил, что мы больше не можем ждать». Маккуин накричал на Кэти и довел ее до слез, но позже, желая загладить вину, купил ей бриллиант за 400 фунтов. Кэти наняла грузовик и попросила своего бойфренда, фотографа Фила Пойнтера, отвезти ее в Хитроу. Они выехали в 22:30, но коллекцию им отдали только в два часа ночи, то есть в студию она вернулась лишь в четыре утра. В среду, по ее словам, началась «лихорадка». «До полудня я подготовила к показу 60 из 80 женских костюмов», – отметила она. Приехавший из Парижа гример Тополино проверял, как лежит грим, на Кэтрин Брикхилл. Кроме того, буквально в последнюю минуту Кэти наняла двух моделей-

мужчин, в том числе Максима Реалити из группы Prodigy, «того, с серебряными зубами». В ночь перед показом Кэти удалось урвать всего четыре часа сна. «Мы держимся на кофе и сигаретах, – написала она. – И все очень подавлены». К полудню в день показа она еще не закончила приводить коллекцию в рабочее состояние, и Ли был вне себя. Он устраивал последнюю примерку 100 костюмов из коллекции «Там, в джунглях». В тот день прибудут грузовики и увезут коллекцию на место показа на лондонском рынке Боро.[566] Ли выбрал местом проведения рынок к югу от Лондонского моста, потому что ему нравилась тамошняя суматоха. «Приятно знакомить их [околомодную публику. – *Э. У.*] с другим Лондоном, где им страшно и хочется то и дело озираться по сторонам», – говорил он.[567] Маккуин и Саймон Костин хотели воссоздать сцену из триллера 1978 года «Глаза Лауры Марс» с Фэй Данауэй в главной роли, когда героиня фотографирует группу моделей на фоне двух горящих машин. Костин подбирал на свалке подходящие старые машины, а затем разбивал их. Кроме того, дизайнер и художник-постановщик воссоздали декорацию в виде изрешеченного пулями амбара из фильма «Бонни и Клайд»: они светили прожекторами на листы перфорированного рифленого железа. Незадолго до показа Маккуин заручился спонсорской поддержкой American Express. По словам Костина, почти все полученные деньги потратили на охрану. Декорации, которые отделялись от зрительного зала черными занавесями, перед показом требовалось охранять круглосуточно. Само событие, начавшееся с почти двухчасовой задержкой, один обозреватель назвал «картиной городского хаоса… как на подиуме, так и вне его». В толпе, устремившейся ко входу, было несколько студентов колледжа Святого Мартина. Пользуясь суматохой, они ворвались в зал, и один из них бросил в сторону машины бутылку с зажигательной смесью. «Зрители визжали и хлопали, когда грузовик загорелся», – вспоминает журналист Грейс Брэдберри.[568] Зрители решили, что пожар был задуман устроителями. Саймон Костин признался, что у него чуть сердце не остановилось, он уже готовился к неминуемому аду. К счастью, пожар вовремя заметил охранник и быстро потушил его. «Каждый раз я превращаюсь в комок нервов, – говорила мать Ли, Джойс. – Я думаю: зачем я на этот раз пришла сюда?»[569] Она не осталась разочарованной. Из плеч модели вырастали рога; спинка мужского пальто перерастала в голову крокодила. «По-моему, это было совершенно безумно, совершенно безумно – торчащие рога на спине пиджака!»[570]

Сам Маккуин как будто заражался хаотической энергией зрелища; он уверял, что такая энергия особенно присуща

Лондону. «Вот откуда я родом и вот почему столько людей приезжают сюда, – говорил он. – Им не нужна просто вереница платьев – такое они увидят где угодно, в любом уголке мира».[571]

Некоторым влиятельным зрителям происходившее на подиуме совсем не понравилось. «Я прилетел из самой Америки, а увидел только прически, – сказал Андре Леон Телли, тогда редактор европейской версии журнала Vanity Fair. – Пора кому-то – спонсорам или Британскому совету моды – проявить власть и что-нибудь предпринять».[572] Тамсин Бланчард из Independent написала, что показ «потерпел неудачу», а Кэтрин Беттс, заведующая отделом модных новостей американского издания Vogue, которая писала большую статью о Маккуине, призналась, что она «откровенно не в восторге».[573]

Маккуин посвятил коллекцию «Там, в джунглях» своим родителям. Незадолго до того у Рона нашли рак кишечника. «Сейчас все немного трудно, но мы стараемся держаться», – говорила Джойс.[574] Рон резко похудел; он перенес операцию и курс химиотерапии. «Он был маленьким человеком, но настоящим бойцом, – сказала Джанет. – И постепенно пошел на поправку».[575]

После лондонского показа у Маккуина оставалось всего двенадцать дней на то, чтобы внести последние штрихи в первую коллекцию повседневной одежды для Givenchy. Коллекция, показ которой проводился в парижском «Конном зале», в помещении бывшего рынка, где торговали кониной, – там даже был наклонный пол «для стока крови» – вызывала ажиотаж задолго до того, как ее увидели.[576] Редакторы модных журналов сплетничали о том, как громкая музыка на репетициях взбесила крыс в канализации, и в результате обслуживающему персоналу пришлось заварить трубы, чтобы крысы не выбегали оттуда стаями. «Чушь, – ответил один американский журналист, услышав это.[577] – Будь это правдой, Александр Маккуин, наоборот, открыл бы трубы пошире. Он любит, когда вокруг бегают крысы».

Отзывы были в основном благожелательными – Колин Макдауэлл, который раньше критиковал Маккуина, написал, что коллекция, в которой на подиум вышли «неистовствующие женщины в самом непреклонно сексуальном наряде», была представлена «с поразительной убежденностью и уверенностью».[578] Однако самую бурную реакцию вызвали не вещи, а замечание, вскользь брошенное Маккуином в ходе интервью для журнала «Ньюсуик», когда он сравнил своих критиков с нацистами. «Гитлер уничтожил миллионы, потому что не понимал, и то же самое делают со мной – они не понимают

меня», – сказал он.

Кэрол Мэлоун, сотрудница Sunday Mirror, ответила: «Если он не может справиться с собой из-за стрессов, вызванных работой, – в конце концов, речь идет всего лишь о моде – возможно, скоро его увезут с подиума в смирительной рубашке (дизайнерской, конечно) и подарят билет в один конец – в дурдом».[579]

Меррей понял: после тяжелой работы его бойфренду отчаянно нужен перерыв. Ли решил, что они проведут отпуск на Антигуа. Пара полетела первым классом на Барбадос – в полете они беседовали с Полом Смитом, – а оттуда отправились на остров в Карибском море. Они арендовали яхту и отправились в круиз вдоль побережья, но у Меррея началась морская болезнь. Ли читал книги о тропических рыбах и наслаждался чудесами океана. Он впервые нырнул с аквалангом. Маккуин, казалось, чувствовал себя свободнее, освободившись от собственного тела. Его всегда привлекали животные и рыбы; он без труда мог представить, что значит не быть человеком. В одном интервью он рассказывал, какое сильное впечатление на него произвел документальный фильм, в котором ведущая Кэрин Франклин плавала со стаей дельфинов. «Она прямо плакала в камеру, – вспоминал он. – В Северном море ее подняли на борт корабля [ее. – *Э. У.*], дельфины плавали рядом, она разрыдалась и сказала: «Жаль, что я человек, сейчас я не хочу здесь находиться, я хочу быть под водой с этими дельфинами». То место меня очень тронуло».[580]

В последний день отпуска Меррей забыл намазать ноги кремом от загара. По пути домой ноги у него так распухли, что на них не налезали кроссовки. В доме на Коулмен-Филдз Ли ухаживал за бойфрендом. «У меня на ступнях появились ожоги второй степени; мне пришлось скатываться с кровати и ползти в ванную, – вспоминает Меррей. – Он проявил настоящую доброту и заботился обо мне. По-моему, именно тогда он купил огромный телевизор, который занимал половину спальни. Он был очень щедр ко мне, очень добр и чуток».[581]

В мае 1997 года Ли и его команда полетели в Токио; они участвовали в рекламной кампании новой коллекции Givenchy массового спроса. В Японии Меррей сделал серию фотографий за кулисами, в том числе ту, где Ли, обесцветивший волосы и сделавший прическу «ирокез», позирует с моделями Хеленой Кристенсен и Карлой Бруни в затейливых париках. Фотографа Анн Денё также пригласили в Японию с Маккуином; она сделала серию снимков за кулисами. Как-то Анн зашла к нему в номер, и Ли с порога огорошил ее вопросом, умеет ли она играть на пианино. Она ответила, что нет, и спросила, в чем дело. «В том,

что у меня здесь неприличные апартаменты с пианино, а это так глупо, если не умеешь играть».[582] На том этапе своей жизни Маккуин терпеть не мог делать что-то напоказ, нарочито хвастать богатством. Он уверял, что не хочет одевать Муну аль-Айюб, бывшую жену саудовского миллиардера Нассера аль-Рашида, которая тратила на одежду от-кутюр бешеные деньги, потому, что она хвастает своим богатством. «В прошлом сезоне она послала мне огромный букет цветов с запиской: «От будущей клиентки». Надо было написать ей в ответ: «Вот уж нет». Когда при нем кто-то хвастал размером своего банковского счета, он злился. «Радоваться деньгам – верх безвкусицы. Меня тошнит от дур, которые хвастают в интервью своим богатством».[583] Меррей вспоминает, как однажды подруга Ли Аннабелл Нейлсон пригласила их в «Каспийскую икру», модный ресторан в Мейфэре. Счет за шампанское и икру на троих составил почти 1200 фунтов. «Но мы с Ли остались голодными и, как только вышли, отправились в «Макдоналдс», – добавил Меррей.[584]

Вскоре друзья начали замечать, что Маккуин изменился. Как-то ночью Трикси столкнулся с ним и Шоном Лином в пабе «Комптонс». Ли довольно высокомерно спросил у Трикси, чем он занимается; он как будто намекал на то, что Трикси пора уже заняться чем-то достойным. «Мне показалось, что он вдруг озаботился карьерой, – говорит Трикси. – Кроме того, он как будто допрашивал меня и вел себя бесцеремонно. То, что начиналось как развлечение, превратилось в цель жизни. Он изменился, как только попал в Givenchy; он стал чуточку надменнее. Кроме того, по его словам, в Givenchy ему дали понять: они не хотят, чтобы в Париже он якшался с людьми определенного типа. Наверное, именно поэтому, бывая в Париже, он не мог дождаться, когда вернется в Лондон, потому что в Лондоне он мог жить по-старому. Он сказал, что Париж ему не нравится, но ему придется выполнять условия договора».[585] Ли Копперуит тоже заметил, как изменился характер его друга. «Добившись признания, он начал сражаться всерьез… Его окружали люди, готовые выполнить любую его просьбу, любой приказ, что его немного развратило. Иногда он нарочно создавал трудности и драматизировал ситуацию. Я невольно стал задаваться вопросом, да друг ли он мне на самом деле».[586]

Кроме того, в тот период усилилась его зависимость от кокаина. В середине девяностых годов в журналистских, околомодных и банковских кругах Лондона кокаин получил такое распространение, что его употребление считалось нормой. «Это пострейвовая культура, культура после экстези, – говорил тогда редактор журнала Loaded Джеймс Браун. – Заседания многих

советов директоров тогда проводились в туалете… Туалет стал современным эквивалентом поля для гольфа; там заключались серьезные сделки».[587] «Не только Ли, все делали то же самое, – говорит Саймон Костин. – Употребление кокаина считалось нормой – в околомодных кругах нюхать кокаин было все равно что пить чай. Никто не удивлялся и не возмущался. Но, по-моему, если ты живешь в состоянии постоянного стресса, он выполняет поставленную задачу – поддерживает на плаву».[588] Эрик Ланюи, тогдашний руководитель пресс-службы дома Givenchy, признал, что поставлял наркотики Маккуину. Ли «звонил и просил привезти ему «витамины», чтобы он мог работать всю ночь и весь день показа… Речь шла, конечно, не о витамине С, так он называл кокаин».[589] Элис Смит вспоминает, как они с Ли пошли на вечеринку на лондонскую квартиру Аннабелл Нейлсон в Ноттинг-Хилле; ее встревожило его состояние. «Он уже принял много кокаина… На вечеринке он был как деревянный: не смеялся, не отдыхал. Я подошла к нему, спросила, как он себя чувствует, и он ответил: прекрасно, но говорил он довольно презрительно».[590]

В июне того же года, находясь в Нью-Йорке, где рекламировал осеннюю коллекцию Givenchy вместе с Ричардом Аведоном, Маккуин услышал слухи, которые ходили в мире моды: если его следующая коллекция провалится, его уволят. «Мне плевать, честно говоря, – признался он Кэтрин Беттс из американского издания Vogue. – Если они хотят меня уволить, флаг им в руки. Все знают, что одежда от-кутюр плохо продается. Я – мыслящий дизайнер. Я знаю, что делаю, мать вашу! – Хотя он притворялся, будто ему все равно, Беттс заметила, как в светло-голубых глазах дизайнера скапливаются слезы. – Если меня уволят из Givenchy, я вернусь в Лондон и буду заниматься своим делом. Но мне обидно за тех, кто трудится в ателье. Каждый день они меня спрашивают: «Ты останешься? Ты останешься?» Они в самом деле хотят, чтобы я остался, потому что иначе не увидят свет в конце туннеля. Если я уйду, у них не будет ни работы, ни пенсии, ни летнего отпуска!»[591]

6 июля 1997 года в Sunday Times вышла статья с заголовком «Маккуин леденит кровь в мире моды». После этого многим показалось, что с Маккуином покончено. Автор статьи Джон Харлоу намекал, что дизайнер находится под следствием якобы за то, что для показа последней коллекции под названием Eclect Dissect, который должен был состояться на медицинском факультете Парижского университета, раздобыл части человеческого тела. Харлоу также сообщил, что Маккуин, по слухам, вшивал в свои новые вещи «человеческие кости, зубы и другие части тела». По сведениям «из осведомленных

источников», «Маккуин зашел слишком далеко – то, что он делает, отвратительно, нецивилизованно и по-мальчишески». Кроме того, по словам Харлоу, руководство Givenchy распорядилось спрятать коллекцию от фотографов, а также от жандармов.[592] Когда Сибилла де Сен-Фалле, заведующая отдела дома Givenchy по связям с общественностью, увидела статью, она очень встревожилась. Все боялись, что статья плохо повлияет на Маккуина. «Он такой чувствительный, статья на самом деле выбьет его из колеи», – сказала она. Однако, когда ей удалось дозвониться до Маккуина по телефону, он, как ни странно, остался невозмутимым. «Полная чушь», – заявил он. В самом деле, вскоре в Sunday Times напечатали опровержение. Однако его реакция заставила Кэтрин Беттс, которая в то время была его постоянной спутницей, заподозрить, что рассказ о частях тела «вбросил» кто-то из его приближенных. «Как Маккуин ни презирает прессу, он знает, что нужно делать, чтобы постоянно мелькать на первых полосах», – сказала она.[593] Изабелла Блоу, сама прекрасно умевшая наладить отношения с прессой, придерживалась того же мнения; более того, она считала, что выходки Маккуина, которые вызывали шквал статей в прессе, спасли Givenchy. «По-моему, он уже много для них сделал, потому что дом Givenchy получил массу откликов в прессе, – говорила она. – По словам самого Александра, это все равно что вытащить динозавра из моря; по-моему, за всего один сезон он именно этого и достиг».[594]

В 1997 году Маккуин признался, что специально привлекал к себе внимание прессы, ставя намеренно шокирующие показы. Говоря о своей коллекции «Таксист», которая была показана в «Ритце» в 1993 году, он вспомнил, как испугался тогда один из его коллег-дизайнеров, «потому что он выполнял приказы, а я нет… Но он не понимал, что я уже давно в игре и отлично знал, что делаю… Я работал с Кодзи [Тацуно. – *Э. У.*], был свидетелем его банкротства и понял: чтобы получить лучших спонсоров на свете, то есть итальянцев, нужно регулярно мелькать в прессе и завоевать себе имя. Тогда получишь спонсора. А теперь прикиньте, кто из нас зарабатывает полмиллиона в год, а кто так и сидит в полной заднице?»[595]

Замысел коллекции Eclect Dissect строился вокруг сюжета о враче Викторианской эпохи, анатоме, который путешествует по миру и собирает самых красивых женщин. Убив своих жертв, он расчленяет их в лаборатории, а затем собирает заново, получая странные гибриды. Ожившие фигуры преследуют своего создателя. «Вы видели призраки всех этих женщин со всего мира», – сказал Саймон Костин.

В подготовительный период Ли собирал различные визуальные материалы, в том числе «изображения швов, процесса медицинского наложения швов и челюстно-лицевых операций». Саймон изучал анатомические рисунки Андрея Везалия; они вместе часами вырезали и делали коллажи. «Настоящая готика – По, Франкенштейн и доктор Моро», – вспоминал Саймон.[596] По обе стороны подиума, выложенного персидскими коврами, Костин установил две громадные клетки, в которых сидели вороны – по сценарию, они питались мясом падших жертв экспериментов. «Даю пять долларов, что они кому-нибудь выклюют глаза, – прошептал издатель американского модного журнала, сидевший в зале. – Прямо как в фильме «Птицы» с Типпи Хедрен». Изабелла Блоу, которая пришла на показ в костюме в обтяжку, дополненном ошейником и цепью, с пафосом произнесла: «Я сама себе собака». Слова Блоу заглушили «завывания банши» из динамиков, и шоу началось.[597] Кэтрин Беттс вспоминает сочетание красных кружев шантильи с зеленой кожей пони, «шотландки» с вышитым японским атласом, перьев цапли с испанскими мантильями, гагатовых бус с кожей и кружевами, леопардовых шкур, сшитых с лиловой телячьей кожей, и человеческих волос, которыми было вышито бархатное болеро. «Детали, ткани и сами модели были так перегружены ассоциациями, что показ внушал отвращение», – написала она. Шалом Харлоу как будто изображала Леду и Лебедя, «шея которого спиралью извивалась вокруг ее шеи, словно он хотел ее задушить», а другая модель, одетая как самурай с мечом, «выглядела так, словно сама рассекла спереди свое красное кружевное платье».[598] Зато актриса Деми Мур, которая находилась в зрительном зале, пришла в восторг от увиденного. «Это было поразительно – полет фантазии и обман зрения, а такие платья я бы хотела носить. Сплав веселья, грации и изящества».[599]

Новшеством, не виданным прежде на подиумах высокой моды, стали и необычные прически. «Волосы моделей накрутили на бигуди или уложили в огромные компостные кучи, а в одном случае соорудили на голове такой высокий светлый зиккурат, что странно, как бедняге удалось надеть чепец и завязать его на затылке», – писал Чип Браун в журнале «Нью-Йорк». Одна модель вышла в соломенной шляпе, изображавшей птичью клетку, с живой певчей птицей внутри, а другая «бедная модель вынуждена была шагать по подиуму наугад, так как ее голова и лицо были закутаны красной чадрой. И все же ей пришлось легче, чем ее спутнице Онор Фрейзер, которая несла сокола на специальной перчатке». Браун в заключение написал, что образный ряд

вызывает противоречивую реакцию: «Анимализм, власть, беспомощность, деградация и независимость, а во всем остальном – смесь категорий хищника и жертвы».[600]

Маккуин сам пережил каждую из этих стадий. Он был одновременно и сумасшедшим врачом, который препарировал традиции моды и воссоздавал фрагменты для получения совершенно нового имиджа, и жертвой, объектом сексуальных домогательств и эксплуатации, которому иногда казалось, что он воскрес из мертвых. Желание освободиться от телесной оболочки, которое иногда посещало его, можно было сдерживать лишь временно. Его стратегия выживания сводилась к тому, что он заново прокручивал в уме свои страхи и фантазии, сидевшие в подсознании и связанные с сексом; каждый показ служил для него своего рода катарсисом, очищением. Разве высокая мода не должна помочь женщинам чувствовать себя прекрасными, а не странными? – спрашивала Сьюзи Менкес в International Gerald Tribune на следующий день после показа. В тот раз Менкес не поняла главного. Маккуин делал такие вещи не для женщин; скорее, он создавал их для себя. Создание коллекции служило для него своего рода психотерапией. Если рассматривать его коллекции в таком ключе, их можно считать визуальным эквивалентом сказок, жанра, с помощью которого творец и потребитель равным образом выражают свои тревоги и глубоко спрятанные желания. «Меня интересует то, что происходит у людей в голове, то, в чем никто не хочет признаваться и с чем никто не хочет иметь дела, – говорил Маккуин. – Показы выявляют то, что зарыто у людей в душе».[601]

После показа Ли и Меррей решили сбежать от гнетущей парижской жары в Шотландию. Вместе с бывшей соседкой по квартире Майрой Чей Гайд они сняли домик в Пеннане, на побережье Абердиншира. Они жили просто, сами готовили, а по вечерам играли в домино. 15 июля 1997 года, еще находясь в Шотландии, они узнали об убийстве Джанни Версаче. Через шесть недель, утром 31 августа, в доме на Коулмен-Филдз зазвонил телефон. Пара еще лежала в постели, поэтому Меррей перегнулся через Ли, чтобы ответить. Звонила Джойс Маккуин; она велела ему включить телевизор и бросила трубку. Как миллионы других, Ли повергла в шок весть о гибели принцессы Дианы. Он признавался Меррею, что Диана – единственная из королевской семьи, для кого ему хотелось бы сшить платье. «Когда Диана погибла, он плакал. Много дней после ее смерти он ходил совершенно подавленный», – вспоминает его сестра Джеки.[602]

Для Маккуина смерть казалась не далекой незнакомкой, а его тенью, призраком, который всегда рядом. «Важно смотреть на

смерть, потому что она – часть жизни, – говорил он. – Это печально и грустно, но в то же время романтично. Это конец цикла – все на свете имеет конец. Цикл жизни позитивен, потому что дает место чему-то новому».[603]

В конце 1997 года отношения Ли и Меррея ухудшились. «Дом Givenchy начал его угнетать, – вспоминает Меррей. – Он ездил в Париж один, и мы долго ссорились по телефону из-за пустяков».[604]

В сентябре, в отсутствие Меррея, Ли пошел в лондонский клуб на Уэст-Сентрал-стрит под названием The End, где познакомился с 21-летним Арчи Ридом, симпатичным блондином, который раньше был женат, и у него была дочь. Их сразу потянуло друг к другу. В дом на Коулмен-Филдз они вернулись вместе. «Мне в нем все нравилось, – говорит Арчи. – Мы оба выросли в лондонском Ист-Энде, говорили на одном языке, знали одних и тех же людей. Мы не морочили друг другу голову, вот что нравилось нам обоим. Вскоре мы вспомнили, что уже встречались много лет назад, когда Ли работал в пабе «Отражения» в Стратфорде». Отношения пары продолжались с перерывами целых двенадцать лет. Правда, иногда они подолгу не виделись. Тем не менее Арчи считает, что знает Ли лучше, чем другие. «В нем как будто сидело много разных людей – вот старушка, которая играет в лото, вот мальчик по вызову, вот маленький потерянный мальчик. Но Ли, каким он был на публике, совсем не тот Ли, какого вы увидели бы дома; там он был маленьким, необычайно милым и любящим мальчиком в пижаме, который смотрит телешоу X Factor».[605] В декабре Ли и Меррея пригласили на премьеру «Титаника» с Кейт Уинслет в главной роли, но они решили вместо премьеры пойти на ужин, устроенный Донателлой Версаче. «Перед началом ужина мы серьезно поссорились и ушли, – вспоминает Меррей. – Не помню, почему мы ругались. Наверное, я хотел посмотреть фильм, а он – нет. В конце концов мы и фильма не посмотрели, и не поужинали с Донателлой».[606]

Меррей перестал работать у Маккуина, но оказалось, что ему трудно найти другое место. Он тратил слишком много, и его кредит превысил годовое жалованье. «Я чувствовал себя паршиво, скучал по Ли и злился, что все не так, как раньше». Однажды они «наорали друг на друга по телефону»; Ли был в Париже, а Меррей – дома, на севере Лондона. После ссоры Меррей «принял целую горсть таблеток», запив их водкой и джином. «Я решил отравиться, потому что не думал, что в то время моя жизнь чего-то стоит», – признается Меррей. У него закружилась голова, его тошнило, но затем он поднял голову и увидел, что на него

смотрит Минтер. Это побудило его позвонить в скорую помощь. Его отвезли в больницу Хомертон, где прочистили желудок. Когда Ли узнал, что натворил Меррей, «он очень расстроился и не хотел со мной разговаривать… Я уложил сумку и поехал к родителям, в Шотландию. Я не разговаривал с ними, сразу пошел к себе в комнату и захлопнул дверь». Проведя в Шотландии неделю, Меррей вернулся в Лондон и забрал вещи из дома на Коулмен-Филдз. Он поселился у друга в Кемберуэлле. В то время он был так беден, что суп, сваренный из пакета замороженных овощей, ему приходилось растягивать на неделю. «У меня было все, а теперь не стало ничего», – сказал он.[607]

Если не считать открытки, которую Ли послал Меррею («Надеюсь, ты найдешь, что ищешь»), пара никак не контактировала около месяца.[608] Потом однажды ночью Маккуин позвонил Меррею и сказал, что скучает по нему и хочет увидеться. Они снова начали встречаться, хотя Меррей так и не вернулся в дом Ли, но через несколько месяцев решили, что между ними все кончено.

Через много лет Меррей с раздражением признавался: все без конца спрашивают его, почему он не удалил с плеча татуировку «Маккуин». Он говорил об этом с одним знакомым дизайнера; тот посоветовал заклеить татуировку черной лентой. Но, сделав это, он почувствовал, что образ, символ траура, выглядит слишком депрессивно, и попросил мастера тату высветлить ее, добавив рисунок Кита Харинга.

«Я любил Ли больше всего на свете и ни за что не сделал бы ничего, способного причинить ему боль, – сказал Меррей. – Он был моей первой любовью и останется единственной любовью. Я был в моде благодаря Ли, а не Александру Маккуину».[609]

Глава 9

Он был сорвиголовой, который смотрит смерти и рождению прямо в лицо.

Бьорк

Настал миг – точнее, речь идет о первых семнадцати минутах показа коллекции его бренда сезона весна/лето 1998 года Untitled («Без названия»), – когда Маккуин подтвердил, что занимает важное место в ряду современных художников. Две тысячи зрителей, собравшихся в субботу вечером, 28 сентября 1998 года, на Гатлифф-Роуд, в помещении бывшего автобусного парка в районе Виктория, были заинтригованы, когда громкая клубная музыка, которая сопровождала первую часть шоу, стихла и в павильоне повисла тишина. Потом зрители услышали шум дождя и задушевный припев из песни Энн Пиблз I Can't Stand the Rain, склеенный с угрожающими низкими басовыми нотами темы Джона Уильямса из фильма «Челюсти». Прозрачный подиум из оргстекла, заполненный водой и подсвеченный ультрафиолетовым светом, начал темнеть, заполняясь черными чернилами, которые проникали в воду из невидимого источника. К тому времени, как подиум почернел, сверху начал падать желтый мокрый снег; белые платья моделей пошли пятнами, по их лицам текли потеки туши и румян.

Саймон Костин, готовивший декорации для Untitled вместе с Маккуином, назвал показ своего рода инсталляцией, и многие с ним согласились. «Маккуину хорошо удается не только одежда, но и… окружающая среда, театральность», – сказал фотограф Марио Тестино, который сидел в зрительном зале вместе с Джанет Джексон, Деми Мур и Онор Фрейзер.[610] Томми Хилфигер, который смотрел показ с женой и дочерью, назвал Маккуина «гением креатива».[611]

Конечно, костюмы, представленные на показе, были необычайными, «скорее вырезанными, чем скроенными из традиционных тканей в полоску и в клетку «принц Уэльский». В результате получилось нечто воздушное».[612] Кейт Мосс демонстрировала белое муслиновое платье на корсете; его шлейф волочился по воде. Были облегающие фигуру платья, скроенные по спирали из кожи питона, полосатые куртки с глубокими капюшонами на спине, изящные юбки и корсеты, которые демонстрировали культуристы. Стелла Теннант вышла в

замшевом корсаже, разрезанном на полосы и обнажающем груди. Но в коллекции имелось и нечто другое. Маккуин заказал аксессуары, которые многим показались тревожным симптомом. Ювелир Сара Хармарни изготовила несколько ошейников из серебристого металла, а друг Маккуина Шон Лин создал корсет для спины из алюминия. Когда Ли рассказал Шону о своем замысле, тот решил, что друг сошел с ума, но все же выполнил заказ Маккуина. «Нет ничего невозможного», – бывало, говорил он.[613] Во многом именно аксессуары и постановка – особенно противопоставление бассейна из оргстекла, заполненного зловещей черной жидкостью, и желтого дождя, идущего с неба, – вывели событие далеко за рамки обычного модного показа. Более того, в сентябре 1997 года коллекция Untitled вовсе не казалась чем-то из ряда вон выходящим даже для почтенной Лондонской Королевской академии. За десять дней до показа Маккуина в здании академии на Пикадилли открылась противоречивая выставка «Сенсация», на которой были представлены произведения современного искусства из коллекции Чарлза Саатчи. Публике представили инсталляцию Дэмьена Херста «Физическая невозможность смерти в голове живущего» (знаменитая акула в формальдегиде); автопортрет Марка Куинна, написанный его собственной кровью; палатка Трейси Эмин под названием «Все, с кем я спала с 1963 по 1995 г.»; «Мертвый отец» Рона Муека, зловещая скульптура отца художника; странные инсталляции Джеймса и Диноса Чепменов, а также знаменитая «Майра» Маркуса Харви, портрет серийной убийцы Майры Хиндли, составленный из отпечатков детских ладоней.

Сначала Маккуин хотел назвать коллекцию «Золотой душ», но спонсор, American Express, выделивший дизайнеру 30 тысяч фунтов из заявленных 70 тысяч, в которые обошелся показ, высказался против названия, в котором увидели нежелательные сексуальные коннотации. «Ли ужасно злился, – вспоминает Саймон Костин. – Он сказал Стиву Чиверсу [главному осветителю. – *Э. У.*]: «Сделай так, чтобы вода выглядела как моча».[614] Хотя он и другие дизайнеры, например его бывший бойфренд Эндрю Гроувз, на чьем показе зрители увидели костюм, под которым скрывалось 500 живых мух, и другой костюм-виселицу, – намеренно шокировали публику, в случае Маккуина погоня за сенсацией уравновешивалась новой зрелостью, которая потрясла модных критиков. «Его презентация в прошлое воскресенье отличалась безупречностью и крайней утонченностью, – писал репортер из журнала Women's Wear Daily. – Конечно, присутствовали и театральные моменты, без них Маккуин не Маккуин. Но в основном он показал необычайно,

всецело пригодную к носке коллекцию».[615]

Теперь Маккуин вращался не только в околомодных кругах. У него появилось много знакомых из мира искусства и знаменитостей. 9 сентября он посетил прием по случаю выхода книги Дэмьена Херста «Я хочу провести остаток жизни повсюду, со всеми, один на один, всегда, вечно, сейчас» в ресторане «Кво Вадис» на Дин-стрит, которым художник владел на паях. Среди гостей были Кайли Миноуг, Кит Аллен, Стивен Фрай, Кейт Мосс, Робби Уильямс, Боб Гелдоф и Малколм Макларен. Правда, Маккуин признавался, что такая бурная жизнь не настолько забавна, как когда-то, в те дни, когда он болтался с друзьями с Олд-Комптон-стрит. «Терпеть не могу общество, куда я попал, я его просто ненавижу, – говорил он. – Встречаешься с идиотами, с недалекими людьми. Больше всего я уважаю честность, но в мире моды ее не получишь».[616] А. А. Гилл, репортер Sunday Times, чей репортаж о Лондонской неделе моды был опубликован в тот же день, когда состоялся показ коллекции Маккуина, отзывался о моде в целом весьма язвительно. Показы он назвал цирком, пронизанным ненавистью. Ни в одной другой сфере, по его словам, «нет столько лицемерия и столько ненависти, горького разочарования и обид, нигде нет стольких разбитых мечтаний и безрассудно истраченных надежд. Целую неделю вы смотрите на одежду, сшитую мужчинами, которые ненавидят женщин, женщинами, которые ненавидят женщин, и женщинами, которые ненавидят сами себя».[617]

В приватных беседах с друзьями Ли начал говорить о своем возможном уходе из моды; такое желание он выражал неоднократно до самого конца жизни. Иногда он говорил, что станет фотожурналистом и будет делать репортажи из зон военных действий. Некоторые друзья считали, что ему следует сосредоточиться на современном искусстве, на этой стороне своих показов, и посвятить себя инсталляциям или видеоинсталляциям. В феврале 1997 года Маккуин вместе с Ником Найтом разработал образ Девон Аоки, молодой американской модели с японскими корнями, для студии Visionaire, приглашенным редактором в которой была Рей Кавакубо. Маккуин одел Девон в то же розовое платье ципао с высоким воротом, какое было на Изабелле Блоу во время съемок для журнала Vanity Fair, но на сей раз он сделал еще один шаг вперед, заставив ее надеть молочно-белую контактную линзу и воткнув ей в лоб огромную булавку. Увидев результат их труда, лондонский арт-дилер Энтони Доффей связался с Найтом и Маккуином и спросил, не хотят ли они устроить выставку в его галерее. Друзьям предложение понравилось, но они отказали,

потому что, по их словам, собирались сделать выставку в Нью-Йорке. После того как футуристический образ увидела Бьорк, она попросила Маккуина разработать проект обложки для ее альбома Homogenic, который вышел в сентябре 1997 года. На снимке, сделанном Ником Найтом, исландская певица кажется старшей сестрой Девон Аоки – стилизованным воином-самураем, который вернулся из кругосветного путешествия. «У меня на голове было десять кило, на меня надели особые контактные линзы и сделали такой маникюр, что я не могла есть руками. Талию мне стянули клейкой лентой и обули в сабо на высоком каблуке, так что я не могла свободно ходить», – вспоминала Бьорк.[618]

Маккуина и Бьорк объединяло много интересов и пристрастий, в том числе любовь к природе. «Он был сорвиголовой, который смотрел смерти и рождению прямо в лицо, – сказала певица позже. – Ли поддерживал связь не только с цивилизованной частью своей культуры, но и как-то проникал за ее пределы… Наверное, именно там мы с ним и пересеклись».[619] В 1998 году Маккуин срежиссирует сингл Бьорк Alarm Call, в котором она плывет на плоту в джунглях и живет в тесной гармонии с разными экзотическими созданиями, например с крокодилами; на одном кадре она ласкает между бедрами змею. «Я сделал кучу коллекций, основанных на взаимодействии человека и машин и человека и природы, но в конечном счете мое творчество всегда каким-то образом связано с природой, – сказал Маккуин в беседе с Бьорк в 2003 году. – Нужно восстановить ее связь с землей. Все обработанное и переработанное теряет свою суть».[620]

Но мечты о бегстве из мыльного пузыря модной индустрии в мир чистого искусства так и остались для Ли мечтами. Он всегда слишком занят, говорил он, или от него зависит много людей. В самом деле, перерывы между коллекциями оказались такими короткими, что свободного времени у него почти не оставалось. Например, осенью 1997 года перерыв между коллекцией Untitled и коллекцией от-кутюр для Givenchy составил всего две недели. 22 октября Маккуина во второй раз назвали лучшим британским дизайнером года; награду он разделил с Джоном Гальяно, который не явился на церемонию награждения в Алберт-Холл. Когда Джаспер Джерард из The Times позвонил в студию Гальяно и спросил о причинах, его пресс-секретарь ответил, что дизайнер «занят в Париже». «Очень странно, потому что один знакомый только что видел его в баре за углом, где он топил горе вместе с такой же мрачной Вивьен Вествуд», – написал Джерард.[621]

Хотя сообщалось, что глава LVMH Бернар Арно хотел продлить двухгодичный контракт с Маккуином, рецензии на

коллекцию Ли для Givenchy доказывают, что октябрь того года стал худшим месяцем за всю карьеру дизайнера. Бренда Полан из Financial Times назвала его костюмы сочетанием самых безвкусных нарядов Долли Партон, варьете «Фоли-Бержер» и «Династии», доведенных до абсурда. «Его отделанные бахромой, усыпанные бриллиантами платья из искусственной кожи, наверное, призваны переманить к себе скорбящих клиентов Джанни Версаче, – написала она. – Такие костюмы способны полюбить только рок-телки, жены футболистов и эксгибиционисты с толстыми кошельками».[622]

Маккуину было легко отшутиться от замечаний 88-летнего сэра Харди Эмиса, который написал статью в журнале Spectator, где нападал на Маккуина, творящего для Givenchy, и Гальяно, творящего для дома Dior. Их творчество он назвал ни более ни менее как «ужасным»; ничего удивительного, что их подчиненные в отчаянии. «Ходят слухи – впрочем, это всем известно, – что владельцы модных домов не слишком жалуют одежду от-кутюр, – писал он. – Им выгоднее продавать колготки и духи. Они готовы тратить много денег на рекламу своих домов и рады той шумихе, какую привлекают модные показы». Эмис также слышал, что многие до тех пор преданные клиенты двух домов высокой моды начали переходить в Saint Laurent или Balmain. «Боюсь, если Givenchy и Dior и дальше будут привлекать «шикарных» дизайнеров, они останутся без постоянных клиентов», – писал он.[623] Однако Маккуину труднее было игнорировать нападки, например, Колина Макдауэлла, модного критика из Sunday Times, которому очень не понравились последние образы дизайнера. «Грубые цвета, в том числе грязно-оранжевый, можно найти на провинциальном рыночном лотке… Кожа с бахромой – вечный ужас в дешевых сетевых магазинах одежды». Коллекция не просто не угодила постоянным клиентам дома Givenchy. Зачем состоятельным женщинам прилагать такие усилия, чтобы выглядеть дешевками? Макдауэлл отдавал должное таланту Маккуина, но в данном случае, как ему показалось, дизайнер зашел в тупик. И хуже всего то, что «похоже, у него больше нет новых идей».[624]

В январе 1998 года, за несколько дней до показа очередной коллекции Маккуина от-кутюр, сам Юбер де Живанши дал понять: он считает, что работа дизайнера в его модном доме стала «полной катастрофой».[625]

Помощники Маккуина отказались пускать представителей газеты Sun и других таблоидов, а также телеканала GMTV на предварительные прогоны февральской коллекции одежды его бренда, Joan («Жанна»), потому что те представляли «не ту

аудиторию». Это возмутило колумнистку Sun Джейн Мур, которая напомнила о том, что Маккуин родился в рабочей семье и его родители регулярно читают ее газету. «А их сын зазнался до невозможности… удивительно, как он еще видит солнечный свет, – писала она. – Одежда – не произведение искусства. Она существует с единственной целью: чтобы ее носили… Он часто бывает откровенно груб с людьми, гордится тем, что он «хулиган» мира моды».[626]

Маккуин, вынужденный работать все интенсивнее и в состоянии перманентного стресса, начал срываться на своих помощников. Саймон Костин еще в 1997 году заметил перемены в поведении Ли. В Париже они часто ходили в клуб Le Queen, где расслаблялись после долгой дневной – и вечерней – работы. Когда Маккуин стал знаменитостью, владельцы клуба пригласили его и его спутников в отгороженную от общего зала ВИП-зону. «Ли был довольно застенчив, так что такое положение его вполне устраивало, но нам было уже не так весело, – вспоминает Саймон. – Тогда впервые стало очевидно, что Ли трудно вести ту жизнь, какую он вел раньше». Кроме того, Саймон вспоминает одно происшествие с Мерреем. После одного из парижских показов команде Маккуина выделили апартаменты в дорогом отеле. Саймон обнимался со своим бойфрендом, когда к ним подошел Меррей и по поручению Маккуина сказал: «Саймон, от нас здесь такого не ждут». Тогда я подумал: «Боже мой, куда девался прежний бунтарь?» Ли наслаждался всеобщим признанием; когда нас не было рядом, его осаждали желающие работать у него или просто льстецы. Он начал меняться, вести себя по-другому с теми, кого давно знал. Если кто-то вел себя с ним просто, как раньше, его довольно резко обрывали. Иногда спрашиваешь: «Где такой-то и такой-то?» – и оказывается, что их уже нет. В определенном смысле мы все получили бесценный опыт работы, но за все надо платить. Я вдруг понял, что мне это больше не нравится. Догадываясь, что стану следующим, кого он уволит, я написал ему письмо, в котором вкратце объяснил, почему мы больше не можем работать вместе – он ведь так и так хотел, чтобы я ушел. Мне казалось, что все к лучшему, а его я назвал «просто кошмаром». Он пришел в ярость – «как он смеет так со мной?» – и прочел мое письмо вслух всем, кто находился в лондонской студии. После этого мы с ним много лет не виделись».[627]

Друг Ли Мигель Адровер также вспоминает, что Маккуин часто срывался, особенно в последние недели перед показами. «Да, он был застенчивым, но в то же время мог быть и по-настоящему злым… Ли бывал бешеным, бесчувственным и иногда

говорил: «Если ты, гад такой, не закончишь [свою работу. – *Э. У.*] к завтрашнему дню, ты уволен». Мигель старался урезонить друга, убеждал, что он – не самая важная персона во вселенной. Однажды, когда они вместе отдыхали на Майорке, Мигель взял его с собой в деревню, где он вырос. Они подошли к дому одной старушки, одетой в черное, которая сидела на лавочке у двери. Мигель сказал: «Вот Александр Маккуин – хотите с ним познакомиться?» – «А это еще кто такой?» – был ответ. «Я перевел ему ее слова и добавил: «Не все тебя знают, многим на тебя плевать».

Ли решил посвятить коллекцию Joan Мигелю, потому что в то время они были особенно близки. «Такие отношения, как у нас, были у него не со многими… Он мало кому доверял – когда начинаешь получать славу и деньги, становишься немного параноиком».[628] Может быть, таким образом Маккуин хотел поблагодарить друга за то, что тот заботился о нем во время его приездов в Нью-Йорк. Ли не останавливался в отведенных ему апартаментах в дорогом отеле, а предпочитал проводить время с Мигелем в его мрачном полуподвальном жилище на Третьей стрит, между Первой и Второй авеню. Жители соседних кварталов регулярно выкидывали мусор в переулок; Мигель не разрешал открывать в квартире окно, чтобы в квартиру с улицы не заскакивали крысы. Когда шел дождь, квартиру затапливало, поэтому Мигель следил за тем, чтобы на полу ничего не валялось. «Но Ли там нравилось, – вспоминает Мигель. – Он всегда находился в поиске чего-то настоящего, настоящей дружбы – подлинные отношения были для него по-настоящему важны. Отели же у него ассоциировались с работой».

Мигель исполнял и другую роль: он оплачивал «мальчиков по вызову», которых заказывал Маккуин. «Ли был по-настоящему застенчивым и думал, что с ним хотят познакомиться из-за его славы, а не из-за того, какой он на самом деле». Однажды, услышав жалобы Ли, Мигель дал ему листовку с телефонами «мальчиков по вызову» с фотографиями и ценами. «Ли выбирал одного, с которым ему хотелось провести время, я звонил, и они приходили к нам в подвал… Он передавал мне деньги, чтобы я с ними расплатился. Помню, однажды, закончив, он крикнул: «Солнышко, не заваришь мне чаю?»[629]

В начале 1998 года все силы Ли занимала новая коллекция Joan. Показ, который прошел 25 февраля в помещении бывшего автобусного депо на Гатлиф-Роуд, вызывал ассоциации не только с Жанной д'Арк, которую сожгли на костре в 1431 году, но и с образом куртизанки Агнессы Сорель с портрета французского художника Жана Фуке. Обе эти женщины посвятили себя

французскому королю Карлу VII: Жанна – как жертвенный духовный лидер, а Агнесса – как его любовница и мать трех незаконнорожденных детей. Обе женщины умерли, служа ему: Жанна на костре, а Агнесса, в 1450 году, родами. Подозревали также, что ее отравили мышьяком. На пригласительных билетах напечатали портрет Агнессы с Меленского диптиха Фуке, «Богоматерь с Младенцем», написанного около 1452 года. Фуке изобразил Богородицу (Агнессу) в темно-сером корсаже с обнаженной левой грудью, с высоким, бледным лбом; под короной видны рыжие кудри. Картина очень повлияла на восприятие Маккуина. Хотя Ли, который тогда перекрасился в блондина, вначале собирался выпустить на подиум совершенно лысых моделей, стилист Гвидо Палау решил, что это будет слишком жестким ходом. «Я сомневался в его решении; в результате сошлись на том, что сделаем высокую линию лба», – сказал он. Головы моделей закрыли специальными накладками, имитирующими лысину, и украсили тонкими светлыми косичками, в глаза им вставили кроваво-красные контактные линзы. Гример Вэл Гарленд отозвалась о результате так: «Жанна д'Арк, похищенная инопланетянами».[630] Но самый яркий образ, который призван был впечататься в сознание зрителей, появился в финале. В последней сцене на подиум вышла модель в потрясающем платье, сшитом из красного стекляруса, и в красной маске. Ее окружало огненное кольцо. Безмолвная фигура в кроваво-красном платье, стоящая в окружении бушующих языков пламени, стала символом «женщины Маккуина»: гибкая, сильная, способная выжить после любого пережитого ужаса. Всю жизнь Маккуина влекло к женщинам, пережившим физическое, сексуальное или психологическое насилие; он считал, что лучше других понимает их, так как и сам перенес подобное.

Последней музой Маккуина стала Аннабелл Нейлсон, которая участвовала в показах коллекций Dante и Joan. Она родилась в богатой семье; ее отец был консультантом по инвестициям и недвижимости, а мать, маркиза, – дизайнером по интерьерам. Правда, обычной ее жизнь назвать трудно. Она посещала престижную школу для девочек Кобэм-Холл в Кенте, но бросила школу в шестнадцать лет, не пожелав сдавать экзамены. Дислексия сочеталась у нее с бунтарским характером. По ее словам, в день экзаменов она просто решила поспать подольше. В 1995 году она вышла замуж за Ната Ротшильда, возглавлявшего инвестиционный фонд. Его состояние, по слухам, составляло 270 миллионов фунтов. Впрочем, к тому времени, как Аннабелл вышла на подиум на показе коллекции Joan, их брак трещал по всем швам. Пара рассталась в 1998 году. Аннабелл, по слухам,

получила щедрые отступные с одним условием: ей запретили использовать фамилию Ротшильд и публично рассказывать о своей семейной жизни.

С Аннабелл, тоненькой, как модель, Маккуина познакомила Изабелла Блоу. Изабелла «всегда подталкивала к нему девушек, но он сразу понял, что я вовсе не стремлюсь стать моделью, – вспоминает Аннабелл. – Он раздел меня, сказал, что восхищается тем, как я ругаюсь, и согласился одеть меня для портрета работы Паоло Роверси. Кроме того, он попросил меня поучаствовать в его показе. Я соглашалась на все, о чем бы он меня ни попросил, лишь бы быть рядом с ним. Его силу я находила магнетической». [631] Свое первое свадебное платье Маккуин сшил для Аннабелл. Они с Натом Ротшильдом поженились в Лас-Вегасе в ноябре 1995 года, но позже она захотела устроить более официальную церемонию в Лондоне. «Его делать труднее [чем коллекцию для подиума. – *Э. У.*]», – говорил Маккуин о свадебном платье, потому что его «увековечивают на фотографиях, как ни один другой наряд».[632]

В 1998 году дружба Ли и Изабеллы также дала трещину. «Как у вампиров, – сказала Изабелла, объясняя ослабление их дружбы. – Присасываешься к кому-то, а потом оказывается, что наркотик уже не действует».[633] Джон Мейбери, который дружил и с Иззи, и с Ли, считает их разрыв естественным, потому что «пути разошлись, но было бы ошибкой думать, что он больше не любил ее».[634]

Изабелла больше не была самой важной подругой-женщиной в жизни Ли; эта роль перешла к Аннабелл. «Изабелла пригрела женщину, похожую на раненую птицу, и познакомила ее с Александром, – говорит Дафни Гиннесс, еще одна близкая подруга и Изабеллы, и Ли. – А раненая птица оказалась кукушкой, вытолкнувшей из гнезда всех остальных. Изабелла никогда не ревновала к друзьям и ни о ком не отзывалась плохо, но она разочаровалась в себе самой. Она признавала, что совершила самый неудачный поступок в своей жизни, познакомив их».[635]

Перемены в отношениях Ли и Изабеллы стали заметны другим. «Иногда он относился к ней покровительственно и смеялся над ней, – говорит БиллиБой*. – Он обращался с ней очень плохо, а иногда бывал настолько груб, что я ужасался: «Как он может?» Но между ними существовала своего рода психосексуальная связь. Она была совершенно очарована им и его творчеством; по-моему, он хотел ее наказать. На глубинном уровне он был мазохистом; поэтому его всегда тянуло к парням, которые плохо с ним обращались. По-моему, наказывая ее, он

наказывал себя. В нем происходил определенный когнитивный диссонанс – причиняя ей боль, он получал радость, но в то же время причинял боль самому себе».[636]

Детмар, муж Изабеллы, вспоминает, как в мае 1997 года Маккуин приехал в поместье «Хиллз» со съемочной группой Би-би-си. После ужина Детмар и Александр сидели вдвоем в длинной комнате, в камине пылал огонь, и Детмар курил сигару. Вдруг Маккуин повернулся к нему и сказал: «Детмар, я теперь магнат». «Он не шутил, он имел в виду другое: «Теперь я влиятельнее тебя», – считает Детмар. Сцена напомнила ему шекспировского «Генриха IV» (часть вторая), когда король поворачивается к Фальстафу и говорит: «Я не знаю тебя, старик». После слов Маккуина Детмару стало грустно. «Насколько я понял, то был конец нашей дружбы, – говорит он. – Он как будто хотел сказать: «Отныне ты мой раб». А я не желал быть его рабом… Он подразумевал, что власть у него, а не у меня, но у меня и так никогда не было никакой власти. И все же я знал, что Иззи по-прежнему любит его и нуждается в его одежде. Она не могла жить без его вещей, как наркоманка без наркотика».[637]

На следующий день после показа коллекции Joan Ли поехал на машине в фотостудию Metro в Ист-Энде, где Ник Найт снимал его на обложку для номера журнала The Face. Маккуин пожелал сняться в образе Жанны д'Арк и одновременно Агнессы Сорель; он дополнил образ из показа лысой головой, белыми косичками, закрывающими лицо, красными контактными линзами и красной подводкой для глаз. Надпись рядом с фото Маккуина на обложке гласила: «Так просто вам не выйти». Когда его попросили объяснить, в чем смысл фотографии, Маккуин написал: «В глубине души я не жалею о том, как представляю себя публике. Если нужно, я готов встретиться с опасностью, но, если меня уговорят, уклонюсь от драки. В моей душе горит огонь любви к одному мужчине, но я помню и люблю женщин, которые ежедневно сгорают повсюду, от Чешира до Глостера».[638] В интервью Маккуин рассказывал, как он радовался, создавая коллекцию – «она получилась замечательной», – и даже руководство дома Givenchy решило, что коллекция «бьет наповал» (скорее всего, он передал не свое выражение). Кроме того, он рассказал, что к нему в студию позвонила некая таинственная женщина и сообщила, что все завещала ему – «она сказала, что я лучшее, что случилось с британской модой, и хочет, чтобы я получил ее сбережения». Хотя наследство меценатки оказалось не «огромным состоянием», Маккуин решил «основать фонд ее имени для молодых модных дизайнеров. Вот как я поступлю с деньгами; хочу, чтобы они помогли британским молодым

талантам». Правда, Маккуин отложил этот замысел на несколько лет; лишь в 2007 году он вернулся к нему, основав благотворительную организацию Sarabande («Сарабанда»). Кроме того, он признался, что спит гораздо меньше, чем раньше, потому что в его голове постоянно вертится множество идей. В конце концов, у него осталось всего две недели до показа новой коллекции готового платья для Givenchy. «Наверное, сегодня я проснусь среди ночи, а думать буду уже о Givenchy», – сказал он.[639]

В марте 1998 года Маккуин представил коллекцию Givenchy, которая понравилась даже самым суровым его критикам. Бренда Полан, разгромившая его предыдущую коллекцию Givenchy в октябре предыдущего года, написала, что он «приглушил трюкачество и представил свой фирменный крой. В результате получилась сильная, сдержанная коллекция, которую мог бы назвать своей сам Юбер де Живанши».[640] В первом ряду на показе сидела Кейт Уинслет, приехавшая в Париж на примерку: Ли сделал ей платье, расшитое стрекозами, в котором она приедет на церемонию вручения «Оскара». Хотя Уинслет не получила титул «лучшая актриса» за «Титаник», ее платье сочли «хитом вечера». В первый раз она выйдет замуж также в платье от Маккуина.[641]

В апреле, вернувшись в Лондон, Ли и его друг Шон Лин отправились в Сохо выпить. Маккуин пребывал в отличном настроении. Только что вышел очередной номер журнала Visionaire; в нем имелась одна сделанная им фотография; Ли очень веселился по этому поводу. Выпуск, специальным приглашенным редактором которого стал Том Форд из дома Gucci, представлял собой черный проектор, похожий на «миниатюрный гроб», и серию из двадцати четырех слайдов. На слайде, сделанном Маккуином, был запечатлен эрегированный пенис в момент эякуляции. «Я не удивился, – заявил тогда Форд, – и ни о чем с ним не говорил. Таким было его представление о свете».[642]

В ту ночь в гей-баре на Арчер-стрит под названием Barcode Ли обратил внимание на высокого, стройного брюнета. Ричард Бретт, которому тогда было двадцать пять, тоже заметил Ли, одетого в шорты и клетчатую рубашку с коротким рукавом. Ли подошел к Ричарду и отпустил комплимент по поводу его внешности. Они разговорились. «То был один из тех волшебных моментов, когда ты испытываешь немедленное влечение к кому-то, и мы сразу подружились», – сказал Ричард. Они проговорили часа полтора, но из бара ушли по отдельности. В следующие дни Ричард все время думал о новом знакомом; он узнал его.

Наконец, поддавшись уговорам коллег, он позвонил на студию и попросил кого-то из ассистентов Ли передать, кто звонил. Маккуин тут же откликнулся, и они договорились о свидании.

«Помню, стоял погожий майский день; мы взяли такси и на целый день поехали в Хэмпстед-Хит, – говорит Бретт. – Потом мы вернулись к нему домой в Ислингтон, а оттуда пошли в бар «Эдвард», где пробыли до позднего вечера. В конце ночи мы разошлись». Для Ричарда это не была любовь с первого взгляда, но постепенно он все больше привязывался к Ли. «В нем бурлила энергия, – говорит он. – С ним было весело, он заразительно, от всей души смеялся; мне показалось, что он не похож на других».

Тогда Ричард Бретт работал в пиар-агентстве на западе Лондона; в течение дня пара обменивалась нежными факсами. Ли часто посылал своему новому бойфренду с курьером огромные букеты цветов. Один букет, по словам Ричарда, был таким огромным, что он не мог унести его домой, и букет так и остался у него на столе на работе. Ли нравилось, что мир моды и знаменитостей не производит особого впечатления на Ричарда. Более того, новый бойфренд довольно цинично отзывался о «гламурном» образе жизни, что также помогало им найти общий язык. «Он знал, что я видел его истинную сущность, я знал, какой он на самом деле, – говорит Ричард. – Другие геи, наверное, хотели приблизиться к нему скорее из-за того, кем он был, чем из-за того, каким он был. Но, по-моему, между нами пролетела искра. Вместе нам было весело; наверное, в конечном счете именно в этом было все дело».[643]

Казалось, с каждым месяцем слава Маккуина растет. В мае 1998 года American Express поручила ему разработать дизайн кредитной карты – предполагалось выпустить специальную, ограниченную серию. Позже его пригласили на банкет в Букингемском дворце в честь императора и императрицы Японии, куда пришла королевская семья «в полном комплекте».[644] Однако в последнюю минуту он решил туда не идти. «Некогда мне», – сказал он.[645]

В июне костюм, созданный Маккуином для куклы Билли – анатомической гей-куклы, придуманной Джоном Маккиттериком, – попал на выставку Нового музея современного искусства в Нью-Йорке. Маккиттерик почти с самого начала посвятил Маккуина в свои планы, и он был одним из первых дизайнеров, кто откликнулся на его предложение. «Он так охотно помог мне! – вспоминает Джон. – После него к проекту присоединились и другие [например, Пол Смит, Агнес Б., Томми Хилфигер, Кельвин Кляйн и Кристиан Лакруа. – *Э. У.*]». На прошедшем впоследствии аукционе по продаже кукол вместе с

дизайнерскими эскизами удалось собрать 425 тысяч долларов в пользу благотворительного фонда помощи больным СПИДом. Маккуин создал для «своего» Билли костюм из отбеленной джинсовой ткани; он даже изобразил миниатюрную копию своей татуировки в виде карпа кои. «Он был похож на меня в миниатюре, – говорит Джон, – если отвлечься от того, что Билли совсем не был похож на него».[646]

Еще через месяц Маккуин с Ричардом Бреттом отправились на поезде «Евростар» в Париж для подготовки к показу коллекции от-кутюр для Givenchy. Именно тогда, в лихорадочный подготовительный период, Ричард узнал Ли совершенно с другой стороны. «Он был очень подавлен и встревожен; находиться рядом с ним было не особенно приятно… А еще он очень расстроился из-за статей, которые вышли на следующий день; на него очень действовало чужое отношение. Если он думал, что показ получился не самым успешным, нам всем приходилось долго утешать его, говорить, что все прошло блестяще. Почти все отзывы были хорошими, но время от времени попадались и плохие, что его искренне огорчало».[647]

Маккуин устроил показ в Cirque d'Hiver, «Зимнем цирке», который он превратил в амазонские джунгли, дополнив его водопадом и обильной зеленью. В день показа, 19 июля 1998 года, модель Эстер де Йонг въехала на подиум на белом жеребце, и на ней не было «ничего, кроме простого белого шлейфа, усыпанного экзотическими цветами». Центральной темой коллекции стала «женщина как победоносная охотница».[648] Колин Макдауэлл раскритиковал коллекцию за рассредоточенность – «он представил смесь всех интересующих его тем». Макдауэллу не понравились многочисленные аллюзии – амазонские джунгли, образ леди Годивы на коне, охотницы с волнистыми попугайчиками на поясе, луки и стрелы, лица, раскрашенные в красный цвет, «и, в довершение всего, странная невеста в платье асимметричного кроя».[649] Тамсин Бланчард из Independent обвинила и Маккуина, и Гальяно в том, что их показы слишком театральны и требуют известного внимания – то есть они используют средства, «которые в наши дни выглядят банальными и вторичными».[650]

В Париже Маккуину пришлось также столкнуться с протестами защитников животных, которых спонсировала Брижит Бардо. Зоозащитники разъезжали по городу в красном двухэтажном автобусе и раздавали листовки, в которых горожанам напоминали о том, что при создании одежды от-кутюр используются меха и другие животные материалы. Александра Маккуина они считали самым злостным обидчиком животных.

«Он ничем не лучше таксидермиста», – заявил один протестующий. Должно быть, такие слова привели Маккуина в ярость.[651]

В том году Маккуин взял из Баттерсийского приюта еще одну собаку, английского бультерьера, которому дал кличку Джус, «потому что так подбадривают своих псов мексиканцы, когда посылают их в бой».[652] На снимке, сделанном в то время, он в пижаме и с затуманенным взглядом. Одной рукой он гладит Минтера, а щенок Джус, шоколадный, с белыми лапами, прижимается к его плечу. Брат Маккуина Тони вспоминает, как Ли привел Джуса на работу. «Одна хорошенькая помощница пожаловалась, что Джус помочился на платье; она попросила меня сказать об этом Ли. И я сказал: «Твоя собака обмочила платье!» Он ответил: «Ну, передай ей [помощнице. – *Э. У.*], пусть сделает еще одно, собака важнее!» Позже, после того как Ли купил родителям дом в Хорнчерче, он поехал к ним в гости и взял собак с собой. Джойс и Рон просили его не позволять собакам запрыгивать на диван, на что Ли ответил: «Да ведь за дом-то заплатил я».[653]

В августе Ли и Ричард Бретт поехали отдыхать на Майорку. Ли хорошо знал остров, потому что часто ездил туда с другом Мигелем Адровером. В 2006 году, еще больше разбогатев после перехода в Gucci, он купит роскошную виллу на юго-западном побережье, в окрестностях Санта-Понса. В 2010 году, после смерти дизайнера, виллу оценили в 1 735 000 фунтов.

«Здорово было увезти его из Лондона, туда, где он мог на несколько дней расслабиться, – говорит Ричард. – Он всегда бывал счастливее и спокойнее вдали от стрессов Лондона и Парижа».[654] Но чем успешнее становился Маккуин, тем труднее ему оказывалось выкроить время для отпуска; он часто возвращался в Лондон, проведя на отдыхе всего пару дней.

17 сентября 1998 года Маккуин удостоился награды International Fashion Group в Нью-Йорке. Благодарственную речь он начал словами: «Я так пьян, что едва ворочаю языком».[655] БиллиБой* признается: когда они вместе куда-нибудь ходили, его всегда поражало то, сколько Ли способен выпить. «Я не мог за ним угнаться… За то время, что я выпивал один коктейль, он приканчивал пять. Он любил напиваться в хлам. Но его пристрастие к наркотикам меня пугало. Я тревожился за него, потому что он был совершенно заторчавший. И тогда в нем как будто просыпался совершенно другой человек, демон, который срывался с привязи».[656] «Когда мы дружили, Ли любил марихуану, кокаин и спиртное, – говорит Мигель Адровер. – Ему всегда было мало. Однажды все уже пошли спать, а он захотел

добавить. Он никого не слушал. Он впал в настоящую зависимость; почти все время пил, нюхал или закидывался… и уже не получал от этого удовольствия. Но наркотики и связанное с ними чувство надвигающейся опасности были связаны с бизнесом, с модой».[657]

Ричарду Бретту тоже не нравилось наблюдать за тем, что кокаин творит с его бойфрендом. «У него не поднималось настроение, он не становился счастливее… Наоборот, он попадал в темное место, которое было не особенно приятным».[658]

Эндрю Гроувз тоже узнал о пристрастии своего бывшего бойфренда к кокаину. И хотя свою коллекцию, показанную в сентябре 1998 года, он назвал «Кокаиновые ночи» не из-за Ли, а в честь мрачной антиутопии Джеймса Балларда, он понимал, что существует некоторая связь между зависимостью Маккуина и его коллекцией. Подиум украшали дорожки белого порошка, а одна из моделей вышла в платье, украшенном бритвенными лезвиями. В газете Sun показ заклеймили «самым тошнотворным зрелищем всех времен».[659] «Я всегда говорил, что поворачивал зеркало к первому ряду, и им не нравилось то, что они видели, – сказал Эндрю. – Я поставил их в неудобное положение. Они вынуждены были написать разгромные рецензии, чтобы их не обвинили в потворстве наркомании. Не лучший мой карьерный ход».[660]

В отличие от Эндрю Гроувза Маккуин был перегружен работой. Следующие коллекции одежды под его собственным брендом – особенно № 13, The Overlook («Обзор») и Voss – стали самыми яркими за всю его карьеру. Он пользовался популярностью в Голливуде – по его словам, тогда же его просили сшить костюмы леди Пенелопы для ремейка фильма «Тандербёрды: Международные спасатели», от чего он отказался. «Дайте мне «Пианино», и тогда я, может, еще подумаю», – сказал он.[661] На нью-йоркской церемонии VH-1 Fashion Awards его назвали лучшим дизайнером-авангардистом года. Джефферсон Хэк, сооснователь культового журнала Dazed & Confused, предложил ему стать приглашенным редактором сентябрьского номера, и Ли с жаром ухватился за эту возможность. «Он всегда черпал вдохновение за пределами моды, – сказал Джефферсон, – в кино, фотографии, искусстве и музыке. Он находил темы в авангарде и на задворках современной культуры, а затем вплетал их в мейнстрим».[662] Маккуин признался Хелен Миррен, у которой брал интервью для журнала: после того, как он достаточно заработал на моде, ему хочется побыть журналистом. Кстати, Ли обладал всеми необходимыми для этой профессии качествами: он был пытлив, невозмутим, обладал феноменальной памятью, умел распознать сенсацию и процветал на

противоречиях.

Самая противоречивая статья в номере касалась темы, особенно близкой сердцу Маккуина: принципам внешнего вида. Маккуин, гей с избыточным весом, трудился в той сфере, где подход к внешности был почти фашистским; он часто чувствовал себя изгоем. Обозреватели и критики насмехались над ним за лишний вес; один дошел до того, что назвал его не столько «анфан-террибль» («несносным ребенком») в мире моды, сколько «элефан-террибль» («несносным слоненком»), а другой утверждал: с его «голубыми глазками и пушком на лице, а также кривыми зубами, торчащими из узкого рта, он напоминает моржа».[663]

Хотя Маккуин не утверждал, что ему пришлось вынести то же самое, что и восьми героям фотосессии – у каждого из них имелся какой-нибудь физический недостаток, – он хотел бросить вызов «общепринятым взглядам на то, что красиво, а что нет», понятию, которое «все больше сужалось, – требовалось быть молодым, предпочтительно блондином и, конечно, светлокожим». В сотрудничестве с Кэти Ингланд и Ником Найтом Маккуин свел восемь героев с разными дизайнерами, и, когда возможно, «костюмы шили специально для каждого из них, потому что политика политикой, но людям с физическими недостатками особенно трудно найти модную одежду». Результат получился одновременно радикальным и красивым: обнаженный торс Алисон Лаппер покрывали разноцветные пятна, нарисованные Хуссейном Чалаяном; Мэта Фрейзера сняли в золотистом жилете работы Кэтрин Блейдс, Эйми Маллинз, спортсменка и модель, предстала в куртке из деревянных пластин, похожей на веер, из коллекции от-кутюр Givenchy, в замшевой футболке McQueen, кринолине Angels и на грязных протезах, похожих на кукольные ноги, которые добавляли нереальности образу. «Я не хочу, чтобы все думали, что я красива, несмотря на инвалидность. Пусть думают, что я красива благодаря моей инвалидности», – сказала Эйми, чья фотография топлес появилась на обложке журнала. Она стояла на современных протезах. Подпись гласила: «Инвалидность в моде?»[664]

27 сентября Эйми Маллинз, страдавшая врожденной гемимелией (отсутствием малоберцовых костей, из-за чего ей в детстве ампутировали обе ноги ниже колен), открыла показ коллекции Маккуина «№ 13», который проводился в бывшем автобусном парке на Гатлиф-Роуд. Она вышла на сцену горделиво и вызывающе. Ли сконструировал для нее деревянные протезы, которые выглядели как «сексуальные сапоги на высоком каблуке… Никто не знал, что они ненастоящие, отчего они

казались еще красивее».[665] Кульминация наступила через восемнадцать минут, когда модель Шалом Харлоу в красивом белом платье с пышной юбкой встала на поворотный круг и, вращаясь как балерина на музыкальной шкатулке, пыталась защититься от нападения двух роботов, которые поливали ее желтой и черной краской. Инсталляцию, переосмысленную работу Ребекки Хорн 1988 года «Красящая машина», можно рассматривать как аллюзию на фильм Хичкока «Психо». Жесты Шалом, когда она подняла одну руку, затем вторую, чтобы защититься от роботов, воссоздавали знаменитую сцену в душе, в которой Джанет Ли закалывает ножом невидимый убийца. Но в конце «№ 13» модель осталась стоять, покрытая не кровью, а просто краской – возможно, как символ нового оптимизма Маккуина. После финального выхода счастливый и расслабленный Маккуин вышел на сцену с двумя собаками и поцеловал бойфренда Ричарда, сидевшего в первом ряду рядом с Джойс.

Коллекция «№ 13» удостоилась самых восторженных отзывов за всю карьеру Маккуина. В Guardian ее назвали «модным спектаклем с богатым образным рядом»; обозреватель New York Times восхищался «безупречно сшитыми платьями с длинными шлейфами, которые носятся поверх модифицированных бамстеров, платьями джерси с драпировкой в стиле мадам Гре, нежными красивыми творениями, чем-то похожими на баттенбергское кружево, гофрированными кружевами шантильи и вышитыми рыболовными сетями», «юбками, похожими на вееры из сандалового дерева» и «платьями с крыльями, сделанными из перфорированных реек». Он назвал коллекцию «высшим пилотажем».[666] Однако во Франции Маккуина обвинили в том, что он эксплуатировал Эйми Маллинз. Против этого пылко возражали как дизайнер, так и сама модель.

«Из-за того что у меня ампутированы ноги и я, что называется, инвалид, я должна быть не такой способной, не такой уверенной, не такой умной и не могу сама решать, что мне делать? Обвинение в том, что Александр Маккуин меня эксплуатировал, оскорбительно», – заявила она.[667]

Вскоре после «№ 13» Маккуин собрался переезжать. Дом на Коулмен-Филдз ему надоел, и он продал его с прибылью в 75 тысяч фунтов. Он хотел чего-то другого. Новый дом Маккуина на Хиллмартон-Роуд, который он купил в ноябре 1998 года за 620 тысяч фунтов, с фасада выглядел довольно заурядно. Зато сзади прежние владельцы вставили огромные подъемные окна высотой в шесть и шириной в два с половиной метра. Такая театральность понравилась Маккуину. Вскоре после ремонта, сделанного

архитекторами Ферханом Азманом и Джойс Оуэнс – раньше они ремонтировали дом Изабеллы Блоу в Ватерлоо, – Ли предложил Ричарду Бретту поселиться у него. «Через полгода Ли попросил меня некоторым образом обвенчаться с ним, пройти через определенную церемонию, – сказал Ричард. – По-моему, ему хотелось какой-то страховки. Но я был слишком молод, я еще не был готов».[668]

Помимо обвинений в эксплуатации Эйми Маллинз и стресса, вызванного переездом, Маккуину пришлось защищаться против обвинений в плагиате. Согласно выдвинутым против него обвинениям, Ли скопировал спадающее с плеча белое платье, которое было на Еве Херциговой в его первой коллекции от-кутюр для дома Givenchy в январе 1997 года, с платья, сшитого студентом факультета моды Тревором Мерреллом. Платье Меррелла было выставлено в июне 1995 года на шоу на острове Уайт, но потом пропало. Когда Меррелл увидел фото платья Маккуина в газетах, он не поверил собственным глазам. «Платье выглядело точно как мое, – сказал он в интервью The Times. – Не верю, что сходство стало совпадением. Оно очень заметное. Ева Херцигова даже сделала головной убор в древнегреческом стиле, как на моей модели». В августе 1997 года студент Лондонского колледжа моды нанял адвокатов, специалистов в области авторского права. «Мне сразу сказали, что мои шансы на победу велики – сходство двух платьев говорит само за себя», – признался он. Маккуин отверг все обвинения, сказал, что незнаком с Тревором Мерреллом и не видел его работ. «Нелепо думать, что, раз оба платья белые и с одним плечом, одно основано на другом, – говорит Трино Веркаде, возглавлявшая студию Маккуина. – Не он первый сделал платье такого фасона и не он последний. Неужели сейчас все, кто делают платье без бретелей, начнут подавать друг на друга в суд, потому что так уже делали до них?»[669] Новость заставила одного редактора модного журнала воскликнуть: «С таким же успехом можно подать в суд на дельфийского оракула!»[670]

Лондонский котировальный журнал Time Out не только перепечатал обвинения Меррелла, но и привел иск еще одной студентки, уверявшей, что Маккуин позаимствовал созданный ею дизайн ткани. Маккуин, совместно с домом Givenchy, подал встречный иск о защите доброго имени. 12 января 1999 года дело попало в высокий суд на Странде. Тревор Меррелл признал, что его мнение о Маккуине «нельзя назвать положительным». И все же ему удалось разглядеть в происходящем нечто смешное. Так, судья сказал: «Это высокий суд – сюда приходили члены ИРА, – здесь не место для того, чтобы эфирные создания-дизайнеры

спорили о дамских платьях!» Потом, когда адвокаты Маккуина возразили против того, чтобы о Ли отзывались в таких уничижительных терминах, судья ответил: «Господа, мы же не о Леонардо да Винчи говорим!» «После этого все замолчали», – вспоминает Меррелл.[671]

Тем не менее история получила продолжение. В июне 2000 года Меррелл, к тому времени студент-искусствовед в Гоулдсмитс-колледже, вынужден был убрать из своей выпускной коллекции предмет, который он назвал «Диван плательных войн». Это был диван, покрытый расписанной вручную тканью с принтами газетных статей, посвященных его делу. «Александр Маккуин пригрозил, что подаст на колледж в суд, если мне позволят показать мой диван на публике, – говорил тогда Тревор. – Они надавили на колледж всей тяжестью, но мне противно, что мое творчество подавляют… Свобода колледжа – это свобода художнического выражения. Гоулдсмитс-колледж всегда этим отличался. Я не мщу Александру Маккуину, хотя иногда мне кажется, что он ведет вендетту против меня».[672]

Глава 10

Это все равно что иметь бойфренда, о котором заранее знаешь, что порвешь с ним… Единственная разница заключалась в том, что в данном случае я ни о чем не жалел.

Ли Маккуин о Givenchy

Весной 1999 года Ли смотрел на себя в зеркало, и ему не нравилось его отражение. Скоро ему должно было исполниться тридцать. Он понял: если он в самое ближайшее время не похудеет, будет уже поздно. «Он много говорил об этом, и, по-моему, как и многие члены гей-сообщества, он испытывал сильное давление, так ему хотелось иметь идеальную внешность», – сказал Ричард Бретт.[673] Ли попробовал ходить в тренажерный зал, но там ему показалось скучно, к тому же тренировки не вмещались в его плотный график. Ему нужно было быстро привести себя в норму, поэтому он записался в частную лондонскую клинику на Харли-стрит, которая специализировалась на косметологии. Через несколько недель после тридцатилетия он заплатил около трех тысяч фунтов за курс липосакции. У него с живота и бедер откачали около восьми фунтов жира. После операции, которую Изабелла Блоу сравнила с выдавливанием зубной пасты из тюбика, у него на животе остались багровые кровоподтеки.[674] «Но он был очень доволен результатом, и процедура в самом деле изменила его живот и фигуру», – сказал Ричард.[675]

Маккуин понимал: для того чтобы стать всемирно известным брендом, он должен и сам «привести себя в товарный вид». Он привел в порядок зубы у того же знаменитого дантиста, что и Джерри Холл. «Иногда я в шутку называл его «Джерри», – вспоминает Арчи Рид, – потому что зубы у него стали точь-в-точь как у нее».[676] Вторым важным шагом стало похудение. «Ли терпеть не мог свою внешность, – говорит Джанет Стрит-Портер, литератор, телеведущая и приятельница Маккуина. – Такие дизайнеры, как Ральф Лорен или Кельвин Кляйн, одержимы идеальной внешностью. С ее помощью они прежде всего продвигают самих себя и свои вещи. В мире моды бал правят люди, подобные Тому Форду, которые серьезно относятся к тому, как они выглядят. Бедняга Ли, наверное, думал: «Я в мире

гламура, но…»[677] Хотя вначале он очень радовался опавшему животу – только шутил, что после проколов у него образовалось два лишних пупка, – через несколько месяцев он понял, что липосакция не решит его проблем с лишним весом. «Липосакция – дерьмо, – сказал он в январе 2000 года. – На мужчинах она не работает. Жировые клетки сначала убираются, но оставшиеся растут».[678] К тому же после операции Ли ел по-прежнему много жиров и углеводов. Эндрю Гроувз вспоминает, со слов одного знакомого, как тот ходил куда-то ужинать с Ли. «Он ел мороженое и уверял, что может есть все, что хочет, потому что только что сделал липосакцию».[679]

После успеха коллекции его марки The Overlook, навеянной фильмом Кубрика «Сияние», Маккуин объявил, что хочет отдохнуть от Лондона и следующую свою коллекцию покажет в Нью-Йорке. «Бизнес дошел до той стадии, когда для того, чтобы в полной мере захватить американский рынок, нам нужно сделать там коллекцию, – сказал он. – У нас имеются рынки на восточном и на западном побережье, но между ними лежит целый континент, который нам предстоит завоевать».[680]

Перед показом в Нью-Йорке, запланированным на осень 1999 года, Маккуину нужно было подготовить коллекции для дома Givenchy (одежда повседневного спроса в марте и коллекция от-кутюр, темой которой стало обезглавливание леди Джейн Грей, в июле). Кроме того, он курировал отбор вещей из коллекции Untitled для июньской выставки «Мода в движении», которая проводилась в Музее Виктории и Альберта. Клэр Уилкокс, тогда помощница куратора музея в отделе текстиля и одежды, хотела превратить работы Маккуина и других дизайнеров в нечто живое, устроив в галереях нечто вроде импровизированных подиумов. «Это очень демократичный процесс, – сказала она. – Посетители смогут увидеть дизайнерскую одежду, показанную со всех сторон и так, как она задумывалась авторами. Очень немногие из нас могут увидеть ее «вживую», только по телевидению».[681]

Кроме того, Маккуин собирался переехать в новую лондонскую студию на Амвелл-стрит, в Клеркенуэлле, и открыть свой новый магазин на Кондуит-стрит. Спонсором выступила японская модная компания Onward Kashiyama. Дизайнер пригласил архитекторов из фирмы Azman Owens, которые переделывали его дом на Хиллмартон-Роуд, участвовать в конкурсе. Ферхан Азман, низенькая, но сильная уроженка Турции, помнит свою первую встречу с Маккуином. «Его репутация была нам известна до того, как мы познакомились, – говорит она. – Я боялась, хотя меня напугать трудно. Но он вел себя очень вежливо, почтительно и любезно. Он показался мне очень

талантливым и умным человеком, который знает, что хочет». При первой встрече, посвященной ремонту магазина, Ли рассказал Ферхан и ее компаньону, американке Джойс, о том, каким сам представляет вид здания, и описал им методы своей работы. «Я не похож на Кельвина Кляйна, – сказал он. – У меня нет стиля, – это замечание заинтриговало Ферхан. – Невозможно выбрать куртку или платье и сказать, что это я… Я крою. При создании коллекции я сначала продумываю тему, а потом делаю вещи в соответствии с ней». Кроме того, он признался архитекторам, что питает слабость к достижениям прогресса. Ему хотелось стекло, которое могло бы меняться – превращаться из прозрачного в матовое. Вначале сложная задача встревожила двух женщин-архитекторов – в конце концов, они видели коллекцию The Overlook и знали, что перед ними не обычный модный дизайнер. «Ну и что нам делать? – спросила Джойс у Ферхан. – Он не какой-нибудь Армани».[682]

Они решили отразить в дизайне магазина театральность творчества Маккуина, и Ли очень понравилось предложенное ими стекло, оптически меняющее пространство. Оно прозрачно до того, как войти, но автоматически становится матовым, когда улавливает движение; витрина из нержавеющей стали, похожая на гигантский спортивный тренажер; огромная застекленная витрина у входа, где можно выставить вещи из сезонных коллекций. Маккуину хотелось бы, чтобы фантазия архитекторов двигалась и дальше, он просил «капельку сюрреализма», но комитет по планированию в совете Вестминстера оказался против новаций. «Я хотел сделать интерактивный магазин, с роботами и всем прочим, чтобы люди что-то узнавали о человеке, который создал их одежду», – говорил Маккуин.[683] Кроме того, в магазине продавались и лицензированные товары: солнечные очки, галстуки, шарфы, обувь и часы. Их почти невозможно было купить за пределами Японии. В магазине также можно было найти предметы, которые играли важную роль на показах, например, протезы Эйми Маллинз из «№ 13» или сделанный Ником Найтом портрет дизайнера в образе Жанны д'Арк.

Проектирование проходило довольно мирно, если не считать двух случаев, когда Маккуин накричал на Ферхан. «Конечно, мне говорили, что он часто срывается на подчиненных и швыряется в них разными вещами, но с нами он никогда так не поступал… Маккуин был аутсайдером, что чувствовалось во всем, на всех уровнях. У него случались перепады настроения, когда он очень злился, и тогда нам казалось: случиться может все что угодно».[684]

Джанет Стрит-Портер, еще одна женщина, которую сложно

упрекнуть в робости, тоже вспоминает ощущение тревоги, с каким она подходила к Маккуину. «Я думала, что он наводит страх, хотя меня все уверяли, что страх навожу я, – говорит она. – Тремя самыми устрашающими людьми, с какими я знакома, были Мюриэль Белчер [легендарная хозяйка богемного клуба «Колони рум». – *Э. У.*], Фрэнсис Бэкон и Ли Маккуин. Все они были очень похожи и применяли нападение как лучший способ защиты, предпочитая сразу набрасываться. Получалось так, что не успевали вы и слова произнести, как вас опускали по полной программе». Когда открылся магазин Маккуина на Кондуит-стрит, Джанет купила несколько вещей, в том числе пару костюмов, коричневую юбку с вышитым золотым драконом и коричневое пальто. «Благодаря тому что его вещи были скроены как надо, они выглядели замечательно, какой бы размер вы ни носили, – говорит она. – Его вещи дышали не столько сексом, сколько силой. В них вы были уверены в том, что вы главная, вот почему их так замечательно было надевать на работу». Джанет вспоминает, что некоторые его юбки были очень узкими; по фасону они напоминали те, что были в моде перед Первой мировой войной, и ходить в них было трудно. «Такие вошли в моду, когда мне было четырнадцать. Тогда мы носили именно такие юбки. Ли все это знал, он умел кроить не только потому, что работал в свое время на Савил-Роу, но и потому, что это было частью английской традиции». Однако с одним костюмом дело обстояло не так хорошо: Маккуин прислал ей брючный костюм в полоску, который она должна была надеть на премьеру мюзикла «Аида» Элтона Джона и Тима Райса. Премьера прошла в Нью-Йорке в 2000 году. Джанет жила в том же отеле «Сент-Реджис», что и Элтон. Надев костюм, к которому она подобрала туфли на высокой платформе, она зашла в апартаменты Элтона. «Я думала, что выгляжу сногсшибательно, но Шила, мать Элтона, посмотрела на меня и спросила Элтона: «Что это Джанет изображает – шезлонг, что ли?» А я еще не вышла из комнаты и все слышала. После такого отзыва я уже не могла появиться в костюме на публике, но и продать его тоже не могла».[685]

В сентябре 1999 года Маккуин полетел в Америку на показ в Нью-Йорке своей коллекции в разгар тропического шторма. Город пребывал в хаосе; частично затопило метро, валились деревья. Брайант-Парк, в котором стояли палатки для Недели моды, закрылся; опасались даже затопления канализации: если вода сорвет крышки люков, жители Манхэттена утонут в отбросах. Ли, конечно, находился в своей стихии. «Просто замечательно! – радовался он, готовясь к показу. – Я в самом деле привез Лондон в Америку! Вот когда они поймут, что такое хваленая британская

невозмутимость! Какие-то ветерок с дождиком нас не остановят». [686]

Маккуин решил заполнить подиум водой, применив тот же прием, какой он придумал к показу Bellmer La Poupée. Коллекция, названная Eye («Око») и показанная 16 сентября на Вестсайдском пирсе, была встречена восторженными отзывами. Впрочем, восхищение вызывали даже не вещи, которые, по словам Кэти Хорин из New York Times, «не представляли собой ничего нового», [687] а сенсационная постановка Маккуина. «Нью-Йорк ждал чего-то крупного, – писала Мими Спенсер, – но бурю вызвал не ураган «Флойд», а Александр Маккуин».[688] Кульминацией шоу стал финал, в котором фигуры, закутанные в саваны, как будто плыли высоко над сценой в затемненном зале. Когда зажегся стробоскоп, стало видно, что из земли выросли сотни острых пик (или, может быть, боеголовок?). Женщины в арабских балахонах и паранджах, подвешенные к потолку на невидимой проволоке, делали красивые балетные па над смертным одром. Картина была глубоко символичной; верхнее пространство представляло царство духа, в котором Ли чувствовал себя свободным от мирских опасностей. Кроме того, в шоу увидели политический подтекст; его можно было трактовать как видение о стычке между исламским миром фундаменталистов и западными ценностями, которая вылилась в атаки 11 сентября 2001 года. В конце показа Ли вышел на сцену и под звуки Can You Handle It Шерон Редд спустил с себя выбеленные джинсы, показав публике звездно-полосатые трусы. Судя по этому заключительному жесту, не оставалось сомнений, на чьей стороне Маккуин.

Вернувшись в Лондон 20 сентября, Маккуин посетил пышный прием в Ланкастер-Хаус, который давали Тони и Шери Блэр по случаю начала Лондонской недели моды. «Надеюсь, мне вы свои трусы не покажете?» – спросила жена премьер-министра, когда ее познакомили с Маккуином, намекая на его недавнюю выходку в Нью-Йорке.[689] Позже дизайнер назовет ее «дешевкой».[690] Тони Блэр поздравил гостей, среди которых были Николь Фархи, Брюс Олдфилд и Рифат Эзбек, с тем, что они подняли престиж британской моды и внесли вклад в экономический успех отрасли, в которой в Великобритании занято более 300 тысяч человек. «Немногие отрасли могут сказать, что увеличили выпуск продукции втрое всего за шесть лет», – сказал он.[691]

Осенью отношения Маккуина с Ричардом Бреттом заметно обострились. Ли предложил бойфренду поселиться у него на Хиллмартон-Роуд, но, проживя с Маккуином в одном доме месяца два, Ричард начал чувствовать себя неуютно. «Как только я переехал, он начал меня контролировать, – вспоминает Ричард. –

Мне казалось, что я теряю всякое чувство самоидентичности. А еще он все время намекал на своего рода «свадьбу». По-моему, мои отказы только бесили его. Он думал, что я не хочу церемонии, потому что не люблю его или он мне недостаточно нравится. В конце концов из-за этого начались скандалы. Вскоре я съехал от него и вернулся в квартиру в Уэст-Хэмпстеде, которую снимал со знакомыми. Отношения давались Ли с трудом. Он хотел управлять своими партнерами, но его тянуло к тем, кто на это не шел. Его положительной чертой было заразительное, невероятное веселье, но, когда он находился в мрачном настроении, с ним по-настоящему трудно было иметь дело, это было утомительно и высасывало все силы».

Кроме того, Ричард заметил, что на Ли начала сказываться усталость, вызванная необходимостью каждый год готовить множество коллекций. Во время подготовки к показам, когда Маккуин часто срывался на окружающих, Ричард предпочитал устраняться. «То, что он стоял на пьедестале, лишь ухудшало дело, потому что он уже не мог сделать обычную, рядовую коллекцию. Его показы должны были изумлять, шокировать… Он во многом не монтировался с миром моды, что в глубине души понимал. У него было несколько настоящих друзей, но его часто окружали люди, общение с которыми шло ему во вред, – я бы назвал их тусовщиками. Они плохо влияли на него. Не думаю, что ему нравились бесконечные тусовки, так как он был невероятно чувствительным и очень домашним. К стрессу добавлялись наркотики и люди, которые оказывали на него дурное влияние. В результате получалась взрывоопасная смесь».

В ноябре 1999 года Маккуин продал дом на Хиллмартон-Роуд за 820 тысяч фунтов, заработав на продаже 200 тысяч фунтов, и переехал в съемную квартиру в Шордиче. Отношения Ли и Ричарда «увядали», и Маккуин сказал бойфренду, что хочет провести какое-то время в Нью-Йорке. 8 декабря Ли посетил открытие небоскреба LVMH на 57-й улице. На ужине Маккуин, одетый в черный костюм и белую рубашку, сидел рядом с моделью Карен Элсон и Элтоном Джоном. Ричард Бретт ожидал, что на Новый год Ли вернется в Лондон, но в разговоре по телефону стало ясно, что у Маккуина другие планы. «Он сказал, что встретит Новый год в Нью-Йорке, – вспоминает Ричард. – Я сказал: «Но ведь это миленниум, так что, если мы не встретим его вместе, ничего хорошего не жди». А он ответил: «Да, наверное». И все, это был конец».[692]

Истинной причиной разрыва стало то, что Маккуин встретил другого: Джея Массакре, красивого 22-летнего студента, который изучал фотографию. Он родился в Париже, а вырос в Сан-

Франциско. Пара познакомилась в баре в Хокстоне, где Джей подрабатывал. «Мы обменивались записочками, которые передавали через официантку, разносившую коктейли», – вспоминает Джей, ставший теперь стилистом.[693] При первой их встрече присутствовал Себастьян Понс. «Ли сказал мне: «Прямо не верится, что он на меня запал», – вспоминает Понс. – Еще ему нравилось, что Джей не знал, кто он такой. Любовь играла большую роль в жизни Ли. Если он был в хорошем настроении и их отношения шли хорошо, у него и с работой все ладилось».[694] Осенью 1999 года Джей и Ли настолько сблизились, что Маккуин пригласил его с собой в поместье «Хиллз» на выходные. «Нам нравилось сидеть дома и готовить, – говорит Джей. – Он был такой – очень домашний. Помню, мы устроили ужин по случаю Дня благодарения и одновременно Дня Гая Фокса. Он громко смеялся, и рядом с ним было хорошо, весело. Когда я думаю о нем, то первым делом всегда вспоминаю его смех». Хотя Ли говорил Ричарду, что встретит Новый 2000 год в Нью-Йорке, на самом деле он увез своего нового бойфренда Джея на Мальдивы.[695] Маккуин начал новое тысячелетие счастливым и здоровым – до того он потерял около 10 кг веса. По его словам, похудеть ему помог отказ от дрянной еды, суррогатов. Кроме того, он регулярно принимал хитозан, пищевую добавку, которую покупал в «Харродз». Он считал, что эта добавка препятствует усвоению жира. Из отпуска он вернулся, чувствуя себя лучше, чем раньше. «Глаза ясные, сияющие и кажутся особенно синими на фоне загара», – как написали о нем в то время.[696]

16 января 2000 года Ли показал в Париже свою коллекцию от-кутюр для дома Givenchy. В показе участвовала полуобнаженная Эрин О'Коннор, которая лежала на постаменте в виде пожилого дворецкого, облаченного в клетчатую шифоновую рубашку и красивый серый костюм. Критики назвали сцену «нежной и романтичной», а за кулисами Маккуин сказал журналистам, что коллекция посвящена «сдержанности».[697] Она стала резким контрастом с показом коллекции его линии одежды, которая прошла 15 февраля на заброшенной киностудии Гейнсборо в Хокстоне, где Хичкок в свое время снимал фильм «Леди исчезает».

Коллекцию он назвал Eshu («Эшу») в честь африканского божества народа йоруба. Эшу – дух, который представляет удачу и неудачу, покровитель путешественников, а также воплощение смерти. Должно быть, Маккуина особенно тянуло к этому божеству, потому что Эшу, как и сам дизайнер, вызывал двойственное к себе отношение. В одной легенде божество, олицетворяющее Эшу, идет по дороге в шляпе, половина которой

черная, а другая половина красная. Деревенские жители, которые стоят на одной стороне дороги, видят только одну половину, а те, что стоят на противоположной стороне, – другую. В результате две группы поспорили о том, какой цвет истинный. В другом варианте той же легенды люди убивали друг друга из-за того, что они видели, а Эшу смеялся и говорил: «Сеять раздоры – вот величайшая радость для меня».

Самого Маккуина можно рассматривать как фигуру, подобную Эшу; он обожал сеять хаос и суматоху. За день до показа защитники животных ворвались на киностудию и исписали стены лозунгами против использования меха. Маккуин признавал, что в своей коллекции использовал кроличьи шкуры, каракульчу и овчину, но уверял, что брал лишь отходы от других производств. Ходили также слухи о том, что протестующие пытались заминировать сцену; обвинение оказалось неправдой, но в результате несколько сотен модных критиков и знаменитостей (в том числе Хелен Миррен, Бьорк, Райф Файнс, Франческа Эннис, Шарлин Спитери и Джейд Джаггер) терпеливо стояли на улице под моросящим дождем и ждали, пока охрана проверит их сумки. Трейси Эмин, которую прислали вместе с фотографом Юргеном Теллером, чтобы они сделали репортаж о коллекции для первого номера вновь открытого журнала Nova, написала о том, как ее выбило из колеи это происшествие. «Юрген говорит мне: «Знаешь, Трейси, сегодня что-то не так». – «Да, – отвечаю я, – праздновать-то нечего – приятель, здесь не было никакой Любви».[698]

Африканская тема была встречена неоднозначно. В то время как Мими Спенсер называла костюмы «мечтой» – «идеально скроенное пальто кремовой шерсти, с приподнятыми плечами и разрезами на груди (красивое, хотя и запачканное красной глиной); кожаное платье с тысячей зарубок, пропускающее свет»[699] – другие женщины-критики назвали коллекцию символом закоренелого женоненавистничества, которое красной нитью проходит через все творчество Маккуина. Джоанна Питмен из The Times написала, что модели выглядели так, «словно несколько раундов провели на ринге с Майком Тайсоном, а потом их похитили бирманские партизаны и одели их в одежду местных племен. Одна с трудом приковыляла на подиум в намордник – ее губы были постоянно раздвинуты в ужасной гримасе… Жуткое устройство было украшено двумя шестидюймовыми металлическими клыками, из-за чего бедная девушка была похожа на спятившего дикого кабана».[700] Джоан Смит из Independent on Sunday напала на Маккуина из-за того, что он, по ее мнению, унизил достоинство женщин. Она перечислила образы

его последних коллекций: Дебра Шоу в наручниках в Bellmer La Poupée и модели в Highland Rape, которые, по ее словам, были похожи на жертв сексуального насилия. Однако больше всего она возмущалась коллекцией Eshu, особенно серебряным намордником, специально сконструированным Шоном Лином. «Острые пики торчат из носа модели, и их кончики угрожают выколоть ей глаза… Интересно, что творится в голове у человека, который это придумал?»[701] Но самой гневной оказалась рецензия Бренды Полан из Daily Mail с заголовком «Дизайнер, который ненавидит женщин». Автор увидела в Маккуине типичного представителя мужчин-кутюрье, которые испытывают к женщинам двойственное чувство: любовь-ненависть. «Это тема, которую в модной индустрии отказываются развивать из-за того, что дизайнеры, о которых идет речь, часто считаются лучшими, самыми креативными». Полан переходила на особенно резкий, если не сказать оскорбительный, тон, когда поднимала вопрос о гомосексуальности. «Они [дизайнеры. – *Э. У.*] почти всегда геи, и нетрудно рассмотреть в их творениях сочетание страха перед женским телом и зависти к женщинам», – писала она. Фотографии модели в наморднике сопровождались подписью: «Оскорбительные замыслы: творения Маккуина унижают женщин».[702]

Конечно, Маккуин мог бы парировать, но ответные удары неизбежно породили бы вопрос об истинном источнике темной образной системы, свойственной его творчеству; психологическое отождествление себя со старшей сестрой, Джанет. «Он видел, как меня избивали, что оказало на него сильное воздействие, – считает Джанет. – Я не пытаюсь выйти на первый план, но Ли действительно восхищался мной. Из-за того что я была для него немножко как мать, он смотрел на меня снизу вверх. Возможно, благодаря мне он понял свое призвание: он хотел помочь всем женщинам, сделать их сильнее».[703] Ли обычно называл Джанет «мудрой»; между ними существовала безмолвная связь, сознание, что они оба пострадали от рук одного и того же мужчины, и вместе с тем радость оттого, что они все-таки выжили. Однажды, когда брат и сестра остались одни, Ли задал Джанет вопрос, который, видимо, давно не давал ему покоя. «Ты моя мама?» – спросил он. «Ну что ты, Ли, конечно нет», – ответила она. «Ты правда не моя мама?» – не сдавался он. «Да, Ли, я не твоя мама», – ответила Джанет. Он думал, что это какая-то семейная тайна и что Джанет в пятнадцать лет родила незаконнорожденного ребенка.[704]

Изабелла Блоу видела в своем друге Ли своего рода современного рыцаря. По ее мнению, он способен был создавать

одежду, служившую доспехами. Его платья, костюмы и жакеты охраняли от жестокости мира. В ее воображении Маккуин виделся таким, как на снимках серии «Темный рыцарь возвращается», которую она подготовила для номера журнала The Face за август 1998 года. Блоу надела на Ли доспехи из фильма «Экскалибур» и отправила в бой с грязным, окровавленным лицом; ее замысел запечатлел фотограф Шон Эллис. Тот же Эллис в ноябре 1998 года снимал день рождения Изабеллы; Иззи и Ли играют с гигантским вибратором. Эти снимки фотограф потом включил в свою книгу «365: Год в моде». «Иззи выражалась очень грязно, и чувство юмора у нее было, как у вульгарной рыночной торговки. Ее непристойные шутки смешили Александра, но при мне она старалась держать язык за зубами, потому что я сказал ей, что мне не нравятся бесконечные ругательства, которые слетают с ее губ, – признался Детмар. – Иногда она заставляла покраснеть самого Маккуина».[705]

Маккуин продолжал искать хрупких и одновременно сильных женщин, которых он стремился облачать в доспехи своего изготовления. «Если посмотреть на их характер, на тот мир, в котором живут, они все находятся на краю, – говорил он о женщинах, которые его вдохновляли. – Они – не рафинированные красавицы, как на картинах Джона Сингера Сарджента. В своем мире они – отбросы, они не вписываются в существующие рамки».[706]

Музы Маккуина часто казались фантастическими, женщинами, которые могли бы быть героинями романов рубежа XIX и XX веков, стихотворения Теннисона или мрачной сказки. Его последнюю музу, Дафни Гиннесс, красавицу с «бобровой» черной прядью в выбеленных волосах, назвали женщиной с внешностью «слегка ненормальной феи, придуманной К. С. Льюисом».[707] Ее жизнь трудно назвать заурядной: она дочь наследника пивной и банковской империй Джонатана Гиннесса и Сюзанны Лисни, художницы и подруги Сальвадора Дали и Ман Рея. Ее бабушкой по отцовской линии была Диана Митфорд Мосли. Родившаяся в 1967 году Дафни выросла в мире аристократических привилегий и богемной фантазии. Семья жила в разных домах: в Ирландии, в Уорикшире, на Кенсингтон-сквер и в Кадакесе (Испания), где им принадлежал перестроенный монастырь. «Я всегда хотела доспехи, – призналась Дафни. – В нескольких наших домах стояли рыцари в доспехах, и мне хотелось стать Жанной д'Арк».[708] С юных лет она находила убежище в собственном мире, в мире своих фантазий. «Похоже на испанский «Грозовой перевал», – говорила она о том времени, когда жила в Испании. – Я любила бродить по холмам, у меня

были свои пещеры и вещи, которые я знала».[709] Когда она приехала в родовое поместье в Уорикшир, она узнала, что угольные карьеры в округе закрылись. Увидев покрасневшую воду в реках и ручьях, она решила, что земля кровоточит; на самом деле красный цвет вызывался оксидом железа в воде. В возрасте пяти лет она пережила серьезную травму: на нее напал друг семьи Энтони Бакеланд. Он приехал к ним искать свою мать, Барбару, бывшую жену наследника бакелитовой империи, Лео Бакеланда.

«Когда я увидела его, то решила, что он хочет рассказать мне сказку, – вспоминала Дафни. – Неожиданно он выхватил нож». Энтони потащил ее за дом, сообщив, что цель его жизни – убить всех женщин и что она станет его первой жертвой. Хотя он все же отпустил ее, позже, в ноябре 1972 года, Бакеланд зарезал свою мать. После того как в июле 1980 года его выпустили из тюрьмы, он напал и на свою 87-летнюю бабушку. «Помню вкус крови во рту, – говорит Дафни. – Я была как в трансе; а необходимость уговаривать человека, который явно был не в своем уме, сбивала с толку».[710]

В девятнадцать лет Дафни вышла замуж за грека Спироса Ниаркоса, наследника судоходной империи, и родила от него трех детей. Они развелись в 1999 году, и Дафни вернулась в Лондон. «Она жила в позолоченной клетке Фаберже, которая постепенно выжимала из нее все соки, и тогда она вышла из нее, как Венера из раковины», – сказал ее друг Робин Херлстоун.[711] Дафни была знакома с Изабеллой Блоу почти всю жизнь – бабушка Изабеллы, леди Вера Делвз Бротон, была любовницей прадеда Дафны, лорда Мойна. В 1997 году Изабелла и Дафни встретились в отеле «Кларидж», где праздновали 19-летие родственницы Дафны Морин, маркизы Дафферин-Ава. «Это был торжественный вечерний прием; дамы обязаны были прийти в тиаре, а у меня тиары, конечно, не было, поэтому я сделала себе головной убор из перьев и массы черного шифона, – вспоминала она. – Иззи пришла в полный восторг от моего фантастического наряда».[712]

Изабелла очень хотела познакомить Дафни с Маккуином, но Дафни очень стеснялась и отказывалась. Кроме того, ей не хотелось, чтобы дизайнер подумал, что она чего-то ждет от него. Она покупала много его вещей, сделанных для Givenchy, и, по ее словам, была совершенно счастлива знать его только через его творения. «Кроме того, я не хотела, чтобы Изабелла считала меня еще одной Аннабелл [Нейлсон. – *Э. У.*]», – добавляла она.

Однажды, переходя Лестер-сквер, Дафни услышала, как сзади ее окликают: «Эй, на вас мое пальто!» Она обернулась и увидела

Маккуина. «Вы Александр?» – уточнила она, перенимая манеру Изабеллы называть его средним именем. «Да, а вы – та самая, кто мной пренебрегает, – ответил он. – Почему вы не хотите со мной познакомиться?» Оба рассмеялись и зашли в ближайший паб, где «надрались». Первое впечатление Дафни от Маккуина было таким: голубоглазый, добрый, честный, с хорошим чувством юмора. «Он был по-настоящему умен, ум так и сочился из него», – сказала она.

Дафни, которая после развода получила 20 миллионов фунтов и, помимо того, была обладательницей собственного состояния, собрала громадную коллекцию вещей от-кутюр; она часто одалживала Маккуину разные предметы одежды, и тот внимательно изучил их.

«Он возвращал их без подкладки, потому что распарывал все вещи – ему хотелось проверить, как поработали портнихи», – вспоминала Дафни. Новых друзей объединял бунтарский дух – они рассказывали друг другу о своих выходках в школе и о том, что детьми они везде чувствовали себя чужими. «Если вспомнить, кто я такая, можно подумать, что мы находились на разных полюсах, но мы оба были впечатлительными и очень сочувствовали друг другу, – сказала она. – Для меня он стал кем-то вроде отца, всегда старался подбодрить меня, потому что ему казалось, что я вечно выбираю не тех мужчин. Он всегда очень опекал меня и приходил в ярость, когда ко мне плохо относились. Именно он всегда отговаривал меня от глупостей. Его влекло к раненым, обиженным судьбой».

Дафни вскоре узнала, что ее новый друг якшается с людьми, которые добывают для него наркотики и поощряют их употреблять. «Изабелла была решительно настроена против наркотиков; она считала их злом и очень не одобряла то, что Александр их употребляет, – сказала она. – Она считала, что наркотики – для неудачников. Если я и получила какое-то влияние на Александра, то, наверное, только в том, что я беседовала с ним о наркотиках и самосохранении».[713]

24 мая 2000 года Маккуин и Аннабелл Нейлсон посетили вечеринку у бассейна в «Бич-отеле» в Монте-Карло, устроенную итальянским Vogue в честь восьмидесятилетия Хельмута Ньютона. За столиком с Ли сидели Наоми Кэмпбелл, Стелла Маккартни, Мег Мэтьюс и Джон Гальяно. «Их столик был самым шумным, – вспоминал кто-то из гостей, чьи слова процитировали в газете. – Они громко радовались и явно что-то затевали. Гальяно заметил, что прием излишне натянутый, и решил добавить театральности».[714] Они с Маккуином нырнули в бассейн одетыми; за ними последовали Мег и Аннабелл.

Говорили, что кто-то порвал Мег юбку на талии, и, когда она вылезла из воды, «ей пришлось семенить в черных трусиках-танга», а тонкое платье Аннабелл, похожее на паутину, стало совершенно прозрачным и ничего не скрывало. По слухам, устроители вечера потребовали предварительного просмотра всех фотографий, которые передавались в прессу. «Те, что вы не видели, превосходили все ожидаемое», – заявил один очевидец. [715]

Несмотря на свою невоздержанность, Маккуин не терял наблюдательности и сосредоточенности. В ту ночь он заметил в толпе мужчину, способного, как он считал, изменить его жизнь. Речь идет о Доменико Де Соле, исполнительном директоре группы Gucci и конкуренте Бернара Арно, босса Маккуина в концерне LVMH. В апреле Маккуин связался с Марианной Теслер, президентом Givenchy, и предложил купить пакет акций его компании. Судя по всему, ни Теслер, ни Арно предложение Маккуина не заинтересовало. «Они говорили: «Да-да-да» – и ничего не менялось». Поэтому Маккуин решил попытать счастья в другом месте.[716] Он очень оживился, узнав, что группа Gucci скупает акции других компаний. «Бывает, предлагают хорошие возможности. Есть компании, которые можно купить. Но у меня есть предел. У меня есть 2,5 миллиарда», – сообщил Де Соле чуть раньше, в мае, в интервью журналу «Тайм».[717]

В ту ночь в Монте-Карло Маккуин подошел к Де Соле, представился и попросил сфотографировать их вместе, пошутив, что его так и тянет послать снимок Арно. «Я еще подумал: он – то, что мне нужно», – сказал Де Соле, который предложил Маккуину встретиться в Лондоне.[718] Ли понимал, что играет в опасную игру – в 1999 году Арно начал процесс поглощения компании Gucci, тайно скупив более 20 % акций Gucci. Затем он предложил владельцам 5,9 миллиарда фунтов. Чтобы защититься от такого рода нападок, Gucci сделала «ход конем» и обратилась к Франсуа Пино, чья компания Pinault-Printemps-Redoute (PRP) приобрела 42 % акций группы за 2 миллиарда фунтов. Итак, Ли прекрасно понимал, что ведет опасную игру. Зачем же он так поступил? «Это все равно что иметь бойфренда, о котором заранее знаешь, что порвешь с ним, – говорил Маккуин о своих отношениях с Givenchy. – Единственная разница заключалась в том, что в данном случае я ни о чем не жалел».[719]

Весной 2000 года отношения Ли и Джея Массакре исчерпали себя. «Наши пути разошлись, – говорит Джей. – Я был очень молод, а он был тем, кем он был. Какое-то время мы не разговаривали, а потом снова стали друзьями и оставались друзьями до самой его смерти».[720] Примерно в то же время в

баре на севере Лондона Маккуин встретил еще одного молодого человека, в которого он влюбился, – 23-летнего режиссера Джорджа Форсайта. «Ли был романтиком, он постоянно влюблялся», – заметил его друг Мигель Адровер.[721]

Джордж был сыном архитектора Алана Форсайта и его жены Сандры. «Раньше я понятия не имел о моде и не интересовался ею, – уверяет Джордж, – просто мы отлично поладили с самого начала. Он был мальчиком из Ист-Энда, я – еврей с севера Лондона. Мы могли разговаривать часами. Ухаживания продолжались четыре недели, около пяти недель после знакомства, но однажды в субботу мы куда-то пошли, и я больше уже не вернулся домой».[722] Джордж собирался создавать видеоинсталляции; в одной из своих работ он заснял мужчин у писсуаров, которые мочатся и мастурбируют. «Джордж – просто прелесть, – говорит его друг Доналд Эркарт, который был знаком с ним еще до того, как тот начал встречаться с Ли. – Очень любопытный, всегда интересовался культурой. Отличное чувство юмора; он обожал посмеяться и повредничать».[723] Доналд заметил, как изменился личный стиль Ли после того, как его новый, более молодой бойфренд начал одевать его по своему вкусу. Теперь он делал акцент на стиле casual и превратился, если можно представить себе такое, в «шикарного гопника». «Джордж обожал кроссовки – у него их было несколько дюжин, обычно очень редкие дизайнерские серии в ярком стиле, часто с толстыми, составными подошвами, которые прибавляли ему роста», – вспоминает Доналд. Они с Ли очень выделялись в Ислингтоне. «Микрорайон Ислингтона, застроенный муниципальными домами, тогда выглядел как и в наши дни, а его обитатели одевались так: светло-серые толстовки с капюшонами, тренировочные штаны и рубашки поло Gap в горизонтальную полоску, – вспоминает Доналд. – Джордж и Ли носили пиджаки из парчи с вкраплением золотых нитей и вещи с крупными логотипами ярких, «кислотных» цветов. Стиль «ибица-шик».[724]

Впервые Джордж понял, насколько известен его бойфренд, на приеме, устроенном Vogue. Когда они с Ли в драных джинсах и кроссовках шли по Странду, замелькали вспышки объективов многочисленных фотографов; они кричали: «Александр! Александр!» «Там была шикарная выпивка, красивые люди, – вспоминает он. – Помню, он подвел меня к Наоми Кэмпбелл, Изабелле Блоу и Кейт Мосс; он хотел познакомить меня с ними. Тогда-то до меня и дошло, насколько он известен. До тех пор я знал только Ли, но там он превратился в Александра Маккуина».[725]

На поверхности все выглядело так, словно Маккуин

погрузился в мир безудержного гедонизма. По словам Джорджа, вечеринки устраивались без перерыва. Он вспоминает приемы с шампанским, бесконечные вереницы ледяных скульптур. Гостей на таких приемах обносили кокаином на серебряных подносах; иногда алкогольно-наркотические марафоны продолжались по три дня. Вместе с тем Маккуин продолжал работать в бешеном темпе. Весной 2000 года Ли объявил, что хочет запустить линию джинсов марки McQueens и линию солнечных очков. «Я хочу одного: вернуть моде задор, – говорил он. – Ведь сейчас она совсем выдохлась».[726] Кроме того, он готовил гигантскую скульптуру «Ангел» для выставки La Beauté en Avignon. В сотрудничестве с Ником Найтом Маккуин создал ангельское лицо из нескольких десятков тысяч разного цвета личинок. Скульптуру, выставленную в средневековой церкви в старинном Авиньоне, нужно было осматривать сверху под саундтрек в исполнении Бьорк. «Может, я и не очень много о себе воображаю, но думаю: то, что мы сделали для Авиньона, уравнивает нас с Трейси Эмин, – говорил в то время Маккуин. – Превратить личинки, самое безобразное, что только есть на земле, в Мадонну лучше, чем перечислять имена парней, с которыми я трахался всю жизнь».[727]

Маккуин и от своих подчиненных требовал полной отдачи; если они не отвечали его строгим стандартам, он оскорблял и унижал их. Проработав у Ли пять лет, Себастьян Понс понял, что пора сменить обстановку. Работа с Маккуином была в высшей степени стимулирующим, но вместе с тем и изнурительным опытом. По словам Понса, Ли часто пользовался его добросердечием, просил, например, выгуливать его собак и кормить рыбок, пока его нет в Лондоне. Кроме того, Понсу казалось, что Маккуин недоплачивает ему за сверхурочные. У него не было корпоративной кредитной карты, и поездки в Париж и Италию приходилось оплачивать из собственного кармана, а затем требовать возврата денег. «Я говорил: «Ли, у меня концы с концами не сходятся», – вспоминает Себастьян. Если они куда-то ходили, Ли всегда требовал ловить такси. Однажды, выходя из машины, Маккуин обругал Себастьяна за то, что платить за проезд пришлось ему. Себастьян ответил: будь на то его воля, он бы, во-первых, не взял такси, а поехал на автобусе или в метро. «Он уже забыл, что сколько стоит, – вспоминает Себастьян. – В отличие от него у меня не было неограниченного кредита». Их отношения достигли критической точки, когда Маккуин предложил отправиться за покупками, и они на такси поехали в магазин Comme Les Garçons. Всего за несколько минут Ли потратил 9 тысяч фунтов. В числе прочего он купил кашемировое

одеяло за 3 тысячи фунтов. «Позже я зашел к нему домой, чтобы выгулять собак, и увидел, что он отдал одеяло собакам, чтобы они на нем спали, а они его погрызли. Тогда я подумал: это уж слишком».[728]

Когда друг Ли Мигель Адровер предложил Себастьяну переехать к нему в Нью-Йорк, обещав больше платить, Себастьян согласился. В результате пострадали две дружбы. «Ли думал, что я его предал, что было неправдой», – говорит Мигель. Адровер и Маккуин больше не разговаривали.[729] Себастьяну же Ли сказал: если он уйдет из компании, назад его уже не примут. Когда Понс все же ушел, его место заняла Сара Бертон.

В августе, через месяц после показа коллекции Givenchy в Большой арке Дефанс, где воссоздали атмосферу модной вечеринки в центре Нью-Йорка, Маккуин решил устроить «свадьбу» с Джорджем Форсайтом на Ибице. Мысль о брачной церемонии возникла у него однажды летом, когда пара выпивала в клубе «Граучо» с Кейт Мосс и Аннабелл Нейлсон. В середине вечера кто-то из женщин спросил Джорджа, хочет ли он выйти замуж за Ли. «Да, хочу», – ответил Джордж. «Правда?» – переспросил Маккуин, на что Джордж снова ответил: «Да».

Дело происходило до того, как в Британии узаконили партнерские отношения или браки между геями, поэтому речь шла только о символической церемонии, а не юридически узаконенном союзе. Девушки очень оживились и через несколько минут обо всем договорились: Аннабелл вызвалась быть подружкой Ли, а Кейт – Джорджа.

Они вчетвером полетели на Ибицу, где сняли роскошную виллу. В день церемонии Джордж и Ли расслаблялись в бассейне. Подруги велели им быстро одеться – настал великий день. У дверей их поджидали два «бентли», в один сели Ли и Аннабелл, во второй – Джордж и Кейт. Машины увезли их в порт, где они сели на трехэтажную моторную яхту, полную знаменитых друзей Ли: Сейди Фрост и Джад Лоу, Пэтси Кенсит, Мег Мэтьюс и Нелли Хупер. Аннабелл заказала у Шона Лина два кольца, на каждом выгравировать «Джордж и Ли» и инкрустировать их бриллиантами. Церемонию проводил священник – последователь течения нью-эйдж. Он сочетал их браком при полной луне, после чего гости угостились омарами и выпили шампанского на 20 тысяч фунтов. «Родственников не было, – признавался Джордж позднее. – Там были одни тусовщики. Я психовал. В какой-то момент ко мне подошел Джад Лоу и спросил: «Ты ведь никого здесь не знаешь?» – а я в самом деле никого из них не знал. Но потом мы с Ли спустились на палубу при луне. Ночь была идеальной. Так романтично!»[730]

Однако романтика оказалась недолговечной. «Все оказалось полной лажей, – говорит Арчи Рид, чьи отношения с Ли то возобновлялись, то прекращались. – Там не было ничего настоящего, и любой, кто будет утверждать обратное, солжет. Ли использовал Джорджа только для того, чтобы позлить меня, – сам-то Джордж ничего из себя не представляет; с ним Ли только проводил время. Ли любил плохих парней, а Джордж таким не был, хотя и притворялся».[731] Дни, проведенные на Ибице после свадьбы, очевидно, были настолько буйными, что Ли признавался друзьям: он больше видеть не может этот модный остров.

На глазах у друзей отношения Ли и Джорджа менялись. Вначале они демонстрировали нежность, но позже перешли к грубому насилию. Ли обычно брал Джорджа с собой на приемы и вернисажи – 7 сентября их сфотографировали вместе на открытии магазина Burberry на Бонд-стрит. Как-то Ли послал Джорджу 500 красных роз, а в другой раз, повинуясь капризу, нанимал самолет, чтобы слетать в Париж выпить, в Испанию – пообедать, а потом в Амстердам, чтобы потусоваться в ночных клубах. В то же время «Ли жестоко избивал Джорджа», – говорит друг Маккуина Крис Берд.[732] «Они с Джорджем часто дрались», – подтверждает и Джанет Стрит-Портер.[733] «Все считают его агрессивным, но его агрессия коренится в ранимости, – сказал Элтон Джон. – Он в самом деле набрасывается на людей, но причина – его неуверенность в себе».[734] Детмар Блоу вспоминает неудачный обед в Nobu с Элтоном Джоном и Дэвидом Фернишем, Тимом Бертоном и его тогдашней спутницей моделью Лизой Мэри. «Элтону казалось, что демоны, мучившие Маккуина, знакомы и ему, и он хотел помочь… Но Маккуин отвечал грубо и неприветливо».[735]

Чем больше времени проводили вместе Джордж и Ли, тем больше молодой человек осознавал, что его «молодой муж» – человек крайне закомплексованный. «Все хотели общаться с Ли, – сказал он. – Он был самой популярной личностью в городе. Но я заметил, что в мире моды лишь очень немногие могли сказать: «Вот человек, о котором нужно заботиться».[736]

Джордж испытал потрясение, узнав, что у Маккуина имеется необычный фетиш. «У Ли был грибок стопы; он так запустил болезнь, что кожа у него ужасно зудела, – вспоминает Доналд Эркхарт. – Ему очень нравилось это ощущение; он любил чесаться между пальцами ног, что, естественно, не нравилось Джорджу».[737] Джордж говорил Доналду, что Ли «чуть не кончает от этого, для него это почти сексуальное наслаждение».[738]

Связи боли и наслаждения Маккуин посвятил следующую коллекцию своей линии одежды, показ которой прошел 26

сентября 2000 года в бывшем автобусном депо на Гатлиф-Роуд. Коллекция Voss стала одной из вершин в его карьере; она стала не столько модным показом, сколько подробным анализом отношений, которые связывают красоту и уродство, секс и смерть, здравомыслие и безумие. Однако за кулисами атмосфера была совсем не мрачной. Кейт Мосс, слегка раздраженная оттого, что ее голову закутали в муслин, схватила бинт и замотала им парикмахера Гвидо Палау. «Ему не понравился вкус собственного лекарства, – сказала она. – В кабинете у Маккуина есть снимок; на нем мы с Ли сгибаемся пополам от хохота, потому что я отомстила ему [Гвидо. – *Э. У.*]».[739]

Перед началом показа зрители – в числе которых находились самые красивые женщины мира, в том числе Гвинет Пэлтроу, а также многочисленные модные критики – вынуждены были целый час смотреть на самих себя в зеркальный подиум – длинную коробку из одностороннего стекла. Наконец, когда многим стало откровенно не по себе, на подиум начали выходить модели. С забинтованными головами, как будто они только что перенесли операцию лоботомии (или подтяжки лица), красивые девушки, которые ничего не видели, расхаживали туда-сюда среди декораций, напоминавших обитую войлоком палату для душевнобольных, и обходили зловещий черный ящик, стоящий посередине.

Сами костюмы восхищали красотой, но в то же время озадачивали. Одно платье украшали кроваво-красные предметные стекла. Еще одно платье было расшито раковинами морских черенков, которые Ли и Джордж нашли на пляже в Норфолке. Малиново-зеленое пальто украшало лицо Маккуина, выполненное в технике шелкографии.

Красивейшие куртка и брюки в японском стиле были сшиты из розово-серой ткани «птичий глаз»; комплект дополнялся шляпой размером с детский гробик, расшитой шелком и украшенной живыми амарантами. Наконец, публике представили изысканное нижнее белье из устричных раковин, которое носилось под платьем, созданным из японской ширмы XIX века. Ширму Ли присмотрел на парижском «блошином рынке» Клиньянкур; она стояла у него дома, а за полгода до показа он нашел ей применение. «Ширма была такой хрупкой, что стоило нам до нее дотронуться, она крошилась, – вспоминает Сара Бертон. – Мы посадили ее на хлопок, чтобы она совсем не развалилась, и простегали шелком, чтобы держала форму. Все делалось вручную – с такой хрупкой вещью о машинке нечего было и думать. Почти все Александр сделал сам. Он не хотел ни складок, ни вытачек; он хотел, чтобы платье вышло очень

плоским. Оно стало его шедевром, совершенно фантастическим». [740]

Впрочем, в резкое противоречие с красотой представленных вещей вступал финальный образ. После того как последняя модель покинула подиум, внутри таинственного черного стеклянного ящика зажегся свет, и из динамиков послышался тяжкий вздох. Упали откидные борта, и взорам публики предстала голая толстуха в дыхательном аппарате, вокруг которой летали сотни мотыльков – своеобразная пародия на фотографию Sanitarium Джоэла Питера Уиткина 1983 года. «Я – пульсирующее зеркало Маккуина, величайший ужас моды, который смотрит прямо на нее, – писала в своем дневнике журналист и писательница Мишель Олли, которую Маккуин попросил раздеться и надеть дыхательную маску. – Я – смерть моды. Смерть красоты».[741]

Коллекция отражала двойственное отношение Маккуина к модной индустрии: в то время как у него еще оставалась способность воображать и делать одежду потрясающей красоты, ему казалось, что в окружающей ее среде скрывается нечто крайне ядовитое. Финальный образ, по воспоминаниям Мишель Олли, призван был символизировать смерть. «Мсье Маккуин готовил финиш Большой Мамы Муэрте», – писала она.[742]

«Я больше не вижу себя в моде, – признавался Ли Нику Найту. – В этом больше нет смысла. Если думать о моде в историческом масштабе, она была революционной. Сейчас она не революционна». Разве он не считает свое творчество революционным? – поинтересовался Найт. «Нет, я устал стараться. Устал быть анархистом… В крупных компаниях постепенно понимаешь, что это ничего не значит… Будь я Богом, я заморозил бы моду на пять лет».[743]

Казалось, Маккуин мог бы сделать шаг назад, сойти с безостановочной «беговой дорожки», когда ему приходилось готовить одну коллекцию за другой. Его контракт с Givenchy истекал в конце 2001 года; он уверял, что не стремится ни к большему богатству, ни к большей славе. Сбылись многие его юношеские честолюбивые мечты. И все же, когда ему позвонила Изабелла Блоу и сообщила, что Том Форд от лица дома Gucci заинтересован в покупке доли его компании, он тут же ухватился за эту возможность. Ни при чем были ни техасское обаяние Тома Форда, ни предположение Изабеллы, что Ли просто понравился креативному директору Gucci. В конце концов, Маккуин сам заварил кашу, подойдя к Доменико Де Соле в Монте-Карло. «Он [Де Соле. – *Э. У.*] мне понравился, – говорил Маккуин. – И я подумал о сотрудничестве с Gucci».[744] Может быть, он хотел

отомстить? «По-моему, он продал долю в своей компании группе Gucci, потому что хотел показать фигу Бернару Арно», – сказал Крис Берд.[745]

После многочисленных телефонных переговоров, которые продолжались все лето 2000 года, Маккуин и Форд наконец назначили дату встречи в лондонском ресторане The Ivy («Плющ»).

«Том сказал: «Я иду ужинать с Александром, а ты не приходи!» – вспоминает Ричард Бакли, тогдашний партнер, а теперь муж Тома. – И я понял, что они что-то затевают». В ту октябрьскую ночь в ресторане Ли и Том говорили о своей жизни и вообще обо всем, кроме моды. «В одном зале с нами сидели Твигги и Чарлз Саатчи, а мы буквально сияли», – вспоминал Маккуин. Форд, со своей стороны, назвал Маккуина человеком, который выглядит хулиганом только на фотографиях, но при личном общении «мягкий, как зефир» – «восхитительный, обаятельный и добрый». Ему очень нравилась «поэтичность» творчества Маккуина. «Он истинный художник, хотя художник, обладающий коммерческой жилкой».[746]

Однако Маккуин оказался вовсе не таким покладистым, когда дело дошло до того, сколько он хочет за 51 процент своей компании – точнее, трех компаний, основанных им: Paintgate, Autumnpaper и Blueswan. В то время в прессе циркулировали разные цифры – от 54 до 80 миллионов фунтов, что, по мнению Джона Бэнкса, бухгалтера Маккуина, было явным преувеличением. Он вспоминает ряд тайных встреч, которые проводились в отдельном зале отеля Brown's в Мейфэре. Все дела приходилось вести в обстановке строжайшей секретности, так как Gucci и Givenchy, по его словам, «находились в состоянии войны… Когда дело дошло до суммы, которую запрашивал Ли, никаких вопросов не возникло; сумму назвал он сам. Она исчислялась десятками миллионов долларов в самом минимальном варианте. Помню, когда мы озвучили свои требования, Де Соле и Джеймс Макартур [тогда исполняющий обязанности вице-президента группы Gucci. – *Э. У.*] ахнули, но деньги он получил. Торги начались на цифрах в 20 и 30 миллионов долларов, до тех пор, пока наконец не дошли до той суммы, которую он запрашивал».[747]

В дополнение к деньгам Де Соле и Форд гарантировали Маккуину творческую самостоятельность. Он оставался креативным директором своей фирмы. «Вопрос, который я вынужден был задать самому себе – потому что это моя работа, – заключался в том, в самом ли деле он обладает властью и талантом для того, чтобы превратить лейбл «Александр Маккуин»

в мировой бренд, – говорил в то время Де Соле. – По-моему, да; иначе я бы не пошел на сделку с ним».[748]

Группа Gucci собиралась открыть десять флагманских магазинов McQueen по всему миру. Кроме того, запланировали магазины, где торговали бы духами, аксессуарами и побочными изделиями. «Скоро он получит то, чего хотим мы все, – всемирную империю, – сказал Джулиан Макдоналд, сменивший Маккуина в Givenchy. – Они принарядят его, поправят ему галстук и добьются того, что его аксессуары завоюют весь мир».[749]

В субботу 2 декабря Джон Бэнкс позвонил Маккуину и поздравил с успешным завершением сделки. Ли сидел в машине с группой друзей; Джон услышал радостные крики. «Он был счастлив до безумия».[750] Вернувшись домой, Ли и Джордж отметили событие, запив упаковку чипсов двумя бутылками слабоалкогольного коктейля «Бакарди Бризер».

4 декабря, когда стало известно о «сделке века», это вызвало ажиотаж в прессе; рассказ о произошедшем даже попал на страницы газеты Sun. «Маккуин подлил масла в огонь модных междоусобиц», – написали в The Times. Комментатор в Independent подробно проанализировал работу Маккуина в Givenchy и выразил надежду, что в новой роли дизайнер станет счастливее. «Партнерство с Gucci, несомненно, станет искрометным, – писал он, – но, по крайней мере, оно не будет смертельным».[751]

Глава 11

Ли постоянно искал состояние, в каком ему будет удобно, – мир ускользал от него.

Керри Юманс

В конце декабря 2000 года Ли и Джордж сидели дома и смотрели телевизор. В углу съемной квартиры в Ист-Энде стояла громадная рождественская елка, покрытая сотнями страз Сваровски. Их сняли с люстры стоимостью в 30 тысяч фунтов, которую Маккуин купил в парижском отеле «Четыре сезона» и потом разобрал. Ли надоело смотреть красивые виды только по телевизору; на середине очередного документального фильма он повернулся к Джорджу и спросил, хочет ли тот поехать в Африку. Через два дня они сидели в бизнес-классе самолета, который перенес их на Черный континент – Маккуин арендовал самолет только для них. Правда, через 48 часов ему надоел пустынный пейзаж и долгие часы ожидания, когда надеешься хоть краем глаза увидеть какого-нибудь дикого зверя. Он помнил, что у Наоми Кэмпбелл вилла на побережье, и нанял частный самолет, чтобы слетать к ней в гости. «Мы провели три дня, беспрерывно тусуясь и принимая наркотики – был Новый год, – вспоминает Джордж. – Наоми, правда, к кокаину не притрагивалась, хотя ее окружали люди, которые только этим и занимались».[752]

После сделки с Gucci Маккуин превратился в обладателя солидного состояния. Джордж вспоминает, как летал с ним в Нью-Йорк, когда Ли вдруг стукнуло в голову купить несколько произведений современного искусства; за один день Маккуин потратил 125 тысяч фунтов на пару гравюр Уорхола, в том числе одну из серии «Туфли в алмазной пыли». «Мне захотелось получить частицу истории, – пояснял он. – Я никогда не был его особенным поклонником. Я понял его, только когда прочел дневники, и тогда мне показалось, что мы чем-то похожи, потому что индустрия [моды. – *Э. У.*] – куча дерьма, а он был очень талантливым и понял это перед смертью».[753]

В июне 2001 года Маккуин заплатил 1 300 000 фунтов за дом в Абердин-Парке, в Ислингтоне, который он купил для своего друга, парикмахера Гвидо Палау. Потом, в том же году, он подарил родителям дом на Роуэн-Уок в Хорнчерче (Эссекс) за 275 тысяч фунтов. Сначала Рону и Джойс не хотелось оставлять «родовое гнездо» на Биггерстафф-Роуд в Стратфорде. Рону

нравилось рыбачить на расположенной поблизости реке Ли, а Джойс привыкла к местному торговому центру. «Но через пару лет они обжились и поняли, что должны были переселиться туда много лет назад», – сказала Джанет Маккуин.[754]

Ли по-прежнему был недоволен своей внешностью; он попросил Джанет Стрит-Портер познакомить его с ее личным тренером. «Он пытался приучить Ли к тренировкам, но все оказалось бесполезно, – вспоминает Джанет. – Ли приходил либо совершенно обдолбанный, либо в состоянии ломки после кокаина и других наркотиков. Так что тренер отказался с ним работать – того и гляди, произойдет несчастный случай или у него будет сердечный приступ прямо на тренировке».[755] По-прежнему страстно желающий похудеть, Маккуин заплатил несколько тысяч фунтов за операцию по бандажированию желудка; благодаря ей уменьшалось количество пищи, которое он способен был съесть. Результаты оказались разительными, и за первые три месяца после операции он похудел на три стоуна (около 20 кг). «Он пытался приспособиться к новому положению селебрити, но такой статус ему не подходил», – считает Арчи Рид.[756] «Мне всегда казалось, что небольшой лишний вес ему даже шел», – говорит его брат Тони.[757] Но новая внешность нравилась самому Маккуину; журналистам он говорил, что похудел оттого, что ведет здоровый образ жизни, правильно питается и занимается йогой. «Больше всего хочется посмотреться в зеркало и сказать: «Как же ты мне нравишься!» – говорил он в интервью Харриет Куик из журнала Vogue. – Как-то я заторчал в одном клубе и пошел поговорить со своим отражением в зеркале – я чуть не умер со смеху. Я подумал: «Ах, какой ты милашка!» Подумать только, ведь это же я. Наконец я достиг чего хотел!»[758]

Ко времени церемонии награждения Rover British Fashion Awards, которую проводили 20 февраля 2001 года в Баттерси-Парке, Маккуин лишился почти всего жира в области талии, лицо у него тоже похудело. Когда он вышел на сцену, чтобы получить награду как лучший дизайнер года, – он обошел таких конкурентов, как Джулиан Макдоналд и Клементс Рибейро, – Маккуин выглядел нервным и взвинченным; под темными очками, которые он упорно отказывался снять, прятались бегающие глаза. Для повышенной тревожности, как оказалось, имелась веская причина: на сцене, рядом с председателем Британского совета моды, Николасом Кольриджем из группы Condé Nast, стоял принц Чарлз, чей костюм Маккуин, по его словам, тайно испортил много лет назад. Понимая, что нужно как-то сгладить неловкость, он пошутил: «Мне как-то жутковато, ведь я начинал с того, что шил костюмы для его высочества в

ателье Anderson & Sheppard, и вот я получаю награду из его рук… Прямо оторопь берет!» В ответ и публика, и принц рассмеялись. В фильме о творчестве Маккуина, который показали перед награждением, дизайнер говорил о постоянном стрессе, какой он испытывает во время работы, и о том, как ему удалось передать свои чувства в коллекции Voss. «Трудиться в модной индустрии – все равно что быть подопытным кроликом: все на тебя смотрят, чем-то в тебя тычут. Так же и в моде. Этот мир узок, в нем много темного, много вуайеризма. Иногда мода душит. Иногда она напоминает психушку».

Получив награду, Ли раскритиковал правительство за то, что британских дизайнеров не поддерживают. Он сказал: «…если бы не Gucci, сегодня я бы не смог продолжать»,[759] повторив свои слова, произнесенные в передаче Би-би-си за несколько дней до церемонии. «Представьте, что вас пригласили в резиденцию премьер-министра, на Даунинг-стрит, 10, и вдруг вас хватают и тащат фотографироваться с Шери Блэр… Она и двух слов мне не сказала до того, как нас с ней щелкнули вместе. Все это прекрасно, но вы должны подкреплять свои слова деньгами, а не просто говорить».[760]

Начало 2001 года выдалось для Маккуина особенно тяжелым. Он надеялся поработать с Сэм Тейлор-Вуд над инсталляцией для январского показа коллекции от-кутюр для Givenchy, но после того, как в LVMH узнали о его сделке с Gucci, ему решили перекрыть кислород. В виде наказания следующий показ устроили в «неприметном, предназначенном только для клиентов салоне отеля «Авеню-Георг V».[761] Кроме того, Ли обиделся на некоторые заявления со стороны LVMH. Представители концерна, в частности, сказали: так как LVMH не является спонсором его собственной компании, «мистеру Маккуину следует искать финансирование для своего крошечного бизнеса». По словам журналиста Кристы Д'Сузы, «из всех отзывов, какие Маккуин получил после сделки, слово «крошечный» оскорбило его больше всего».[762]

Не приходится удивляться, что свою следующую коллекцию под собственной маркой он назвал What a Merry-Go-Round («Что за карусель»). В коллекции (ее показали 21 февраля 2001 года) зловещие воспоминания детства сочетались с пренебрежительным отношением дизайнера к индустрии моды в целом. На подиуме появились Ловец детей из мюзикла «Пиф-паф-ой-ой-ой», куклы чревовещателя, модели с «клоунскими» лицами, устрашающего вида куклы и карусель с восемью лошадками. Карусель кружилась под детский смех. Под колыбельную Кшиштофа Комеды из фильма «Ребенок Розмари» на сцену,

ковыляя, вышла модель в треугольном парике и с клоунским лицом; к подолу ее юбки был прицеплен золотой скелет. «Мы показываем детям клоунов, как будто клоуны смешные, – говорил Маккуин после показа. – А ведь это не так. Они не смешные, а страшные. А балаган, в переносном смысле, олицетворял все, через что мне пришлось пройти в последнее время».[763] Хотя коллекцию приняли хорошо – «коллекция стала блестяще сбалансированным сочетанием мужского и женского, ультраромантического и брутального», писала Сюзанна Френкел, [764] – позже Маккуин признавался: по его мнению, зрелищность в коллекции победила, а «сами костюмы никто не помнит».[765]

Джанет Стрит-Портер с ним не согласилась. Вскоре после показа Маккуин прислал ей подарок: длинное черное кожаное пальто со шлейфом. Подарок очень понравился колумнистке и диктору, но носить его оказалось трудно по нескольким причинам. «Во-первых, оно очень длинное; все время приходится соблюдать осторожность, чтобы не споткнуться о шлейф, и в нем выглядишь, как пьяная», – говорила она. Во-вторых, пальто возбуждало нездоровые страсти в окружающих. Она вспоминает, как надела его на открытие галереи Тейт, и за ней повсюду ходил хорошо одетый, хорошо образованный мужчина за шестьдесят. «Он был членом парламента или промышленным магнатом, во всяком случае, на нем был очень дорогой костюм, – вспоминает Джанет. – Подошел ко мне и сказал: «Я дам вам все, что вы хотите, если вы приедете ко мне на квартиру и останетесь там в этом пальто». Я наотрез отказалась. Потом я решила надеть пальто на свадьбу в Оксфордшире. Помню, перед свадьбой я зашла к подруге, и она спросила: «Мать твою, ты что, пойдешь в этом пальто?» Я ответила, что да, и она сказала: «Тогда я не пойду, я не могу с тобой конкурировать». Пальто оказывало большое влияние на людей, все его лучшие вещи были такими». [766]

13 марта 2001 года Ли и Джордж посетили вернисаж выставки поп-арта в Центре Помпиду. Через три дня Маккуин представил свою последнюю коллекцию для Givenchy. Дефиле стало довольно тихим; Маккуина снова «сослали» в небольшой салон «Авеню Георга V». Вместо обычных 2000 человек показ посетили всего 80, в основном покупатели. Фотографам запретили вход, и на показе присутствовала лишь горстка репортеров модных журналов. «Коллекция была типичной для него: его «фирменный» отточенный крой, смягченный темно-серыми и лиловыми цветами и пышностью блуз и юбок, – вспоминает Сьюзи Менкес, которая тогда работала в International Gerald Tribune. – Маккуин собирал юбки на широкие корсетные

пояса-шарфы, врезавшиеся в тело».[767]

В том же году в подарок на день рождения (ему исполнилось 32 года) Маккуин получил от Элтона Джона фотографию Джоэла Питера Уиткина. Ли собирал работы Уиткина с 1997 года; в 2003 году ему принадлежало тринадцать фотографий. В его коллекцию входил триптих «Портреты из загробного мира» («Мадам Дарю», «Мсье Давид», «Мадам Давид», три трупа с вскрытыми головами и выставленным напоказ мозгом) и «День в деревне» (на котором белый жеребец как будто собирается овладеть голой пожилой женщиной). «Я смотрю на Уиткина очень по-разному, – признавался Маккуин. – Я не нахожу его экстремальным. Я знаю, что другим он кажется экстремальным. Но я не смотрю на собаку с вывернутым желудком или на фекалии, я оцениваю все произведение в целом и нахожу его работу поэзией. Его творчество созвучно моему». Получив крупную сумму от Gucci, Маккуин продолжил собирать произведения современного искусства. Он покупал фотографии Мэта Коллишоу, Сэм Тейлор-Вуд, Ли Миллер, Билла Брандта и Марка Куинна, картины Сесили Браун и Фрэнсиса Бэкона, произведения братьев Чепмен и произведение, созданное представителем британского поп-арта Алленом Джонсом, где скульптура в виде женщины в корсете, подтяжках, перчатках и кожаных сапогах спиной поддерживает стеклянную столешницу. «Я не меркантилен, – говорил он. – И не смотрю на ценник. Если вещь меня радует, я готов выложить за нее любую сумму. Если придется что-нибудь продать, когда мне исполнится пятьдесят, так я и поступлю». Одной из его любимых картин был «Портрет Арнольфини» Яна ван Эйка 1434 года, выставленный в Национальной галерее; Маккуин мечтал приобрести произведение художника XV века Ханса Мемлинга, но понимал, что такое ему не по карману. «Мне бы хотелось купить картину Люсьена Фрейда, – признавался он. – Наверное, если бы можно было, я бы попросил его нарисовать меня, потому что он заглядывает под поверхность. Этого достаточно, чтобы напугать до полусмерти. От меня он получил бы психоз».[768]

Однако некоторых друзей беспокоили вкусы Маккуина в искусстве. Так, Ли признался бывшей соседке Майре Чей Гайд, что начал видеть в доме световые шары. «Я сказала: «Ничего удивительного, посмотри на произведения искусства, которые ты собрал дома. Они все о смерти», – вспоминает Майра. Она советовала ему избавиться от многих тревожных вещей, в том числе фотографий Уиткинса, но он возражал: «Они стоят целое состояние». «Помести их в хранилище или отвези на работу, но не вешай их там, где ты живешь», – советовала Майра. «Я просила Ли защищаться, например, представить, что его окружает белый

свет».[769] Садовница Ли Брук Бейкер тоже вспоминает, как ее тревожили картины, которые коллекционировал Маккуин. «Некоторые картины, вроде увеличенного снимка дыры в заднице, которую он повесил над кроватью, были смешные, но позже он начал скупать фотографии, которые его будоражили и нагоняли на него тоску, – говорит она. – Помню фотографию контуженного солдата и еще одну, женщины, которая потеряла голову в автокатастрофе».[770]

10 мая в Барбикане дизайнер дал блиц-интервью Хельмуту Ньютону. Интервью служило как бы прологом к выставке фотографа. Маккуин считал Ньютона, которого называли «маркизом де Садом в формате 35 мм» и поборником «порношика», своей родственной душой.[771] Ньютона, по словам Маккуина, «завораживали властные женщины, поглощенные ролевой игрой и преодолевшие грань между мужественным и женственным». Подобные слова можно с равным успехом применить и к самому Маккуину. «В начале моей карьеры и в то время, когда меня столько критиковали, мне приятно было узнать, что у меня имеется родственная душа в лице такого уважаемого фотографа, как Ньютон. С ним мне никогда не требовалось объясняться, – говорил он. – Женщины Ньютона выглядят так, словно попробуй дотронься до них, и они откусят тебе руку, а может, и не только руку… – Последнее вызвало смех в зале. – Он, как и я, интересуется тонкой гранью, разделяющей красоту и жестокость».[772] Ньютон, в свою очередь, называл Маккуина «настоящим провокатором».[773]

Личная жизнь Маккуина также легче не становилась. Его «брак» с Джорджем не удался; летом отношения испортились до такой степени, что они постоянно ссорились и дрались. Соседи несколько раз даже вызывали полицию. Ли начал встречаться с другими; одним из его новых партнеров стал Бен Копперуит, двоюродный брат его друга Ли Копперуита. Бен знал Маккуина с 1999 года, но после того, как он летом 2001 года окончил Королевский колледж искусств по курсу дизайна текстиля, они особенно сблизились. «Мне он показался по-настоящему вдохновляющим, щедрым, заботливым, интересным, необузданным, непонятным. Энергия била в нем ключом, – вспоминал Бен.[774] – Мы часто ходили по клубам; однажды я поехал к нему домой, и мы начали дурачиться. Тогда он был еще «женат» на Джордже, но я не помню, жили они вместе или нет. Ли ни в чем не знал меры и буйствовал больше, чем остальные мои знакомые. Он часто уходил в загулы. Я встречался с ним раз шесть или семь. Помню, однажды после вечеринки мы что-то принимали, и я отрубился. Потом я полтора дня не мог заснуть».

Теперь Бен совершенно чист – в 2003 году он переехал в Нью-Йорк и решил совершенно отказаться от алкоголя и наркотиков. «Лондонская обстановка гораздо больше способствует пьянству и наркомании, – говорит он. – Возможно, если бы он протрезвел, это бы его спасло».[775] Через несколько лет они встретились в Нью-Йорке на одном приеме, но Ли посмотрел на Бена как на незнакомца. «Он держался холодно, отстраненно; мне показалось, что так он поступал не только со мной: он отталкивал друзей», – сказал Бен.[776]

Отношения с Джорджем окончательно прервались в августе 2001 года. «С Ли нелегко было ладить, а Джордж еще его накручивал, – говорит Доналд Эркарт. – Они страшно злились друг на друга. Между ними происходили постоянные стычки, и наконец ему надоело».[777] По словам Арчи Рида, Ли узнал, что Джордж украл из дома какие-то гей-порнофильмы. «Кроме того, Джордж просил у него деньги на ипотеку. Они расстались после того, как Ли решил, что Джорджу нужен не он, а его слава и деньги».[778] Позже Маккуин выразил свое отношение к разрыву в перформансе, названном The Bridegroom Stripped Bare («Невеста, раздетая донага»), который он снял для студии Ника Найта как часть сезона «Трансформеры». Мужчина-модель с лицом, выкрашенным в белый цвет, в белом костюме Ёдзи Ямамото и в белой рубашке стоял на белом постаменте на фоне белого задника. Ли, на фоне громкой музыки техно, начинал рубить костюм топором, а затем при помощи веревки, куска белой материи, длинной вуали и ведерка белой краски превращал модель в невесту. Напоследок он связывал руки и ноги модели веревкой и рисовал у него на лице кроваво-красные слезы; он поливал краской ноги «невесты» и засовывал галстук модели в рот. «За происходящим молча наблюдали человек двадцать пять, – вспоминает Ник Найт. – Мне показалось, что смотреть на него – все равно что наблюдать за тем, как творят художники вроде Ива Кляйна или Джексона Поллока… Происходящее показалось мне довольно грустным. Не знаю, насколько оно отражало настроение самого Ли».[779]

На самом деле происходящее имело большое отношение к Маккуину: оно символизировало его неудачную любовь, предательство и вечную изоляцию. «Он никому не доверял, – говорит Арчи Рид, возобновивший в тот период отношения с Ли. – Думал, что все его домогаются из-за его славы. Нас с ним не оставляли наедине и на пять минут. Меня побаивались, так как знали, что я люблю подраться. Уже и не вспомню, сколько народу я избил. Я избивал всех, с кем он появлялся. Выволакивал их из клубов, забивал им собственные зубы в глотку, а потом

возвращался и допивал пиво. Что, кстати, ему нравилось».[780]

После отпуска на Средиземном море летом 2001 года Маккуин вернулся в Лондон освеженным и готовым нанести последние штрихи к следующей коллекции Dance of the Twisted Bull («Танец перекрученного быка»), первой коллекции одежды его бренда, которую он выпустил под эгидой Gucci. Показ прошел в Париже. Впоследствии именно там будут проходить все показы его линии женской одежды. Он порадовал поклонников платьями в стиле фламенко и костюмами тореадоров; на фоне крайностей Voss новая коллекция казалась довольно спокойной. «Я размышлял на деловом уровне, – говорил Маккуин. – Я создал эту коллекцию, потому что был новичком в фирме [Gucci. – *Э. У.*], и мне нужно было стать понятнее. Доступнее. Дело было не столько во мне, сколько в тех, кто это покупал».[781]

Маккуин сознавал, что отныне у него новые, более серьезные обязанности. Сьюзи Менкес вспоминает, как встретила его перед показом «испанской» коллекции и они обсуждали шрифты и буквицы. «Неужели это все, к чему я стремился?» – пошутил Ли. Он рассказал Менкес о планах Gucci на него: в 2002 году должен был открыться магазин в нью-йоркском районе Митпэкинг площадью в 4 тысячи квадратных футов; еще пятьдесят магазинов по всему миру; духи, линия мужской одежды, небольшое ателье для частных клиентов, линия обуви производства Bottega Veneta, фирмы, также принадлежавшей группе Gucci. Кроме того, планировалось расширение лондонского рынка. «Сейчас проходит много встреч – приходится больше заниматься делами, потому что открываются новые магазины… – сказал он. – Я как будто снова начинаю, и иногда похоже, что я делаю шаг вперед и двадцать шагов назад. То же самое происходит в любом крупном конгломерате и многонациональной компании – нужно перешагнуть красную черту. Но я – сила, с которой им придется считаться. Я играю жестко. Я не хочу терять сути Маккуина. Да, я хочу, чтобы мои вещи продавались. Но мне не приходится жертвовать своей цельностью». В одном интервью ему напомнили о том, что после его бамстеров во всем мире в моду вошли брюки и джинсы с заниженной талией. Как бы он отнесся к тому, если бы ему платили по доллару гонорара с каждой проданной пары? «Тогда я стал бы богачом, – ответил Маккуин. – Правда, я и так уже богат!»[782] По сведениям Sunday Times, Маккуин в 2001 году заработал 5,75 миллиона фунтов.

Чтобы неявно формировать новый образ Маккуина, привлекли компанию KCD, базирующуюся в Нью-Йорке фирму по связям с общественностью. Директор KCD Керри Юманс был знаком с Маккуином раньше. В Нью-Йорке они встретились на

деловом обеде. «Когда он пришел в парижский офис на первую встречу, он сразу воскликнул: «Я тебя знаю», – вспоминает Керри. – Он подмечал любую мелочь. Мог, например, сразу сказать, какая обувь на ногах у женщины, которая стоит в другом конце комнаты. Память у него была невероятная. Он уже взлетел на вершину славы, и я слегка побаивался, потому что предчувствовал, что с ним трудно будет иметь дело, ему трудно будет угодить. Но он сразу расположил меня к себе. Его слова сразу облегчили наши рабочие отношения, я показался ему «достойным доверия», а потом мы подружились». Постепенно они стали проводить вместе все больше времени: ходили ужинать, ездили в отпуск (который Ли всегда заканчивал раньше времени, иногда проводя на курорте всего сорок восемь часов); посещали клубы в Нью-Йорке, на Ибице и в Лондоне. «В повседневной жизни он вел себя просто, как обычный друг из гей-клуба, – вспоминает Керри. – Он любил веселиться, и у него было своеобразное чувство юмора. Часто с ним бывало смешно и весело. Правда, в нем всегда чувствовалось другое, его гений, что в некотором смысле разобщало. Он обладал необъяснимым даром, почти даром Божиим… У многих дизайнеров видна четкая грань между вдохновением и конечным продуктом. Но он был совершенно уникальным. Откуда что взялось? Как он мог все смешивать? В нем, в его творчестве было что-то непознаваемое». [783] Через двенадцать дней после парижского показа вещи из коллекции Маккуина можно было увидеть в Музее Виктории и Альберта – они стали экспонатами выставки «Радикальная мода», где присутствовали также творения Рей Кавакубо, Хуссейна Чалаяна, Вивьен Вествуд, Хельмута Ланга, Юни Ватанабэ, Аззедина Алайи, Мартина Маргиелы, Иссея Мияке, Жана Поля Готье и Ёдзи Ямамото. На выставке представили необычное платье Маккуина из коллекции Voss, созданное из нескольких сотен предметных стекол, выкрашенных в красный цвет. «На изготовление платья ушло полтора месяца, – говорил он на выставке. – Сооружение под юбкой из перьев – нечто уникальное. Оно похоже на кринолин восемнадцатого века. Оказалось, что только такой кринолин выдерживал задуманную конструкцию. Все сшито вручную». Маккуин использовал предметные стекла, потому что, по его словам, хотел изобразить клетки тела такими, словно их рассматривают в микроскоп, а в красное он их выкрасил, так как «под каждым слоем кожи – кровь». Клэр Уилкокс, куратор той выставки и выставки «Александр Маккуин: Дикая красота», которую устроили в Музее Виктории и Альберта в 2015 году, вспоминает, как дизайнер говорил ей, что «он считает, что есть страсть в гневе» и что «гнев был страстью для

него». «Опыт работы с ним при подготовке к выставке для меня как для куратора стал необычайным, потому что я до того даже не понимала, что мода может быть такой непонятной и в то же время такой красивой».[784]

Выставка «Радикальная мода» открылась всего через месяц после терактов 11 сентября 2001 года. «Страшное время, – сказал Маккуин сразу после 11 сентября. – Но в истории оно останется как время движения вперед».[785] Однако Маккуин не утратил чувства юмора. На вернисаже выставки он флиртовал с бывшим министром обороны Майклом Портилло под люстрой работы Чихули, которая висит в музее. «Если бы мне разрешили голосовать, я бы провел его, – сказал Маккуин, имея в виду выборы на пост лидера партии консерваторов после ухода в отставку Уильяма Хейга. – Он мне всегда нравился».[786]

В конце осени с Маккуином связалась голливудская актриса Лив Тайлер, с которой он был знаком через Кейт Мосс. Лив попросила его сшить ей наряд для премьеры первой части трилогии «Властелин колец», которая была намечена на 10 декабря. Ли нравилось, что Лив не ведет себя как примадонна. «Она милая, земная девушка», – сказал он о ней.[787] Помимо таланта кутюрье, в Маккуине ей нравились драйв и репутация «плохого парня». «Александр чуть не избил моего тогдашнего спутника, Хоакина Феникса, – призналась Лив, вспомнив инцидент примерно пятилетней давности. – Они с Хоаком, кажется, поссорились. Ссора вышла громкой».[788] За несколько дней до премьеры Маккуин приехал в отель «Дорчестер», где остановилась Лив, на примерку созданного им наряда – ярко-красного брючного костюма с красным кружевным топом без рукавов. Лив не понравилось, как сидит жакет, и она начала его критиковать. «Мне показалось, что я попала в руки настоящего художника, – сказала она. – Стоило мне обмолвиться, что пиджак узковат в плечах, как неизвестно откуда появились громадные ножницы. Он подпорол швы, а потом взял и оторвал весь рукав. Когда я снова получила костюм, все было прекрасно – он сидел как влитой. На жакете был миллион кружев, которые были сплетены так, что мне казалось, мою талию затянули в корсет – всю ночь напролет я чувствовала себя удобно и сексуально».[789]

Однако, сколько бы потрясающих платьев Маккуин ни создавал, в глубине души он всегда стремился и к другим способам творческого самовыражения. На протяжении всей жизни он искал средство, которое могло бы дополнить – а может, и заменить – дизайн одежды. «Когда мы с ним работали, он буквально впитывал все, что делал я, – вспоминает режиссер Джон Мейбери. – Ему нравился процесс киносъемки, и он работал

очень активно. Его ум был феноменальным, он схватывал на лету, и ему было бы совсем нетрудно сменить сферу деятельности на кино или театр».[790] В 2001 году Маккуин организовал для сентябрьского номера журнала Dazed & Confused фотосессию с уроженцем Баварии фотографом Норбертом Шернером. Снимки, которые они вместе подготовили, были такими же волнующими и так же ставили в тупик, как выставка Apocalypse: Beauty and Horror in Contemporary Art («Апокалипсис»: Красота и ужас в современном искусстве»), которая годом ранее проходила в Королевской академии. Среди фотографий был снимок голой женщины в розовых шелковых туфельках Chanel, которая стоит на коленях на столе, повернувшись спиной к задней части осла. На другой фотографии женщина в красивом бледно-розовом корсете стоит в зеленых болотных сапогах, которые наполняют мочой два мужчины (их не видно на снимке). Еще на одной фотографии представлена громадная куча бытовых отходов, смешанных с требухой, свиными головами и внутренними органами, и три голых мальчика, которые лежат в гнили. Больше всего возмущения вызвал снимок повешенного: его ноги и ступни, покрытые нефтью. «Когда спонсоры Маккуина, компания American Express, увидели снимки, они не захотели, чтобы выставку связывали с ними», – вспоминает Норберт.[791] Шернер считал, что Маккуин обладал «непосредственным чутьем на образы», и назвал его «больше имиджмейкером», чем чем-то другим.[792] «Он от природы обладал верным чутьем, которое отличало его от остальных», – говорил он. Воображение Маккуина произвело сильное впечатление на фотографа; он сравнил его с «позолоченным черным сердцем, золотым сердцем с черной сердцевиной».[793]

Ли уверял, что при создании этих снимков он черпал вдохновение в фильме Пазолини «Сало», но истинный источник оказался гораздо более грубым и гораздо более личным. «Снимки связаны с человеческой натурой, – говорил Маккуин. – Иногда вами пытаются управлять ради вашего же блага, потом все сводится к доверию. Но иногда ваше доверие оскорбляют именно те, кому вы доверяете». По его словам, фотографии символизируют, «насколько вы готовы позволить кому-то контролировать ситуацию», а повешенный – «человек, который не способен реагировать адекватно». Голые мальчики в куче гнилья рядом со свиными головами символизируют неизбежность смерти и распада. «И не важно, кто вы – человек или свинья, – все в конце концов окажутся в куче мусора».[794]

Желание Маккуина бежать от себя постепенно превращалось в своего рода манию. «Ли постоянно искал состояние, в каком ему

было бы удобно, – вспоминает его друг Керри Юманс. – Покой оказывался мимолетным».[795]

14 ноября Маккуин посетил прием в честь выхода первого номера журнала Fable, который редактировала Мишель Олли (та самая, что появилась с дыхательным аппаратом в конце коллекции Voss). Его старый друг Эрик Роуз в тот вечер исполнял роль швейцара. Он вспоминает, как Ли появился в клубе «Синнамон» в Вестминстере, «заторчавшим от кокаина». Эрик посоветовал Маккуину прийти в себя, потому что по ту сторону двери толпятся фотографы. «Он тараторил как пулемет, и к нему прижимался мальчик по вызову… Позже в тот вечер я пошел в Shadow Lounge – можно судить, как это было давно, по тому, что тогда там еще бывало весело, – и там я встретил его уже с другим спутником. Мне стало интересно, как он вышел, ведь я все время стоял у двери. Он ответил, что ему стало скучно и он «вылез по долбаной пожарной лестнице».[796]

В конце 2001 года Ли уверял, что хочет сократить тусовочный образ жизни. «Я устал, – говорил он. – Все, бросаю выпивку, наркоту и всю эту дрянь». Когда журналист Мэгги Дэвис усомнилась в его решимости, он ответил: «Не думаю, что всем нужно отказываться от выпивки и тусовок, но в жизни всякого наступает время, когда все это уже не действует так, как раньше, и ты понимаешь, что в жизни есть вещи получше, чем лечение похмелья сном».[797] Друзья приучились читать между строк заявлений Маккуина для прессы. В том же интервью Ли сообщил Мэгги Дэвис, что он сдал экзамен на водительские права. На самом деле он получил лишь временные, ученические права; хотя водить машину он любил, рядом с ним в машине всегда должен был находиться опытный водитель. Примерно в то же время они с братом Тони поехали покупать машину, «фольксваген-гольф». Позже Ли приобрел еще две: джип, на котором он обычно перевозил собак, и «воксхолл-корса», который, по словам Тони, ни разу не выезжал из гаража при доме брата. «Один раз он попросил меня сделать для него пробную поездку, – сказал Тони. – По его словам, у него на такое нет времени».[798]

Маккуин часто говорил журналистам, что собирается покончить с беспорядочными связями; он высказывался в пользу моногамии. Всякий раз, услышав такие слова, Керри Юманс закатывал глаза от изумления. «Он всегда внушал мне, чтобы я остепенился и перестал вести себя как шлюха, – сказал Керри. – Хороший совет, но, наверное, ему следовало дать его самому себе. Наверное, мы с ним во многом были похожи: нам трудно было сочетать свою жизнь мужчин-геев с мыслью о романтической любви. Кроме того, он никому не доверял».[799]

Тони вспоминает, как говорил с младшим братом о его личной жизни. Вдруг Ли повернулся к нему и сказал: «Тони, кругом столько дерьма. Все, что им нужно, – деньги». Тони огорчился, узнав, что, по мнению Ли, у него не было ни одного партнера, с которым он мог бы создать семью. «Я вспоминаю его слова: «Кругом столько дерьма»… При его образе жизни такое было в порядке вещей. Я обычно говорил Ли, что он играет с заряженным оружием; в наши дни и в нашем возрасте это очень опасно».[800]

При всей своей любви к беспорядочным связям Ли был склонен и к романтическим жестам. Однажды зимой после сильного снегопада Арчи Рид слег с ишиасом. Ли позвонил ему домой на Тоттеридж-Лейн и попросил приехать, но Арчи ответил, что не может пошевелиться, так у него болит спина. Маккуин не желал ничего слушать и объявил, что пришлет за ним вертолет. «Я говорил, что это обойдется ему в 150 тысяч фунтов, просил не валять дурака, – вспоминает Арчи, который вытатуировал у себя на шее переплетенные, как змеи, буквы «Л» (от «Ли») и «А» (от «Александр»). Надпись, сделанная ниже, гласила: «Любовь навсегда». – Он ни в чем не знал меры».[801] Темный романтизм Маккуина нашел полное отражение в его следующем парижском показе, который назывался Supercalifragilisticexpialidocious. Показ состоялся 9 марта в «Консьержери», бывшей тюрьме, где перед казнью в 1793 году держали Марию-Антуанетту. Ли очень нравились костюмы периода Великой французской революции, да и сама эпоха вызывала его интерес. Несмотря на то что он не умел читать по-французски, он часто листал иллюстрированную книгу Чарлза Кунстлера 1943 года, посвященную этой французской королеве. Первая модель на показе как будто вышла из сказки: молодая девушка в розовато-лиловом капоре и накидке вела на поводках двух волков. Окружающая обстановка очень напоминала темницу. Маккуин попросил режиссера Тима Бертона, который разделял его увлечение готикой и разработал макет пригласительных билетов, создать освещение для шоу. «Там были кожаные бюстгальтеры, похожие на сбрую; иногда они соединялись с ремнями, подчеркивавшими торс и ягодицы. Несмотря на то что эта «сбруя» крепилась поверх атласных французских панталон и кофточек, она выглядела изящно и вполне уместно», – написала Хилари Александер из Daily Telegraph.[802] И критики, и покупатели признали гениальной коллекцию с ее «намеком на угрозу».[803] Впрочем, был среди зрителей один аутсайдер, у которого возникли сомнения по поводу увиденного. Опытного военного корреспондента The Times Энтони Лойда послали освещать Парижскую неделю моды после того, как Сьюзи Менкес раскритиковала плотный график Недели

и назвала его «бесчеловечным». Лойд заметил, что волков – которые на самом деле были «гибридами», помесью волков и хаски – судя по всему, чем-то накачали. Кроме того, они явно боялись яркого света и окружавшей их толпы. Еще меньше Лойду понравился зловещий образный ряд коллекции. «Все было похоже на женоненавистническую фантазию извращенца; в тот день все, что я видел, было таким же развратным и ненормальным, – писал он, – хотя такая картина вполне соответствует тому миру, которым управляют деспотические химеры вечной молодости, власти, сексуальности и тирании красоты».[804]

Лойд мог бы описать ритуал ежегодной церемонии присуждения премии «Оскар» в Лос-Анджелесе, во время которой самые красивые женщины планеты выходят на красную ковровую дорожку, стремясь укрепить свой эротический капитал с помощью одежды. В том году Гвинет Пэлтроу выбрала для церемонии костюм Маккуина, похожий на тот, что был на эстонской модели Кармен Касс: рубашку, сшитую из прозрачной черной сетки, и черную шелковую юбку. В газете Sun наряд Пэлтроу раскритиковали за то, что под «драной жилеткой» на ней ничего не было; весь ансамбль назвали одним из худших костюмов на церемонии «Оскар». Позже сама актриса согласилась, что лучше ей было бы надеть бюстгальтер.[805] Маккуину, однако, ее образ понравился; он радовался, что актриса согласилась выйти в наряде, который демонстрировал не только ее хрупкость. «Гвинет мне нравится, она милая девочка, типичная американская голубоглазая блондинка, – сказал он. – Она неплохо работает в кино. Но я хочу разъять ее на части и снова собрать в одно целое так, как мне видится. Люблю извлекать из людей их сущность, их характеры».[806]

В начале мая 2002 года Маккуин купил небольшой домик у моря, в Фэрлайте, к востоку от Гастингса. Коттедж с двумя спальнями назывался «Старый амбар». За непритязательный домик с участком он заплатил 340 тысяч фунтов. Он надеялся найти там убежище от постоянных стрессов на работе. «Там я не ищу вдохновения – дом дарит мне душевное спокойствие, – говорил он. – Там у меня есть одиночество и черный холст, с которого можно начинать работу, а не развлечения в бетонных джунглях».[807] По пятницам он часто уезжал в Восточный Суссекс, взяв своих собак, Минтера и Джуса, а в Лондон возвращался в понедельник. «Он уезжал от жестокости и тягот жизни, – считает его сестра Джеки. – Он любил гулять с собаками по берегу моря и оставаться наедине со своими мыслями».[808]

Майра Чей Гайд часто приезжала в Фэрлайт в гости к Ли; она готовила ему одно из его любимых блюд – буррито с курицей,

ингредиенты для которого привозила из Лос-Анджелеса. Ли обожал кулинарные телепередачи; он постоянно смотрел их по телевизору, уверяя, что отлично расслабляется под них. Сам он научился готовить карри с креветками по-тайски, куда добавлял много лемонграсса. «В конце дня Ли тосковал по более простой жизни, – говорит Джеки. – Он с таким же удовольствием ел тосты с бобами, как и хорошую еду».[809] На работе Ли часто начинал день с миски кукурузных хлопьев, которые он запивал ледяным молоком, или тостом с белковой пастой «Мармайт». Если после гостей оставалось жареное мясо, он относил остатки на край сада, чтобы угостить лис.

По ночам, в кромешной тьме, Ли иногда незаметно выходил из домика и неожиданно появлялся у окна, подсвечивая лицо снизу факелом, пугая или развлекая ничего не подозревавших гостей. «Юмор проявлялся во всем, что бы он ни делал», – сказала Дафни Гиннесс.[810] Джанет Маккуин всегда смешило, когда он с притворным высокомерием говорил: «Дело не в вас, знаете ли; дело во мне!»[811] А его служащие смеялись, видя, как он чистит уши булавкой.

Маккуин заслужил право на то, чтобы достижения слегка ударили ему в голову. Джоан Кейнер, старший вице-президент и заведующая отделом моды в американской сети универсальных магазинов Neiman Marcus, считала, что Маккуин «достиг вершины»,[812] в Vogue его называли «креативным богом».[813] За полгода офис Маккуина на Амвелл-стрит вырос до трех этажей, и Ли назначил нового исполнительного директора, Сью Уайтли, в прошлом главу отдела женской одежды в универмаге Harvey Nichols. «Мы задались вопросом: что мы хотим поведать миру? Как создать бренд? – вспоминает Сью. – В Америке компанию Alexander McQueen почти не знали; там было лишь несколько бутиков. Мы поняли, что на рынке имеется пробел. Значит, нужно было занять нишу и продемонстрировать свою уникальность».[814]

Дизайн своих магазинов в Нью-Йорке и Токио Маккуин поручил разработать архитектору Уильяму Расселлу, мужу близкой подруги Трино Веркаде. Оба магазина открылись в 2002 году. Еще через год открылся магазин на Бонд-стрит. «Он попросил меня продумать новую концепцию своих бутиков, – вспоминает Уильям. – Ему недоставало рабочих отношений, сотрудничества, а не просто нежных взглядов и пылкой страсти». Рассел составил программу, рассчитанную на полгода; ему хотелось поэкспериментировать, все продумать не спеша. Но недвижимость в Токио дорожала, поэтому пришлось ускорить процесс. Архитектора очень вдохновила его недавняя поездка в Эфиопию, в Лалибелу. Его восхитили тамошние здания,

вырубленные в скалах. Вместе с Маккуином он придумал, что фасад магазина будет как будто вырублен из цельного массива белого камня. «Он хотел создать пещеру, заполненную светом», – сказал он.[815] Ли хотел, чтобы все его магазины выглядели «неземными»; так, магазин в нью-йоркском Митпэкинге, на 14-й улице, вызывал ассоциации с инопланетянами и космическим полетом. «Мне хотелось создать нечто отличное от других, – сказал он. – Ближе всего к моим замыслам оказалась атмосфера фильма «Близкие контакты третьего уровня», когда все как будто парит над полом, а посередине стоит космический корабль, и многочисленные спутники взмывают в космос с его вершины».

Посетившая магазин журналистка написала о «неземном» ощущении; по ее мнению, «обожженные резные бюсты, которые висят по всему магазину, похожи на плавающие трупы».[816]

Что-то неземное было и в образе самого Маккуина, который снялся на обложку сентябрьского номера журнала The Face голым по пояс и с выбритой головой. Создавалось впечатление, что его полили серебряной краской. В ходе блиц-интервью, данного Крису Хиту, дизайнер рассказал о своем желании протолкнуть моду в будущее. По его словам, в идеале ему бы хотелось создавать одежду из расплавленной стали. «Конечно, это невозможно, ведь сталь обожжет человека, который наденет такой костюм, – говорил он. – Люди должны жить, иначе для чего все? Но я всегда хотел создавать одежду на компьютере, куда вводишь нужные параметры, и машина тут же шьет наряд на стоящего рядом клиента». В ходе интервью журналист задал Маккуину множество вопросов. Какую песню он слушает, когда ему грустно? «Любую в исполнении Мэри Дж. Блайдж или Алиши Киз». Какая его любимая непристойность? «Мохнатка, – ответил Маккуин. – Потому что ее все ненавидят». Сколько раз он был влюблен? «Почти двадцать». Хочет ли он ребенка? «Да, я попробую его завести». Почему? «Потому что я его заслуживаю». Когда он чувствует себя наиболее одиноким? «Когда я нахожусь в состоянии стресса». Когда он чувствует себя наиболее счастливым? «В постели с любимым человеком». Видит ли он повторяющиеся сны? «Змеи. Они извиваются вокруг моего тела. Ядовитые змеи… Они повсюду. Между ног. Ползают по телу… А еще мне часто снится сон, что комната сжимается и душит меня».[817]

Бегство стало темой следующей коллекции Маккуина, Irere, которую он показал 6 октября 2002 года на стадионе на окраине Парижа. Названная в честь амазонского слова, которое обозначает «превращение», коллекция разворачивалась на фоне огромного экрана, где шел фильм Джона Мейбери, с которым

Маккуин познакомился в начале или середине девяностых. «Мы с ним встречались в разных лондонских клубах, и он был по-настоящему забавным; у него всегда наготове было язвительное замечание о ком-нибудь чересчур самоуверенном или напыщенном, – вспоминает Джон, режиссер фильма о Фрэнсисе Бэконе «Любовь – это дьявол», который нравился Маккуину. – Когда он пригласил меня, мне интересно было взглянуть на него в новом контексте. Он слегка утрировал свой грубоватый образ: его никак нельзя было назвать типичным кутюрье. Его манеры были совершенно лишены жеманности и вычурности. Кроме того, он обладал фантастическим чувством юмора. При этом он отличался невероятной собранностью. Казалось, он постоянно ведет внутренний монолог. Показ был стилизован под кораблекрушение, а в качестве декорации использовали огромную цистерну. В ходе съемок Ли исполнял роль помощника режиссера и художника-постановщика. Он ни в коем случае не был пассивным, и это я имею в виду не в отрицательном смысле. Модель извивалась под водой в причудливых балетных па, а потом в воду прыгал красивый юноша и спасал ее. Все было невероятно романтичным».[818]

Первый кадр фильма был снят из-под воды, снизу вверх; возможно, Маккуин вспомнил, как в детстве ходил на занятия синхронным плаванием. Летом, в конце съемок, Ли оживил свои детские впечатления: после того как Стивен Кляйн отснял модель в цистерне с водой, Маккуин прыгнул туда в одежде. Его тогдашний снимок появился в журнале W. В последние годы жизни Ли любил ездить на Мальдивы, где плавал с аквалангом. «Под водой мне спокойнее всего», – говорил он.[819]

В целом коллекция Irere, в которой дизайнер представил ярко-зеленые, оранжевые и ярко-желтые платья, а также радужное шифоновое платье, оставляла позитивное впечатление и символизировала живительную силу природы. А когда Маккуин в изысканном белом костюме, снова ставший блондином, в конце показа вышел на подиум, многие заметили его счастливый и здоровый вид. «Он, конечно, был в то время наверху блаженства, – сказал Джон Мейбери. – Он поднялся на вершину. Каждая его новая вещь становилась сенсацией, гениальной находкой, хотя и была рассчитана на массовое производство. Его воодушевление и энергия были такими, что от него можно было греться. Он был как батарейка, вырабатывавшая энергию».[820] Сюзанна Френкел отозвалась о коллекции так: «Если бы такая красота была на необитаемом острове, нам бы всем захотелось там жить».[821]

Одной из находок коллекции Irere, вещью, которую назовут

чем-то вроде эталона стиля, стало платье «Устрица». Многослойное шелковое платье цвета слоновой кости, которое куратор выставки в Метрополитен-музее Эндрю Болтон сравнил с пирожным «наполеон», предположительно стоило почти 45 тысяч фунтов. Сара Бертон вспоминает, как Ли создавал это необычайно сложное произведение – «верхняя часть платья из тюля в небольших отверстиях, а сверху – мятый и сыплющийся шифон… Юбка собрана из нескольких сотен кружочков из органзы, на которые Ли пером наносил органические линии. Кружки надо было вырезать, сшить и наложить на соответствующие линии. В результате создавался эффект устричной раковины».[822]

С точки зрения культуры, к тому времени, как Маккуин захотел соединить утонченный мир высокой моды и массовый рынок, дизайнер занимал любопытное положение. Так, получив в Нью-Йорке награду VH-1 Vogue, Маккуин полетел в Лас-Вегас, где 1 ноября устроил показ в торговом центре в присутствии 2500 гостей. Вернувшись в Великобританию, Маккуин оказался в центре скандала, связанного с тем, кто из знаменитостей имеет право носить его вещи. Чуть раньше, в октябре, телеведущую Ульрику Джонсон сфотографировали в платье Маккуина цвета баклажана с низким вырезом. «Она получила его не от нас», – заявил дизайнер, подчеркнув, что его компания не присылала ведущей платье, чтобы она надела его в рекламных целях.[823] Джонсон, наряду с Викторией Бекхэм и Пэрис Хилтон, входила в число знаменитостей, которых дизайнер считал «недостаточно крутыми» для того, чтобы носить вещи Маккуина. «Если я кого-то одеваю, то только потому, что у меня с ними образуется связь – мы либо друзья, либо я их поклонник», – заявил он.[824] Маккуин считал, что можно одновременно одевать весь мир и хранить верность эстетике авангарда. «Если я не смогу оставаться честным, нет смысла продолжать», – говорил он.[825]

Конец 2002 и начало 2003 года отмечены для Маккуина несколькими победами на профессиональном поприще. Для создания коллекции мужских костюмов он создал совместное предприятие с ателье Huntsman с Савил-Роу. Лив Тайлер заказала ему «устричное» платье к нью-йоркской премьере второй части «Властелина колец», которая прошла в декабре, а затем белое платье в стиле ампир к ее свадьбе в апреле. Scanners («Сканеры»), парижская коллекция Маккуина, показанная в марте 2003 года, вызвала восторженные отклики. Особый ажиотаж вызвала модель, которая шла по прозрачному извилистому туннелю в раскрашенном вручную шелковом платье-парашюте. «Если Маккуину когда-нибудь надоест надевать наперсток на палец, ему стоит снимать кино… – писал Гай Требей в New York Times. –

Маккуин – талант масштаба Орсона Уэллса». По мнению Требея, пригласительный билет, на котором изображалась стилизованная картинка компьютерной томографии мозга самого дизайнера, подтверждает слова Маккуина о том, что «поверхность – еще не все».[826]

В начале марта Маккуину пришлось опровергать ходившие в модной индустрии слухи о том, что он сменит Тома Форда в группе Gucci или перейдет в дом Yves Saint Laurent. «Я лучше покончу с собой, – заявил он. – Когда я работал на Givenchy, все кончилось тем, что я делал по четырнадцать коллекций в год, в том числе под моей собственной маркой. Такая жизнь довела меня до истощения, и я к ней ни за что не вернусь».[827]

На свой 34-й день рождения, 17 марта 2003 года, Ли выпустил духи Kingdom, а 7 мая открыл новый магазин на Бонд-стрит и устроил вечеринку, куда пришло множество его друзей-знаменитостей. 2 июня Совет модных дизайнеров Америки назвал его лучшим дизайнером мира. «Анархист, смешной, худой, противоречивый, друг, верный, харизматичный, инновационный, темный, решительный», – написала Кейт Мосс в брошюре, которую выпустили к церемонии награждения. «Для Маккуина… настала минута славы», – писала Сюзанна Френкел в Independent.[828] На показе для избранных, который в тот же день проводился в его нью-йоркском бутике, «богатые и знаменитые» жители города потратили 1,2 миллиона долларов на одежду из коллекции Scanners. Через две недели Маккуин узнал, что королева назначила его Командором Британской империи. Летом начался капитальный ремонт четырехэтажного дома по адресу Кадоган-Террас, 82, в Хакни, который Маккуин купил в октябре предыдущего года за 700 тысяч фунтов. «Он купил дом, который стоял на так называемой энергетической линии», – говорит Арчи Рид. Маккуин потратил 120 тысяч фунтов на сад с прудом с карпами, который проектировала Брук Бейкер, и еще несколько сотен тысяч на обстановку: парную, зал для занятий йогой, спортивный зал, где он тренировался всего пару раз, и большой втяжной потолочный светильник над кроватью, «который он боялся включать, потому что в спальню могла залететь птица», – вспоминает Арчи.[829] Кроме того, в стену между спальней и ванной вмонтировали аквариум. «Если бы только эти рыбы умели говорить!» – насмешливо заметил один знакомый.

По его собственному признанию, Ли достиг гораздо большего, чем то, о чем он мечтал. Но над ним постоянно нависала тень, призрак депрессии, которая одолевала его друга Изабеллу Блоу.

Глава 12

Джойс Маккуин: «Чего ты боишься больше всего на свете?»

Ли Маккуин: «Умереть раньше тебя».

Машина замедлила ход и остановилась перед величественным белым зданием, похожим на сказочный замок. Из машины вышел Ли Маккуин; за ним следовали Филип Трейси, Шон Лин и болезненная, но прекрасно одетая Изабелла Блоу. Четверо друзей прошли по дорожке в The Priory, психиатрическую лечебницу в Рохамптоне, рассчитанную на богатых и знаменитых пациентов. После осмотра и предварительной беседы Изабелле назначили лечение. Программа была рассчитана на три месяца; частично лечение оплатил Маккуин.

Последние несколько месяцев «милые» причуды Изабеллы – например, привычка диктовать таксистам по буквам свой лондонский адрес с помощью непристойностей («С» – «сука» и так далее) – превратились в своего рода манию.[830] Рассказывали, что на обеде с заведующей пиар-отделом Prada ее грудь вывалилась из лифа, но Иззи и не подумала поправить платье, и ее грудь лежала на столе. Журнал Tatler, где она работала фешен-редактором, оплачивал огромные счета: по слухам, одна фотосессия, в которой участвовали знаменитости в туфлях Manolo Blahnik, обошлась в 45 тысяч фунтов, что превышало весь годовой бюджет раздела моды. Ее личные траты превысили все мыслимые пределы; таксомоторная компания подала на них с Детмаром иск на 10 тысяч фунтов. Друзья шутили: если дать Изабелле миллион фунтов в пятницу, к утру понедельника она все растратит.

Брак Изабеллы и Детмара также переживал нелегкие времена; попытки зачать ребенка с помощью ЭКО закончились неудачей, а мать Детмара угрожала отобрать их загородное поместье «Хиллз». Изабелла вспомнила свои детские страхи. Она помнила, как ее обедневшая семья вынуждена была переселиться в сторожку, и она часами с тоской смотрела на большой дом в поместье в Доддингтон-Парк, где провела первые годы жизни. «Люди думали, что Изабелла помешана на моде – а Изабелла в самом деле очень интересовалась модой, – но ее истинной одержимостью было поместье «Хиллз», – сказал Филип.[831] В январе 2003 года странности Изабеллы стали бросаться в глаза, и

Детмар подал на развод. Примирению не способствовал роман Изабеллы с итальянцем-отельером, которого Детмар называл «гондольером». Даже отпуск на Барбадосе ее не порадовал; с карибского острова она вернулась измученная и взвинченная. Ей казалось, что она неудачница во всем: она считала себя настоящей уродкой; хотя она неустанно трудилась, у нее никогда нет денег, и она не может иметь детей. «Детмар, я слышал, ты стреляешь холостыми», – сказал Маккуин, узнав новость.[832]

Ли считал, что отчасти проблемы Изабеллы возникают из-за нездоровых отношений с мужем; он умолял ее не видеться с Детмаром. «Когда мы с Иззи разъехались, он отвез ее в клинику The Priory и сказал: что бы ни случилось, Детмара ты больше не увидишь»… Это показалось мне неправильным, ведь Иззи была очень хрупкой, и я знал, что без меня она разобьется».[833] В клинике Изабелла подружилась с молодой певицей Лили Аллен, которая прозвала Изабеллу «Мизерабеллой». Еще одна пациентка сообщила Иззи, что выписывается из клиники, так как лечение стоит слишком дорого, и она вместо больницы снимет себе номер в «Кларидже».

Изабелле позволяли уезжать из клиники на выходные; она часто проводила время с Филипом Трейси и его бойфрендом Стефаном Бартлеттом у них в доме на Элизабет-стрит. В сентябре, когда ее выписали, состояние Изабеллы было далеко не лучшим; она принимала лекарства, в состав которых входил литий, из-за чего, по словам друзей, она стала «как зомби». Ее своеобразное чувство юмора не до конца покинуло Изабеллу. Так, она в шутку называла свои таблетки «Мэрилин Монро» и рассказала одному журналисту, почему она всегда любила вещи Александра: «В вещах от Маккуина очень удобно трахаться. Нужно только задрать юбку».[834] Хотя Маккуин и оплатил лечение Изабеллы в клинике, он не мог привыкнуть к тому, что его подруга психически больна.

Возможно, для них обоих было бы здоровее, если бы они совсем оборвали все связи. Однако их отношения укреплялись странной взаимозависимостью: Изабелла не могла жить без вещей от Маккуина, а Ли относился к ней так, словно она была его изуродованным клоном или искаженным отражением в зеркале. «Он боялся мрачной стороны Иззи, потому что то же самое было у него самого, – считает Детмар. – Александр сражался со своими демонами. Он не хотел возвращать прошлое, за что я его не виню. Иззи же всегда пыталась воссоздать первые дни их дружбы, но они ушли безвозвратно, а жизнь не стояла на месте».[835]

В августе 2003 года Маккуин снял большую виллу на Ибице и

пригласил туда друзей, в том числе Керри Юманса и Себастьяна Понса, с которым не виделся три года. Когда Себастьян прибыл в его роскошный дом, оказалось, что там все перессорились, и Ли заперся в своей комнате. Себастьян и без того побаивался встречи с другом, ведь они расстались со скандалом; поднимаясь к Ли по лестнице, он вдруг понял, что весь дрожит. Когда Маккуин наконец открыл дверь, Себастьян его не узнал. «Передо мной был не тот человек, с которым мы расстались в 2000 году, и не тот, с которым я познакомился в 1995-м, – сказал Себастьян. – От него осталась половина; он очень побледнел и похудел». Они обнялись и разговорились. Себастьян спросил, что произошло с его фигурой. Ли задрал рубашку и продемонстрировал шрам, оставшийся после бандажирования желудка. Следующие шесть или семь часов друзья рассказывали, что произошло за то время, пока они не общались. Маккуин спросил Себастьяна, чем он занимается; когда Себастьян рассказал Ли, что он подготовил коллекцию, которую собирался показать в Нью-Йорке, но партнеры подвели его с финансами, Ли предложил ему взаймы 30 тысяч фунтов.

Добрый жест Маккуина тронул Себастьяна. Он помнил слова Ли, что дает всем только одну попытку. Получалось, что Маккуин нарушает собственные правила. После недолгой паузы разговор повернул в серьезную плоскость. «Помимо всего остального, теперь у меня еще и вирус», – сообщил Ли. «Что?!» – удивился Себастьян. «Да, этот гад меня заразил». Маккуин назвал имя того, кто, по его мнению, заразил его СПИДом. Ли был так расстроен, что не мог продолжать отпуск; позже в тот же день Себастьян и Керри отвезли его в аэропорт, откуда он улетел в Лондон.[836] Для лечения дизайнер обратился в Королевскую бесплатную больницу в Хэмпстеде; некоторое время он принимал противовирусные препараты. За пять или шесть лет до смерти Ли признался родственникам, что у него СПИД. Известие их страшно огорчило.[837]

Хотя положительный ВИЧ-статус уже не был равнозначен скорой смерти, как в восьмидесятых, когда Ли определялся со своей сексуальной ориентацией, несомненно, болезнь внесла свой вклад в психическое состояние Маккуина. Отсюда же, возможно, и желание бежать от действительности с помощью наркотиков. «Он обогатил многих драгдилеров, – считает Арчи Рид, на глазах у которого Маккуин регулярно тратил на наркотики по 600 фунтов в день. – Он способен был сделать три коллекции за день отчасти из-за кокаина – в нем как будто что-то открывалось. Но одновременно кокаин и лишал его чего-то важного. Скоро у него началась паранойя».[838] Когда Ли бывал с друзьями, он часто

пел: «Паранойя тебя погубит», и, хотя он только шутил, слова оказались пророческими.[839]

Модельер Ролан Муре говорил Плам Сайкс: проблема Александра в том, «что он любит отходняк после наркотиков, потому что это состояние такое темное. Он не бросал наркотики не из-за приходов, а из-за ломки».[840]

Поклонники вещей от Маккуина обожали его темную эстетику, однако они понятия не имели о том, какие полчища демонов его одолевали. В августе 2003 года редактор Vogue Александра Шульман, редактор Dazed & Confused Рэнкин, Марк Родол из Ministry of Sound и дизайнер Освальд Боатенг назвали линию одежды Alexander McQueen «самым крутым брендом в мире», отдав ему пальму первенства по сравнению с такими марками, как Bang & Olufsen, Agent Provocateur, галерея Тейт и Ducati. 25 сентября Ли снова назвали лучшим дизайнером года. Один очевидец, находившийся в зрительном зале, вспоминает: когда Памела Андерсон вручала ему приз «и все решили, что трудно найти более косноязычную особу, чем красотку из «Спасателей Малибу», на сцену вышел Александр Маккуин, только что названный лучшим дизайнером года. По сравнению с его благодарственной речью… неандерталец показался бы Джоном Гилгудом».[841] Дизайнер Джефф Банкс не согласился с решением коллег; по его мнению, лучшим надо было назвать Джулиана Макдоналда. «Вещи Александра Маккуина немного похожи на новое платье короля, – сказал он. – По моему мнению, их совершенно невозможно носить, и они плохо продаются. Но за ним стоит спонсор – крупная итальянская компания, и все проголосовали за него только потому, что он в моде».[842]

Критические рецензии появились в избытке после показа следующей коллекции Маккуина, Deliverance («Раскрепощение»), который прошел 12 октября в парижском зале Ваграм, бывшем дансинге. Дизайнер, вдохновленный фильмом Сидни Поллака 1969 года «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», посвятил шоу теме танцевального марафона. Фильм, действие которого происходит в Лос-Анджелесе периода Великой депрессии, заканчивается тем, что измученная и подавленная конкурсантка Глория, которую играла Джейн Фонда, просит своего партнера Роберта (Майкл Сарразин) пристрелить ее, что он и делает. На допросе в полиции он произносит: «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», вспоминая раненую лошадь, убитую у него на глазах, когда он был ребенком.

Показ проходил под механический голос из динамиков: «Они должны двигаться, они должны все время танцевать». Посыл коллекции был ясен. Она отражала стресс, с которым столкнулся

дизайнер как в работе, так и в личной жизни. «По ходу представления проигравшие выбывали, замирая. Костюмы были расшиты лоскутами или оказывались разорванными в клочья», – писала журналистка New York Times.[843]

Зрители приняли коллекцию восторженно, однако Колину Макдауэллу показалось, что социальный реализм танцевального марафона не сочетается с лежащими в основе показа капиталистическими идеями. Эксплуатация именно такой темы «как средства для продвижения крайне дорогой одежды, показалась мне шокирующей… Что дальше? Холокост? А что такого – прекрасная возможность вернуть в моду вещи в полоску. Не смейтесь: такое возможно. Сегодняшний мир моды настолько жесток и нечуток, что готов принять все что угодно, лишь бы это было снабжено правильным дизайнерским лейблом».[844]

Маккуин вернулся в Лондон и 15 октября устроил показ в Альберт-Холле, на котором Бьорк исполнила свою песню Bachelorette в рамках ежегодного благотворительного мероприятия Fashion Rocks, на котором собирали деньги в Фонд принца Уэльского, созданный для помощи молодежи. Затем, 29 октября, одетый в шотландский плед цветов клана Маккуин, Ли получил из рук королевы в Букингемском дворце орден Британской империи класса CBE (командор). По его словам, кое-кто посмеивался над его внешним видом. Напыщенные гости как будто отказывались принимать «скинхеда в килте». Однако и сам Маккуин не молчал, если считал, что кто-то, по его мнению, одет неподобающим образом.[845] Так, он раскритиковал Джейми Оливера, который стал кавалером ордена Британской империи и прибыл на церемонию в костюме Paul Smith и в рубашке с открытым воротом. Маккуин назвал одежду телеповара «слишком домашней». «По-моему, Джейми следовало сегодня хотя бы надеть галстук, – сказал он. – Независимо от того, в моде галстуки или нет, с галстуком вид у него определенно лучше».[846]

Маккуин всегда видел себя республиканцем; он согласился принять награду только потому, что хотел, чтобы родители им гордились.

До начала церемонии Ли твердил себе, что не станет смотреть ее величеству в глаза, но, когда настал торжественный момент, он ничего не мог с собой поделать. Позже он сравнил встречу с королевой с влюбленностью. «И я заглянул в ее глаза – как будто увидел вдруг кого-то на противоположной стороне длинного бального зала – и подумал: «А ну-ка, погоди!» – вспоминал он. Королева спросила, давно ли он занимается дизайном одежды. «Несколько лет, миледи», – ответил он. «Мы

заговорили одновременно, она рассмеялась, и я рассмеялся… Стало понятно, что она отлично знает цену окружающему ее дерьму. Мне стало ее жаль. Раньше я много чего говорил о королеве – типа, она сидит на заднице, и ей платят за это жутко много денег, – но в тот миг я ей немного посочувствовал».[847]

Маккуин был усталым и с похмелья – накануне он праздновал в клубе «Аннабелл» и в «Кларидже», но он мужественно сфотографировался с родителями, а затем пошел с родственниками и несколькими друзьями, в том числе с Изабеллой, в отель «Мейфэр» на обед. Позже Ли отдал орден на хранение матери; некоторое время она с гордостью демонстрировала его у себя дома. Брат Тони даже пошутил: «Если я принесу кирпич домой, она его тоже выставит напоказ?»[848]

В начале ноября Том Форд и Доменико Де Соле объявили, что оставляют свои посты в Gucci. Через месяц из Парижа в Лондон прилетел Серж Вейнберг, исполнительный директор PPR (компании, владевшей, помимо Gucci, и группой Yves Saint Laurent, чьим креативным директором был Том Форд), для встречи с Маккуином. Маккуину предложили занять место Тома Форда в YSL. Однако дизайнер не явился на встречу. «Наверное, у меня просто случилась паническая атака», – признавался он. По словам Изабеллы, Маккуин остался в постели. «Испугался, наверное», – сказала она. Ли обратился к ней за советом, поскольку Изабелла всегда считала, что Маккуин и YSL созданы друг для друга. Он рассказал ей о своих сомнениях. Прежде всего, ему не хотелось забрасывать собственную компанию и уезжать из Лондона. Он приводил в пример Карла Лагерфельда в компании Chanel, вспоминал, как немецкий дизайнер добился успеха во французском модном доме за счет собственного бренда. Маккуин сомневался, принимать ли предложение, и наконец отклонил его. «Я такой поклонник «Сен-Лорана», что у меня разорвется сердце, если я причиню дому вред, – сказал он. – Я принял важное решение не соглашаться на этот пост. Но мне ужасно хотелось его занять». Франсуа-Анри Пино, сын основателя компании PPR, воспринял известие неплохо и обсудил с Ли возможность того, что он перейдет в YSL позже, после того, как его собственная линия превратится в узнаваемый бренд. «Но мне нужно заниматься маркой McQueen с закрытыми глазами», – ответил Ли.

Маккуин терпеть не мог встречи с «воротилами» модной индустрии. Дафни Гиннесс вспоминает три случая, когда Ли пригласил ее с собой на официальный обед с Франсуа-Анри Пино и его заместителями, а сам не явился. «Франсуа-Анри был непростым, его не назовешь обаяшкой, – говорит она. – Я никак не могла придумать, с какой стороны к нему подъехать».[849]

Однажды Ли в панике позвонил Дафни. Он слышал, что PPR потребовала 100 приглашений на показ, значит, кто-то из его друзей не сможет прийти. Дафни позвонила Франсуа-Анри и пригрозила: в таком случае на показ не явится сам Маккуин. После этого количество требуемых приглашений сократилось до пяти. Дафни перезвонила Ли и сказала, что «все уладила».[850]

В начале декабря Маккуин начал работать над инсталляцией Silent Light («Безмолвный свет»), рождественской елкой, сделанной из 150 тысяч кристаллов Сваровски. Инсталляцию он делал в сотрудничестве со студией Торда Бонтье для Музея Виктории и Альберта. «Она навеяна чувством, когда снег превращается в лед», – сказал Маккуин.[851] Елка стояла на большом поворотном круге; медленно вращаясь, она создавала неземную, волшебную атмосферу. Маккуина давно привлекали измененные состояния сознания, инопланетяне и космическое путешествие (когда он принимал на работу Сару Бертон, он спросил ее, верит ли она в НЛО). Эти темы нашли отражение в его коллекции Pantheon as Lecum, которая была показана 5 марта 2004 года. Похожий на пещеру концертный зал на севере Парижа превратили в посадочную площадку для инопланетян; ходившие по круглому подиуму модели с бледными лицами, на удлиненных, тонких ногах напоминали созданий с других планет. Музыкальное сопровождение отличалось разнообразием: от электропопа, «Бабушки» Кейт Буш до тем из фильмов «Близкие контакты третьего уровня» и «Доктор Кто». «Если этот Тардис в самом деле существовал, я бы первый купил его», – сказал он.[852]

Через пятнадцать минут после начала свет погас, и на затемненную сцену выплыла фигура, похожая на привидение, одетая в серебристое платье, похожее на абажур, подсвеченное ожерельем на светодиодах. Потом музыка смолкла, и ее сменил звук биения сердца, и в круг света вышла модель Тиу Куйк в сером кружевном ансамбле силуэта «песочные часы». Сердцебиение постепенно замедлялось и наконец умолкло; модель, стоящая в луче света, подняла руки к небу, очевидно ожидая, когда ее перенесут в другое измерение. Образ озвучивал желание Маккуина к переходу в иной мир, за пределы земной жизни.

Во время интервью, которое Ли дал своей матери Джойс для журнала Guardian в апреле 2004 года, Джойс спросила Ли, чего он боится больше всего на свете. «Умереть раньше тебя», – ответил он. «Спасибо, сынок», – ответила Джойс. Окружающие не знали, что здоровье и матери, и сына находится в опасности. Ли был ВИЧ-положительным, а у Джойс отказывали почки, и она три раза в неделю ходила на диализ. «Чем ты гордишься?» – спросила

Джойс. «Тобой», – ответил Ли. «Почему?» – спросила она. Маккуин так растрогался, что не мог ответить. В том интервью Джойс спрашивала Ли о многом. Кого он мечтал бы пригласить на ужин? «Елизавету I… потому что она анархистка», – ответил он. Если бы он мог жить и творить как дизайнер в любой эпохе, какую он бы выбрал? «Фландрию пятнадцатого века, – ответил он. – Моя любимая эпоха в искусстве. Из-за цветов, из-за их сочувственного отношения к жизни». Какое здание произвело на него самое сильное впечатление? «Нотр-Дам-дю-О, или капелла Роншан Ле Корбюзье», – ответил он. Как бы он проник в индустрию моды, если бы не обучался на Савил-Роу? «Через постель», – отшутился Ли. Что бы он стал делать, если бы завтра потерял свое состояние? «Спать. Я был бы рад», – ответил он.[853] Ли часто уставал не только от переработки, но и от тревог и стрессов, которые изматывали его. Больше всего, в числе прочего, он беспокоился за свою личную безопасность. Поэтому в мае он купил сторожевого пса – родезийского риджбека, которому дал кличку Каллум. В одном интервью Ли признавался, что не может впустить в комнату пса, потому что «он вас укусит».[854] Себастьян Понс вспоминает, как, однажды проводя с Ли отпуск на Майорке, он так испугался собаки, что не мог среди ночи пойти в туалет. «Я открыл дверь, собираясь пойти в туалет, но пес зарычал на меня… Пришлось открыть окно и мочиться из комнаты».[855]

4 мая Ли устроил вечеринку в «Аннабелл», модном лондонском ночном клубе, по случаю выхода в свет романа Плам Сайкс «Блондинки от «Бергдорф». Среди гостей отметились Филип Трейси, Индия Джейн Бирли, граф Леопольд фон Бисмарк, Арно Бамбергер, Люси Ферри, графиня Майя фон Шенберг, Мэтью Уильямсон, Дафни Гиннесс и Изабелла Блоу. «Не думаю, что ему в самом деле нравилось ходить по вечеринкам, если он не принимал много наркотиков, – считает Плам. – Под кайфом он становился язвительным и злорадным, но, когда он вел здоровый образ жизни и ходил в тренажерный зал, он был прелестен».[856] 11 мая Маккуин получил почетную докторскую степень в лондонском Университете искусств вместе с другими деятелями культуры – Мэгги Хамблинг, Джимми Чу, Энтони Каро и Маргарет Калверт. В конце месяца Маккуин узнал, что Изабелла помирилась с Детмаром. После этого он на несколько месяцев перестал с ней общаться. Маккуин ужаснулся, узнав, что Детмар одобрительно отнесся к назначенному Изабелле курсу электрошока. По мнению психиатра, шок способен был избавить Изабеллу от депрессии. «Шокотерапия всех отпугивала, но на Иззи сработала», – сказал Детмар.[857] Неожиданно, во всяком

случае, ему так показалось, вернулась прежняя Иззи, пусть и ненадолго; суицидальные мысли исчезли, и она снова стала «динамичной, непосредственной, позитивно мыслящей, харизматичной и говорливой».[858] 3 июня Маккуин поставил ретроспективное шоу под названием Black («Черное»). Показ прошел в выставочном центре «Эрлс-Корт». Он продемонстрировал самые свои яркие произведения. В дополнение к моде – в число экспонатов входили черные платья из коллекций Highland Rape, Dante, Supercalifragilisticexpialidocious и Voss – гостям показали танцевальный номер в исполнении Кейт Мосс и Майкла Кларка. Кроме того, провели благотворительный аукцион. В число лотов входили черные колготки в сеточку, которые носила Мадонна; черные кожаные брюки Кристины Агилеры; фотография Кейт Мосс, сделанная Сэм Тейлор-Вуд, и коллаж работы Джона Гальяно. Выручка пошла в Фонд Терренса Хиггинса. «Хотелось бы мне устроить оригинальное шоу в Лондоне, и для большего числа зрителей, – говорил Маккуин, вспоминая о своем первом лондонском показе за три года. – Конечно, с деловой точки зрения устраивать показы в Лондоне бессмысленно, хотя с точки зрения резонанса такой показ вполне оправдан».[859] На приеме после показа Кейт Мосс сфотографировали рядом с Наоми Кэмпбелл и Аннабелл Нейлсон, которая, по словам одного очевидца, «добилась немыслимого и затмила своих прославленных подруг-моделей, появившись в его [Маккуина. – *Э. У.*] зеленом винтажном платье из коллекции Givenchy».[860]

Кроме того, Маккуин выбрал Нейлсон на главную роль в фильме Texist, в котором сняли, как Аннабелл и шведский манекенщик едят, спят, принимают ванну, одеваются и играют с собакой (эту роль исполнил Джус). По словам Маккуина, он хотел «запечатлеть и выделить ситуации, которые на первый взгляд кажутся банальными, но на самом деле именно из них состоит повседневная жизнь». Премьера фильма прошла в Милане в январе; он знаменовал собой повторный запуск линии мужской одежды под маркой McQueen, который должен был состояться в конце июня в модной столице Италии. «Я создавал их для себя, – говорил Маккуин о своих безупречно скроенных костюмах, благодаря которым журнал GQ назвал его лучшим дизайнером года в сентябре и лучшим дизайнером мужской одежды – в ноябре. – Вначале, создавая мужскую одежду, я по ошибке считал, что должен делать то, что хотят носить другие… Почти ничего из тех вещей я не носил».[861]

Все лето Маккуин шил свадебное платье для своей помощницы Сары Бертон, которая собиралась замуж за

фотографа Дэвида Бертона. Свадьба прошла в августе. Ли взял за образец «устричное» платье из коллекции Irere. То, что получилось в результате, в журнале W назвали «романтическим английским сельским одеянием».[862]

Сара Бертон с самого начала знала: хотя она ценит мастерство в изготовлении одежды, она не похожа на дизайнера-самородка. «Я не крутая», – говорила она. В отличие от Маккуина ей не свойственна и почти патологическая тяга к смерти; девизом в ее школе для девочек были слова ad lucem, «к свету». «Во мне нет тьмы, – говорила она. – Грусть не давит на меня, я не одержима призраками. В моей юности ничего такого не было». После смерти Маккуина Сара Бертон стала главным дизайнером компании McQueen; в 2011 году она сшила платье для Кейт Миддлтон к ее свадьбе с принцем Уильямом. «Мечта чуткой, интеллигентной молодой женщины с богатым воображением о красивом свадебном – как и любом другом – платье – это самое естественное желание на свете», – сказала она.[863]

Маккуин создал свадебное платье и для своей приятельницы Плам Сайкс, которая собиралась замуж за художника Дэмьена Леба. Но через несколько недель после того, как Ли начал работу, Леб отменил свадьбу. Ничуть не смутившись, Маккуин пообещал Плам все равно сшить ей красивое платье. Она надела его на свадьбу сестры. Платье было шелковым, посаженным на сложный корсет, шоколадного цвета с металлическим отливом и массой «распушенных» черных и кремовых кружев, которые он окрасил чаем. «Оно было похоже на немного порванную картину Джона Сингера Сарджента», – говорит Плам.

После того как объявили помолвку Плам с Тоби Роулендом, Маккуин снова предложил сшить ей платье к свадьбе, которая должна была состояться в марте 2005 года. Во время предварительной встречи в студии на Амвелл-стрит Маккуин нарисовал эскиз и объяснил, каким ему видится будущее платье. Первоначально он предложил фасон платья, «вывернутого наизнанку», когда вся роскошь спрятана внутри. В какой-то момент Плам захотелось нечто более «остромодное», но Маккуин повернулся к ней и сказал: «Плам, в день свадьбы ты не должна выглядеть модно. Ты должна выглядеть совершенно безупречно». Плам собиралась взять в церковь букет красных роз, но Маккуин снова забраковал ее предложение. «Букет ярких цветов будет отвлекать от платья, – сказал он. – Оно должно быть белым». Плам вспоминает, что он сделал для нее модель платья из бумажной тафты, а не из более дешевого хлопчатобумажного тюля. «Он вошел в примерочную с черным маркером и пометил те места, где собирался резать, а затем взял ножницы и начал

кроить, – вспоминает она. – Никогда раньше не видела ничего подобного. Он в самом деле был скульптором по ткани». Во время очередной примерки, ближе к концу процесса, Маккуин начал растягивать безупречно белое платье пальцами, испачканными кетчупом – он только что ел гамбургер из «Макдоналдса» с жареной картошкой. «Ему очень нравилось шить мне платье, – вспоминает Плам. – Помню, я заплатила только за ткань, иначе оно обошлось бы в несколько десятков тысяч фунтов». Результат оказался совершенным: сказочное творение с белым атласным корсетом и шлейфом длиной в восемь футов, покрытым шелковыми рюшами, выполненными в викторианской технике, с односторонними незастроченными складками из тафты. «Я пригласила его на свадьбу, но подозревала, что он, скорее всего, не придет, – сказала Плам. – Он не сумел бы высидеть всю церемонию; ему стало бы ужасно скучно. Его тянуло к парням-геям и буйным ночным гей-клубам, где он напивался в хлам. Какую-то составляющую его жизни люди вроде Иззи и меня никогда не видели. Он разводил разные стороны своей жизни». [864]

В начале сентября 2004 года Ли, Арчи и Изабелла вместе с Жаклин, теткой Арчи, поехали на V музыкальный фестиваль. Перед отъездом из дома, вспоминает Арчи, Ли употребил несколько дорожек кокаина. К тому времени, как они попали на фестиваль, Маккуин начал выказывать признаки беспокойства. Судя по снимку, сделанному на фестивале, дизайнеру было не по себе, и взгляд у него расфокусированный. Ли не нравилось, что Изабелла так быстро подружилась с Жаклин, которая шутила: она кое-чему научит свою новую подругу, например, научит ее привлекать и удерживать мужчин. Более того, Маккуин так ревновал, что впоследствии отрезал Жаклин на всех фотографиях. «Кроме того, он очень ревновал меня к моей дочери», – вспоминает Арчи. Когда Арчи уезжал повидаться с дочерью, Ли до тех пор донимал его звонками и текстовыми сообщениями, пока его бойфренд не возвращался домой. «Он хотел, чтобы я встал и заорал во всеуслышание, что я – партнер Александра Маккуина… Но тогда я не мог так поступить, потому что не хотел, чтобы из-за этого мою дочь преследовали или дразнили».[865]

В профессиональной сфере Маккуин процветал. В сентябре 2004 года новым исполнительным директором компании стал Джонатан Экройд из Harrods. Маккуин считал его «по-настоящему хорошим исполнительным директором, который находится со мной по одну сторону баррикад».[866] Ли сообщил о своем желании проводить больше времени в Нью-Йорке; ему выделили

офис в здании Gucci. Повинуясь капризу, Маккуин снял на год дорогой особняк в Уэст-Виллидж, «но провел там всего неделю, а потом вернулся в Лондон», – говорит его приятельница Сью Стемп, которую он нанял на работу в манхэттенском филиале своей компании.[867] «Лондон тянул его назад; он понял, что не хочет находиться в Нью-Йорке, – сказал Керри Юманс. – С ним получилось примерно так: «Что мне делать, чтобы заполнить эту дыру?»[868]

Одной из причин, почему Маккуин не захотел остаться в Нью-Йорке, стало знакомство с очередным мужчиной. Осенью 2004 года он познакомился в Лондоне с тем, кто, как он считал, способен изменить его жизнь. Как-то вечером Маккуин пошел в Barcode в Сохо, тот же гей-бар, где он познакомился со своим бывшим бойфрендом Ричардом Бреттом, и разговорился с Гленном Эндрю Теу, красивым 34-летним австралийцем с бритой головой и висячими усами. Они выпили, пошли еще в один бар, а потом вместе поехали в Хакни, к Ли домой. «Он взял у меня номер телефона и где-то через неделю позвонил, – вспоминает Гленн, который в то время работал в баре. – Одна ночь превратилась в две и в три – и вот я собрал свои вещи и переехал к нему».

Роман начинался неплохо: обоим нравилось готовить и проводить время в домике в Фэрлайте – за городом, по словам Гленна, Ли «становился другим человеком», – и гулять у моря с собаками. «Роман был бурным», – утверждает он. Однажды Ли и Гленн пошли в тату-салон и набили инициалы друг друга – Маккуин сделал татуировку (буквы Г. А. Т.) синей тушью на внутренней стороне запястья, а Гленн попросил набить ему буквы Л. А. М. красной тушью на внутренней стороне предплечья.

Однако вскоре отношения начали портиться из-за паранойи Маккуина. Ли постоянно выяснял у нового бойфренда, как тот к нему относится, а однажды, уехав в Нью-Йорк, Ли нанял частного детектива для слежки за Гленном. «Стоит паранойе проснуться, как она начинает разрушать, – сказал Гленн. – Помню, однажды, вскоре после того, как мы начали встречаться, мы пошли на прием, где были братья Чепмен и Вивьен Вествуд. Неожиданно он взвился и уехал домой, а когда я вернулся, он выгнал меня на улицу, потому что решил, что я запал на другого парня».

Их отношения продолжались три года, но часто случалось, что Маккуин вышвыривал Гленна из дому посреди ночи. После такого они не виделись месяцами, но потом их снова тянуло друг к другу. «Все было ужасно непостоянным, – говорит Гленн. – Почти как пристрастие к наркотикам. Мы никак не могли оставить друг друга в покое, но наше влечение было пагубным».

Однажды Ли сказал Гленну, что они идут за покупками, – он хотел, чтобы бойфренд купил ему подарок. «Он повел меня в Boucheron [ювелирный магазин на Бонд-стрит. – *Э. У.*] и хотел, чтобы я купил ему кольцо с бриллиантом на мизинец, которое стоило 2500 фунтов. Он знал, что денег у меня нет; чтобы купить кольцо, мне пришлось взять кредит… То же самое произошло, когда он снял для нас отель на Фиджи. Сказал, что, если я не оплачу свою долю, которая составляла 3000 фунтов, я не поеду, а если я не поеду, значит, между нами все кончено. За то время, что я провел с ним, я накопил огромные долги по кредитной карте. Для него я был дичью, я все время должен был доказывать, что люблю его».

Отношения подпитывались их общей любовью к наркотикам. «Он ненавидел мир моды за то, что там его познакомили с кокаином», – считает Гленн. Кокаин был везде – в студии Маккуина, когда он работал, иногда в ресторанах, во время ужина, и дома, на Кадоган-Террас. Потом они мешали наркотик с алкоголем и сильнодействующим снотворным; такой коктейль врачи считают особенно вредным и опасным. «Иногда мы не вылезали из спальни по два дня кряду, это было безумие, – вспоминает Гленн, который больше не прикасается к наркотикам. – Для него наркотики стали способом бегства».[869]

Несмотря на постоянные запои и загулы, коллекции Маккуина становились все лучше и лучше. Он постоянно обращался к кинематографу как к источнику вдохновения. Фильм Питера Уира 1975 года «Пикник у Висячей скалы» об исчезновении группы школьниц с учительницей вылился в коллекцию It’s Only a Game («Это только игра»), в которой критики отмечали «его характерный отточенный крой и кукольные силуэты». Маккуин показал коллекцию в Париже 8 октября 2004 года. Финальная часть показа, тщательно поставленная хореографическая миниатюра, изображающая игру в «живые шахматы», отсылала к фильму «Гарри Поттер и философский камень». Показ заканчивался под песню Элвиса Пресли Suspicious Minds, в которой есть строка: «Мы не можем больше быть вместе». Песня также намекала на стремление Маккуина бежать от действительности.

Ссылки на такие разные фильмы, как «Королева Марго» Патриса Шеро и «Ненависть» Матье Кассовитца, нашли выражение в коллекции мужской одежды Маккуина, которую он показал в Милане в январе 2005 года. А фильм Хичкока «Человек, который слишком много знал» дал название элегантной коллекции, показанной в марте того же года. Влияние на нее оказали и другие фильмы Хичкока – «Головокружение» и

«Марни». «Можно без труда представить Дорис Дей, Ким Новак и Типпи Хедрен в серых костюмах от Маккуина, с прилегающими юбками и жакетами, с подчеркнутой талией, или в коротких черных пальто с клиновидной спинкой», – писали во французской прессе.[870] В мае 2005 года Маккуин объявил, что приступает к созданию линии спортивной обуви для фирмы Puma. Одни кроссовки, которые он назвал My Left Foot Bound («Прыжок с левой ноги»), включали слепок с левой ноги дизайнера, видный через прозрачную стельку. «Немного в духе Дэмьена Херста, правда? – спрашивал он. – То есть странновато. Просто «милые» вещи не для меня».[871] В июле он запустил серию сумок, в том числе модель под названием «Новак» в честь кинозвезды, сыгравшей в фильме «Головокружение». В начале 2006 года Маккуин объявил о запуске линии одежды под маркой McQ, более доступной по цене и рассчитанной на молодежь. «Новая коллекция – ответвление от основной линии», – признавался он.[872] Ли всегда тянуло к бунтарям, анархистам и мученикам. В июле 2005 года в программе Today на канале Radio 4 его попросили принять участие в выборе величайшей картины Великобритании. Маккуин назвал картину Поля Деларош 1833 года «Казнь леди Джейн Грей». Королева, правившая всего девять дней, изображена за несколько мгновений до того, как ее обезглавят. Эта же картина легла в основу его коллекции Givenchy в июле 1999 года. По его словам, в этом произведении из Национальной галереи его особенно привлекла тема. «Она производит очень сильное впечатление, очень меланхолична, очень подходит мне по характеру… Джейн изображена в камере лондонского Тауэра, с повязкой на глазах. Ее вот-вот казнят… Цвет просто гениален. Она… похожа на ангела, она неземная. На ней белое атласное платье фасона «герцогиня»; несмотря на то что она вот-вот умрет, она стоит с прямой спиной… Картина довольно тяжелая; хочется запрыгнуть туда и спасти ее… ей сочувствуешь всей душой. Лично для меня картина олицетворяет… правительственный террор, поэтому я считаю, что это не просто красивое произведение искусства. У нее важное политическое значение».[873]

Желание защищать проявилось у Маккуина чуть раньше, когда, 15 сентября 2005 года, в «Дейли миррор» появилась статья под названием «Кокаиновая Кейт». В газете намекали на то, что 31-летняя модель Кейт Мосс за сорок минут употребила пять дорожек наркотика. Мосс и ее тогдашнего спутника Питера Доэрти, лидера группы Babyshambles, снимали скрытой камерой в звукозаписывающей студии на западе Лондона. После выхода статьи Мосс отказали такие фирмы, как Burberry, H & M и Chanel,

она потеряла миллионы фунтов в перспективе; в британской прессе ее называли безответственной матерью и упрекали в том, что она подает плохой пример девушкам-подросткам. Намекали даже на то, что ее могут лишить родительских прав на двухлетнюю дочь, Лайлу Грейс, отцом которой является редактор журнала Dazed & Confused Джефферсон Хак. Однако официально Кейт Мосс не предъявили никаких обвинений. Маккуин возмутился тем, что он считал современной «охотой на ведьм». В октябре, выйдя на подиум в конце показа коллекции Neptune («Нептун»), он не скрывал своих чувств. На нем была футболка со словами: «Кейт, мы тебя любим». «Она не первая и не последняя представительница мира моды, которая употребляет кокаин, – сказал он. – А ведь она сделала для лондонской моды больше, чем кто-либо другой! Пойдите в редакции газет, загляните в тамошние туалеты. Черт побери, кокаина там больше, чем во всей Колумбии!»[874] Маккуин выразил свою солидарность с Мосс и в следующей коллекции, Widows of Culloden («Каллоденские вдовы»). 3 марта 2006 года в конце дефиле Кейт Мосс появилась в виде голограммы внутри стеклянной пирамиды под музыку Джона Уильямса из фильма «Список Шиндлера» – красивый дух, закутанный в эфирное шифоновое платье, мерцающая, как мираж. Мосс позже вспоминала, как Маккуин рассказывал ей о своем замысле. «Он сказал: «Я вот что придумал. Хочу, чтобы ты восставала, как птица феникс, из огня».[875] Фильм, снятый Бейлли Уолшем, стал своеобразным признанием в любви к модели, которую Маккуин называл «женским вариантом меня самого».[876] Керри Юманс вспоминает, как вскоре после прибытия на место Ли спросил его, видел ли он голограмму. «Когда я ответил, что не видел, он позвал меня в зал и посадил рядом с собой. Мы сели, посмотрели голограмму; он очень растрогался. И на самом показе многие зрители не могли сдержать слез».[877] В коллекцию, темой которой стало Каллоденское сражение, последняя битва в ходе якобитского восстания в Шотландии в 1745 году, входило в том числе платье, сшитое целиком из фазаньих перьев. Другие платья были сшиты из тартана цветов клана Маккуин; на одной модели было красивое платье из кремового шелка и кружев; из-под изящно вышитой кружевной вуали, закрывающей голову, торчали длинные рога. Маккуин не забывал о своих шотландских корнях, о которых ему рассказывала мать. «Я хотел начать с креста, и крест – мое наследие… В своей основе коллекция роскошна, романтична, но в то же время сурова и меланхолична. Она была мягкой, и все же в ней ощущается налет холода, покалывание льда на кончике носа».[878]

Кейт Мосс, танцующая и переливающаяся, похожая на белый язычок пламени из давно забытого сна, в глазах Ли олицетворяла всех женщин, которых он любил. Маккуин посвятил коллекцию Изабелле Блоу, подруге, которая, как он чувствовал, ускользает из его рук и, подобно самой голограмме, переходит в иной мир.

Глава 13

Ты солнце, я луна.

Из песни Нила Даймонда Play Me, задействованной в коллекции Маккуина La Dame Bleue

20 марта 2006 года, выписавшись из психиатрической клиники в Суррее, Изабелла Блоу совершила первую из многих попытку самоубийства. В тот день Детмар поехал в Ноттинг-Хилл на ужин, а потом – на просмотр фильма в «Электрик Синема», а Изабелла осталась в их квартире на Итон-сквер. Там она приняла ударную дозу лекарств; ее спасли неожиданно приехавшие Филип Трейси и Стефан Бартлетт. Они вызвали скорую помощь; Изабеллу отвезли в больницу Святого Фомы, где ей промыли желудок. Когда Детмар приехал в больницу, врач сказал ему, что Изабеллу поместили в отделение для душевнобольных и что у нее налицо классические симптомы биполярного расстройства.

В апреле Изабелла ушла из клиники в Хэрроу-он-зе-Хилл, вызвала такси и, сказав, что за поездку заплатит издательский дом Condé Nast, велела везти ее в Чешир, где она выросла. «По пути, в Стаффордшире, она зашла в церковь и положила цветы в семейный склеп, где покоился ее отец», – вспоминает Детмар.[879] Она сняла номер в отеле, приняла большую дозу парацетамола, а потом позвонила Филипу и сообщила, что сделала, а также рассказала о своей поездке, счет за которую должен был прийти в Condé Nast. Благодаря этой подробности друг сумел разыскать ее и снова спасти ей жизнь. Изабелле снова промыли желудок. В конце того же месяца, находясь в поместье «Хиллз», она исчезла. Среди ночи Детмару позвонили и сообщили, что она на машине врезалась в грузовик фирмы «Теско» возле Страуда. «Всегда терпеть не могла «Теско», – скажет она позже. Детмару и всем, кто готов был ее выслушать, Изабелла неоднократно повторяла: «Я хочу умереть. Дайте мне умереть».[880]

Хотя Изабеллу вернули в клинику в Хэрроу, однажды ей удалось бежать. Она снова поймала такси, поехала в Илинг, перелезла через ограждение эстакады и собралась прыгать вниз. В последнюю минуту она, правда, передумала, но было уже поздно. Изабелла, в пальто и туфлях Prada, сломала лодыжки и ступни, а также лишилась ногтей на руках. Позже Изабелла будет шутить: поскольку она больше не может носить туфли на высоком

каблуке, жизнь потеряла смысл. После того как ее выписали из больницы в Илинге, Изабеллу поместили в бесплатную больницу Гордон Государственной службы здравоохранения в районе Виктория. «Условия там были ужасными, все равно как в романе Диккенса», – вспоминала Дафни Гиннесс. Когда деньги по страховке закончились, Дафни и Маккуин оплатили пребывание Изабеллы в частной клинике Capio Nightingale в районе Мари-лебон. «Но мы ничего не рассказывали ей о своем участии, иначе она возненавидела бы саму мысль о благотворительности», – сказала Дафни.[881] Доктор Стивен Перейра, психиатр, который позже будет лечить Маккуина, приставил к Изабелле из-за ее суицидальных наклонностей круглосуточный пост и начал лечить ее сочетанием лекарств, психотерапии и электрошока. В клинике Изабеллу навестила редактор американского Vogue Анна Винтур; она привезла Изабелле ее любимые духи Fracas. С ней приехал и Руперт Эверетт, который только что вернулся из Милана, где снимался для журнала Vanity Fair, демонстрируя мужскую одежду. Кроме того, они привезли снетков из расположенного поблизости магазина, где торговали рыбой с жареной картошкой. Эверетт спросил Изабеллу, которую он знал с пятнадцати лет, почему коллекции вызывают в нем чувство внутренней пустоты. «Деньги, – ответила она, а затем сравнила модные показы с фастфудом: – Ты думаешь, что смотришь на красивых людей в чудесной одежде, но на самом деле ты в мясорубке… Ты забываешь, кто ты такой. И пусть на твоих сиськах написано название роскошного бренда, но достаточно ли этого? В конце концов, я была просто шляпой с губами, а это совсем не шикарно».[882]

В то время как Изабелла снова разуверилась в себе, Маккуин еще находил удовлетворение в своих достижениях и талантах. 1 мая 2006 года он посетил гала-представление Института костюма в Метрополитен-музее, посвященное открытию выставки «Англомания: традиции и грехи британской моды», где были представлены многие его вещи, в том числе сюртук в виде флага Великобритании, созданный для Дэвида Боуи. В тот вечер спутницей Ли, в килте, сшитом из ткани цвета клана Маккуин, стала Сара Джессика Паркер, на которой было перешитое платье из коллекции «Каллоденские вдовы». В него входило столько тартана, что, по словам одного очевидца, актриса выглядела «как нечто среднее между героиней Шотландии Флорой Макдональд и подарочной коробкой эдинбургского песочного печенья».[883] Оттуда Ли полетел в Сан-Франциско получать степень почетного доктора от Университета Академии искусства, где деканом аспирантуры отделения моды работал его старый друг Саймон

Англесс. В долине Напа он побаловал себя грязевой ванной и совершил путешествие на побережье Сономы, чтобы посмотреть на серферов, но разочаровался, когда узнал, что не может поплавать с акулами; очевидно, он прилетел не в то время года, и крупных рыб поблизости не было.

Вернувшись в Великобританию, Маккуин занялся дизайном своей коллекции Sarabande («Сарабанда»), источниками которой, по его словам, стали фильм Кубрика 1975 года «Барри Линдон», картины Гойи и итальянская наследница и муза поэтов и художников Луиза Казати, маркиза Стампа ди Сончино, особенно ее портрет кисти «мастера шика» Джованни Больдини. Название коллекции, показанной 6 октября 2006 года в здании Конного цирка в Париже, дало произведение Генделя, исполняемое живым камерным оркестром. Когда показ начался, в воздух взмыла громадная стеклянная люстра, которая отбрасывала красивые тени на круглый деревянный подиум. «Все производило впечатление странной загнивающей пышности», – писала одна из обозревательниц.[884] В финале на сцену вышли модели, похожие на ожившие портреты Арчимбольдо; их фигуры казались раздутыми из-за сотен цветов. Но когда они медленно шли по подиуму, свежие цветы, которые заморозили и прикрепили к их платьям, начали таять и падать на пол, оставляя за ними шлейф красоты. «Вещи гниют, – пояснил Маккуин. – Все гниет. Я использовал цветы, потому что они умирают».[885]

Внешне Маккуин по-прежнему создавал впечатление любителя модных тусовок. 11 октября его пригласили на открытие Ярмарки искусств Фриз в Риджентс-Парк; чуть позже он стал гостем на бале-маскараде в «Строберри-Хилл-Хаус» в Туикнеме в честь Ника Найта. 8 ноября, вместе с Дафни Гиннесс и Аннабелл Нейлсон, он посетил прием по случаю 90-летия журнала Vogue в галерее «Серпентайн», где, по слухам, Кейт Мосс поручила ему сшить ей бело-черное платье для предстоящей свадьбы с Питом Доэрти (замысел не осуществился, так как летом 2007 года пара рассталась). Однако, несмотря на бурную светскую жизнь, голова Маккуина была занята мыслями о смерти и загробной жизни. «Темная сторона была для него следующей жизнью», – говорит Арчи Рид. По ночам Ли, бывало, сидел в темноте с портативной видеокамерой, надеясь записать на пленку хотя бы следы привидений или духов. Он начал беседовать с медиумами по телефону, иногда поручая им «шпионить» за Арчи. Одна ясновидящая сказала Маккуину, что Арчи не любит Фэрлайт и находит домик слишком старомодным. На самом деле Арчи любил приезжать туда. Когда Арчи возвращался домой с работы, Ли предъявлял ему список мест, где тот якобы был, и

мужчин, с которым его якобы видели. Все это, по словам Арчи, было бредом. Однажды, бродя по рынку Портобелло, Арчи набрел на куколку без лица. «Она подняла руки над головой, а если прислонить ее к стене, она походила на плачущего ребенка, – вспоминает он. – Я подарил ему куколку и сказал: «Это ты, потерянный мальчик без лица».[886]

В конце 2006 года Ли увлекся сейлемскими ведьмами; он сделал их темой своей следующей коллекции. Его мать исследовала семейную историю своих предков, Динов, и нашла некую Элизабет Хау, жившую в Массачусетсе. Соседки обвинили ее в колдовстве; в июле 1692 года ее повесили. В декабре Маккуин съездил в Сейлем, чтобы лучше узнать историю так называемой «ведьминской истерии», эпизода, во время которого погибло двадцать невинных жертв. В путешествии Ли сопровождали его помощница Сара Бертон, журналист Сара Моуэр, которой американский Vogue поручил написать статью о подготовке коллекции, и его американский друг, занимавшийся связями с общественностью, – Керри Юманс. «Он был похож на настоящего ученого, который всесторонне исследует предмет, – вспоминает Керри. – Он был очень серьезен и сосредоточен. Мы ходили в библиотеки в окрестностях Сейлема; он читал документы, относящиеся к судебным процессам, и каждый день звонил маме и рассказывал о том, что он увидел».[887] После посещения Музея сейлемских ведьм Ли поехал в Топсфилд, где положил букет цветов к надгробному камню Элизабет Хау и позировал для фотографии. «Ли был замечательным спутником, очень веселым и быстрым, – говорит Элисон Д'Амарио, бывший директор образовательного отдела Музея сейлемских ведьм. – Себя он точно не воспринимал всерьез, хотя серьезно отнесся к судьбе своей родственницы и других жертв процессов. Кульминацией того дня и хорошей иллюстрацией настроения Ли стало Старое сейлемское кладбище. Когда ему показали могилу Джона Готорна, судьи, который судил сейлемских колдуний, он наступил на надгробную плиту – как он сказал, от имени Элизабет Хау».[888]

Коллекцию In Memory of Elizabeth Howe, Salem, 1692 («В память Элизабет Хау, Сейлем, 1692») Маккуин показал 2 марта 2007 года на стадионе в пригороде Парижа. Показ открывался проекцией бледных лиц трех молодых женщин и шепотом из динамиков: «Я открываю тебе свое сердце. Я открываю тебе свою душу. Я открываю тебе свое тело». Модели ходили по линиям кроваво-красной пентаграммы, начерченной на черной сцене перед гигантским экраном, на котором показывали фильм, снятый Маккуином. В фильме фигурировали саранча, совы,

головы, гниющие до черепов, пламя, кровь и голые девушки. Над сценой висела огромная черная перевернутая пирамида. Общий эффект модного показа, похожего на красиво исполненный сатанинский ритуал, показался многим очевидцам чрезмерным. Когда редакторы Vogue увидели коллекцию, они «решили, что она слишком мрачная, и отменили статью [о поездке в Сейлем. – *Э. У.*], – вспоминает Керри. – Его муза вела его куда нужно, и ему плевать было и на американский Vogue, и на статью».[889] Бриджет Фоли из журнала W назвала показ «отрыжкой моды»,[890] а Арчи Рид решил, что показ «стал началом его прощания».[891]

Во время подготовки к показу Ли узнал, что его стилист Кэти Ингланд решила уйти из компании McQueen, потому что Кейт Мосс, которой поручили создать ряд костюмов для фирмы Topshop, предложила ей выгодное место в сети. Маккуин воспринял известие тяжело и какое-то время злился на Мосс за то, что она сманила одну из самых верных его служащих и подруг. «Кейт пусть катится куда подальше, – говорил он Арчи, снимая фотографию Кейт со стены в своем кабинете. – Ради нее я подвергал себя опасности, а она даже спасибо не сказала».[892]

В апреле 2007 года Изабелла пригласила Маккуина в «Хиллз» на выходные. Она была слаба как физически, так и психически. В довершение ко всему у нее обнаружили рак яичников, и ей предстояла операция. Но ей хотелось сделать приезд старого друга памятным событием. Перед приездом Маккуина она сама повесила его фотографию в большом зале, под портретом дедушки Детмара кисти Огастеса Джона. Она попросила кухарку приготовить особенные блюда, в число которых входил сорбет из свеклы, нежный мусс из анчоусов с лимоном, а на горячее – арктического гольца с шафрановым пюре под соусом сальса верде. Но когда приехал Маккуин, который к тому же привез с собой нескольких приятельниц-женщин, он сразу же заперся в своей комнате. Он отказался от деликатесов, приготовленных специально для него, и попросил у кухарки дать ему сыра чеддер. «Он лежал в постели совершенно упоротый, – вспоминает Детмар. – И это оказалось тяжело для Иззи. Все у нее шло не так, и грустно, что Александр этого не понимал и не взял себя в руки хотя бы ненадолго. По-моему, его поведение стало для нее последней соломинкой».[893]

Позже Маккуин рассказал о своем визите; по его словам, у них с Изабеллой состоялся разговор, который продолжался три часа. «Мы примирились друг с другом», – многократно повторял он, может быть стараясь убедить в этом самого себя. Он сказал Изабелле, что она хорошо выглядит, а потом спросил: «Ты ведь не говоришь о смерти, правда?» – «Нет, нет», – ответила она. «А

ловко она меня одурачила, да? – спрашивал он позже. – Она знала, что делает, убедила меня, что отлично себя чувствует и худшее позади».[894]

В течение последующих двух недель Изабелла посылала множество все более отчаянных писем модному критику Сьюзи Менкес. Изабелла приглашала ее в «Хиллз» одновременно с Маккуином, но Сьюзи не смогла приехать. «Иззи показалась мне очень одинокой; она была разочарована тем, что Ли так ее подвел и не поддержал ее», – сказала Сьюзи.[895] 5 мая, находясь в поместье «Хиллз», Изабелла выпила гербицид, тот же самый, с помощью которого в 1977 году покончил с собой отец Детмара. Ее сестра Лавиния, вернувшись из магазина, застала Изабеллу в ванной, где ее рвало. Потом Иззи призналась ей, что приняла яд. Лавиния позвонила Детмару; тот велел ей вызвать скорую помощь. Изабеллу увезли в больницу в Глостере, где через два дня она скончалась. Ей было сорок восемь лет. Маккуин узнал о произошедшем от своего друга Шона Лина, когда они оба были в Риме.

Маккуин был совершенно опустошен. Он полетел в Великобританию в таком подавленном состоянии, что сразу же начал посещать медиумов в попытке связаться с Изабеллой. Салли Морган, бывший медиум принцессы Дианы, вспоминает, как Маккуин явился к ней через два дня после смерти Изабеллы. «Когда она [Изабелла. – *Э. У.*] ушла, для него это было равнозначно потере руки или ноги – странное чувство…» Медиум сказала Ли, что вошла в контакт с Иззи, и уверяла, что он был поражен некоторыми подробностями, которые она ему передала. «Он был очень подавлен ее уходом и тем, как она это сделала, – тем, что она покончила с собой с помощью яда, – говорит Морган. – Он получил от меня большое утешение, так как убедился в том, что Иззи действительно говорила со мной».[896]

Когда Ли вернулся домой и рассказал Арчи Риду о внеземном контакте с Изабеллой, Арчи вначале был настроен скептически. «Я не хотел, чтобы Салли Морган вешала ему лапшу на уши, поэтому сам договорился о встрече с ней, – вспоминает Арчи. – Она рассказала мне такие вещи, которые не могли бы знать посторонние. По ее словам, она [Иззи. – *Э. У.*] стояла рядом со мной, и губы у нее были накрашены ярко-красной помадой – Иззи всегда красилась ярко-красной помадой «Шанель». Иззи велела мне: «Будь осторожен», потому что, по-моему, она заранее знала, что случится».[897]

Костюм для похорон Изабеллы, для ее последнего «выхода в свет» Детмар попросил выбрать дизайнера шляп Филипа Трейси. Филип знал: сама Иззи наверняка захотела бы, чтобы наряд для

нее выбирал ее старый друг Александр, поэтому он позвонил ему и договорился о встрече в квартире супругов Блоу на Итон-сквер. Там двое друзей, когда-то соперничавшие за внимание Изабеллы, выбрали светло-зеленое кимоно от Маккуина и шляпу Трейси, сшитую из фазаньих перьев, в которой ее должны были кремировать. Кроме того, Ли отрезал локон с головы Изабеллы; позже он вставил его в кольцо. Филипа его поступок покоробил; ему казалось, что нужно было спросить разрешения у сестры Изабеллы.

В день похорон Филип и Ли (последний был одет в килт) зашли в ритуальный зал, чтобы проститься с Изабеллой. Маккуин, несмотря на свою одержимость смертью и ее образами, признался, что раньше ни разу не видел покойников. «Джулия [Делвз Бротон, сестра Изабеллы. – *Э. У.*] рассказывала, что, когда Иззи одевали, Маккуин плакал навзрыд», – сказал Детмар.[898]

На заупокойной службе, которая прошла 15 мая в Глостерском соборе, Маккуин, по воспоминаниям Дафни Гиннесс, выглядел совершенно сломленным. Во время службы он безудержно рыдал и ушел, как только служба закончилась. «Он все время повторял: «Жаль, что я не сделал больше», – и я не выдержала: «Александр, что ты мог поделать?»[899]

Ли признавался своему другу БиллиБою*, что винит в смерти Изабеллы себя. «Должен сказать, что вынужден в чем-то с ним согласиться, потому что он был с ней очень жесток, – сказал БиллиБой*. – Похоже, он делал все, чтобы причинить себе боль; например, нарочно совершал что-то плохое. У него был полный когнитивный диссонанс – одна его часть говорила: «Плевать мне на эту стерву, она мне безразлична, она мне больше не нужна», а другая, более человечная его сторона, понимала, что он – чудовище».[900]

В последнем дополнении к завещанию, которое Изабелла продиктовала незадолго до смерти, она оставила кое-что друзьям, в том числе Филипу Трейси и Стефану Бартлетту. Примечательно, что имя Маккуина в этом списке отсутствует.

Ли очень удивился, так как считал, что Изабелла завещает ему свою коллекцию вещей, созданных им.

Смерть Изабеллы не переставала преследовать Ли. Он поставил фотографию, на которой были запечатлены они с Иззи, на кофейный стол в гостиной. Еще два портрета его подруги, сделанные Стивеном Мейзелом, висели на стене. Всем показалось естественным решение посвятить покойной Изабелле следующую коллекцию, La Dame Bleue («Голубая дама») станет данью покойной подруге. На пригласительных билетах, нарисованных модным иллюстратором Ричардом Греем, Изабелла изображалась

в роли Боудикки на колеснице, которую влекут крылатые кони. «Когда мы встретились, чтобы обсудить макет приглашений на показ La Dame Bleue, я видел Ли последний раз, так что воспоминания о той встрече очень мучительны, – сказал Ричард, чья дружба с Маккуином началась в начале 1990-х годов, в баре Comptons. – Ли точно знал, как должна выглядеть обложка, и описал рисунок во всех подробностях. Он хотел, чтобы я нарисовал Изабеллу с величественными крыльями, в определенном платье от Маккуина и шляпе от Филипа Трейси, которая едет на колеснице, влекомой крылатыми конями в небо. Он выглядел торжественным и слегка подавленным; ему в самом деле хотелось, чтобы иллюстрация была как можно более точной. Видимо, такой он ее видел. Ему хотелось увековечить ту, которая так много для него значила, поэтому наша встреча и обсуждение стали невероятно трогательными».[901]

Показанная 5 октября 2007 года коллекция La Dame Bleue стала своеобразной эпитафией женщине, которую Маккуин считал кем-то вроде своей второй матери. Она, в свою очередь, относилась к нему как к приемному сыну. «Он мое дитя. Я его обожаю!» – сказала однажды о нем Изабелла.[902] Когда в тот день зрители заняли места во Дворце спорта Берси, они сразу ощутили присутствие Изабеллы: в зале пахло духами «Фракас», любимыми духами Изабеллы. «Друзьям и коллегам Блоу показалось, что ее дух витает с ними», – написала обозреватель из Guardian.[903] Показ открылся изображением гигантской птицы в полете, сделанной из голубых неоновых лучей; ее громадные крылья поднимались и опускались над входом на подиум. Птица символизировала душу Изабеллы, наконец свободную. Вещи Маккуина, сшитые для этой коллекции, были посвящены не только характеру Изабеллы, но и ее фигуре: модели демонстрировали костюмы фасона «песочные часы», отдавая дань «вогнутому вырезу и затянутой в корсет талии, которые были яркими чертами ее силуэта».[904] В конце показа на сцену вышли Маккуин, в килте и рубашке с Микки Маусом, и Филип Трейси. Этот выход стал для Ли сильным потрясением; его чувства выражал голос Нила Даймонда, который исполнял песню Play Me. Песня, в которой часто повторялись слова «Ты солнце, я луна», подчеркивала симбиотический характер отношений Александра и Изабеллы. Существование одного зависело от другого. До какой-то степени Изабелла создала Александра, но по мере того, как он приобретал больше уверенности и добивался успеха, а ее психическое состояние ухудшалось, он все больше отдалялся от нее. После того как она ушла, он осиротел; ее смерть, по его словам, оставила «огромный вакуум» в его жизни.[905] Контакт с

медиумами до какой-то степени успокаивал Ли – ему нужно было знать, быть уверенным в том, что ее душа покоится с миром, что она его не обвиняет. И все же ему было не по себе. По словам его психиатра, доктора Стивена Перейры, начиная с 2007 года у Маккуина проявились симптомы смешанного тревожно-депрессивного расстройства: низкая самооценка, нарушения сна, усталость и апатия, раздражительность, пессимизм или беспокойство. Факторами риска, приводящими к расстройству, служат стресс, пережитая в детстве травма и жизнь с серьезным или хроническим заболеванием. Все из перечисленного наблюдалось у Маккуина. Однако, как бы ни старался Перейра, психиатру было «необычайно трудно добиться того, чтобы он являлся на прием лично, физически».[906] После коллекции La Dame Bleue Ли со своим бойфрендом Гленном Теу отправился в индийский штат Керала. Проведя в Керале неделю, Гленн полетел в Австралию на день рождения бабушки, а оттуда вернулся в Лондон. Маккуин же полетел в Бутан, где встретился с Шоном Лином. В Бутане Ли заинтересовался буддизмом и познал азы религии. «Он поехал туда по моему предложению, – сказала Джанет Маккуин. – Мои давние знакомые ездили туда и говорили, что это способствует смирению. Я подумала, что увлечение буддизмом поможет ему избавиться от депрессии».[907] Многие основные принципы буддизма – сансара (постоянно повторяющийся цикл рождения и смерти), карма, возрождение и дуккха (страдание) и путь освобождения – не только позволили Ли смириться с потерей Изабеллы, но также и на время успокоили его собственные черные мысли и страхи. Позже он посещал Лондонский буддийский центр в Бетнал-Грин, иногда приносил с собой четки и покупал классические буддийские тексты. Он сказал, что путешествие, которое он считал паломничеством, стало для него «преображающим».[908] В ноябре 2007 года, после возвращения, в аэропорту Хитроу Маккуин сел в такси и поехал в бар в Сохо, где работал Гленн. Он подарил ему четки и сказал, что между ними все кончено. «Я знал, что мы не можем и дальше повторять то же самое, постоянно двигаться то вперед, то назад, – сказал Гленн. – Потом мы уже больше не разговаривали – он вечно менял номер своего мобильного, и я даже не мог послать ему эсэмэску – и не виделись. Мне казалось, что многое между нами осталось неразрешенным».[909]

На Рождество Маккуин уехал в Фэрлайт с сестрой Джанет, а утром 25 декабря зажег свечу в честь Изабеллы. «С того дня, когда скончалась, она всегда была с ним рядом», – считает Джанет.[910] «Ее смерть многому меня научила, – сказал Маккуин весной 2008 года. – Я многое узнал о себе самом, [понял. – *Э. У.*], что жить

стоит».[911]

На время, по мнению друзей, Ли стал ярче и оптимистичнее. Он начал представлять для себя какое-то будущее, строить планы. Ему хотелось переехать из Хакни; он попросил архитектора Гая Моргана-Харриса помочь ему подыскать в Лондоне новый дом или квартиру. Маккуин знал Гая с 2006 года. Красивый и обаятельный архитектор создал вместе с женой студию. Ли его порекомендовала Кейт Джонс, его личная помощница. Маккуину нужно было сделать небольшой ремонт в доме на Кадоган-Террас; с первой встречи весной 2006 года Маккуин понял, что может доверять Гаю. «Он был очень остроумный и забавный, – вспоминает Гай. – Мог пошутить или высмеять. Но под внешней непочтительностью таилась большая теплота». Гай подобрал Ли очень красивый дом на Монпелье-Роу, в Туикнеме, но Ли сразу заявил, что о жизни так далеко от центра Лондона не может быть и речи. Затем архитектор предложил его вниманию громадную квартиру на Уайтхолл-Корт, на набережной Темзы. 1 февраля 2008 года Ли осмотрел квартиру, стоившую 4,25 миллиона фунтов. Ему очень понравился вид, простор (в квартире имелось три смежных приемных) и расположение. Кроме того, совсем рядом, в том же квартале, обитала его старая подруга Паулита Седжвик. Хотя в квартире имелся огромный балкон, Ли все же решил, что жизнь на пятом этаже не подходит для трех его собак. Позже Маккуин, который в конце 2008 года снял роскошную квартиру в Мейфэре, на Грин-стрит, 7, заинтересовался коммерческим зданием в Клеркенуэлле, на Хафмун-Корт. Он предлагал превратить здание в жилой дом, в том числе разбить на крыше сад для собак и устроить там небольшую галерею, в которой он мог бы выставлять свои творения. Но в конце концов он все же отказался от такого замысла, решив, что дом окажется слишком близко к его студии, то есть к работе.

Маккуин затеял ремонт и за пределами столицы. Он поручил Гаю отремонтировать его небольшой загородный дом в Фэрлайте. В конце концов никаких серьезных изменений не произвели, так как ему не хотелось ничего ломать. Однажды Ли повел Гая в поле за домом, откуда открывался живописный вид на бухту, и признался, что мечтает о красивом доме в этом месте. «Он хотел прорыть под землей туннель, откуда в дом нужно было подниматься на лифте. Почти как в логове злодея из фильмов о Джеймсе Бонде, – вспоминает Гай. – Дом, обшитый алюминием, напоминал космический корабль, который только что врезался в склон холма. Однако место отличалось необычайной природной красотой, и вероятность того, что нам бы позволили там что-то менять, равнялась почти нулю. Я навсегда запомнил, как он шел

по полю в своей футболке с Микки-Маусом; выглядел счастливым и расслабленным; а замысел его по-настоящему воодушевлял. Он хотел бы, чтобы его планы воплотились в жизнь».[912]

Возрожденные надежды Маккуина проявились в феврале 2008 года, когда он показал коллекцию The Girl Who Lived in the Tree («Девушка, которая жила на дереве»). Он сказал, что как-то в Фэрлайте он увидел в парке могучий вяз и живо представил себе девушку, живущую в ветвях дерева. «Она была диким созданием, жившим на дереве, – пояснил он. – А когда решила спуститься на землю, превратилась в принцессу».[913] На показе посреди сцены стояло громадное дерево, закутанное в ткань, похожее на инсталляцию Кристо и Жанны Клод; благодаря подсветке дерево становилось то светло-голубым, то ярко-зеленым и ярко-желтым. Такие же переливы зрители наблюдали и на подиуме. Цвета костюмов менялись от похоронно-черных и мертвенно-бледно-серых до девственно-белых и ярко-красных. Маккуин черпал вдохновение и из современных ему Индии и Бутана, и с фотографий королевы Елизаветы II, одетой Норманом Хартнеллом. В результате получилось довольно искусственное сочетание с примесью восточных сказок. «Настало время выйти из тьмы к свету», – говорил он.[914] В тот же день своего парижского показа Маккуин объявил, что его бренд впервые принес прибыль. «Я никогда не сомневался в успехе марки McQueen», – добавил он.[915]

В марте 2008 года Ли вылетел в Лос-Анджелес для подготовки к открытию своего нового бутика, созданного Уильямом Расселлом на Мелроуз-авеню. Маккуин поручил Роберту Брюсу Муру создать скульптуру из стали высотой в девять футов. Скульптура изображала так называемого «ангела Америк», которая как будто плыла в куполе над магазином, и ее было видно как снаружи, так и изнутри. «Она пропорциональна с анатомической точки зрения», – сказал Маккуин, сравнивший свой новый магазин с собором. На его открытии должна была петь Эми Уайнхаус, но, по словам Маккуина, она отменила свое участие «из-за проблем с визой».[916] Истина оказалась гораздо сложнее. Маккуин познакомился с певицей на вечеринке в Челси, которую он посетил со своим бойфрендом Арчи Ридом. «Правда, тогда они поссорились, он что-то съязвил, и она пришла в ярость», – вспоминает Арчи. Арчи убедил Ли в виде извинения послать Эми платье за 15 тысяч фунтов, но та, получив подарок, с отвращением швырнула его на жаровню.[917] «А еще она плюнула в одно из его платьев в универмаге Selfridges, и ей пришлось заплатить за испорченную вещь, – вспоминает Арчи. – Сначала она отказывалась, а потом сказала: «Ладно, так и быть… только

передайте Александру Маккуину, что я испортила его платье». [918]

Из Лос-Анджелеса Маккуин полетел в Нью-Йорк, где 17 марта отметил свой тридцать девятый день рождения в ресторане «Уэверли-Инн». К нему пришли друзья, в том числе Трино Веркаде, Сара Бертон, Аннабелл Нейлсон, бывший бойфренд Джей Массакре (который начиная с 2006 года трудился в компании McQueen стилистом на показах мужских коллекций), Керри Юманс, актриса Хлои Севиньи, Стивен Кляйн и Сью Стемп. На фотографиях, сделанных Сью, Ли выглядит довольным и расслабленным; на нем свитер с V-образным вырезом, белая рубашка с галстуком; он также отрастил козлиную бородку. Сью познакомилась с Ли еще в 1994 году, но затем она переехала из Лондона в Нью-Йорк. Когда Маккуин приезжал на Манхэттен, он часто встречался с ней. «Мне нравился его безграничный, безудержный энтузиазм, когда он чем-то увлекался или интересовался, – вспоминает Сью. – У него, конечно, имелись свои недостатки и свои проблемы, но мне нравится вспоминать, как он смеялся. У Ли был истерически заразительный, озорной смех, и я по нему скучаю». [919]

В апреле Маккуин узнал, что группа Gucci согласилась с его требованием повысить плату; в том году он должен был получить 10 миллионов фунтов. На часть этих денег Ли купил дом рядом с домом 82 по Кадоган-Террас, и у его сестры Джанет с детьми, дочерью Клэр и пятимесячным внуком Томми появилось приличное жилье. Джанет переехала в конце августа; она часто заходила к брату на ужин. Они вместе с удовольствием ходили на цветочный рынок на Коламбиа-Роуд; однажды Ли устроил для сестры роскошные выходные на курорте возле Бадминтона. «Ли был по-настоящему щедрым, поэтому мне доставляло удовольствие угощать его чем-нибудь вкусным, когда мы куда-то выбирались вместе, – вспоминает Джанет. – Я знаю, что ему нравилось, когда не только он оплачивал счета». [920]

Однажды Ли гулял по Ислингтону с Джанет, когда увидел перед студией таксидермиста на Эссекс-Роуд огромное чучело белого медведя на задних лапах. Чучело ему так понравилось, что он купил его и велел поставить в своей шикарной новенькой студии на Клеркенуэлл-Роуд. «В тот же день он купил и голову жирафа, – вспоминает Джанет. – Но вначале он наверняка потребовал доказательств того, что животные умерли естественной смертью, – он терпеть не мог проявления жестокости к животным». [921] Летом 2008 года Маккуин начал работать над коллекцией Natural Distinction, Un-Natural Selection («Естественные различия, неестественный отбор»), навеянной

Дарвином. «Кроме того, меня интересовал период промышленной революции, потому что, по-моему, именно тогда нарушилось равновесие, человек стал сильнее природы и стал причинять ей вред… Коллекция призывает нас взглянуть на мир и ужаснуться тому, что мы с ним сделали».[922] Ли попросил племянника, Гэри Джеймса Маккуина, разработать макет пригласительных билетов. На обложке поместили двояковыпуклое изображение его лица, которое переходило в череп (тот же жуткий образ позже появится в каталоге Метрополитен-музея к выставке «Дикая красота»). «Возможно, там содержался какой-то подсознательный смысл, но Ли всю жизнь шагал рука об руку со смертью», – считает Гэри.[923]

Парижский показ, который состоялся 3 октября в Le 104, бывшем морге возле Восточного вокзала, открывался звуками звериных голосов. На подиуме выстроилась вереница чучел от парижского таксидермиста – белый медведь, слон, пантера, жираф и броненосец. Над зрительным залом проецировалось изображение вращающегося земного шара. Затем на подиум вышли модели, чьи платья казались не столько одеждой, сколько второй кожей – накидка в виде плавников гигантской манты, полупрозрачные комбинезоны, покрытые стразами Сваровски, костюмы, похожие на ходячие тесты Роршаха, – в них девушки выглядели другим биологическим видом; возможно, такие вышли бы из Ноева ковчега космической эры. Проекция сменилась изображением одного глаза, который смотрел с небес, а затем, в дополнение сюрреалистическому эффекту, на сцене появился сам Маккуин в костюме кролика – может быть, то была аллюзия на фильм «Донни Дарко» 2001 года, в котором фигура в костюме кролика предупреждала о неминуемом конце света. «Я считаю, что нам грозит опасность. Наша жадность может погубить планету, – сказал Маккуин. – Все виды беззащитны, но зверям просто не повезло, тогда как мы уничтожаем сами себя – и их тоже».[924]

6 ноября Ли узнал, что его брат Майкл, таксист, которому тогда было 48 лет, перенес обширный инфаркт, когда находился в аэропорту Хитроу в своем такси. Майкла пришлось везти в больницу на вертолете. «Меня четыре раза реанимировали», – вспоминал он. Позже, когда Майкл выздоровел, Ли пришел в больницу. «Он сидел в ногах кровати и спрашивал: «Ты что-нибудь видел? Ты видел врата?» – вспоминает Майкл. – Он хотел знать, видел ли я что-нибудь «по ту сторону», потому что пару раз я умирал». Майкл в ответ рассмеялся и велел ему убираться.[925]

«Та сторона» все больше привлекала Маккуина. По словам Арчи, Ли чрезвычайно интересовало самоубийство Мэрилин Монро. Он прочел в Интернете все, что там было на эту тему.

Своему бойфренду он подарил много вещей, в том числе коробку Gucci, полную кашемировых свитеров, и винтажные часы Cartier, инкрустированные бриллиантами. «На память от меня», – сказал Ли. Когда Арчи спросил, куда именно направляется Ли и почему он дарит ему подарки на память, Маккуин промолчал.[926]

В конце 2008 года Ли и Арчи Рид решили расстаться. В начале нового года Маккуин чувствовал себя таким одиноким, что начал искать спутников в Интернете. Он стал активным участником сайта знакомств Gaydar; для фото профиля он воспользовался профессиональным снимком в военных брюках и сером кардигане, который сделал Дерек Сантини. В январе он воспользовался услугами эскорта и порнозвезды Пола Стага. Ли вызывал Пола к себе на Грин-стрит и платил ему по 150–200 фунтов за час. «Там были наркотики, было порно, а иногда с нами были другие, часто такие же, как я; он очень любил групповуху», – вспоминает Пол.

Пол не узнал Маккуина – он не читал модных журналов, – и, может быть, именно поэтому Ли было с ним так спокойно. «Он выглядел мужественным и совсем не был похож на модного дизайнера, – вспоминает Пол. – Если не знать, кто он такой, можно было принять его за успешного торговца автомобилями или металлоломом». Они стали видеться по два-три раза в неделю. Наконец Пол спросил Ли, не хочет ли тот изменить характер их отношений. С того дня они считали друг друга партнерами, но Ли согласился с тем, что Пол продолжит работать в сфере эскорт-услуг. Пол не прикасался к наркотикам, и привычки Ли иногда приводили его в замешательство. «Для него наркотики стали второй натурой, как для кого-то курение или питье джина с тоником», – вспоминает он.[927] «Я слышала, что он все больше злоупотреблял, – говорит сестра Ли Джеки Маккуин. – Смерть Иззи стала для него настоящим ударом; наверное, после этого Ли стал стремиться к смерти. Он потерял Иззи, и жизнь больше не была для него прежней».[928]

По словам некоторых друзей, Ли начал экспериментировать с метамфетамином, наркотиком, чрезвычайно быстро вызывающим привыкание, особенно популярным у геев, ведущих беспорядочную половую жизнь. С его помощью они практикуют так называемый «химический секс». Источник в околомодных кругах Матав Синклер (имя вымышленное) и Ли имели одного партнера на двоих, который рассказывал Матаву о пристрастии дизайнера к метамфетамину («тине»). Матав, в свою очередь, употреблял метамфетамин в течение недели, а потом несколько дней ему казалось, что перед его глазами открылся совершенно новый мир. Секс и поиски все возрастающего эротического

наслаждения стали главной целью его жизни. После того как влияние наркотика ослабело, он ощутил внутреннюю пустоту и депрессию. «Все, что во мне было хорошего, оказалось истрачено, и я чувствовал себя одиноким и грустным, – вспоминает Матав. – Ничего более страшного со мной в жизни не происходило. После этого я стал замечать, что у тех, кто принимает «тину», глаза становятся маленькими, как пуговицы, без отражения, как будто их глаза умирают».[929]

Маккуин уже понял, что мир моды, все время требующий чего-то нового и стремящийся поймать удачу за хвост, не принесет ему счастья. Он говорил Себастьяну Понсу, что жалеет о своем решении подписать контракт с Gucci. «Но теперь я уже не могу сдать назад, – говорил он. – Я сам построил свою тюрьму».[930] Правда, он начал думать о том, чтобы отказаться от роскоши, сменить курс. Он сделал костюмы для спектакля Eonnagata Робера Лепажа о шевалье д'Эоне, дипломате, шпионе и трансвестите XVIII века. Мировая премьера спектакля прошла в Лондоне, в театре «Садлерс Уэллс» в феврале 2009 года. Он поступил в Школу изобразительных искусств Феликса Слейда; носился со старым замыслом стать фотографом или возглавить собственную школу дизайна и даже выражал желание, по крайней мере при Поле Стаге, открыть собственную гей-порностудию. И все же он был бессилен осуществить свои последние замыслы. Он понимал, что, бросив свою компанию, он подставит под удар многочисленных служащих.

Ли очищался от разочарования единственным известным ему тогда способом: создавая новую коллекцию, которая бурно врывалась в модную индустрию. Маккуин говорил, что черпал вдохновение из собранных им произведений современного искусства, в частности работы Хендрика Керстенса (снимка его дочери Полы с целлофановым пакетом на голове, ставшего переосмыслением картины Вермера), которая фигурировала на пригласительных билетах. Коллекция The Horn of Plenty («Рог изобилия») была показана 10 марта 2009 года в парижском Дворце спорта; она перекликалась с коллекцией Voss, декорации к которой напоминали психиатрическую клинику. Модели с бледными, клоунскими лицами и преувеличенными губами, напоминающими Ли Боуэри, выглядели так, словно сбежали из сумасшедшего дома времен Voss и с тех пор блуждают на воле в маскарадных костюмах, созданных каким-то французским кутюрье. В коллекции содержалось много отсылок на стиль нью-лук компании Dior, на Poiret, «маленькое черное платье» Givenchy, «Лебединое озеро» Мэтью Борна, костюмы Сесил Битон для «Моей прекрасной леди», фотографии Ирвинга Пенна и даже

на прежние костюмы самого Маккуина. На головах у моделей были «шляпы», созданные Филипом Трейси из пластиковых пакетов, консервных банок, зонтиков и автомобильных колпаков. Посреди сцены, на полу, покрытом разбитыми зеркалами, лежала огромная куча, издали напоминающая мусор, но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что там свален реквизит из прошлых коллекций Маккуина. Намек был очевиден. «Наш мир так банален, – говорил дизайнер Эрику Уилсону из New York Times. – В моде все быстро меняется, и все настолько одноразовое… В этом я вижу большую проблему. Нет ничего долговечного».[931]

Сара Бертон вспоминает, с какой целеустремленностью Ли работал над коллекцией. «Для создания второго образа в коллекции использовали традиционный твид «гусиная лапка», который покрыли лаком… Ли сам кроил жакет. Он кромсал его, втачал асимметричный рукав кимоно, отрезал воротник и пришил заново. Он положил кусок ткани на пол и разрезал, чтобы получился ворот нужного вида. Это было невероятно!»[932]

«Рог изобилия» стал и реакцией на финансовый кризис 2008 года. «Мне всегда хотелось изобразить эпоху, в которой мы живем, а эта коллекция описывает глупость нашей эры, – сказал Маккуин в интервью Сюзанне Френкел. – По-моему, пройдет несколько лет, люди посмотрят мою коллекцию и поймут, что мы переживали спад из-за своего буйного, неразборчивого потребления».[933]

В 2008 году Маккуин написал фотографу Нику Уоплингтону и попросил его снять коллекцию «Рог изобилия» с самого начала до показа. «Мне нужно, чтобы ты показал процесс как есть – грязно и безобразно», – сказал он.[934] Дизайнер объяснил Уоплингтону, чьи произведения были в собранной им коллекции произведений современного искусства, что ему нужна в результате книга, которая обрисует его наследие. «Ли видел в этой коллекции своего рода большую ретроспективу, воспроизведение идей последних пятнадцати лет его работы», – сказал Ник.[935]

В самом конце «Рога изобилия», где сопровождением служили музыкальные темы из предыдущих шоу, а также The Beautiful People Мэрилина Мэнсона, зрители слышали удары сердца, которые постепенно замедлялись, а затем прекращались, как в коллекциях Voss и Pantheon as Lecum. Сразу после показа Ли обычно чувствовал себя опустошенным, но в том году ему было все труднее стряхнуть с себя черный призрак депрессии. Приближалось его сорокалетие, но в пятницу 13 марта он еще не собирался ничего праздновать. После выходных он все же передумал и снял на вечер вторника верхний этаж в клубе

Shoreditch House. Среди гостей были Бет Дитто, Кейт Мосс и Стелла Маккартни. По совпадению, в тот день в клуб заглянул его бывший бойфренд Меррей Артур, но его не пустили, сказав, что клуб закрыт на частную вечеринку. Выходя, он наткнулся на Ли, который ел конфеты из пакета. Меррей поздравил Ли с днем рождения, они поговорили минут пять, а затем Ли вошел внутрь, не пригласив Меррея. Позже Меррей пригласил Маккуина на свое сорокалетие, прием с шампанским на пятьдесят человек в пабе «Георгий и дракон» в Шордиче. «Я получил ответ от его секретаря: спасибо за приглашение, но Александр Маккуин не сможет прийти, – вспоминает он. – Я немного обиделся».[936]

Весной 2009 года Маккуин нанял частный самолет и вместе с Аннабелл Нейлсон улетел на Майорку, где он купил дом. К приезду Ли и Аннабелл дом отремонтировали, а обстановка напоминала его лондонское жилье: мраморные полы, стеклянные перегородки и коллекция ценных картин и фотографий. Ли пригласил к себе Себастьяна Понса, который тогда тоже находился на острове. Тот не мог остаться надолго – у него умирал отец, – но ему показалось, что он нужен старому другу. Однажды ночью, когда Аннабелл ушла спать, они разговаривали на террасе; говорили о прошлом, о том, зачем Себастьяну понадобилось уйти из компании, о растущей клаустрофобии Маккуина и чувстве, будто он в тюрьме. Ли показал Себастьяну кольцо с волосами Изабеллы; было очевидно, что он по-прежнему считает себя виноватым из-за того, как с ней обращался. «По его словам, он жалел, что почти не помог ей», – вспоминает Себастьян. Еще раньше он заметил, что Маккуин читает буддийский текст о смерти и умирании, но следующие его слова потрясли и смутили Себастьяна.

«Я уже создал свою последнюю коллекцию», – сказал Ли.

«Что значит – последнюю? – уточнил Себастьян. – Хочешь сказать – очередную?»

«Нет. Мою последнюю коллекцию. Она у меня в голове».

«Что это значит?» – повторил Себастьян.

«В моей последней коллекции я собираюсь покончить с собой. Я собираюсь со всем покончить».

Затем Маккуин посвятил друга в свои планы: он собирался покончить с собой прямо во время показа, на виду у зрителей. «Он сказал, что оставит плексигласовый или стеклянный ящик, а внутри его – еще один стеклянный ящик, – вспоминает Себастьян. – Затем, ближе к концу показа, он выйдет из-под земли и застрелится, чтобы мозги размазались по стеклу».

Себастьян понял, что для него это слишком. Маккуин же не умолкал; он подробно рассказывал, как хорошо все продумал.

Еще в 2007 году он основал благотворительный фонд «Сарабанда», который помогает тем, кто оказался в нужде, в том числе студентам из его колледжа Святого Мартина, и написал завещание. «В другую ночь [на Майорке. – *Э. У.*] Ли попросил меня проверить, есть ли в доме топоры. «Он сказал: «Сходи в подвал и посмотри, может, найдешь хоть один». Я спросил, зачем ему топор, а он ответил, что просто нужен. Я спустился вниз, но в подвале топоров не оказалось; когда я сообщил ему об этом, он сказал, что мне придется съездить и купить топор. Ему, мол, нужно защищаться, а я ничего не понимаю. Именно поэтому, продолжал он, ему пришлось лететь на Майорку на частном самолете. Он взял с собой пса Каллума. Сказал, что кое-кто охотится на него».

Себастьяна так встревожило состояние друга, что он позвонил в лондонский офис компании McQueen. Кто-то из персонала заверил его, что с дизайнером все в порядке и беспокоиться не о чем. «Вовсе он не в порядке, дорогуша, – ответил Себастьян. – У него крыша поехала».[937]

Ли, как многие потенциальные самоубийцы, много сил тратил на то, чтобы казаться окружающим совершенно нормальным. Он вернулся в Лондон, чтобы работать над коллекцией мужской одежды, которую нужно было показывать в Милане в июне, и очередной коллекцией женской одежды, Plato's Atlantis («Атлантида Платона»). В апреле 2009 года он снова встретился с Гаем Морганом-Харрисом. Они говорили о возможной покупке нового участка по адресу Данрейвен-стрит, 17. Большая квартира в квартале Мейфэр, занимавшая полтора этажа, оценивалась в 2,525 миллиона фунтов. «Было очевидно, что квартира ему нравилась, хотя я не сразу понял, что он настроен серьезнее в данном случае, чем было с предыдущими квартирами, которые он уже посмотрел», – вспоминает Гай.[938] Конечно, ничто не намекало на то, что с Ли что-то не в порядке; он, как всегда, много смеялся и был обаятелен. Однако близкие друзья и родственники начали замечать странности в его поведении. В прошлом Джойс Маккуин беспокоилась из-за возросшего пристрастия сына к наркотикам. После долгого разговора Ли обещал матери, что попробует бросить. «Он и бросил, но только на шесть или восемь недель», – говорит Джанет.[939]

Весной 2009 года Джанет завела с братом разговор о наркомании. «Он реагировал очень бурно – наверное, я сама неправильно себя повела, – вспоминает она. – Кокаин меняет личность; он отвечал просто мерзко. Его слова возмутили меня, наверное, я тоже сорвалась в ответ».[940]

Брат и сестра поссорились, и в апреле Джанет съехала из соседнего дома на Кадоган-Террас; несколько месяцев они с Ли не разговаривали. Маккуин поссорился и с другой своей сестрой, Джеки. «Я все ждала, когда Ли станет прежним, – вспоминает Джеки. – Мне не нравились претенциозность и мелочность мира моды и публика, которая на показах сидит в первом ряду. Все изображают дружбу, но по-настоящему о Ли Маккуине никто не заботился».[941]

В мае 2009 года, чувствуя себя одиноким и заброшенным, Маккуин едва не умер от передозировки. По мнению Джанет, происшествие стало его криком о помощи. Кроме того, он наверняка вспоминал Изабеллу, умершую 7 мая. «Я догадываюсь, как переживал Ли; наверное, в тот день он был сам не свой», – сказала она.[942] В то время Джанет ничего не знала о попытке самоубийства. Ей рассказали о неудачной попытке только после смерти брата. Бойфренд Маккуина Пол Стаг также оставался в неведении. Правда, Стаг знал, как много Маккуин работает. «Ли все время недосыпал, рано вставал, трудился весь день и задерживался до позднего вечера», – говорит он.[943] Тони Маккуин вспоминает, что брат иногда даже ночевал у себя в студии на диване. «Все говорят о том, что он греб деньги лопатой, но ведь он почти не бывал дома, – говорит он. – Как только он заканчивал одну коллекцию, приходилось приступать к следующей».[944]

4 июля 2009 года Пол и Ли приняли участие в лондонском гей-параде. Пол шел в колонне, а позже пришел к своему бойфренду в кафе «Богема» в Сохо. «К тому времени, как я туда попал, он и его свита ели и пили уже четыре часа. Наверное, в тот день они сделали кафе кассу, – вспоминает Пол. – Счет составил около 900 фунтов, и мне не нравилось, что его спутники все время заставляли его угощать их. Ли приехал в Сохо на джипе, и мне пришлось отогнать его назад. Потом мы поехали домой, и он сделал мне тост с сыром».[945] 14 июля Ли поехал к Леди Гаге в Брикстонскую академию; хотя ему не слишком нравилась ее музыка, он понимал, что 23-летнюю певицу из Нью-Йорка волнуют те же проблемы, что и его: давление славы, опасности, которые подстерегают знаменитостей, радости гедонизма и пагубное сочетание секса и насилия.

Тем временем юристы Маккуина подготовили окончательный вариант его завещания. Впервые Ли составил черновик в 2008 году; в течение последующего года он неоднократно изменял его и вносил поправки. В июле 2009 года окончательный вариант был готов; ему оставалось только подписать его. По словам Джанет, если бы Ли не подписал завещание, все досталось бы их отцу. В

том же месяце Ли снова пытался покончить с собой, приняв огромную дозу наркотиков. «За год до смерти Ли только о ней и думал», – вспоминает Джанет.[946] Как увеличивалась доза, так же увеличивались его тревожность, паранойя и депрессия. Когда он уходил в очередной загул, он переставал беспокоиться из-за того, что он ВИЧ-положителен. «Он был ВИЧ-положительным, но по-прежнему занимался незащищенным сексом, когда был под кайфом», – говорит Пол Стаг.[947] «У него был ВИЧ, но он относился к этому легкомысленно: «А, кому какое дело?» – вспоминает БиллиБой*. – Я был слегка обескуражен, когда он мне рассказал. Он безответственно относился к себе до самого конца. По-моему, он ненавидел себя… очень жаль».[948]

Джейн Хейуорд, дизайнер женской одежды, занимавшаяся распространением марки McQ, вспоминает, как напрягались служащие, когда чувствовали запах дыма – признак того, что приближается Маккуин, единственный, который смел нарушать запрет на курение на работе. «Все побаивались его срывов и перепадов настроения, – говорит она. – А еще он иногда врывался в студию рано утром, злой и раздраженный». Сотрудники боялись, что он раскритикует их работу и что им прикажут переделывать всю коллекцию в последнюю минуту. «В то же время он все больше и больше отстранялся, бывало, по многу дней не приступал к действиям. Был период, когда он три недели не появлялся на работе».[949]

И все же Ли боялся сделать решающий шаг; он понимал, что его самоубийство станет тяжким ударом для родственников, особенно для матери. В 2009 году болезнь почек у Джойс усугубилась, и Маккуин заподозрил, что матери недолго осталось жить. Он принял решение ради нее соблюдать приличия; выставил на продажу дом на Кадоган-Террас за 1,7 миллиона фунтов (впоследствии он его сдал), купил квартиру на Данрейвен-стрит и одобрил планы Гая Моргана-Харриса по ремонту и переоборудованию квартиры в «логово» его мечты.[950] Он сшил свадебное платье для племянницы Мишель, дочери Тони, дал пространное интервью Кэти Хорин из New York Times и продолжал вращаться в обществе. Он регулярно питался в ресторане Скотта на Маунт-стрит, который служил «его местной столовой», так как рядом находилась его съемная квартира.[951] 22 сентября, во время празднования 25-летия Лондонской недели моды, он пошел на ужин, устроенный Vogue и интернет-магазином Net-a-Porter в честь Ника Найта.

Еще одной ниточкой, которая привязывала Ли к жизни, стала его давняя мечта революционизировать моду. Несмотря на разочарование в системе – бесконечный цикл коллекций «осень/

зима», «весна/лето», мужских вещей, аксессуаров и т. д., – он по-прежнему бросал вызов самому себе. Кроме того, он понимал, что оставил большое наследие. Ему было небезразлично, как его будут вспоминать. Еще в 2004 году он сказал: «Я хочу быть создателем определенного силуэта или способа кроя, так что, когда я умру, все будут помнить, что двадцать первый век начался с Александра Маккуина».[952]

Когда Ли начал работу над коллекцией Plato's Atlantis («Атлантида Платона»), названной в честь легендарного острова, впервые описанного древнегреческим философом в диалоге «Тимей» около 360 года до н. э., он говорил служащим: «Я не хочу смотреть ни на какие формы, не хочу никаких намеков и аллюзий. Пусть все будет новым».[953] Сара Бертон вспоминает, что однажды в дизайнерской студии он развернул все столы кругом, чтобы он и его команда видели только куски ткани, висевшие на стене. «И он был совершенно прав, потому что он создал нечто новое, без каких-либо аллюзий», – сказала Сара.[954] Последняя коллекция была навеяна морем – он любил заниматься дайвингом и был большим поклонником фильма Джеймса Кэмерона «Бездна» 1989 года – и мрачными глубинами его подсознания. В фильме Кэмерона в ходе поисков подводной лодки, исчезнувшей в Атлантическом океане, герои обнаруживают новый вид людей. Маккуин в «Атлантиде Платона» попытался представить, как могли бы выглядеть эти люди: недоступные, похожие на статуи женщины, поднятые на фут выше благодаря «дурацким», куполообразным туфлям-«броненосцам» по образцу туфель 1968 года художника Аллена Джонса.[955] Лора Крейк из «Ивнинг стандард» сравнила их с «раздвоенными копытами»,[956] а еще одна редактор модного журнала назвала их «крабьими клешнями».[957] Коллекция стала своеобразной иллюстрацией к дарвиновской эволюции, только в обратном порядке. «Мы вышли из воды, и теперь, с помощью технологии стволовых клеток, должны вернуться назад, чтобы выжить», – сказал Маккуин.[958]

Ли экспериментировал с цифровой печатью непосредственно на ткани еще в коллекции Natural Dis-Tinction, UnNatural Selection, но в последней коллекции он довел технику до совершенства. «Ли овладел техникой плетения, создания любого образа, и он мог перенести изображение на ткань так, что все части узора совпадали вплоть до шва, – говорит Сара Бертон. В целом он разработал 36 различных принтов, которые были «подстроены по кругу» на фигуру. «Под подстраиванием по кругу я имею в виду, что мотивы повторялись, а центр находился посередине куска материи».[959]

Дефиле снимали две робокамеры на рельсах и проецировали происходящее на большом экране – зрители мельком замечали там и самих себя, – а также передавали его вживую в Интернет через сайт Ника Найта SHOWstudio. За полчаса до начала Леди Гага прислала твит о том, что во время показа она представит свой новый сингл; за секунду сайт набрал 30 тысяч лайков и «рухнул». Название Bad Romance и сама песня, посвященная зависимости от нездоровых отношений, нашли отклик в душе Маккуина. В видеоклипе на Гаге в роли женщины, проданной русской мафии, надеты вещи из коллекции Plato's Atlantis, в том числе и туфли-«броненосцы». В последний год жизни Ли Леди Гага стала кем-то вроде его музы. В мае 2011 года она сказала в интервью журналу Harper's Bazaar, что ей кажется, будто ее песню Born This Way написал Маккуин, точнее, продиктовал с того света. «По-моему, он там на небесах дергает за нити моды, паясничает и многое придумывает, – сказала она. – Это даже не я написала проклятую песню. Это он!»[960]

В октябре того года, примерно во время его последнего парижского показа Ли ощутил необходимость помириться с сестрой Джанет. Он попросил прощения за то, что он ей наговорил. Джанет велела ему не валять дурака; она очень обрадовалась, что он ей позвонил. Он спросил, хочет ли она приехать к нему на Рождество, но, к сожалению, она уже запланировала отпуск в другом месте. Кроме того, Джанет знала, что ее брат любит менять планы в последнюю минуту. «За пару лет до того мы с ним договорились вместе поехать летом в отпуск, но в конце концов он не поехал… Это было вполне в его духе – если он был в плохом настроении или ему просто не хотелось, он мог вообще ни с кем не общаться».[961]

Пол Стаг заметил, что осенью 2009 года Ли начал мало-помалу удаляться от жизни. Полу хотелось не только развлекаться в спальне, но Ли как будто ничем не интересовался. «Помню, он сказал, что собирается созвать пресс-конференцию и рассказать о том, что у него ВИЧ, – сказал Пол. – Я думал, что это никого не касается, но он считал, что обязан сделать каминг-аут». Пол участвовал в благотворительном аукционе по сбору средств для Фонда Терренса Хиггинса; в ноябре Ли обещал пожертвовать одно из своих платьев, стоившее 10 тысяч фунтов. «Было пять утра, и мы лежали в постели еще с одним парнем; и он, и Ли были совершенно упоротые, – вспоминает Пол. – Ли велел мне: «Трахни его!», но я уже несколько раз закончил. Я сказал, что не хочу, я ведь не заводной. Он стоял на своем: «Если хочешь получить то платье на аукцион, трахни его сейчас». Я понял, что с меня хватит, и ушел».[962] Больше они никогда не виделись.

В конце года Маккуин почувствовал себя одиноким и беззащитным. В декабре он согласился встретиться с Максом Ньюсомом и Николой Брайтон, которые писали сценарий об Изабелле Блоу. Большую часть встречи, которая продолжалась два с половиной часа, Маккуин плакал навзрыд. После встречи с ним режиссеры испытали потрясение и тревогу.[963] И все же Ли старался сдерживать горе. Многие его знакомые видели лишь фасад и не подозревали, как глубока его депрессия. «Он был очень собранным, в отличной форме, – вспоминал фотограф Стивен Кляйн, который на Рождество обедал с ним в Лондоне. – Мы с ним задумали несколько совместных проектов».[964] На Новый год Ли поехал в Валь-д'Изер, где катался на лыжах с Аннабелл Нейлсон и Джеем Массакре; друзья жили в роскошном шале, которое любил Боно; оттуда открывался живописный вид на олимпийскую трассу. Интерьер шале не понравился Маккуину. «По-моему, слишком много сосны, – сказал он. – Неужели вам приятно жить в сауне?»

В январе Ли полетел в Милан, где показал свою коллекцию мужской одежды; по его словам, коллекция была навеяна Стингом, которого он назвал «своим идеалом мужчины, потому что он настоящий мужчина».[965]

Вернувшись в Лондон, он узнал, что болезнь у его матери прогрессирует. «Мы все звонили Ли за несколько дней до того, как мама скончалась; мы говорили, как ей плохо, звали его повидаться с ней, – вспоминает Джанет. – Но он не хотел приезжать в больницу. Он очень страдал, потому что в глубине души понимал, что маме, скорее всего, остались считаные дни».[966] Врачи советовали Джойс остаться в больнице на Рождество 2009 года, но у нее были другие планы. Она привыкла встречать Рождество в кругу семьи, и 25 декабря она оделась и приготовилась покинуть больницу. «Врачи не отпускали ее, и она очень злилась, – вспоминает Майкл Маккуин. – Тогда я единственный раз слышал, как она ругается; она сидела на краю кровати, жаловалась, что врачи не пускают ее домой. Она даже на Ли напустилась, послала его куда подальше. Я пошел поговорить с врачами; ее отпустили домой с тем условием, что через четыре часа мы привезем ее назад. Счастливее я не видел ее уже давно».[967]

Джойс заранее приготовилась к смерти; в своей записной книжке она написала подробное письмо, где перечислила, что и кому из детей оставляет из своих вещей. Ли она оставляла его подарок – стеклянное блюдо от Тиффани, две картины Викторианской эпохи, шесть тарелок фирмы Spode и две супницы, также подаренные им. Кроме того, она оставила ему первое

издание «Атласа Филлимора и Индекса приходских записей» и первое издание истории деревни Уэст-Кингсдаун, где приводились имена ее предков – Динов. Наконец, она завещала ему коллекцию веджвудской керамики. Она выразила желание, чтобы ее не кремировали, а похоронили в земле на кладбище Мэнор-Парк и что хочет быть одетой в ночную рубашку с высоким воротом, розовую или белую; Рон считал, что эти цвета ей больше всего к лицу. Кроме того, она просила положить на гроб белые лилии или розы. Она просила детей не заказывать дорогие венки, особенно с надписями «Маме». «Я всегда считала себя самой счастливой матерью на свете, потому что у меня такие чудесные дети, – написала она в начале своего послания. – Я любила каждого из вас так, что иногда мне казалось, что сердце у меня разорвется от счастья и гордости. В то же время, когда у вас что-то шло не так или вы страдали, я ощущала ваше горе и отчаяние и жалела, что у меня нет волшебной палочки, чтобы можно было сразу все наладить». Она писала о том, что до сих пор любит Рона, у которого училась сдержанности и решимости. Как и все супружеские пары, они переживали взлеты и падения, но их любовь и взаимная преданность всегда помогала им преодолевать трудности. «Поэтому я прошу вас не горевать по мне… Со своего замужества я вела прекрасную жизнь; у меня много счастливых воспоминаний. Вы все дарили мне много любви и счастья, возможно, больше, чем я заслуживаю». Она написала, что всегда старалась быть хорошей матерью и очень любит всех своих детей и внуков. «Желаю вам всем мира и довольства до конца вашей жизни, будьте счастливы, да благословит вас всех Бог. Как всегда, с любовью – *Мама*». В конце она пририсовала шесть сердечек – по числу детей.[968]

1 февраля Ли посетил званый ужин в Мейфэре, который дал Грейдон Картер из Vanity Fair в честь Тома Форда. Ранее он отклонил приглашение на премьеру фильма Форда «Холостяк», поэтому организаторы немного удивились, когда он явился без предупреждения в обществе Аннабелл Нейлсон. Том Форд выпил с Маккуином у стойки, а затем вернулся к своему мужу Ричарду Бакли и гостям, среди которых были Валентино, Джей Джоплин, Никки Хаслам, Колин Ферт, Танди Ньютон и Гай Ричи. Позже Ричард Бакли признался фотографу Дэвиду Джонсу, который снимал событие для Vanity Fair: им с Томом показалось, что «Александр приходил попрощаться».[969]

В ту же ночь семейство Маккуин собралось вокруг больничной койки умирающей Джойс. Никто не знал, сколько она еще проживет. В начале двенадцатого Майкл и Рон поехали домой – им нужно было регулярно принимать лекарства. Их

отвезла Джанет; с матерью остался один Тони. «Их не было полчаса, и где-то в половине двенадцатого мама начала кричать, – вспоминает он. – Было очевидно, что ей больно. Я попросил сделать ей укол, потому что она очень страдала. Медсестра вколола ей еще морфина, и она скончалась у меня на руках». Когда Ли узнал об этом, он был вне себя от горя; не только от потери матери, но и оттого, что ему, по его мнению, предстояло сделать.

Дни, последовавшие после смерти Джойс, – она скончалась 2 февраля в больнице в Ромфорде в возрасте 75 лет – прошли для ее близких в каком-то тумане, но Тони вспоминает, как Ли приехал в родительский дом на Роуэн-Уок. «Ли сидел на кушетке опустив голову; очевидно, он был очень огорчен». Тони сказал ему: «Ничего, Ли, ничего». – «Угу», – буркнул Ли в ответ. «И больше он никому ничего не сказал… Он уехал, а на следующий день, кажется, он позвонил мне по телефону. Хотел узнать, что мама говорила [перед смертью. – *Э. У.*]. Я ответил: «Она сказала, что любит тебя, и чтобы ты не вздумал покончить с собой». И больше он не объявлялся».[970] Через несколько дней Джеки зашла к брату. Она обняла его, говорила о том, как его любит. «Он был потерянным, – вспоминает она. – Я была потрясена тем, что он позволил мне до себя дотронуться, потому что обычно он не любил, когда к нему прикасались. Когда они с его личной помощницей уходили, он на пороге обернулся и помахал мне рукой. Мне показалось, что это не похоже на Ли, ведь обычно он просто бросал «Пока» и уходил. Но в тот день я немного успокоилась. Рядом со мной он превратился в ребенка».[971] 3 февраля Маккуин написал в своем аккаунте в «Твиттере»: «Знайте, что вчера умерла моя мама, если меня нет у нее, не будет и у вас. Покойся с миром, мама…» Через несколько секунд он сделал еще одну запись: «Но жизнь должна продолжаться!!!!!!» В субботу 7 февраля он написал: «Неделя выдалась паршивой, но друзья замечательные, а теперь я должен снова взять себя в руки и закончить Hell's Angels & Prolific Daemons!!!!!!!!!!!» Он имел в виду последнюю коллекцию, навеянную фламандскими живописцами – Хансом Мемлингом, Хуго ван дер Гусом и Иеронимом Босхом, византийскими иконами, резчиком по дереву Гринлингом Гиббонсом и Жаном Фуке, чью «Деву Марию» Ли уже использовал в коллекции «Жанна». Однако он не мог даже думать о работе; он заперся в своей квартире.

«За несколько дней до смерти он позвонил мне; я сразу понял, что он опять мешал спиртное и наркотики, – говорит Арчи Рид. – «У моей собаки нашли рак, и мне нужно решить, усыплять ее или нет». Арчи возмутился, по его мнению, эгоцентризмом Ли

и в разговоре назвал его «самодовольной сучкой». «У меня свои проблемы, так что иди и прими снотворное, – посоветовал он Маккуину. – Завтра я загляну к тебе, приготовлю ужин, и мы обо всем поговорим». Но больше Ли не объявлялся.[972] Он начал символически прощаться с близкими. 8 февраля он поговорил с племянником, Гэри Джеймсом Маккуином, и попросил его сделать надгробие для Джойс, непременно с фигурой ангела. «Он хотел, чтобы ангел как бы парил», – вспоминает Гэри.[973] Потом Ли позвонил Джанет и сказал, что любит ее. Аннабелл Нейлсон он отдал бумажник, объяснив, что ему нужен новый, и фотографию, на которой он снят с одной из своих собак. 9 февраля в семь утра он послал твит Керри Юмансу, на первый взгляд шутливый: «Мы с моей девочкой Анни Динь-Динь [Аннабелл Нейлсон. – *Э. У.*] поздравляем Керри с ДР в Нью-Йорке, теперь тебе 40, пора бы и притормозить».[974] В тот же день он появился на работе, где обсудил с Трино Веркаде похороны матери. «Устройте попозже», – сказал он, когда Трино спросила, на какое время заказывать поминки в ресторане.[975] Он еще раз позвонил Джанет и сказал, что сошьет для матери старомодную розовую фланелетовую ночную рубашку, которую сам привезет на велосипеде в похоронное бюро. Он от руки написал Керри записку: «Хочу поблагодарить тебя за то, что всегда был мне хорошим другом. С любовью, *Ли*». Он послал ее с помощью почтовой службы FedEx. Записку доставили в Нью-Йорк уже после того, как стало известно о смерти Маккуина.[976]

10 февраля Ли ужинал в ресторане Скотта с некоторыми своими служащими – «очевидно, за ужином он взял себя в руки», – считает Дафни Гиннесс,[977] – а затем они с Аннабелл Нейлсон вернулись к нему в квартиру на Грин-стрит. Ли много раз уверял Аннабелл, что не последует примеру Изабеллы и не покончит с собой, «но кто знает, что творилось в его голове и с чем ему пришлось сражаться?» – говорит она. Ли заранее знал, что не сможет прийти на похороны матери, которые были назначены на 12 февраля. В довершение всего у его любимца Минтера нашли рак. Смерть для него казалась бегством, долгожданным облегчением, шагом к своего рода свободному от мыслей существованию, о котором он так давно мечтал. «Я часто думаю, что было бы, если бы все сложилось по-другому, если бы я тогда не ушла, но в глубине души понимаю, что никто не в силах ничего изменить», – сказала Аннабелл.[978]

Поздно ночью Ли, находясь в отчаянном состоянии, взял книгу Вульфа фон Ленкевича «Сошествие человека в ад» и на задней стороне обложки написал: «Пожалуйста, позаботьтесь о моих собаках. Простите, я люблю вас, *Ли*. PS. Похороните меня в

церкви». Затем он вошел в Интернет и стал искать способы совершения самоубийства. Набрал в поисковике Yahoo: «Сколько времени проходит перед смертью, если перерезать вены на запястьях?» Он прочел ответы, среди которых были такие: «Безумный вопрос, но я слышал, что это занимает от 4 до 5 часов», «ЭТО ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО, ДА БЛАГОСЛОВИТ БОГ ТЕБЯ И ВСЕХ, КТО РЕЖЕТ СЕБЕ ВЕНЫ!», «От этого не умирают. Только остаются огромные шрамы. Перерезать запястья недостаточно, чтобы покончить с собой».[979]

Точная хронология действий Маккуина в ту ночь остается неясной, но в его намерениях сомнений быть не может; то не был «крик о помощи». Он принял зопиклон, снотворное, которое ему прописал врач, и транквилизатор мидазолам – в его крови обнаружили следы обоих лекарств, а также «значительное» количество кокаина. Сначала он пытался перерезать себе вены на запястьях в гостевой ванной; там полиция нашла разделочную доску и заточку для ножей, а также большой кухонный нож и топор для рубки мяса. Родственники решили, что такое поведение нехарактерно для Ли: он боялся вида крови и громко кричал, даже если нечаянно резал палец ножницами.[980] Затем он попытался повеситься в душе на поясе от пижамы, но ничего не вышло, попытка не удалась – карниз переломился под его тяжестью. Наконец, он вынул всю одежду из шкафа в гостевой спальне, взял свой любимый коричневый кожаный пояс, обвязал его вокруг перекладины и на нем повесился. Ароматическая свеча, которую он зажег раньше, продолжала гореть всю ночь.

Послесловие

На следующий день Сесар и Марлен Гарсия, супруги из Колумбии, которые больше десяти лет вели хозяйство у Маккуина, приехали на Грин-стрит, как обычно, около десяти утра. Сесар увидел, что входная дверь заперта на цепочку, но ему все же удалось войти в квартиру через кладовую. Минтер, Джус и Каллум были очень расстроены, и он заметил, что беспорядок в квартире больше обычного. Начав уборку, Сесар прошел в гостевую спальню, где и увидел тело Маккуина в платяном шкафу. Сесар позвонил личной помощнице Маккуина Кейт Джонс, которая только что пришла на работу; она не сразу поверила в случившееся. Кейт приехала на Грин-стрит и увидела у дома полицейские машины и карету скорой помощи. Трино Веркаде и Сара Бертон тоже приехали к дому Маккуина на такси; по пути они заехали за Шоном Лином, которому также позвонил Сесар. «Мы шли к дому, но в глубине души не хотели туда заходить», – признался Шон.[981]

Родственники Маккуина готовились к похоронам Джойс. Майкл узнал о том, что случилось, когда забирал в службе проката рюмки и бокалы для поминок. Ему позвонила сестра Трейси и сказала: что-то случилось с Ли. Трейси велела Майклу съездить к Ли и все выяснить. «Я работал в ночную смену и часто заезжал в Мейфэр, – говорит Майкл. – Я не мог поверить в случившееся».[982] Майкл рассказал обо всем отцу, который, услышав о самоубийстве, все время повторял: «Ли, зачем ты так со мной?»[983] Родные долго не могли дозвониться до Джеки – она пошла в тренажерный зал и не взяла с собой мобильный телефон. Она узнала обо всем только в полдень. «Никто не говорил мне, что он и раньше пытался покончить с собой, – сказала она. – Остальные знали, но держали язык за зубами… Я бы ни за что не ушла от него, хотя он, наверное, не позволил бы мне остаться. Но наверняка я уже ничего не узнаю».[984] Шон Лин позвонил Дафни Гиннесс, которая была в Нью-Йорке с Лэвидом Лашапелем. «Все повторялось, как в тот раз, когда мне позвонил Александр и сообщил, что Изабелла покончила с собой, – вспоминает Дафни. – Я не могла поверить – к тому же все произошло за день до похорон его матери».[985] Через несколько минут весть о смерти Маккуина стала распространяться по миру. В прессе появились первые отклики. «Я всемерно восхищался им, – сказал Джон Гальяно. – Он был революционером. Его не забудут, и это огромная потеря… Милый, оригинальный, энергичный… Он стал поистине сказочным послом британской моды». Кэтрин Хамнетт

заявила, что Ли «был гением – какая трагическая потеря», а Доменико Дольче и Стефано Габбана выпустили заявление, в котором говорилось: «Он оставил в мире моды несравненную пустоту». Диана фон Фюрстенберг заявила: «Как грустно, что он находился в таком отчаянии. Такой великий талант, такой поэт… это ужасно». Франсуа-Анри Пино, глава PPR (теперь Kering, мажоритарного акционера марки McQueen), назвал Маккуина одним из величайших модельеров своего поколения. «Провидец и авангардист, чьи творения сочетали в себе традиции и гипермодернизм; они вышли за рамки своего времени». Сара Джессика Паркер сказала: «Я до сих пор в шоке и погружена в горе, узнав о преждевременной смерти этого нежного гения… Вдохновенный, оригинальный, эксцентричный, великолепный, блестящий и удивительный, вот каким был Александр Маккуин. Другого такого не будет. Еще тяжелее то, что, несмотря на свой успех до сегодняшнего дня, как творческий, так среди критиков и коммерческий, величайший успех ждал его впереди… Бог торопил Ли. Знакомство с тобой было честью для нас. Нам будет очень тебя не хватать».[986]

Весть о смерти Ли повергла друзей, любовников и коллег Маккуина в коллективное состояние шока. Элис Смит сидела в кабинете, когда ей позвонила ее подруга Кейти Уэбб, работавшая в Daily Telegraph. «Мне было жаль и его, и моду в целом, – говорит она. – Помню, я все думала: «Как же теперь мода обойдется без него?»[987]

Эндрю Гроувз находился в Салфорде и принимал экзамены, когда один коллега рассказал ему о случившемся. «Мне стало невероятно грустно, это не должно было закончиться так, – сказал он. – По-моему, он пытался сказать: «Пошли вы все, я вам ничего не должен, я убиваю свою марку». Помню, много лет назад он говорил: если умрет, то хочет, чтобы его бренд умер вместе с ним».[988] Арчи Рида новость не удивила. «В глубине души я знал, что однажды все так и будет, – сказал он. – Сколько раз я уходил, возвращался домой и думал: «Позвонят ли мне? Не зайдет ли он на этот раз слишком далеко?»[989] БиллиБой* узнал о случившемся в Швейцарии, где давал ужин. Он убежал к себе в спальню, где проплакал несколько часов. «Я злился и еще много недель после этого чувствовал себя несчастным», – признался он.[990] Детмар Блоу узнал обо всем, когда ему позвонили из газеты и попросили что-нибудь написать. Смерть Маккуина опечалила, но не удивила его. «Мне показалось, что Иззи забрала его к себе, и теперь они будут вместе, – сказал он. – Они были родственными душами. Он бы так не поступил, будь Иззи и его мать живы, потому что такой поступок сильно бы их ранил».[991]

Доналд Эркхарт сидел в саду при пабе «Эдвард VI» в Ислингтоне; вдруг в сад вышел очень радостный Джордж Форсайт. Было ясно, что он еще ничего не знает. «Я сомневался, говорить ему или нет, – признается Доналд. – После их разрыва прошло несколько лет, но я знал, что милый, добросердечный Джордж все равно очень огорчится. Я набрал в грудь побольше воздуха и сказал ему. Он не мог поверить… Мне довольно трудно вспоминать тот день, тем более что Джордж Форсайт ненамного пережил Ли». Джордж скончался в возрасте 34 лет в Лондоне 23 мая 2010 года от отравления дигидрокодеином – коронер пришел к выводу, что смерть наступила от несчастного случая. «Почти как если бы я смотрел какую-то перегруженную деталями готическую мелодраму, возможно, о жизни Шелли и Байрона на озере Комо», – заметил Доналд.[992] Бывшая наставница Ли, Луиза Уилсон, находилась в обществе модного критика Сары Моуэр, которая приехала в колледж Святого Мартина на просмотр студенческого показа. «Сара сняла трубку и тут же оборвала звонок, – вспоминает Луиза. – Она воскликнула: «Боже мой, Ли умер».[993] В ту ночь Луизу пригласили на ночное ток-шоу на канале «Радио-3», где она рассказывала о Маккуине. «Его смерть – невосполнимая утрата для моды по всему миру, потому что он был руководителем и провидцем», – сказала Луиза. Она умерла 16 мая 2014 года во сне, в возрасте 52 лет, когда гостила у родственников в Шотландии.[994]

Друг Ли Мигель Адровер работал в Турции и только вернулся домой, когда включил канал CNN. «Я увидел, как его везут на носилках в черном мешке», – вспоминает он.[995] Меррей Артур ездил на родину, в Шотландию, навестить мать, которую положили в больницу с раком желудка. Он вышел из палаты, спустился в столовую и включил мобильный телефон. Увидел, что на нем масса пропущенных вызовов и сообщений. Он решил, что ему звонят, чтобы выразить поддержку в связи с болезнью матери. Потом послушал автоответчик; друзья просили перезвонить им. В вестибюле он увидел, что по телевизору показывают квартиру Маккуина. «Помню, я подошел к выходу из больницы, упал на колени и завыл, – говорит он. – До конца дня я молчал. Не мог думать о том, что случилось».[996] Себастьян Понс на Майорке вошел в Интернет и увидел новость; затем он позвонил в лондонскую студию Маккуина и поговорил с Кейт Джонс и Сарой Бертон; они подтвердили худшее. Он помнит, как бежал к дому своей матери, крича: «Он умер!» Через четыре дня Понс прилетел в Лондон и зашел в студию. Сара обняла его; ему показали стол Ли и предложили посидеть на его стуле. «А потом я увидел коллекцию, которую он оставил; мне она показалась

своего рода чистилищем, и все встало на свои места», – сказал он.[997]

Некоторые винили в смерти Маккуина саму индустрию моды. Журналист Джордж Питчер из Daily Telegraph написал, что мода – всего лишь «химера реальной промышленности, отсутствие которой никому не причинит вреда, разве что самовлюбленным фатам и куртизанкам. Отвратительный способ зарабатывать себе на жизнь».[998] Дизайнер Бен де Лиси назвал моду «ужасной сферой, насыщенной страхом»,[999] а Джон Мейбери заметил: «Успеха в моде я бы не пожелал и злейшему врагу – слишком велики требования, какие она предъявляет к людям, и слишком тяжело внимание, всеобщее внимание».[1000]

12 февраля, в день похорон, Джойс Маккуин, Наоми Кэмпбелл и Дафни Гиннесс выступили моделями на благотворительном показе, средства от которого шли на Гаити после недавнего землетрясения. До начала показа герцогиня Йоркская, Сара Фергюсон, отдала дань дизайнеру. «Александр Маккуин, спасибо», – сказала она.[1001] В то утро ей доставили один из пятнадцати прилегающих комбинезонов от Маккуина; она решила надеть его, вместо «розового платьица», которое предназначили для нее устроители. «Я много думала о том, что бы мне посоветовал Александр, и повязала голову тюлем… Я все время плакала, но решила: если я пройду достаточно быстро, тюль скроет мое лицо. И все получилось – никто не заметил потекшей туши».[1002]

25 февраля в соборе Святого Павла прошло прощание с Маккуином. Джанет, ее сын Гэри и Шон Лин подошли в последний раз взглянуть на Ли; Гэри положил в гроб фотографию, на которой они с братом Полом сняты в детстве, и осыпал дядю розовыми лепестками. «Я подошел к нему один, и зрелище было грустным, – вспоминает он. – Я думал, что справлюсь, но не выдержал».[1003] Речи зачитывали Джеки, ее сын Эллиот и Холли Чепмен, племянница Маккуина. В качестве музыкального сопровождения Джанет выбрала «Нимрод» Элгара, «вещь, которую особенно любили слушать мы с Ли – у Ли все время был включен канал Classic FM», – сказала она.[1004] На службе также исполнили «Иерусалим», гимн, который звучал на похоронах Джойс за две недели до того, а под конец Дайана Росс спела Remember Me.

28 апреля дознание, которое проводилось в коронерском суде Вестминстера, пришло к выводу, словами коронера доктора Пола Напмана, что Маккуин «покончил с собой в неуравновешенном состоянии рассудка». Суд назвал причину смерти – асфиксия и повешение – и заслушал показания домоправителя Сесара Гарсии

и доктора Стивена Перейры. «Он испытывал большой стресс из-за работы, но это был обоюдоострый меч, – сказал психиатр. – Ему казалось, что это единственная сфера его жизни, в которой он чего-то достиг… Он был очень скрытным. В последние годы он разочаровался во многих друзьях; по его мнению, они пользовались им. Вот почему он стал таким осторожным. Он боялся завязывать с кем-либо близкие отношения. Он очень любил свою мать. После ее смерти ему показалось, что его жизнь потеряла смысл, что ему больше не для кого жить».[1005] Эти слова представили вариант правды, но ни в коем случае не цельную картину. Группа Gucci наняла Джонатана Коуда, тогдашнего главу юридического отдела в специализированной юридической фирме Swan Turton. С целью «защиты доброго имени» информацию о смерти Маккуина закрыли. «Gucci очень эффективно расставили все по местам; они не подпускали к нам представителей прессы, – вспоминает сестра Маккуина Джанет. – Правда, нас никто ни о чем не спрашивал. Джонатан Коуд предупредил, что в ходе дознания, возможно, всплывут неприятные вещи. Он старался подготовить нас к худшему. Но я всегда была на стороне брата».[1006] После дознания Джанет взяла пояс, на котором повесился Ли, а Джеки оставила себе кусок перекладины, к которой прикасался их брат. Полицейские и коронер считали, что Ли покончил с собой, но у семьи Маккуин имелись свои подозрения. «Уверены ли мы, что Ли покончил с собой?» – спросил Рон; и Джанет, и Джеки сомневались в обстоятельствах самоубийства брата.[1007] Учитывая доказательства – и давнишнее желание Маккуина умереть, – казалось крайне маловероятным, что смерть Маккуина не является самоубийством. Но семье казалось, что определенные люди могли бы сделать больше, чтобы поддержать Ли в трудное время; кроме того, они подозревали, что многое не делалось намеренно.

Маккуин умер богатым человеком. По официальному завещанию, его коллекцию произведений искусства оценили приблизительно в миллион фунтов. Его квартира на Данрейвен-стрит стоила 2,5 миллиона, а другие принадлежавшие ему здания и участки в целом оценили в 2 635 000 фунтов. Ему принадлежали акции на сумму в 11 614 625 фунтов. На одном банковском счете у него лежало 193 290 фунтов, на другом – 638 017; еще 26 282 фунта на счете в евро; 1 570 005 фунтов на срочном вкладе; 27 688 фунтов на именном накопительном счете и 30 тысяч фунтов были вложены в премиальные облигации. В завещании Ли оставлял по 100 тысяч фунтов четырем благотворительным фондам: Фонду Терренса Хиггинса,

Баттерсийскому приюту для собак и кошек, Лондонскому буддийскому центру и «Синему кресту». Ли завещал 50 тысяч фунтов опекунам, которые должны были заботиться о его трех собаках; Марлен Гарсия взяла Минтера, Джус попал к Аннабелл Нейлсон, а Джеки заботилась о Каллуме.

Маккуин завещал по 50 тысяч фунтов Марлен и Сесару Гарсия и такую же сумму всем своим племянникам и племянницам, а также своему крестнику Томасу Александру Маккуину. Он оставил по 250 тысяч фунтов всем своим братьям и сестрам, но основная масса его активов, которые оценили в 16 036 500 фунтов, досталась его благотворительному фонду «Сарабанда».

После смерти брата Джанет Маккуин долго судилась с руководством благотворительного фонда, особенно с Дэвидом Гликом, известным в индустрии развлечений юристом, и бухгалтером Гэри Джексоном, которых Маккуин назначил своими душеприказчиками. «Возможно, они и действовали в рамках закона, но к нам они проявили черствость и бездушие», – сказала Джанет в интервью газете Mail on Sunday.[1008] Родственников обидело то, что им не позволили осмотреть квартиру Ли на Гринстрит и выбрать что-нибудь на память. Джанет, кроме того, хотела знать подробности назначения грантов и стипендий фондом «Сарабанда», но ей сказали, что эти сведения конфиденциальны. «Я просто хотела убедиться в том, что его деньги тратятся с умом», – сказала она.[1009] В ходе процесса родственники Маккуина утверждали, что их намеренно отодвигают в сторону. Как правило, общение с ними происходило в письменном виде; например, 2 ноября 2011 года Рон получил письмо от адвоката, где ему сообщали адрес камеры хранения, где содержались «личные вещи вашего покойного сына, не представляющие материальной ценности».[1010] Джеки и Джанет нанесли визит в камеру хранения на Уик-Лейн, в Боу, что тяжело далось им обеим; некоторые предметы одежды хранились так долго, что их поела моль. Джеки вспоминает, как держала свитер, который когда-то носил Ли, и прижимала его к лицу; от свитера пахло братом.[1011]

Туманным днем в конце мая 2010 года, через три месяца после смерти Маккуина, его близкие родственники собрались на кладбище Килмур на северной оконечности острова Скай, где им предстояло захоронить урну с прахом брата. Он распорядился, чтобы его похоронили на острове Скай, в том месте, которое он с матерью считал родиной предков семьи.

Похороны были скромными и немноголюдными; приехали

три сестры Ли, Джанет, Трейси и Джеки, и его брат Тони. Второй брат, Майкл, еще не до конца оправился после инфаркта, а отец, Рон, был слишком болен и не мог путешествовать (он болел раком и умер в октябре 2012 года). Стоя у могилы, сестры и брат Ли думали о необычайной жизни своего брата и его безвременной кончине. Когда заиграла шотландская волынка, Тони осторожно опустил в землю черную эмалированную урну с прахом Ли. Священник произнес молитву, и каждый член семьи бросил в могилу по горсти земли.

После похорон Ли его братья и сестры неоднократно приезжали на кладбище; в октябре 2011 года, после смерти Каллума, Джеки отвезла прах пса на Скай и похоронила рядом с братом. Могила Маккуина находится на мысу, открытом всем ветрам, с видом на море. На надгробной плите из зеленого сланца выбиты слова, которые он вытатуировал на своей правой руке, слова, которые так много для него значили: «Любовь глядит не взором, а душой».[1012] Маккуин часто говорил: вот то единственное, в чем он уверен.

Благодарность

Книга не увидела бы свет без благословения и поддержки членов семьи Маккуин. Джанет, Тони, Майкл и Джеки Маккуин приняли трудное решение и впустили постороннего человека в свою жизнь. Благодарю их за терпение и выдержку, проявленные в трудное время. Особое спасибо – первой и главной музе Маккуина, его сестре Джанет. Она отважилась раскрыть семейную тайну, оказавшую большое влияние и на нее, и на Ли. Я несколько раз беседовал с ней лично и по телефону, задавал вопросы по электронной почте. Моя благодарность безмерна. Кроме того, хочу поблагодарить сыновей Джанет, Гэри Джеймса Маккуина и Пола Маккуина за то, что они поделились своими воспоминаниями о любимом дяде.

Я очень признателен членам семьи Маккуин за разрешение воспроизвести отрывки из неопубликованной семейной истории, написанной Джойс Маккуин, и посмотреть множество неопубликованных фотографий. Маккуин не очень любил писать письма, поэтому при написании книги я не мог воспользоваться архивными материалами. В ее основе лежат многочисленные беседы со знавшими его людьми. Я благодарю бойфрендов Маккуина, которые помогали в подготовке книги: Меррея Артура, Ричарда Бретта, Эндрю Гроувза, Джея Массакре, Арчи Рида, Пола Стага и Гленна Эндрю Теу.

Хочу сказать спасибо всем тем, с кем я беседовал в подготовительный период и во время написания книги:

Мигель Адровер, Линда Бьорг Арнадоттир, Кармен Артигас, Расселл Аткинс, Ферхан Азман, Брук Бейкер, Джон Бэнкс, Ребекка Бертон, Никола Бейтмен, Флит Бигвуд, БиллиБой*, Детмар Блоу, Крис Берд, Джон Бодди, Розмэри Болджер, Питер Боуз, доктор Стивен Броган, Фиона Картледж, Адель Клаф, Бен Копперуит, Ли Копперуит, Саймон Костин, Лиз Фаррелли, Фрэнк Франка, Лесли Горинг, Ричард Грей, Дафни Гиннесс, А. М. Хансон, Гай Морган-Харрис, Анна Харви, Джейн Хейуорд, Бобби Хиллсон, Джон Хичкок, Марин Хоппер, Майра Чей Хайд, Дэвид Джонс, Бен де Лиси, Джон Маккиттерик, Джон Мейбери, Джейсон Микин, Сьюзи Менкес, Тревор Меррелл, Рива Мивасагар, Макс Ньюсом, Сета Ниланд, Mr Pearl, Себастьян Понс, Джанет Стрит-Портер, Дай Рис, Эрик Роуз, Норман Шернер, Элис Смит, Сью Стемп, Лизе Стратди, Плам Сайкс, Кодзи Тацуно, Стивен Тодд, Деррик Томлинсон, Николас Таунсенд (Трикси), Саймон Англесс, Доналд Эркхарт, Мишель Уэйд, Таня Уэйд, покойная профессор Луиза Уилсон, Керри Юманс. Некоторые очевидцы предпочли остаться

анонимными, а один мой собеседник решил скрыться за псевдонимом.

Я благодарен всем, кто предоставил ценные материалы, способствовавшие созданию книги. Спасибо вам, Яна Ан, Франс Анконе, Оливер Азис, Кара Бейкер, Ричард Бенсон, Эндрю Болтон, Гэвин Браун, Пола Берн, Питер Клоуз (колледж Святого Мартина (далее КСМ), Николас Кольридж, Ванесса Коттон, Лора Крик, Алисон Д'Амарио, Анн Денё, Примроуз Диксон, Пола Фитцхерберт, Зоуи Франклин, Натали Гибсон, Колин Глен, Хетти Харви, Гаванндра Ходж, Лиз Хоггард, Тина Джордан, Джеймс Кент, Жасмин Харбанда, Паскаль Лемке, Саския Лемке, Стефани Лилли, Габи и Гэри Линкольн, Уильям Линг, Сьюзен Лорд, Дебби Лотмор (КСМ), Уильям Мэтьюз (Gieves Hawkes), Колин Макдауэлл, Шона Маршалл, Марко Матысик, принцесса Майкл Кентская, Аннабелл Нейлсон, Мишель Олли, Элинор Ренфру, Каролин Ру, Ричард Ройл, Энджел Седжвик, Аликс Шарки, Кристофер Стокс, Джоанна Сайкс, Эндрю Тансер, Сью Тилли, Кейти Уэбб, Клэр Уилкокс (Музей Виктории и Альберта), Джуди Уилкокс (КСМ).

В ходе исследований неоценимую помощь оказали многие библиотеки. Я благодарен сотрудникам библиотек в Центральном колледже искусств и дизайна Святого Мартина, Лондонского колледжа моды и Британской библиотеки. Проект Британской библиотеки «Устная история фотографии», который хранится в звуковом архиве, помог узнать ценную информацию о коллегах, работавших с Маккуином, особенно подробное интервью с Ником Найтом.

Помимо членов семьи Маккуин, многие люди и организации позволили использовать в книге принадлежащие им фотографии. Спасибо вам, Мигель Адровер, Меррей Артур, Ребекка Бертон (фотоархив Би-би-си), Розмэри Болджер, Питер Боуз, Ричард Бретт, Camera Press, Claridge's, Джереми Деллер, Getty Images, А. М. Хансон, Майра Чей Гайд, Дэвид Джонс, Джей Массакре, Арчи Рид, Rex Features, Деррик Томлинсон.

В ходе подготовки я обращался ко многим источникам в СМИ, в том числе: *British Style Genius*, BBC, октябрь 2008; Cutting Up Rough (*The Works*), BBC, 1997; *McQueen and I*, More4, 25 февраля 2011; *The Clothes Show*, BBC1, 26 января 1997. Кроме того, я ссылаюсь на статьи в газетах и журналах; все ссылки указаны в примечаниях. Однако я хотел бы выделить следующих журналистов и колумнистов: Хилари Александер, Лайза Армстронг, Линн Барбер, Кэтрин Беттс, Тамсин Бланчард, Алекс Билмс, Хэмиш Боулз, Грейс Брэдберри, Джесс Картнер-Морли, Васси Чемберлен, Лора Коллинз, Мэгги Дэвис, Годфри Дини,

Криста Д’Суза, Эдвард Эннинфул, Бриджет Фоли, Сюзанна Френкел, Крис Хит, Кэти Хорин, Мэрион Хьюм, Дэвид Кемп, Ребекка Лоуторп, Колин Макдауэлл, Лайза Маркуэлл, Ребекка Мид, Сьюзи Менкес, Сара Моуэр, Саманта Меррей Гринуэй, Эндрю О’Хаган, Харриет Куик, Мелани Рикки, Аликс Шарки, Джеймс Шервуд, Ингрид Сиши, Дэвид Джеймс Смит, Мими Спенсер, Стивен Тодд, Джудит Терман, Лорна В, Иен Р. Уэбб, Эрик Уилсон.

Выражаю особую благодарность Эндрю Болтону, куратору чудесной выставки в Метрополитен-музее и редактору каталога *Alexander McQueen: Savage Beauty*, Metropolitan Museum of Art, New York (Yale University Press), а также Джудит Уотт, чья книга *Alexander McQueen: The Life and the Legacy* (Harper Design, London and New York) предоставила ценные сведения о жизненном пути дизайнера.

Благодарю всех сотрудников издательства Simon & Schuster в Лондоне и Нью-Йорке – редактора Абигейл Бергстром, Майка Джонса (принимавшего участие в создании книги, но позже перешедшего на другую работу), редактора текста Линдси Дэвис, Сару Бердси, Оливию Моррис, Ханну Корбетт, Элинор Фьюстер, Роз Липпел, моего редактора в США – за поддержку и помощь.

Клер Александер, мой агент и друг, была со мной с первого дня. Без нее эта книга не была бы написана. Хочу также поблагодарить всех сотрудников Aitken Alexander, особенно Лесли Торн и Салли Райли.

Наконец, я должен, как всегда, поблагодарить моих родителей, друзей и Маркуса Филда.

Женская одежда марки Alexander McQueen
Коллекции 1992–2010 гг

Увидеть все коллекции Маккуина, кроме *Jack the Ripper, Taxi Driver* and *Supercalifragilisticexpialidocious,* можно на сайте: http:// www.gainsburyandwhiting.com/fashionshow/

St Martins MA Graduate collection, *Jack the Ripper Stalks His Victims* («Джек-Потрошитель подстерегает жертв»), 1992

Taxi Driver («Таксист»), осень/зима 1993

Nihilism («Нигилизм»), весна/лето 1994

Bheansidhe (*Banshee*) («Банши»), осень/зима 1994

The Birds («Птицы»), весна/лето 1995

Highland Rape («Изнасилованная Шотландия»), осень/зима 1995

The Hunger («Голод»), весна/лето 1996

Dante («Данте»), осень/зима 1996

Bellmer La Poupee («Кукла Беллмера»), весна/лето 1997

It's a Jungle Out There («Там, в джунглях»), осень/зима 1997

Untitled («Без названия»), весна/лето 1998

Joan («Жанна»), осень/зима 1998

No. 13, весна/лето 1999

The Overlook («Обзор»), осень/зима 1999

Eye («Око»), весна/лето 2000

Eshu («Эшу»), осень/зима 2000

Voss, весна/лето 2001

What a Merry-Go-Round («Что за карусель»), осень/зима 2001

The Dance of the Twisted Bull («Танец перекрученного быка»), весна/лето 2002

Supercalifragilisticexpialidocious, осень/зима 2002

Irere, весна/лето 2003

Scanners («Сканнеры»), осень/зима 2003

Deliverance («Раскрепощение»), весна/лето 2004

Pantheon as Lecum, осень/зима 2004

It's Only a Game («Это всего лишь игра»), весна/лето 2005

The Man Who Knew Too Much («Человек, который слишком много знал»), осень/зима 2005

Neptune («Нептун»), весна/лето 2006

The Widows of Culloden («Каллоденские вдовы»), осень/зима 2006

Sarabande («Сарабанда»), весна/лето 2007

In Memory of Elizabeth Howe, Salem, 1692 («В память об Элизабет Хау, Сейлем, 1692»), осень/зима 2007

La Dame Bleue («Дама в голубом»), весна/лето 2008

The Girl Who Lived in the Tree («Девушка, которая жила на дереве»), осень/зима 2008

Natural Dis-Tinction, Un-Natural Selection («Естественные различия, неестественный отбор»), весна/лето 2009

The Horn of Plenty («Рог изобилия»), осень/зима 2009

Plato's Atlantis («Атлантида Платона»), весна/лето 2010

notes

Примечания

1

«Remembering a Renegade Designer», Cathy Horyn, New York Times, 20 сентября 2010.

2

«Crazy for a Piece of the Fashion Action», Lisa Markwell, Independent, 22 сентября 2010.

3

Некролог Александра Маккуина, Imogen Fox, Guardian, 11 февраля 2010.

«An Enigma Remembered», Economist, 12 ноября 2012.

5

«The Real McQueen», Susannah Frankel, American Harper's Bazaar, апрель 2007.

6

Alexander McQueen: Savage Beauty, Metropolitan Museum of Art, New York (Yale University Press, New Haven, 2011), c. 26.

«Memories of McQueen, A Brave Heart», Hilary Alexander, Daily Telegraph, 21 сентября 2010.

8

The Great Fashion Designers, Brenda Polan, Roger Tredre (Berg, Oxford, New York, 2009), c. 244.

9

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 8 апреля 2014.

10

Reverend Canon Giles Fraser, A Service of Thanksgiving to Celebrate the Life of Lee Alexander McQueen CBE, Monday 20 сентября 2010, с. 5.

11

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

12

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

13

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, указ. изд.

15

Savage Beauty, Metropolitan Museum, c. 12.

16

«Fashion World Gathers to Celebrate Alexander McQueen», Alistair Foster, Miranda Bryant, Evening Standard, 20 сентября 2010.

17

«Stars Pay Tribute to “Genius” Alexander McQueen at Memorial Service», PA, Independent, 20 сентября 2010.

Numéro, декабрь 2007.

19

«Alexander McQueen’s Haunting World», Robin Givhan, Newsweek, 18 апреля 2011.

20

Janet Street-Porter, в беседе с автором, 16 апреля 2013.

21

Harper’s Bazaar, апрель 2007.

«Stars Pay Tribute», PA, указ. изд.

23

«Memories of McQueen», Hilary Alexander, указ. изд.

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

25

«The Savage and the Romantic», Suzy Menkes, New York Times, 20 сентября 2010.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

27

«Remembering a Renegade Designer», Cathy Horyn, указ. изд.

28

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

29

«General Lee», Cathy Horyn, T Magazine, New York Times, 11 сентября 2009.

Numéro, декабрь 2007.

«General Lee», Cathy Horyn, указ. изд.

32

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

33

«All Hail McQueen», Lorna V, Time Out, 24 сентября – 1 октября 1997.

34

«Tears for Alexander the Great, Stars Turn out for McQueen», Damien Fletcher, Daily Mirror, 21 сентября 2010.

35

«Catwalk Stars Celebrate the Brutal Candour of a Tormented Virtuoso», Lisa Armstrong, The Times, 21 сентября 2010.

«McQueen: The Interview», Alex Bilmes, GQ, май 2004.

Harper's & Queen, апрель 2003.

38

«Killer McQueen», Harriet Quick, British Vogue, октябрь 2002.

39

«Dressed to Thrill», Judith Thurman, New Yorker, 16 мая 2011.

«An Enigma Remembered», Economist, 12 ноября 2012.

41

«Alexander McQueen’s Last Collection Unveiled on Paris Catwalk», Jess Cartner-Morley, Guardian, 9 марта 2010.

Цит. по: McQueen and I, More4, 25 февраля 2011.

43

«Lean, Mean McQueen», Vassi Chamberlain, Tatler, февраль 2004.

Dazed & Confused, сентябрь 1998.

Guardian, 19 сентября 2005.

«Radical Fashion», Tamsin Blanchard, Observer Magazine, 7 октября 2001.

«Lean, Mean McQueen», Vassi Chamberlain, указ. изд.

Michael McQueen, в беседе с автором, 7 ноября 2013.

49

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

50

«A Brief History of Cane Hill, The Cult of Cane Hill», Simon Cornwell, 2002, http://www.simoncornwell.com/urbex/projects/ch/index.htm.

51

CR5 Magazine, Simon Cornwell, февраль 2013, см.: http://www.simoncornwell.com/urbex/projects/ch/ps/tunnels1.htm.

Personality Questionnaire, Cane Hill Hospital, http://www.simoncornwell. com/urbex/projects/ch/doc1/personal1.htm.

Michael McQueen, в беседе с автором, 7 ноября 2013.

Janet McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

55

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

Там же.

Record Your Own Family, Joyce B. McQueen, неопубликованная рукопись.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 8 апреля 2014.

59

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

«The Real McQueen», Alix Sharkey, Guardian, 6 июля 1996.

61

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

«Fashion’s Hard Case», Richard Heller, Forbes magazine, 16 сентября 2002.

63

Janet McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

Peter Bowes, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

«“Meeting the Queen Was Like Falling in Love”», Guardian, 20 апреля 2004.

McQueen: The History of a Clan, Joyce B. McQueen, 1992, неопубликованная рукопись. Правообладатели – семья Маккуин.

71

Там же.

Там же.

73

Там же.

Там же.

75

Report of Dr Thomas Bond, цит. по: The Ultimate Jack the Ripper Sourcebook: An Ilustrated Encyclopedia, Stewart Evans and Keith Skinner (Constable and Robinson, London, 2001), с. 345–347.

McQueen: The History of a Clan.

77

Record Your Own Family, Joyce B. McQueen, неопубликованная рукопись. Правообладатели – семья Маккуин.

Там же.

Michael McQueen, в беседе с автором, 7 ноября 2013.

McQueen: The History of a Clan.

81

«Alexander McQueen, The Final Interview», Godfrey Deeny, Australian Harper's Bazaar, апрель 2010.

Record Your Own Family.

83

Там же.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

Michael McQueen, в беседе с автором, 7 ноября 2013.

«Lean, Mean McQueen», Vassi Chamberlain, Tatler, февраль 2004.

McQueen: The History of a Clan.

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

McQueen: The History of a Clan.

91

Will book, Joyce B. McQueen, неопубликованная рукопись. Правообладатели: семья Маккуин.

«Meeting the Queen Was Like Falling in Love», Guardian, 20 апреля 2004.

93

Deane family tree, Joyce B. Deane, неопубликованная рукопись. Правообладатели: семья Маккуин.

Record Your Own Family.

The Cuckoo's Nest, Ron S. King (Lulu Enterprises, 2010), c. 125.

Peter Bowes, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, Observer, 15 декабря 1996.

«Alexander McQueen», Chris Heath, The Face, сентябрь 2002.

Janet McQueen, в беседе с автором, 30 апреля 2014.

Rebecca Barton, в беседе с автором, 1 февраля 2014.

101

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

Richard Brett, в беседе с автором, 16 июля 2013.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

105

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

106

«The Real McQueen», Susannah Frankel, Independent Fashion Magazine, осень/зима 1999.

107

«McCabre McQueen», Katherine Betts, American Vogue, октябрь 1997.

«I Am the Resurrection», Tony Marcus, i-D, сентябрь 1998.

109

Peter Bowes, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

110

Lee McQueen, School Report, декабрь 1980, с любезного разрешения семьи Маккуин.

111

Там же.

112

Там же.

113

Lee McQueen, School Report, март 1982, с любезного разрешения семьи Маккуин.

114

Lee McQueen, School Reports, декабрь 1980 и март 1982, с любезного разрешения семьи Маккуин.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, указ. изд.

Jason Meakin, в беседе с автором, 11 февраля 2014.

117

«The Real McQueen», Alix Sharkey, указ. изд.

Peter Bowes, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

119

Там же.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, указ. изд.

«Lean, Mean McQueen», Vassi Chamberlain, указ. изд.

Joyce McQueen, семейный фотоальбом.

123

Russell Atkins, в беседе с автором, 11 марта 2014.

Jason Meakin, в беседе с автором, 11 февраля 2014.

125

«i-Q», Alexander McQueen, i-D, февраль 1996.

Jason Meakin, в беседе с автором, 11 февраля 2014.

Peter Bowes, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

Jason Meakin, в беседе с автором, 11 февраля 2014.

129

Там же.

Peter Bowes, в беседе с автором, 11 декабря 2013

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, указ. изд.

Peter Bowes, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

133

Там же.

134

Andrew Bolton, цит. по: «Alexander McQueen: “He Sewed Anger into his Clothes”», Sarah Mower, Daily Telegraph, 17 апреля 2011.

135

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

«Dressed to Thrill», Judith Thurman, New Yorker, 16 мая 2011.

137

John Maybury, в беседе с автором, 15 сентября 2014.

«Lean, Mean McQueen», Vassi Chamberlain, указ. изд.

139

Alexander McQueen on Rhona Cameron Show, quoted in McQueen and I, More4.

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, указ. изд.

141

«A Man of Darkness and Dreams», Ingrid Sischy, Vanity Fair, апрель 2010.

142

«The Real McQueen», Susannah Frankel, Independent Fashion Magazine, осень/зима 1999.

143

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, Observer, 15 декабря 1996.

Janet McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

145

McDowell's Directory of Twentieth Century Fashion, Colin McDowell (Frederick Muller, 1-е изд. 1984, перераб. изд. 1987), с. 9.

146

Там же, с. 15.

Gary James McQueen, в беседе с автором, 11 июня 2013.

Paul McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

149

Janet McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

150

«The Real McQueen», Alix Sharkey, Guardian, 6 июля 1996.

151

Joyce McQueen, speaking in 1997, цит. по: McQueen and I, More4.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, указ. изд.

153

«A Style is Born», David Kamp, Vanity Fair, ноябрь 2011.

John Hitchcock, в беседе с автором, 17 апреля 2013.

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, указ. изд.

John Hitchcock, в беседе с автором, 17 апреля 2013.

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, указ. изд.

Derrick Tomlinson, в беседе с автором, 17 апреля 2013.

159

John Hitchcock, в беседе с автором, 17 апреля 2013.

Rosemarie Bolger, в беседе с автором, 24 мая 2013.

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, указ. изд.

Frank Skinner Show, цит. по: McQueen and I, More4.

163

John Hitchcock, в беседе с автором, 17 апреля 2013.

Rosemarie Bolger, в беседе с автором, 24 мая 2013.

165

«Alexander McQueen’s Sarah Burton on Life after Lee», Shaun Phillips, The Times, 24 октября 2012.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

167

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013

John Hitchcock, в беседе с автором, 17 апреля 2013.

169

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, указ. изд.

«Cutting Up Rough», The Works, BBC, 1997.

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, указ. изд.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, указ. изд.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

175

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, указ. изд.

177

«Prototypes from the Perimeters», Roger Tredre, Independent, 17 июля 1993.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, указ. изд.

Koji Tatsuno, в беседе с автором, 14 сентября 2014.

180

Frocking Life, Searching for Elsa Schiaparelli, BillyBoy* (Foundation Tanagra).

181

Tom Tredway in Biography, Identity and the Modern Interior, под ред. Anne Massey, Penny Sparke (Ashgate, Farnham), с. 98.

182

Shocking Life, Elsa Schiaparelli (J. M. Dent & Sons, London, 1954), c. 17.

183

BillyBoy*, в переписке с автором по электронной почте, 13 октября 2014.

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

185

BillyBoy*, интервью, Predrag Pajdic, The Pandorian, август 2010.

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

187

The Pandorian, август 2010.

188

Там же.

189

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

190

Lee McQueen, цит. по: My American Life: In One Era, Out the Other, An Autobiography, BillyBoy*, fierth.com

191

BillyBoy*, в переписке с автором по электронной почте, 3 марта 2014.

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

John McKitterick, в беседе с автором, 1 апреля 2014.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, указ. изд.

195

McDowell's Directory of Twentieth Century Fashion, c. 295.

«An Italian Takes Paris», Frank DeCaro, Newsday, 20 марта 1989.

197

«With Striking Fashions, Gigli Reaches New Heights», Bernadine Morris, New York Times, 17 сентября 1989.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, указ. изд.

199

Lise Strathdee, в переписке с автором по электронной почте, 6 мая 2014, copyright Lise Strathdee.

«Alexander McQueen», Katie Webb, Infotainment, Sky Magazine, март 1993.

201

Lise Strathdee, в переписке с автором по электронной почте, 6 мая 2014.

John McKitterick, в беседе с автором, 1 апреля 2014.

203

«Romeo, Romeo: The Monk of Milan», Michael Gross, New York magazine, 5 декабря 1988.

Carmen Artigas, в беседе с автором, 6 апреля 2014.

205

Lise Strathdee, в переписке с автором по электронной почте, 6 мая 2014.

Simon Ungless, в беседе с автором, 24 января 2014.

Carmen Artigas, в беседе с автором, 6 апреля 2014.

Там же.

«Romeo, Romeo», Michael Gross, указ. изд.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, указ. изд.

211

Lise Strathdee, в переписке с автором по электронной почте, 6 мая 2014.

«Cutting Up Rough», The Works, BBC, 1997.

213

«I Taught Them a Lesson», James Sherwood, Independent, 19 февраля 2007.

Bobby Hillson, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

215

«I Taught Them a Lesson», James Sherwood, указ. изд.

Bobby Hillson, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

«I Taught Them a Lesson», James Sherwood, указ. изд.

Bobby Hillson, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

219

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

British Style Genius, BBC, октябрь 2008.

221

Professor Louise Wilson, в беседе с автором, 14 мая 2014.

222

«Central St Martins Fashion College Bids Farewell to Charing Cross Road», Tamsin Blanchard, Daily Telegraph, 24 июня 2011.

223

«No Rules Britannia!», Hamish Bowles, American Vogue, май 2006.

Professor Louise Wilson, в беседе с автором, 14 мая 2014.

Simon Ungless, в беседе с автором, 24 января 2014.

Rebecca Barton, в беседе с автором, 1 февраля 2014.

227

Rebecca Barton, в переписке с автором по электронной почте, 3 февраля 2014.

228

Rebecca Barton, в переписке с автором по электронной почте, 2 февраля 2014.

Adele Clough, в беседе с автором, 28 мая 2014.

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

Réva Mivasagar, в переписке с автором по электронной почте, 28 мая 2014.

Professor Louise Wilson, в беседе с автором, 14 мая 2014.

Bobby Hillson, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

Rebecca Barton, в беседе с автором, 1 февраля 2014.

Simon Ungless, в беседе с автором, 24 января 2014.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

Réva Mivasagar, в переписке с автором по электронной почте, 28 мая 2014; Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

Frank Franka, в беседе с автором, 14 июня 2013.

Eric Rose, в беседе с автором, 18 июля 2013.

241

Rebecca Barton, в беседе с автором, 1 февраля 2014.

Tania Wade, в беседе с автором, 21 июля 2014.

243

«Inside London, The Groupie», Marion Hume, American Vogue, январь 1997.

Rebecca Barton, в беседе с автором, 1 февраля 2014.

Adele Clough, в беседе с автором, 28 мая 2014.

«The Fashion Stars of Central St Martins», Johnny Davis, Observer Magazine, 7 февраля 2010.

Professor Louise Wilson, в беседе с автором, 14 мая 2014.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

Adele Clough, в беседе с автором, 28 мая 2014.

Bobby Hillson, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

251

Rebecca Barton, в беседе с автором, 1 февраля 2014.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

253

Simon Ungless, в беседе с автором, 24 января 2014.

Simon Costin, в беседе с автором, 15 апреля 2013.

Press Notes, St Martins MA Graduate Show 1992.

John McKitterick, в беседе с автором, 1 апреля 2014.

Simon Ungless, в беседе с автором, 24 января 2014.

«Cutting Up Rough», The Works, BBC, 1997.

Professor Louise Wilson, в беседе с автором, 14 мая 2014.

«All Hail McQueen», Lorna V, Time Out, 24 сентября – 1 октября 1997.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

Lesley Goring, в беседе с автором, 29 мая 2014.

Bobby Hillson, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

Rebecca Barton, в беседе с автором, 1 февраля 2014.

«Cutting Up Rough», The Works, BBC, 1997.

Rebecca Barton, в беседе с автором, 1 февраля 2014.

McQueen and I, More4.

«The Mad Muse of Waterloo», Larissa MacFarquhar, New Yorker, 19 марта 2001.

269

«A Blow to Accuracy», Rachel Cooke, Observer Review, 3 октября 2010.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

«Hail McQueen», Bridget Foley, W Magazine, июнь 2008.

«A Blow to Accuracy», Rachel Cooke, указ. изд.

Blow by Blow: The Story of Isabella Blow, Detmar Blow with Tom Sykes (HarperCollins, London, 2010), c. 6.

Там же, с. 4.

Там же, с. 1.

«The Mad Muse of Waterloo», Larissa MacFarquhar, указ. изд.

Blow by Blow, c. 42.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

«The Real McQueen», Alix Sharkey, Guardian, 6 июля 1996.

John McKitterick, в беседе с автором, 1 апреля 2014.

«Kinky Gerlinky», The Word, Channel 4, https://www.youtube.com/watch?v=GAhqlcwxVYA

283

Там же.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

285

Christopher Hussey in Country Life, 7 and 14 сентября 1940, цит. по: «A Family's Idyll on the Hill», Clive Aslet, Country Life, 1 февраля 2012.

Isabella Blow: A Life in Fashion, Lauren Goldstein Crowe (Quartet Books, London, 2011), c. 111.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

«A Family's Idyll on the Hill», Clive Aslet, указ. изд.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

Blow by Blow, c. 158.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

Isabella Blow: A Life in Fashion, c. 130.

«Isabella Blow on Alexander McQueen», Maggie Davis, Time Out, 13 сентября 2005.

Réva Mivasagar, в переписке с автором по электронной почте, 28 мая 2014.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

Réva Mivasagar, в переписке с автором по электронной почте, 28 мая 2014.

Réva Mivasagar, в беседе с автором, 31 января 2014.

Там же.

Simon Ungless, в беседе с автором, 24 января 2014.

300

Там же.

301

The One Hundred and Twenty Days of Sodom, Marquis de Sade (Arrow Books, London, 1990), c. 184.

«Bowie & McQueen», Dazed & Confused, ноябрь 1996.

Chris Bird, в беседе с автором, 4 сентября 2013.

Fashion at the Edge: Spectacle, Modernity and Deathliness, Caroline Evans (Yale University Press, New Haven and London, 2009), c. 152–153.

Chris Bird, в беседе с автором, 4 и 16 сентября 2013.

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

Anna Harvey, в беседе с автором, 23 апреля 2014.

Chris Bird, в беседе с автором, 16 сентября 2013.

309

«Alexander McQueen», Katie Webb, Infotainment, Sky Magazine, март 1993.

«All Hail McQueen», Lorna V, Time Out, 24 сентября – 1 октября 1997.

«The Real McQueen», Lucinda Alford, Observer, 21 марта 1993.

312

«Fashion Stars Who Won’t Wear Britain», Roger Tredre, Independent on Sunday, 28 февраля 1993.

Lee Copperwheat, в беседе с автором, 4 июля 2014.

«Catwalk Capital», Sarah Mower, Guardian, 30 августа 2009.

«Shaping Up», Nilgin Yusuf, Sunday Times, 7 марта 1993.

«The Real McQueen», Lucinda Alford, указ. изд.

Janet McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

«Something to Show for Themselves», Iain R. Webb, The Times, 8 марта 1993.

319

Simon Ungless, в переписке с автором по электронной почте, 18 июня 2014.

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

Tania Wade, в беседе с автором, 21 июля 2014.

Michelle Wade, в беседе с автором, 6 ноября 2013.

323

«McQueen’s Theatre of Cruelty», Marion Hume, Independent, 21 октября 1993.

Draper’s Record, original review of show, цит. по: Draper’s Record, 20 февраля 2010.

«McQueen's Theatre of Cruelty», Marion Hume, указ. изд.

«Great British Fashion», Edward Enninful, i-D, октябрь 1993.

«Great British Fashion», Avril Mair, i-D, октябрь 1993.

Fleet Bigwood, в беседах с автором 23 и 25 июня 2014.

Marin Hopper, в беседе с автором, 7 августа 2014.

Bobby Hillson, в беседе с автором, 11 декабря 2013.

331

«Cool Britannia: Fashion’s Fickle Eye is Fixed on London», The Times, 26 сентября 1996.

Alexander McQueen: The Life and the Legacy, Judith Watt (Harper Design, New York, 2013), c. 63–64.

«The Real McQueen», Alix Sharkey, Guardian, 6 июля 1996.

Seta Niland, в беседе с автором, 12 июня 2013.

Chris Bird, в беседе с автором, 16 сентября 2013.

«Neo-Riemannian Theory and the Analysis of Pop-Rock Music», Guy Capuzzo, Music Theory Spectrum, т. 26, № 2, с. 177–199.

Seta Niland, в беседе с автором, 12 июня 2013.

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

Michael McQueen, в беседе с автором, 7 ноября 2013.

Seta Niland, в беседе с автором, 12 июня 2013.

«Madonna’s Magician», Michael Gross, New York magazine, 12 октября 1992.

342

Там же.

Plum Sykes, в беседе с автором, 30 августа 2013.

«Conflicting Conviction», Samantha Murray Greenway, Dazed & Confused, сентябрь 1994.

«New Kid on the Block», Kathryn Samuel, Daily Telegraph, 24 февраля 1994.

«All Hail McQueen», Lorna V, Time Out, 24 сентября – 1 октября 1997.

«Punk: On the Runway», SHOWstudio, Rebecca Lowthorpe, http://showstudio.com/project/punk_on_the_runway/rebecca_lowthorpe

John Maybury, в беседе с автором, 15 сентября 2014.

«Alexander McQueen», Mark C. O'Flaherty, The Pink Paper, апрель 1994.

350

«Talent Pool», Adrian Clark, Fashion Weekly, 3 марта 1994.

«McQueening It», Mimi Spencer, Vogue, июнь 1994.

«Alexander McQueen», Mark C. O'Flaherty, указ. изд.

353

Plum Sykes, в беседе с автором, 30 августа 2013.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

Eric Rose, в беседе с автором, 18 июля 2013.

Dai Rees, в беседе с автором, 18 сентября 2013.

Nicholas Townsend/Trixie, в беседе с автором, 24 мая 2013.

Eric Rose, в беседе с автором, 31 июля 2013.

359

Nicholas Townsend/Trixie, в беседе с автором, 24 мая 2013.

«Paulita Sedgwick: Rancher, Actress and Independent Filmmaker», Charles Darwent, Independent, 29 января 2010.

Frank Franka, в беседе с автором, 14 июня 2013.

Nicholas Townsend/Trixie, в беседе с автором, 24 мая 2013.

Frank Franka, в беседе с автором, 14 июня 2013.

Nicholas Townsend/Trixie, в беседе с автором, 24 мая 2013.

365

«Lee McQueen» by Donald Urquhart, письмо автору, 23 октября 2013.

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

Miguel Adrover, в беседе с автором, 13 августа 2013.

«Down the Runways», Ingrid Sischy, New Yorker, 2 мая 1994.

369

Там же.

«Conflicting Conviction», Samantha Murray Greenway, указ. изд.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

«Forever England», Susannah Frankel, Independent, 8 сентября 2001.

«The Court of McQueen», Rebecca Lowthorpe, Observer Life, 23 февраля 1997.

«England's Glory», Melanie Rickey, Independent, 28 февраля 1997.

«England Rules OK», Nick Foulkes, Evening Standard, 26 сентября 1997.

«Forever England», Susannah Frankel, указ. изд.

«England Rules OK», Nick Foulkes, указ. изд.

«Forever England», Susannah Frankel, указ. изд.

«England Rules OK», Nick Foulkes, указ. изд.

Nicholas Townsend/Trixie, в беседе с автором, 24 мая 2013.

381

«Conflicting Conviction», Samantha Murray Greenway, указ. изд.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

383

Mr Pearl, в переписке с автором по электронной почте, 12 октября 2014.

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

385

«Lee McQueen» by Donald Urquhart, в переписке с автором по электронной почте, 23 октября 2013.

Plum Sykes, в беседе с автором, 30 августа 2013.

387

«Alexander McQueen 1969–2010», Hamish Bowles, American Vogue, апрель 2010.

«Avant-Garde Designer of the Year, Alexander McQueen», Hamish Bowles, American Vogue, декабрь 1999.

389

«Alexander McQueen 1969–2010», Hamish Bowles, указ. изд.

390

«In London, Designers Are All Grown-Up», Amy M. Spindler, New York Times, 11 октября 1994.

391

«Conflicting Conviction», Samantha Murray Greenway, указ. изд.

Seta Niland, в беседе с автором, 12 июня 2013.

393

«Life as a Look», Hilton Als, New Yorker, 30 марта 1998.

Nicola Bateman, в переписке с автором по электронной почте, 24 июля 2014.

A. M. Hanson, в беседе с автором, 2 июля 2014.

Stephen Brogan, в переписке с автором по электронной почте, 3 июля 2014.

«Life as a Look», Hilton Als, указ. изд.

Там же.

399

Там же.

400

Leigh Bowery, Diary, quoted in Leigh Bowery: The Life and Times of an Icon, Sue Tilley (Hodder & Stoughton, London, 1997), c. 97.

401

Leigh Bowery, c. 100.

«Life as a Look», Hilton Als, указ. изд.

403

«Lee McQueen» by Donald Urquhart, в переписке с автором по электронной почте, 23 октября 2013.

«Drama McQueen», Rob Tannenbaum, Details, июнь 1997.

Nicholas Townsend/Trixie, в беседе с автором, 24 мая 2013.

Fiona Cartledge, в беседе с автором, 7 августа 2013.

A. M. Hanson, в переписке с автором по электронной почте, 3 июля 2014.

Nicholas Townsend/Trixie, в беседе с автором, 24 мая 2013.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

Anna Harvey, в беседе с автором, 23 апреля 2014.

411

«Fashion: A Little Bit of What You Fancy», Marion Hume and Tamsin Blanchard, Independent, 17 марта 1995.

«Shock Treatment», Colin McDowell, Sunday Times Style, 17 марта 1996.

413

«Boy Done Good», Colin McDowell, Richard Woods, Simon Gage, Sunday Times, 10 декабря 2000.

«Emperor of Bare Bottoms», Lynn Barber, Observer, 15 декабря 1996.

John Boddy, в беседе с автором, 28 января 2014.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

417

Andrew Groves, в переписке с автором по электронной почте, 13 октября 2014.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

Nicholas Townsend/Trixie, в беседе с автором, 24 мая 2013.

Chris Bird, в беседе с автором, 16 сентября 2013.

421

«McQueen of England», Ashley Heath, The Face, ноябрь 1996.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

John McKitterick, в беседе с автором, 1 апреля 2014.

Adele Clough, в беседе с автором, 28 мая 2014.

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

Balancing Acts: Commerce Versus Creativity, ICA video, 1995.

Lucky Kunst: The Rise and Fall of Young British Art, Gregor Muir (Aurum, London, 2009), c. 168.

«Where Have all the Cool People Gone?», Jess Cartner-Morley, Guardian, 21 ноября 2003.

Lucky Kunst, c. 155.

Mira Chai Hyde, в беседе с автором, 16 мая 2014.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

Mira Chai Hyde, в беседе с автором, 16 мая 2014.

Sebastian Pons, в беседе с автором, 20 августа 2014.

«Wings of Desire», Susannah Frankel, Guardian Weekend, 25 января 1997.

«Alexander the Great», Judy Rumbold, Vogue, приложение, август 1996.

Suzy Menkes, в беседе с автором, 13 июня 2014.

«Simply Cool for Summer», Iain R. Webb, The Times, 25 октября 1995.

«Divided We Rule», Colin McDowell, Sunday Times, 29 октября 1995.

«Alexander the Great», Judy Rumbold, указ. изд.

Simon Ungless, в беседе с автором, 24 января 2014.

441

Liz Farrelly, в переписке с автором по электронной почте, 25 ноября 2013.

Linda Bjorg Arnadottir, в переписке с автором по электронной почте, 4 июля 2014.

Janet McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

«i-Q», Alexander McQueen, i-D, февраль 1996.

«Fabric of Society», Paula Reed, Sunday Times Style, 3 марта 1996.

Chris Bird, в беседе с автором, 16 сентября 2013.

Chris Bird, в беседе с автором, 16 сентября 2013.

Mira Chai Hyde, в беседе с автором, 16 мая 2014.

449

«Out of the Crypt and on to the Catwalk», Tamsin Blanchard, Independent, 5 марта 1996.

Sunday Telegraph Magazine, 22 сентября 1996.

«All Hail McQueen», Lorna V, Time Out, 24 сентября – 1 октября 1997.

Simon Ungless, в беседе с автором, 24 января 2014.

453

«In London, Blueblood Meets Hot Blood», Amy M. Spindler, New York Times, 5 марта 1996.

«The Macabre and the Poetic», Suzy Menkes, International Herald Tribune, 5 марта 1996.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

«Shock Treatment», Colin McDowell, Sunday Times Style, 17 марта 1996.

«Alexander the Great», Judy Rumbold, указ. изд.

«Shock Treatment», Colin McDowell, указ. изд.

«Dullsville», Guy Trebay, New York magazine, 15 апреля 1996.

Там же.

461

«The McQueen of England», Women’s Wear Daily, 28 марта 1996.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

«Alexander McQueen Meets Helen Mirren», Dazed & Confused, сентябрь 1998.

Marin Hopper, в беседе с автором, 7 августа 2014.

«The McQueen of England», указ. изд.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

467

Открытка от Ли Маккуина Меррею Артуру, 1996. С разрешения Меррея Артура.

«Drama McQueen», Rob Tannenbaum, Details, июнь 1997.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

Mira Chai Hyde, в беседе с автором, 16 мая 2014.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

«Cutting Up Rough», The Works, BBC, 1997.

Там же.

«Isabella Blow on Alexander McQueen», Maggie Davis, Time Out, 13 сентября 2005.

Blow by Blow, Detmar Blow, c. 157.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

«All Hail McQueen», Lorna V, Time Out, 24 сентября – 1 октября 1997.

Lee McQueen Twitter account, 1 февраля, цит. по: «Alexander McQueen's Twitter Revealed Troubled Mind», Nick Collins, Daily Telegraph, 12 февраля 2010.

Dai Rees, в беседе с автором, 18 сентября 2013; Dai Rees, в переписке с автором по электронной почте, 7 июля 2014.

Simon Costin, в беседе с автором, 15 апреля 2013.

481

Sarah Burton, интервью, Susannah Frankel, AnOther magazine, весна/лето 2012.

«Alexander McQueen’s Sarah Burton on Life After Lee», Shaun Phillips, The Times, 24 октября 2012.

483

«Betraying Convention», Liz Farrelly, Design Week, 3 октября 1996.

Nick Knight, Oral History of British Photography, British Library.

485

«McQueen of England», Ashley Heath, The Face, ноябрь 1996.

Там же.

Nick Knight, Oral History of British Photography, British Library.

«London Rules Again», Iain R. Webb, The Times, 2 октября 1996.

«All Hail McQueen», Lorna V, указ. изд.

«Charity Attack on Designer», Independent, 2 октября 1996.

«London Rules Again», Iain R. Webb, указ. изд.

492

«British Thrills and Frills and Stateside Buzz – It's Called Symbiosis», Tamsin Blanchard, Independent, 1 октября 1996.

493

«Will This Be Dior's New Look? – She Denies It of Course», Independent, 14 августа 1996.

«French Fashion Has Designs on Britons», Grace Bradberry, The Times, 9 октября 1996.

«Will This Be Dior’s New Look?», Independent, указ. изд.

McDowell's Directory of Twentieth Century Fashion, c. 148.

497

«If Galliano Goes to Dior, Will Alexander McQueen Go to Givenchy?», Constance C. R. White, New York Times, 24 сентября 1996.

Savage Beauty, Metropolitan Museum, c. 226.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

John Banks, в беседе с автором, 1 июля 2014.

502

«I’m Not Having Bumsters on George V», Hilary Alexander, Daily Telegraph, 14 октября 1996.

503

Blow by Blow, c. 173.

«Blowing In», The Times, 1 ноября 1996.

505

John Banks, в переписке с автором по электронной почте, 4 июля 2014.

Blow by Blow, c. 173.

McQueen and I, More4.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

509

Isabella Blow interview, Lydia Slater, Daily Telegraph, quoted in Blow by Blow, c. 175.

John Maybury, в беседе с автором, 15 сентября 2014.

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

«Bull in a Fashion Shop», Susannah Frankel, Guardian, 15 октября 1996.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

«From Rebel To Royalty as McQueen Is Crowned King of Fashion», AngelButtolph, Evening Standard, 23 октября 1996.

«Low Cut – Diary», P. H. S., The Times, 24 октября 1996.

516

«Cutting at Central St Martins», Independent on Sunday, Ideal Home, 3 ноября 1996, цит. по: Alexander McQueen: The Life and the Legacy, с. 109.

«McQueen and Country», Christa D'Souza, Observer Magazine, 4 апреля 2001, оригинал см.: Talk Magazine, март 2001.

«Alexander McQueen’s Final Bow», Cathy Horyn, New York Times, 3 апреля 2010.

519

«The Court of McQueen», Rebecca Lowthorpe, Observer Life, 23 февраля 1997.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

521

McQueen and I, More4.

«Ideal Homes, Alexander McQueen», Rosanna Greenstreet, Independent on Sunday, 3 ноября 1996.

Mira Chai Hyde, в беседе с автором, 16 мая 2014.

McQueen and I, More4.

«England Rules OK», Nick Foulkes, Evening Standard, 26 сентября 1997.

Savage Beauty, Metropolitan Museum, c. 22.

Simon Ungless, в беседе с автором, 24 января 2014.

«I’m Not Having Bumsters on George V», Hilary Alexander, указ. изд.

529

McQueen and I, More4.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

531

«The Court of McQueen», Rebecca Lowthorpe, Observer Life, 23 февраля 1997.

Love Looks Not with the Eyes: Thirteen Years with Lee Alexander McQueen, Anne Deniau (Abrams, New York), c. 13.

«Backstage McQueen: Q and A with Anne Deniau», Eric Wilson, New York Times, 7 сентября 2012.

Love Looks Not with the Eyes, c. 15.

535

Там же.

McQueen and I, More4.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

Blow by Blow, c. 175.

McQueen and I, More4.

«Postcard from London: Gear», Hilton Als, New Yorker, 17 марта 1997.

541

Liz Tilberis, The Clothes Show, BBC1, 26 января 1997.

«Paris Match», Colin McDowell, Sunday Times, 26 января 1997.

Diary, Kate Muir, The Times, 8 марта 1997.

«Postcard from London: Gear», Hilton Als, указ. изд.

«Wings of Desire», Susannah Frankel, Guardian Weekend, 25 января 1997.

«Postcard from London: Gear», Hilton Als, указ. изд.

«London Swings! Again!», David Kamp, Vanity Fair, март 1997.

«London Reigns», Stryker McGuire, Newsweek, 4 ноября 1996.

549

«This Time I've Come to Bury Cool Britannia», Stryker McGuire, Observer Review, 29 марта 2009.

550

Detmar Blow, в переписке с автором по электронной почте, 17 июля 2014.

Blow by Blow, c. 25–26.

Detmar Blow, в переписке с автором по электронной почте, 17 июля 2014.

553

«Alexander McQueen and Issie Blow, You Will Be Missed», David Kamp, Vanity Fair blog, 11 февраля 2010.

«London Swings! Again!», David Kamp, указ. изд.

«Alexander McQueen and Issie Blow», David Kamp, указ. изд.

«London Swings! Again!», David Kamp, указ. изд.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

Mira Chai Hyde, в беседе с автором, 16 мая 2014.

559

Там же.

Stephen Todd, в переписке с автором по электронной почте, 8 июня 2013.

«The Importance of Being English», Stephen Todd, Blueprint, март 1997.

«Rock Steady», John Harlow and Olga Craig, Sunday Times, 9 февраля 1997.

«Cutting Up Rough», The Works, BBC, 1997

«Drama McQueen», Rob Tannenbaum, Details, июнь 1997.

565

Там же.

«England’s Glory», Melanie Rickey, Independent, 28 февраля 1997.

«Cutting Up Rough», BBC.

«McQueen’s Vision of Urban Chaos», Grace Bradberry, The Times, 28 февраля 1997.

«Cutting Up Rough», BBC.

Там же.

«Alexander: The Great is Back in Britain», Mimi Spencer, Evening Standard, 28 февраля 1997.

«McQueen's Vision of Urban Chaos», Grace Bradberry, указ. изд.

«London Has More Buzz Than Swing», Tamsin Blanchard, Independent, 5 марта 1997.

«The Inspiring Truth About the Self-Styled Yob of Fashion», Richard Pendlebury, Daily Mail, 30 января 1997.

Janet McQueen, в беседе с автором, 12 сентября 2014.

«Chanel and Givenchy Traditions», Amy M. Spindler, New York Times, 14 марта 1997.

«Do You Think It's Me», Colin McDowell, Sunday Times, 23 марта 1997.

«Do You Think It's Me», Colin McDowell, указ. изд.

«Oh, Malone!», Carole Malone, Sunday Mirror, 16 марта 1997.

«Conflicting Conviction», Samantha Murray Greenway, Dazed & Confused, сентябрь 1994.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

Love Looks Not with the Eyes, c. 16.

583

«Macabre McQueen», Katherine Betts, American Vogue, октябрь 1997.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

Nicholas Townsend/Trixie, в беседе с автором, 24 мая 2013.

Lee Copperwheat, в беседе с автором, 4 июля 2014.

«London Swings! Again!», David Kamp, указ. изд.

Simon Costin, в беседе с автором, 15 апреля 2013.

McQueen and I, More4.

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

591

«Macabre McQueen», Katherine Betts, указ. изд.

«McQueen Chills Blood of the Fashion World», John Harlow, Sunday Times, 6 июля 1997.

«Macabre McQueen», Katherine Betts, указ. изд.

«Cutting Up Rough», BBC.

595

«Go On My Son», Nick Compton, Sunday Times, 12 октября 1997.

Simon Costin, в беседе с автором, 15 апреля 2013.

597

«The Kids Are All Right», Chip Brown, New York magazine, 25 августа 1997.

«Macabre McQueen», Katherine Betts, указ. изд.

«Fur and Feathers Fly for McQueen Triumph», Heath Brown, The Times, 8 июля 1997.

«The Kids Are All Right», Chip Brown, указ. изд.

601

«All Hail McQueen», Lorna V, Time Out, 24 сентября – 1 октября 1997.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

Savage Beauty, Metropolitan Museum, c. 73.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

Murray Arthur, в переписке с автором по электронной почте, 25 июля 2014.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

608

Открытка от Ли Маккуина Меррею Артуру, без даты. С разрешения Меррея Артура.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

«McQueen Takes London by Storm», Melanie Rickey, Independent, 29 сентября 1997.

«Splash Hit», Women’s Wear Daily, 30 сентября 1997.

«McQueen Reigns as the King», Mimi Spencer, Evening Standard, 29 сентября 1997.

613

Love Looks Not with the Eyes, c. 15.

Simon Costin, в беседе с автором, 15 апреля 2013.

«Splash Hit», Women’s Wear Daily, указ. изд.

«The King of Yob Couture», Sunday Telegraph, 28 сентября 1997.

617

«It’s a Stitch-Up», A. A. Gill, Sunday Times, 28 сентября 1997.

«Warrior Bjork», Greg Kot, Chicago Tribune, 15 мая 1998.

«Lee McQueen by Bjork», GQ.com, 28 сентября 2010.

620

Alexander McQueen interviewed by Bjork, Index Magazine, 2003.

«Cut Dead», Jasper Gerard, The Times, 24 октября 1997.

«Hard to See the Frills for the Froth», Brenda Polan, Financial Times, 18 октября 1997.

623

«Catwalk Culprits», Sir Hardy Amies, The Spectator, 1 ноября 1997.

«Vain Glorious», Colin McDowell, Sunday Times, 26 октября 1997.

625

«Shocks Fade as McQueen Goes Fishing for Applause», Grace Bradberry, The Times, 19 января 1998.

626

«His Majesty McQueen is a King-Size Yawn», Jane Moore, Sun, 5 марта 1998.

Simon Costin, в беседе с автором, 15 апреля 2013.

Miguel Adrover, в беседе с автором, 13 августа 2013.

Miguel Adrover, в беседе с автором, 4 августа 2014.

«To Hell and Back», Emma Moore, Sunday Times, 15 марта 1998.

631

«Annabelle Neilson Remembers Alexander McQueen», Harper's Bazaar, апрель 2011.

«The Runway Bride», Meenal Mistry, W, июнь 2006.

«Isabella Blow on Alexander McQueen», Time Out, Maggie Davis, 13 сентября 2005.

John Maybury, в беседе с автором, 15 сентября 2014.

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

«Alexander McQueen on Joan», The Face, апрель 1998.

«The Killer Queen», The Face, апрель 1998.

«Fashion: The Revamp by “Yoof” Pays Off», Brenda Polan, Financial Times, 14 марта 1998.

641

«The Oscars: And the Best-Dressed Actress Award Goes to…», Melanie Rickey, Independent, 25 марта 1998.

642

«The Most Exclusive Fashion Magazine in the World», Grace Bradberry, The Times, 8 апреля 1998.

Richard Brett, в беседе с автором, 16 июля 2013.

«A Diet of Fashion Without Victims», Alan Hamilton, The Times, 27 мая 1998.

«McQueen and Country», Christa D'Souza, Observer Magazine, 4 марта 2001.

John McKitterick, в беседе с автором, 1 апреля 2014.

Richard Brett, в беседе с автором, 16 июля 2013.

«Fashion that Goes to the Head», Susannah Frankel, Guardian, 20 июля 1998.

649

«Fantasy League», Colin McDowell, Sunday Times, 2 августа 1998.

«Haute Couture: The Sublime to the Ridiculous», Tamsin Blanchard, Independent, 22 июля 1998.

«Inside Paris», Kirsty Lang, Sunday Times, 26 июля 1998.

«Mr Letterhead: McQueen Shows a Corporate Side», Suzy Menkes, International Herald Tribune, 18 сентября 2001.

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

Richard Brett, в беседе с автором, 16 июля 2013.

«Pandora», Independent, 22 сентября 1998.

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

Miguel Adrover, в беседе с автором, 13 августа 2013.

Richard Brett, в беседе с автором, 16 июля 2013.

659

«Sickest Fashion Show of All Time», Catherine Westwood, Sun, 30 сентября 1998.

Andrew Groves, в переписке с автором по электронной почте, 27 июля 2014.

«Alexander McQueen Meets Helen Mirren», Dazed & Confused, сентябрь 1998.

Editor’s Letter, Jefferson Hack, Dazed & Confused, сентябрь 1998.

«Drama McQueen», Rob Tannenbaum, Details, июнь 1997.

«Access-Able», Alexander McQueen, Dazed & Confused, сентябрь 1998.

«“Barbie Girl” Steps out in Style», Melanie Rickey, Independent, 28 сентября 1998.

666

«In London, Indulging in a Bit of Creativity», Anne-Marie Schiro, New York Times, 29 сентября 1998.

«Oxygen», Independent on Sunday, 29 ноября 1998.

Richard Brett, в беседе с автором, 16 июля 2013.

669

«Designer Wins Legal Aid for Fashion Fight», Mark Henderson, The Times, 5 августа 1997.

Arts Diary, Kathleen Wyatt, The Times, 15 мая 2000.

Trevor Merrell, в переписке с автором по электронной почте, 21 января 2014.

«College Drops Sofa Exhibit after McQueen Legal Threat», Katie Nicholl, Daily Telegraph, 10 июня 2000.

Richard Brett, в переписке с автором по электронной почте, 2 августа 2014.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

675

Richard Brett, в переписке с автором по электронной почте, 2 августа 2014.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

Janet Street-Porter, в беседе с автором, 16 апреля 2013.

«McQueen’s Back, and He’s Dynamite», Lisa Armstrong, The Times, 31 января 2000.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

«McQueen True to his Promise with Best Yet», Lisa Armstrong, The Times, 24 февраля 1999.

681

«Fashion: Art of Poise», Susannah Frankel, Independent, 9 июня 1999.

Ferhan Azman, в беседе с автором, 17 апреля 2013.

683

«Shop of the New», Marcus Field, Independent on Sunday, 5 декабря 1999.

Ferhan Azman, в беседе с автором, 17 апреля 2013.

Janet Street-Porter, в беседе с автором, 16 апреля 2013.

«Backstage with the McQueen of New York», Simon Mills, Evening Standard, 20 сентября 1999.

«McQueen’s Audacity, Beene’s Impishness», Cathy Horyn, New York Times, 18 сентября 1999.

«Hurricane McQueen Shakes up New York», Mimi Spencer, Evening Standard, 17 сентября 1999.

«Cherie Dares to Blair for Designer Set», Avril Groom, Daily Record, 21 сентября 1999.

«McQueen and Country», Observer Magazine, 4 марта 2001.

691

«McQueen Comes to the Aid of the Fashion Party», Lisa Armstrong, The Times, 21 сентября 1999.

Richard Brett, в беседе с автором, 16 июля 2013.

Jay Massacret, в беседе с автором, 22 октября 2014.

Sebastian Pons, в беседе с автором, 20 августа 2014.

Jay Massacret, в беседе с автором, 22 октября 2014.

«McQueen's Back, and He's Dynamite», Lisa Armstrong, указ. изд.

«McQueen Puts on the Style, with a Touch of Refinement and Romance», Susannah Frankel, Independent, 17 января 2000.

698

«Who: Tracey Emin, Juergen Teller, What: Alexander McQueen Collection, осень/зима 2000, Where: Gainsborough Film Studios, London N1», Nova magazine, июнь 2000.

699

«McQueen’s Inferno», Mimi Spencer, Evening Standard, 16 февраля 2000.

700

«It’s Time to Give these Fashion Freaks the Bum’s Rush», Joanna Pitman, The Times, 17 февраля 2000.

701

«Degradation Dressed Up as Joke», Joan Smith, Independent on Sunday, февраль 2000.

«The Designer who Hates Women», Brenda Polan, Daily Mail, 17 февраля 2000.

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

Janet McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

«Lean, Mean McQueen», Vassi Chamberlain, Tatler, февраль 2004.

«Precarious Beauty», Rebecca Mead, New Yorker, 26 сентября 2011.

«The Heiress's Old Clothes», Vanessa Friedman, Financial Times, 19 апреля 2008.

«Precarious Beauty», Rebecca Mead, указ. изд.

«Daphne Guinness's Glove Story», Sheryl Garratt, Daily Telegraph, 25 июня 2011.

«Precarious Beauty», Rebecca Mead, указ. изд.

712

Там же.

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

«Water Swell Party», Rick Fulton, Daily Record, 26 мая 2000.

715

«Moment Noel Knew the Game Was Up», James Scott, Daily Record, 7 сентября 2000.

«McQueen and Country», Christa D'Souza, Observer Magazine, 4 марта 2000.

«Battle Deluxe», Karl Taro Greenfield, Time, 8 мая 2000.

«Fashion’s Hard Case», Richard Heller, Forbes, 16 сентября 2002.

«McQueen and Country», Christa D'Souza, указ. изд.

Jay Massacret, в беседе с автором, 22 октября 2014.

Miguel Adrover, в беседе с автором, 4 августа 2014.

722

«Alexander McQueen’s Ex-partner Throws a Disturbing Light on the “Hangers-on” who Lionised him, but who Never Truly Knew him», Laura Collins, Daily Mail, 14 февраля 2010.

Donald Urquhart, в беседе с автором, 30 октября 2013.

Donald Urquhart, в переписке с автором по электронной почте, 23 октября 2013.

«Alexander McQueen's Ex-partner», Laura Collins, указ. изд.

«McQueen Branches Out», Women’s Wear Daily, 27 апреля 2000.

«McQueen Meets Knight», i-D, июль 2000.

Sebastian Pons, в беседе с автором, 20 августа 2014.

Miguel Adrover, в беседе с автором, 13 августа 2013.

«Alexander McQueen's Ex-partner», Laura Collins, указ. изд.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

Chris Bird, в беседе с автором, 16 сентября 2013.

Janet Street-Porter, в беседе с автором, 16 апреля 2013.

«McQueen and Country», Christa D'Souza, указ. изд.

Detmar Blow, в переписке с автором по электронной почте, 17 августа 2014.

«Alexander McQueen's Ex-partner», Laura Collins, указ. изд.

Donald Urquhart, в переписке с автором по электронной почте, 23 октября 2013.

Donald Urquhart, в беседе с автором, 30 октября 2013.

«Kate Moss», Subjective, SHOWstudio, http://showstudio.com/project/ subjective/kate_moss_for_alexander_mcqueen_a_w_06

«McQueen: The Diary of a Dress», Susannah Frankel, Independent, 25 октября 2000.

741

Michelle Olley, Diary Entry, 26 сентября 2000, http://blog.metmuseum.org/alexandermcqueen/michelle-olley-voss-diary/

Там же.

«McQueen Meets Knight», i-D, июль 2000.

«Fashion's Hard Case», Richard Heller, указ. изд.

Chris Bird, в беседе с автором, 16 сентября 2013.

«McQueen and Country», Christa D'Souza, указ. изд.

Интервью с John Banks, 1 июля 2014.

«McQueen and Country», Christa D'Souza, указ. изд.

«Boy Done Good», Colin McDowell, Richard Woods, Simon Gage, Sunday Times, 10 декабря 2000.

John Banks, в беседе с автором, 1 июля 2014.

«Bagged», Independent, 5 декабря 2000.

752

«Alexander McQueen’s Ex-partner Throws a Disturbing Light on the “Hangerson” who Lionised Him, but who Never Truly Knew Him», Laura Collins, Daily Mail, 14 февраля 2010.

753

«“I Know it Looks Extreme to Other People. I Don’t Find it Extreme”», Marcus Field, Art Review, сентябрь 2003.

Janet McQueen, в беседе с автором, 12 сентября 2014.

Janet Street-Porter, в беседе с автором, 16 апреля 2013.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

«Killer McQueen», Harriet Quick, Vogue, октябрь 2002.

«Brit Style», British Fashion Awards, BBC2, 21 февраля 2001.

«Designer in Blast at Cherie», Simon Mowbray, Daily Mirror, 17 февраля 2001.

«The Paris Shuffle», Hamish Bowles, American Vogue, апрель 2001.

«McQueen and Country», Christa D'Souza, Observer, 4 марта 2001.

763

«Dark Talent who Conjures Fun from the Sinister», Lisa Armstrong, The Times, 22 февраля 2001.

«McQueen’s Magic Roundabout Brings Fantasy to London’s Fashionistas», Susannah Frankel, Independent, 22 февраля 2001.

«Clever is Better than Beautiful», Lisa Armstrong, The Times, 31 мая 2004.

Janet Street-Porter, в беседе с автором, 16 апреля 2013.

«A Farewell From McQueen», International Herald Tribune, 20 марта 2001.

«“I Know it Looks Extreme”», Marcus Field, указ. изд.

Mira Chai Hyde, в беседе с автором, 16 мая 2014.

Интервью с Brooke Baker, 1 сентября 2014.

771

«Helmut Newton, Master of the Camera, Dies in Crash», Oliver Poole, Daily Telegraph, 24 января 2004.

«Face to Face, Helmut Newton in Conversation», The Barbican, 10 мая 2001.

«Helmut Newton: A Perverse Romantic», Lindsay Baker, Guardian, 5 мая 2001.

Ben Copperwheat, в переписке с автором по электронной почте, 20 июня 2014.

Ben Copperwheat, в беседе с автором, 2 июля 2014.

776

Ben Copperwheat, в переписке с автором по электронной почте, 20 июня 2014.

Donald Urquhart, в беседе с автором, 30 октября 2013.

Archie Reed, в переписке с автором по электронной почте, 13 августа 2014.

«Show Stoppers», Susannah Frankel, Independent on Sunday, 29 сентября 2002.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

781

«The Boy Is Back in Town», Maggie Davis, ES Magazine, 4 января 2002.

«Mr Letterhead: McQueen Shows a Corporate Side», Suzy Menkes, International Herald Tribune, 18 сентября 2001.

Kerry Youmans, в беседе с автором, 30 апреля 2014.

Last Word, BBC Radio 4, 12 февраля 2010.

«Radical Fashion», Tamsin Blanchard, Observer, 7 октября 2001.

«Fashion Guru McQueen Has Designs On», Daily Express, 19 октября 2001.

«The Boy Is Back in Town», Maggie Davis, указ. изд.

«Alexander The Great», Ariel Levy, New York magazine, 25 августа 2002.

«Killer McQueen», Harriet Quick, Vogue, октябрь 2002.

John Maybury, в беседе с автором, 15 сентября 2014.

Интервью с Norbert Schoerner, 18 августа 2014.

«Paint It Black», Susannah Frankel, Independent Magazine, 11 августа 2001.

Интервью с Norbert Schoerner, 18 августа 2014.

«Paint It Black», Susannah Frankel, указ. изд.

Kerry Youmans, в беседе с автором, 30 апреля 2014.

Eric Rose, в беседе с автором, 18 июля 2013.

«The Boy Is Back in Town», Maggie Davis, указ. изд.

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

Kerry Youmans, в беседе с автором, 30 апреля 2014.

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

801

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

«McQueen Stands and Delivers», Hilary Alexander, Daily Telegraph, 11 марта 2002.

803

«Paris Style: Age of Elegance», Jess Cartner-Morley, Guardian, 15 марта 2002.

804

«Front Row v Front Line», Anthony Loyd, The Times, 12 марта 2002.

«Oscar Losers», Fatima Bholah, Sun, 26 марта 2002.

«McQueen and Country», Christa D'Souza, указ. изд.

807

«“Meeting the Queen Was Like Falling in Love”», Joyce McQueen, Guardian, 20 апреля 2004.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

«McQueen Stands and Delivers», Hilary Alexander, указ. изд.

«Killer McQueen», Harriet Quick, указ. изд.

814

«Britain’s New Queen of Fashion», Chris Blackhurst, Evening Standard, 2 марта 2011.

«Ten Years with Lee», William Russell, Pentagram video, http://new.pentagram.com/2012/12/ten-years-with-alexander-mcqueen/

«McQueen’s Space Odyssey», Anamaria Wilson, Women’s Wear Daily, 1 августа 2002.

«Alexander McQueen», Chris Heath, The Face, сентябрь 2002.

John Maybury, в беседе с автором, 15 сентября 2014.

819

«Killer McQueen», Harriet Quick, указ. изд.

John Maybury, в беседе с автором, 15 сентября 2014.

«McQueen’s Parisian Love Story», Susannah Frankel, Independent, 7 октября 2002.

822

«Oyster Dress», Irere, Savage Beauty, Metropolitan Museum, http://blog.metmuseum.org/alexandermcqueen/oyster-dressirere

823

«Go to Gucci… I'd Rather Die», Lisa Armstrong, The Times, 3 марта 2003.

«How the West Coast Was Won – McQueen in LA», James Collard, The Times, 7 февраля 2004.

«Go to Gucci…», Lisa Armstrong, указ. изд.

826

Fashion Diary, Guy Trebay, New York Times, 11 марта 2003

«Go to Gucci…», Lisa Armstrong, указ. изд.

828

«McQueen is Gifted Enough to Persuade Women to Take Risk», Susannah Frankel, Independent, 12 июня 2003.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

«Fashion Victim: Isabella Blow», David James Smith, Sunday Times, 12 августа 2007.

Blow by Blow, c. 223.

Blow by Blow, c. 162.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

«McQueen: The Interview», Alex Bilmes, GQ, май 2004.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

Sebastian Pons, в беседе с автором, 20 августа 2014.

Janet McQueen, в беседе с автором, 12 сентября 2014.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

Sebastian Pons, в беседе с автором, 20 августа 2014.

Plum Sykes, в беседе с автором, 30 августа 2013.

841

«Mwaah! Mwaah! I’m a Dedicated Follower of Fashion», Jeff Randall, Sunday Telegraph, 28 сентября 2003.

842

«Stella Gets Dressed Down by Banks», Kathryn Spencer, Julie Carpenter, Kate Bohdanowicz, Daily Express, 29 сентября 2003.

843

«At this Dance, McQueen’s the Last Man Standing», Ginia Bellafante, New York Times, 13 октября 2003.

«Paris Fashion Report», Colin McDowell, Sunday Times, 26 октября 2003.

845

«Day & Night», Kathryn Spencer, Julie Carpenter, Kate Bohdanowicz, Daily Express, 15 января 2004.

«Oliver, MBE, Fails to Invest in a Tie», Alan Hamilton, The Times, 30 октября 2003.

«“Meeting the Queen Was Like Falling in Love”», Joyce McQueen, Guardian, 20 апреля 2004.

Janet McQueen, в беседе с автором, 12 сентября 2014.

849

«Sticking With London, and Himself», Cathy Horyn, New York Times, 2 марта 2004.

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

851

«Crystal Gazing McQueen Branches out for V&A», Charlie Porter, Guardian, 16 декабря 2003.

«McQueen: The Interview», Alex Bilmes, указ. изд.

853

«“Meeting the Queen Was Like Falling in Love”», Joyce McQueen, указ. изд.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, American Harper's Bazaar, апрель 2007.

Sebastian Pons, в беседе с автором, 20 августа 2014.

Plum Sykes, в беседе с автором, 30 августа 2013.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

Blow by Blow, c. 234.

859

«The Old Black McQueen in London for Charity», Jess Cartner-Morley, Guardian, 4 июня 2004.

860

«Annabelle Neilson», Evening Standard, 18 июня 2004

«McQueen: The Interview», Alex Bilmes, указ. изд.

«The Runway Bride», Meenal Mistry, W, июнь 2006.

863

«The Genius Next Door», Andrew O’Hagan, T Magazine, New York Times, 22 августа 2014.

Plum Sykes, в беседе с автором, 30 августа 2013.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

«Hail McQueen», Bridget Foley, W, июнь 2008.

867

Интервью с Sue Stemp, 21 августа 2014.

Kerry Youmans, в беседе с автором, 30 апреля 2014.

869

Интервью с Glenn Andrew Teeuw, 13 октября 2014.

«Paris Fashion Week: McQueen’s Vamps and Secretaries for Next Winter», Dominique Ageorges, Agence France Presse, 4 марта 2005.

«Boy Done Good», Jess Cartner-Morley, Guardian, 19 сентября 2005.

«Renegade Luxury Is Born as McQueen Courts Youth Market», Hilary Alexander, Daily Telegraph, 10 февраля 2006.

«Alexander McQueen on The Execution of Lady Jane Grey», Today, BBC Radio 4, http://www.bbc.co.uk/radio4/today/vote/greatestpainting/index.shtml

ELLE magazine interview, quoted in Alexander McQueen: The Life and the Legacy, c. 228.

«Kate Moss», Subjective, SHOWstudio, http://showstudio.com/project/ subjective/kate_moss_for_alexander_mcqueen_a_w_06

876

«Scorn of “Stitch Bitch” Alexander McQueen… Designer who Dressed (and Dissed!) the A-list», Wendy Leigh, Mail on Sunday, 27 июля 2014.

Kerry Youmans, в беседе с автором, 30 апреля 2014.

Savage Beauty, Metropolitan Museum, c. 25.

Blow by Blow, c. 243.

Blow by Blow, c. 246.

881

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

«Lips Together, Knees Apart», Rupert Everett, Vanity Fair, сентябрь 2006.

883

«NY UK», Valentine Low, Evening Standard, 2 мая 2006.

«McQueen’s Tailoring Wins Wearability War», Imogen Fox, Guardian, 7 октября 2006.

«The Real McQueen», Susannah Frankel, American Harper» s Bazaar, апрель 2007.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

Kerry Youmans, в беседе с автором, 30 апреля 2014.

888

Alison D’Amario, в переписке с автором по электронной почте, 9 сентября 2014.

889

Kerry Youmans, в беседе с автором, 30 апреля 2014.

«Hail McQueen», Bridget Foley, W, июнь 2008.

891

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

892

«Scorn of “Stich Bitch” Alexander McQueen… Designer who Dressed (and Dissed!) the A-list», Wendy Leigh, Mail on Sunday, 27 июля 2014.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013

«Hail McQueen», Bridget Foley, указ. изд.

Suzy Menkes, в беседе с автором, 13 июня 2014.

«Alexander McQueen: Psychic Search that Haunted Star», Daily Express, 15 февраля 2010.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

899

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

900

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

901

Richard Gray, в переписке с автором по электронной почте, 11 сентября 2014.

«Scorn of “Stitch Bitch”», Wendy Leigh, указ. изд.

903

«Fashion Scents McQueen’s Perfumed Tribute to Late Muse», Jess Cartner-Morley, Guardian, 6 октября 2007.

904

Там же.

«Hail McQueen», Bridget Foley, указ. изд.

906

«Alexander McQueen Hanged Himself After Taking Drugs», Sam Jones, Guardian, 28 апреля 2010.

907

Janet McQueen, в переписке с автором по электронной почте, 8 сентября 2014.

«Hail McQueen», Bridget Foley, указ. изд.

909

Интервью с Glenn Andrew Teeuw, 13 октября 2014.

910

Janet McQueen, в переписке с автором по электронной почте, 2 сентября 2014.

«Hail McQueen», Bridget Foley, указ. изд.

Guy Morgan-Harris, в беседе с автором, 30 июля 2013.

«Collections Report», Susannah Frankel, AnOther Magazine, S/S 2008.

«Hail McQueen», Bridget Foley, указ. изд.

«Lagerfeld’s Seamless Twist on Classic Chanel», Guardian Unlimited, 29 февраля 2008.

916

«Alexander Has No Designs on Paris», Kathryn Spencer with Lizzie Catt, Claudia Goulder and Catherine Boyle, Daily Express, 8 апреля 2008.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

918

«Amy Threw a 15,000 Dress from Alexander McQueen on the Barbecue», Katie Nicholl, Mail on Sunday, 7 августа 2011.

919

Sue Stemp, в переписке с автором по электронной почте, 14 августа 2013.

920

Janet McQueen, в переписке с автором по электронной почте, 9 сентября 2014.

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

922

«Natural Beauty», Susannah Frankel, Independent, 6 апреля 2009.

923

Gary James McQueen, в переписке с автором по электронной почте, 9 сентября 2014.

924

«Exotic Creatures: McQueen’s Bid to Save the Planet», Jess Cartner-Morley, Guardian, 4 октября 2008.

Michael McQueen, в беседе с автором, 7 ноября 2013.

«Scorn of “Stich Bitch”», Wendy Leigh, указ. изд.

Paul Stag, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 8 апреля 2014.

Matav Sinclair, в беседе с автором, 27 мая 2013.

Sebastian Pons, в беседе с автором, 19 августа 2014.

«McQueen Leaves Fashion in Ruins», Eric Wilson, New York Times, 12 марта 2009.

Savage Beauty, Metropolitan Museum, c. 227.

933

Alexander McQueen: Working Process, photographs by Nick Waplington, foreword by Susannah Frankel (Damiani, Bologna, 2013), c. 1.

934

«The Outsider», Rachel Newsome, Ponystep, 21 января 2012.

Alexander McQueen: Working Process, c. 5.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

Sebastian Pons, в беседе с автором, 19 августа 2014.

938

Guy Morgan-Harris, в переписке с автором по электронной почте, 27 февраля 2014.

Janet McQueen, в беседе с автором, 2 октября 2013.

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

Janet McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

Paul Stag, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

Paul Stag, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

Paul Stag, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

948

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013

949

Интервью с Jane Hayward, 16 апреля 2013.

«Hail McQueen», Bridget Foley, указ. изд.

«General Lee», Cathy Horyn, New York Times, 13 сентября 2009.

«As Tom Ford Bows Out, a Tiff Over Star Power», Cathy Horyn, New York Times, 8 марта 2004.

«An Interview of Sarah Burton, by Tim Blanks», Savage Beauty, Metropolitan Museum, c. 229.

954

Там же.

955

«Alexander McQueen’s Last Collection Unveiled on Paris Catwalk», Guardian Unlimited, 9 марта 2010.

«McQueen of the Jungle Prints and Towering Heels», Laura Craik, Evening Standard, 7 октября 2009.

«Going Gaga over “Unwearable” Shoes», Observer, 15 ноября 2009.

958

Alexander McQueen show notes, весна/лето 2010, Susannah Frankel.

Savage Beauty, Metropolitan Museum, c. 230.

«Lady Gaga: The Interview», Derek Blasberg, Harper's Bazaar, май 2011.

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

Paul Stag, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

Max Newsom, в беседе с автором, 19 июля 2013.

«A Man of Darkness and Dreams», Ingrid Sischy, Vanity Fair, апрель 2010.

965

«Alexander McQueen: The Final Interview», Godfrey Deeny, Australian Harper's Bazaar, апрель 2010.

Janet McQueen, в переписке с автором по электронной почте, 16 сентября 2014.

Michael McQueen, в беседе с автором, 7 ноября 2013.

968

«To All My Children», Joyce McQueen, из архива семьи Маккуин.

Dafydd Jones, в беседе с автором, 31 июля 2014.

Tony McQueen, в беседе с автором, 20 октября 2013.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

Gary James McQueen, в беседе с автором, 11 июня 2013.

«Alexander McQueen» s Twitter Revealed Troubled Mind», Nick Collins, Daily Telegraph, 12 февраля 2010.

«Alexander McQueen’s Final Bow», Cathy Horyn, New York Times, 3 апреля 2010.

Kerry Youmans, в беседе с автором, 30 апреля 2014.

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

978

«Annabelle Neilson Remembers Alexander McQueen», Annabelle Neilson, Harper's Bazaar, май 2010.

https://answers.yahoo.com/question/index?qid=20070221133728AAJGbds

Janet McQueen, в беседе с автором, 16 января 2014.

981

«Alexander McQueen’s Final Bow», Cathy Horyn, New York Times, 3 апреля 2010.

Michael McQueen, в беседе с автором, 7 ноября 2013.

983

«The Lonely Suicide of Alexander McQueen… and Family's Anger at Mystery of £16m Legacy», Claudia Joseph, Mail on Sunday, 24 ноября 2013.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 8 апреля 2014.

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

«L’Officiel, Alexander McQueen Le génie provocateur», Tributes and Testimonies, под ред. Patrick Cabasset, февраль 2010.

Alice Smith, в беседе с автором, 7 мая 2013.

Andrew Groves, в беседе с автором, 24 апреля 2013.

989

Archie Reed, в беседе с автором, 25 мая 2013.

990

BillyBoy*, в беседе с автором, 8 августа 2013.

Detmar Blow, в беседе с автором, 26 июня 2013.

«Lee McQueen», Donald Urquhart, в переписке с автором по электронной почте, 23 октября 2013.

Louise Wilson, в беседе с автором, 14 мая 2014.

Night Waves, BBC Radio 3, 11 февраля 2010.

Miguel Adrover, в беседе с автором, 13 августа 2013.

Murray Arthur, в беседе с автором, 21 ноября 2013.

Sebastian Pons, в беседе с автором, 19 августа 2014.

998

«It’s Sad that Alexander McQueen Has Died, but “Fashionistas” are Just Freaks: There I’ve Said It», George Pitcher, Daily Telegraph, 15 февраля 2010.

Ben de Lisi, в беседе с автором, 31 июля 2013.

1000

John Maybury, в беседе с автором, 15 сентября 2014.

1001

«Naomi Campbell Hosts Haiti Show that Mourns McQueen», Christine Kearney, Independent, 13 февраля 2010.

1002

Daphne Guinness, в беседе с автором, 10 декабря 2013.

1003

Gary James McQueen, в беседе с автором, 11 июня 2013.

1004

Janet McQueen, в переписке с автором по электронной почте, 17 сентября 2014.

1005

«Alexander McQueen Hanged Himself After Taking Drugs», Sam Jones, Guardian, 28 апреля 2010.

1006

Janet McQueen, в беседе с автором, 17 сентября 2013.

1007

Janet McQueen, в беседе с автором, 12 сентября 2014.

1008

«The Lonely Suicide of Alexander McQueen», Claudia Joseph, указ. изд.

1009

Там же.

1010

Письмо Ричарда Дея Роналду Маккуину, 2 ноября 2011, архив семьи Маккуин.

Jacqui McQueen, в беседе с автором, 29 августа 2013.

1012

Перевод М. Лозинского.